

**ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР**

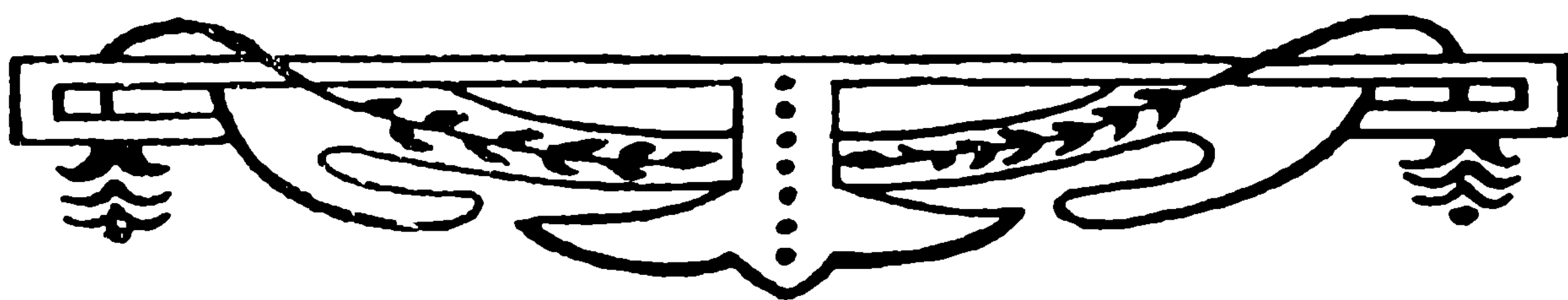
**ГАМЛЕТ,
ПРИНЦ ДАТСКИЙ**

ОТЕЛЛО

МАКБЕТ

ВІЛІАМ
ШЕКСПІР

WILLIAME SHAKESPEARE

complete works
in 14 volumes

HAMLET, PRINCE OF DENMARK

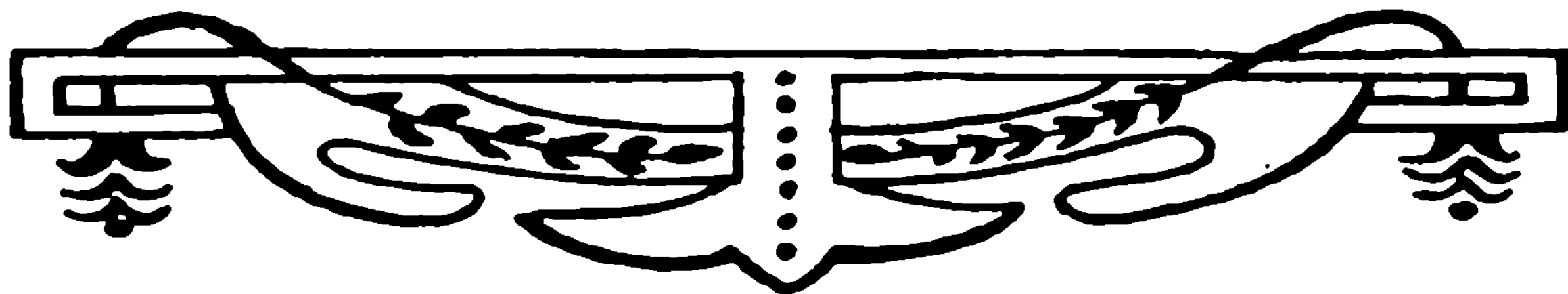
OTHELLO

MACBETH

МОСКВА
«ТЕППА» — «TERRA»
1994

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

полное
собрание сочинений
том 8

ГАМЛЕТ, ПРИНЦ ДАТСКИЙ

ОТЕЛЛО

МАКБЕТ

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1994

ББК 84(4 Вл)
Ш41

Внешнее оформление художника
А. Машезерской

В оформлении издания использованы рисунки
Джона Джильберта (J. Gilbert), p. 1817,
Морица Ретца (M. Retzch), 1779—1857,
Эдуарда Стейнли (Ed. Stanly), 1752—1845,
Бэйама Шоу (B. Show), p. 1887,
Вильгельма Каульбаха,
Константина Маковского,
Эжена Делакруа,
а также других художников
начала XVII — конца XIX века.

Издание подготовлено
издательством “Золотой Век” (Санкт-Петербург)

Шекспир Вильям
Ш41 Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 8/ Худож-
ник А. Машезерская. Примечания А. Смирнова. —
М.: ТЕРРА, 1994. — 688 с.: ил.

ISBN 5-85255-300-X (т. 8)
ISBN 5-85255-192-9

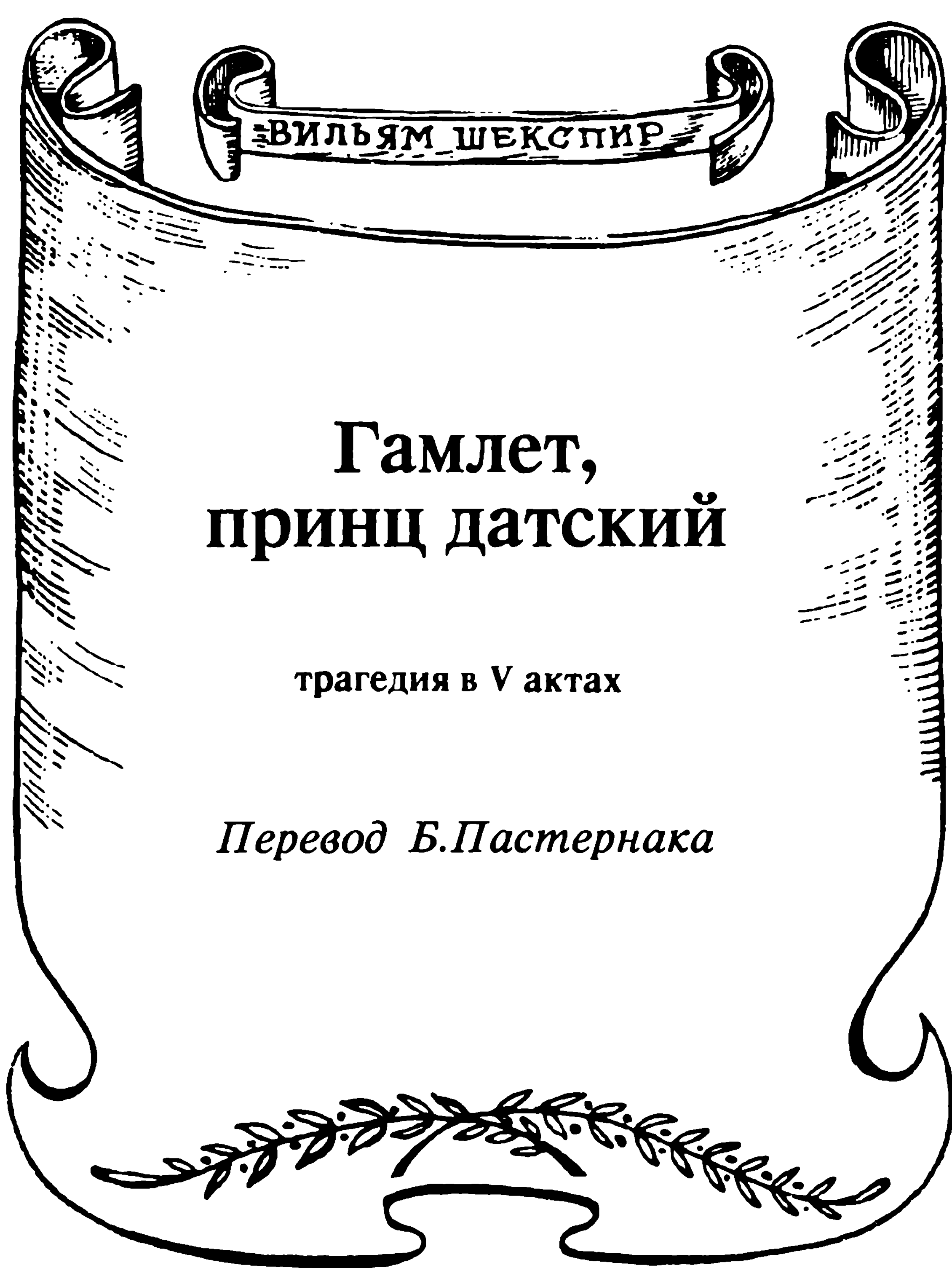
В восьмой том собрания сочинений В. Шекспира включены
трагедии “Гамлет, принц датский”, “Отелло” и “Макбет”.

Ш 4703010300-058 Подписное
А30(03)-94

ББК 84.4 (Вл)

ISBN 5-85255-300-X (т. 8)
ISBN 5-85255-192-9

© Издательский центр «ТЕРРА», 1994

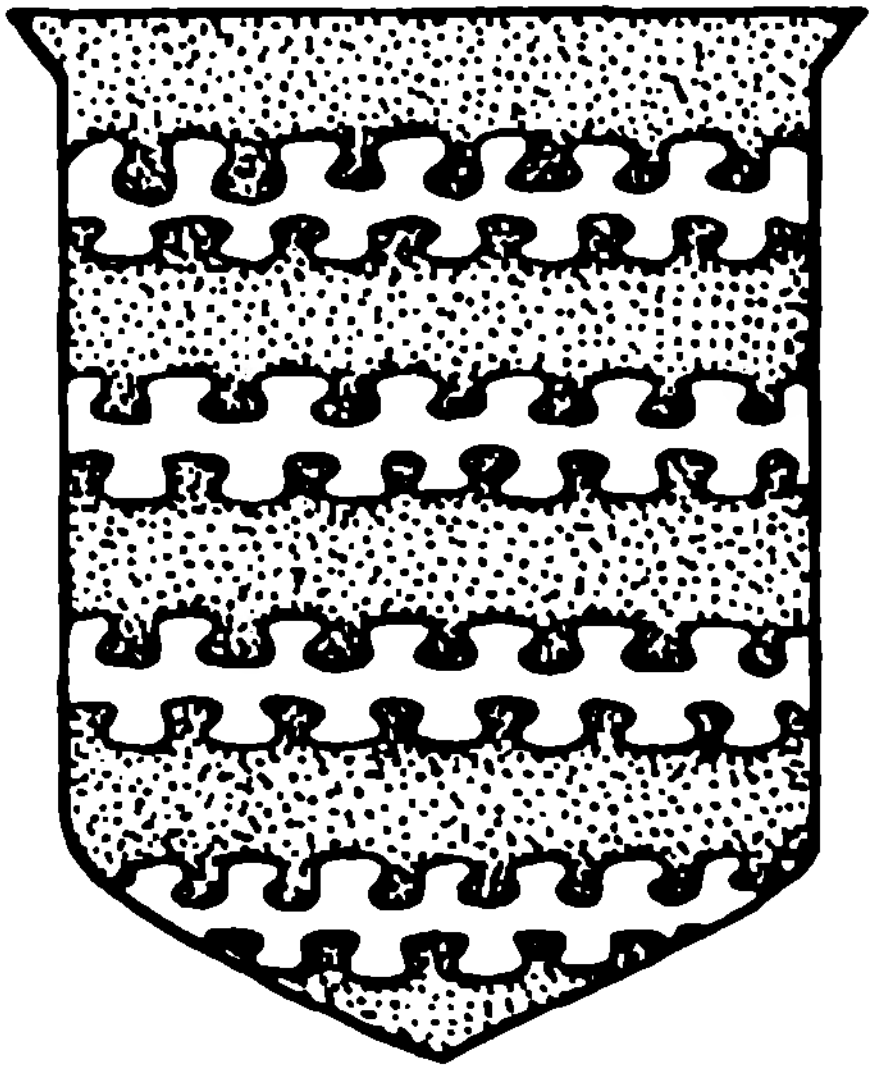

Вильям Шекспир

Гамлет, принц датский

трагедия в V актах

Перевод Б.Пастернака

Действующие лица

К л а в д и й, король датский.

Г а м л е т, сын прежнего и племянник нынешнего короля.

П о л о н и й, гофмейстер двора.

Г о р а ц и о, друг Гамлета.

Л а э р т, сын Полония.

В о л ь т и м а н д

К о р н е л и й

Р о з е н к р а н ц

Г и л ь д е н с т е р н

О з р и к

придворные.

Д в о р я н и н.

С в я щ е н н и к.

М а р ц е л л

Б е р н а р д о

офицеры.

Ф р а н ц и с к о, солдат.

Р е й н а л ь д о, слуга Полония.

А к т ё р ы.

Д в а м у ж и к а, могильщики.

Ф о р т и н б р а с, принц норвежский.

К а п и т а н.

А н г л и й с к и е п о с л ы.

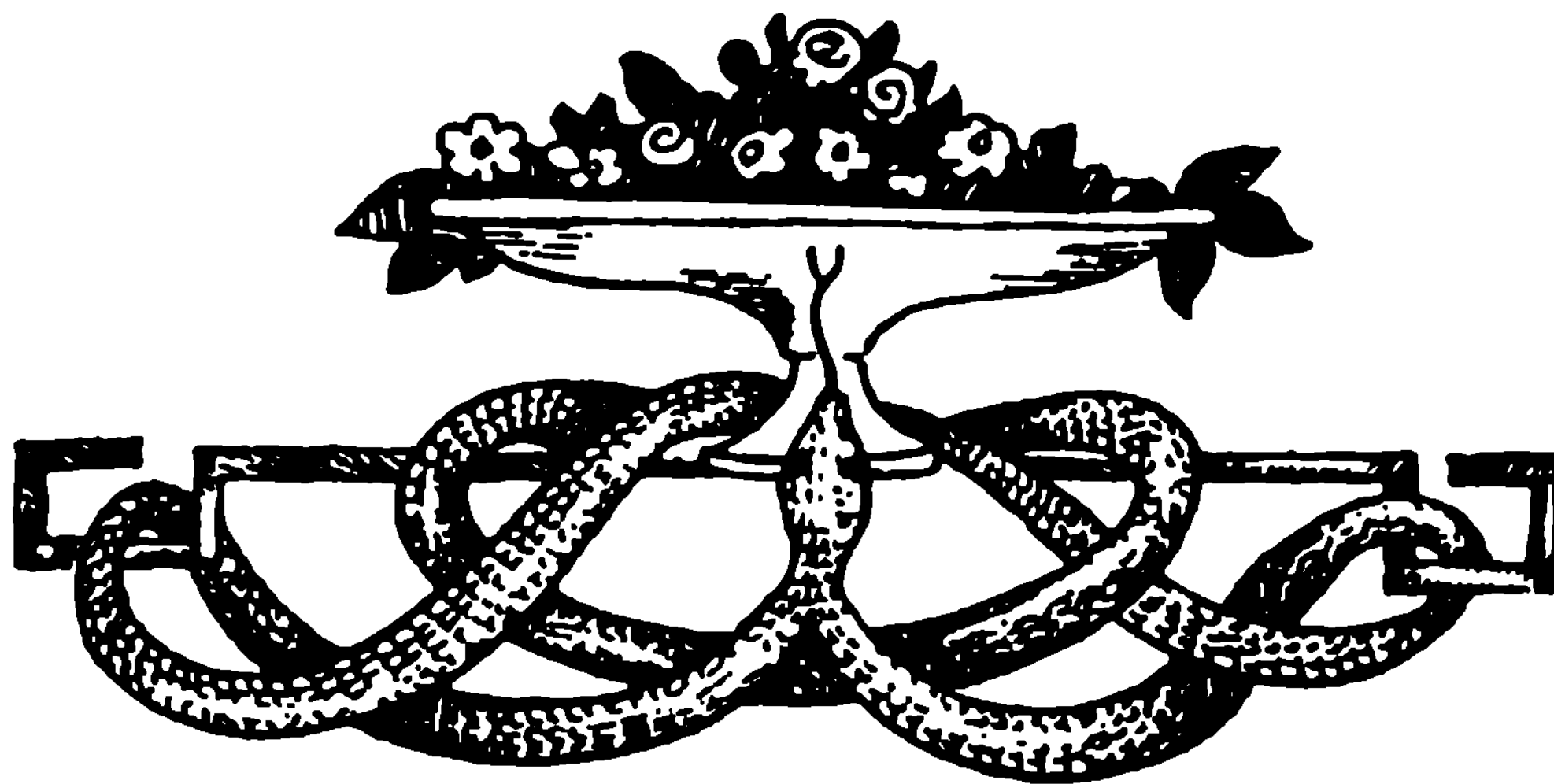
Г е р т р у д а, королева датская, мать Гамлета.

О ф е л и я, дочь Полония.

П р и з р а к о т ц а Гамлета.

Лорды, леди, офицеры, солдаты, матросы,
гонцы и слуги.

Место действия — Эльсинор.

АКТ I

Сцена 1

Эльсинор. Площадка перед замком. Полночь.

Франциско на своём посту. Часы бьют двенадцать.
К нему подходит Бернардо.

Бернардо

Кто здесь?

Франциско

Нет, сам ты кто, сначала отвечай.

Бернардо

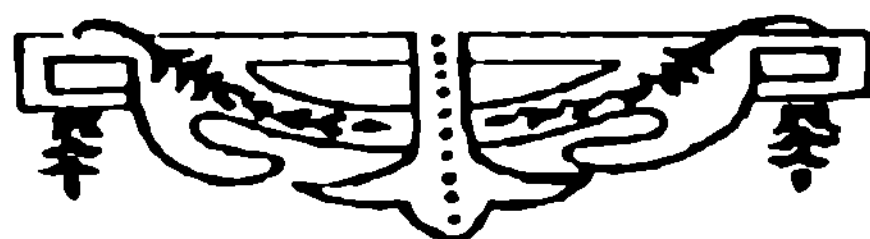
Да здоровствует король!

Франциско

Бернардо?

Бернардо

Он.

Франциско

Вы аккуратны и пришли в свой час.

Бернардо

Двенадцать бьёт; поди поспи, Франциско.

Франциско

Спасибо, что сменили: я озяб,
И на сердце тоска.

Бернардо

Как в карауле?

Франциско

Всё, как мышь, притихло.

Бернардо

Ну, доброй ночи.
А встретятся Гораций и Марцелл,
Подсменные мои, — поторопите.

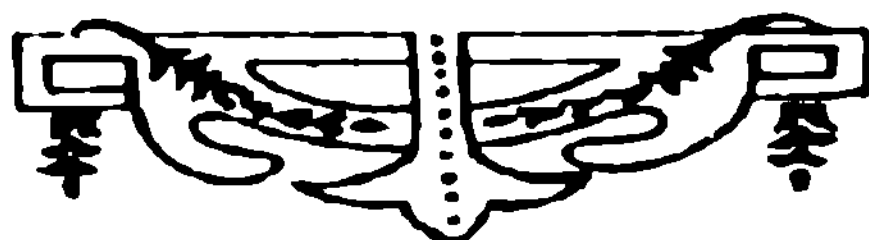
Франциско

Послушать, не они ли. — Стой! Кто здесь?

Входят Горацио и Марцелл.

Горацио

Друзья страны.

Книжная рамка эпохи Ренессанса. Художники братья Бернандини

М а р ц е л л

И слуги короля.

Ф р а н ц и с к о

Прощайте.

М а р ц е л л

До свиданья, старина.

Кто вас сменил?

Ф р а н ц и с к о

Бернардо на посту.

Прощайте.

(Уходит.)

М а р ц е л л

Эй! Бернардо!

Б е р н а р д о

Да, скажи,

Гораций здесь?

Г о р а ц и о

Да, в некотором роде.

Б е р н а р д о

Гораций, здравствуй; здравствуй, друг Марцелл.

М а р ц е л л

Ну как, являлась нынче эта странность?

Б е р н а р д о

Пока не видел.

М а р ц е л л

Горацио считает это всё
Игрой воображенья и не верит
В наш призрак, дважды виденный подряд.
Вот я и предложил ему побыть
На страже с нами нынешнею ночью
И, если дух покажется опять,
Проверить дело и заговорить с ним.

Г о р а ц и о

Да, так он вам и явится.

Б е р н а р д о

Присядем,
И разрешите штурмовать ваш слух,
Столь укрепленный против нас, рассказом
О виденном.

Г о р а ц и о

Извольте, я сажусь.
Послушаем, что скажет нам Бернардо.

Б е р н а р д о

Минувшей ночью,
Когда звезда, что западней
Полярной,
Перенесла лучи в ту часть небес,
Где и сейчас сияет, я с Марцеллом,
Лишь било час...

Входит Призрак.

М а р ц е л л

Молчи. Замри. Гляди, вот он опять.

Б е р н а р д о

Осанкой — вылитый король покойный.

М а р ц е л л

Ты сведущ: обратись к нему, Гораций.

Б е р н а р д о

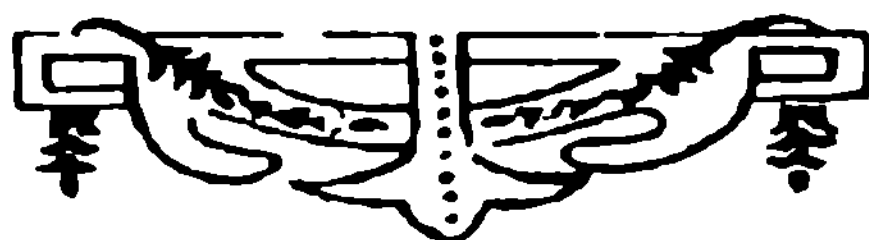
Ну что, напоминает короля?

Г о р а ц и о

Да как ещё! Я в страхе и смятенье.

Б е р н а р д о

Он ждёт вопроса.

М а р ц е л л

Спрашивай, Гораций.

Г о р а ц и о

Кто ты, без права в этот час ночной
Принявший вид, каким блистал бывало
Похороненный датский государь, —
Я небом заклинаю, отвечай мне!

М а р ц е л л

Он оскорбился.

Б е р н а р д о

И уходит прочь.

Г о р а ц и о

Стой! Отвечай! Ответь! Я заклинаю!

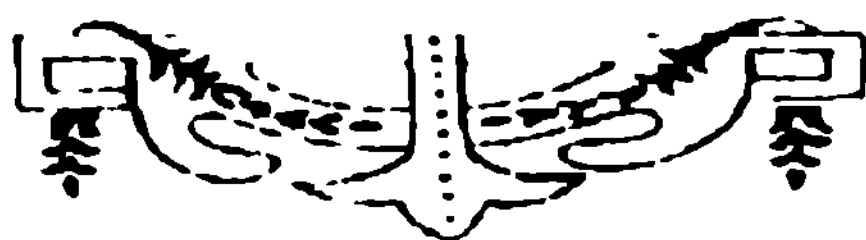
Призрак уходит.

М а р ц е л л

Ушёл и говорить не пожелал.

Б е р н а р д о

Ну что, Гораций? Полно трепетать.
Одна ли тут игра воображенья?
Где ваше мнение?

Г о р а ц и о

Богом поклянусь:
Я б не поверил, если б не увидел.

М а р ц е л л

А с королём как схож!

Г о р а ц и о

Как ты с собой.
И в тех же латах, как в бою с норвежцем,
И так же хмур, как в незабвенный день,
Когда, при ссоре с выборными Польши,
Он из саней их вывалил на лёд.
Невероятно.

М а р ц е л л

В такой же час таким же важным шагом
Проследовал он дважды мимо нас.

Г о р а ц и о

Подробностей разгадки я не знаю,
Но в общем, вероятно, это знак
Грозящих государству потрясений.

М а р ц е л л

Постойте. Сядем. Кто мне объяснит,
К чему такая строгость караулов,

Стесняющая граждан по ночам?
Чем вызвана отливка медных пушек,
И ввоз оружия из-за рубежа,
И корабельных плотников вербовка,
Усердных в будни и в воскресный день?
Зачем мы бьёмся до седьмого пота
За днями дни и ночи напролёт?
Кто объяснит мне это?

Г о р а ц и о

Постараюсь.

По крайней мере, как слышал. Король,
Чью тень мы с вами только что видали,
Однажды насмерть бился на мечах
С былым и павшим в этом поединке
Властителем норвежцев Фортинбрасом.
Пред боем обусловили статью,
Что победитель получает право
На землю побеждённого. Страну
Убитого взял победитель Гамлет.
Такого положенья никогда
Не мог снести наследник Фортинбраса,
Носящий то же имя по отцу.
В избытке прирождённого задора
Он по Норвегии набрал отряд
За хлеб готовых в бой головорезов.
Формирований видимая цель,

Как это подтверждают донесенья,
Насильственно, с оружием в руках
Отбить отцом утраченные земли.
Вот тут-то, полагаю, и лежит
Важнейшая причина наших сборов,
Источник беспокойства и предлог
К растерянности и горячке в крае.

Б е р н а р д о

Всё так, наверно, именно и есть.
Недаром проверяет караулы
Зловещий призрак, схожий с королём,
Который был и есть тех войн виновник.

Г о р а ц и о

Он как сучок в глазу души моей.
Порой расцвета Рима, в дни побед,
Пред тем как властный Юлий пал, могилы
Стояли без жильцов, а мертвецы
На улицах невнятицу мололи.
В огне комет кровавилась роса,
Являлись пятна в солнце; влажный месяц,
На чьём влиянье зиждет власть Нептун,
Был болен тьмой, как в светопреставленье.
Предвестия таких же страшных бед,
Предшествующие самим событиям,
Как некий их трагический пролог,

Земля и небо вместе посылают
В широты наши нашим землякам.

П р и з р а к возвращается.

Но тише! Вот он вновь! Остановлю
Любой ценой. Ни с места, наважденье!
О, если только речь тебе дана,
Откройся мне.

Быть может, надо милость сотворить
Тебе за упокой и нам во благо,
Откройся мне.

Быть может, ты проник в удел страны,
Который отвратить ещё не поздно,
Откройся.

Быть может, ты при жизни закопал
Сокровище, неправдой нажитое, —
Вас, духов, манят клады, говорят, —
Откройся! Стой! Откройся мне!

Поёт петух.

Марцелл,

Держи его!

М а р ц е л л

Ударить алебардой?

Г о р а ц и о

Бей, если увернётся.

Б е р н а р д о

Вот он!

Г о р а ц и о

Вот!

Призрак уходит.

М а р ц е л л

Ушёл!

Мы раздражаем царственность его

Открытым проявлением насилья.

При том, что он, как пар, неуязвим,

Удары наши — шутовство, и только.

Б е р н а р д о

Он отозвался б, но запел петух.

Г о р а ц и о

И тут он вздрогнул, точно провинился,

И отвечать боится. Я слышал,

Петух, трубач зари, своею глоткой

Пронзительною будит ото сна

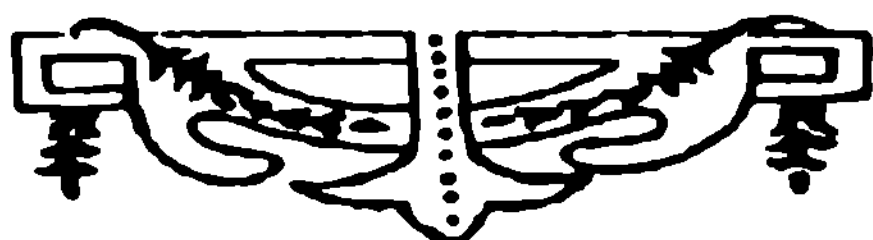
Дневного бога. При его сигнале,

Где б ни блуждал скиталец-дух: в огне,

На воздухе, на суше или в море,

Он вмиг спешит домой. И только что

Мы этому имели подтверждение.

М а р ц е л л

Он стал тускнеть при пенье петуха.
Поверье есть, что каждый год, зимою,
Пред праздником Христова рождества,
Ночь напролёт поет дневная птица.
Тогда, по слухам, духи не шалят,
Спокойны ночи, не вредят планеты
И пропадают чары ведьм и фей,
Так благодатно и священно время.

Г о р а ц и о

Слышал и я, и тоже склонен верить.
Но вот и утро в розовом плаще
Росу пригорков топчет на востоке.
Пора снимать дозор. И мой совет:
Поставим принца Гамлета в известность
О виденном. Ручаюсь жизнью, дух,
Немой при нас, прервет пред ним
молчанье.

Ну, как, друзья, по-вашему? Сказать,
Что голос дружбы нам повелевает?

М а р ц е л л

По-моему, сказать. Да и к тому ж
Я знаю, где найти его сегодня.

Уходят.

Сцена 2

Там же. Приемный зал в замке.

Входят король, королева, Гамлет,
Полоний, Лаэрт, Вольтиманд, Корнелий,
придворные, и свита.

Король

Хотя по брате Гамлете бесценном
Свежа печаль и всем нам надлежит
Скорбеть душою, а державе нашей
От сокрушенья сморщиться в комок,
Но ум настолько справился с природой,
Что надо будет сдержаннее впредь
Жалеть о нем, себя не забывая.
С тем и решили мы в супруги взять
Сестру и ныне королеву нашу,
Наследницу военных рубежей, —
С отравленным, сказал бы я, восторгом,
Смеясь вполглаза и тужа другим,
Шутя над гробом и вопя на свадьбе,
И соразмерив радость и печаль.
При этом шаге мы не погнушались
Содействием советников, во всем
Нам давших одобренье. Всем спасибо.
Второе. Королевич Фортинбрас,
Не чтя нас ни во что и полагая,
Что после смерти братниной у нас

Развал в стране и все в разъединенье,
Возмнил такое о своей звезде,
Что надоел нам, требуя возврата
Потерянных отцовых областей,
Которые достал себе по праву
Наш славный брат. Вот, вкратце, что о нем.
Теперь о нас и сущности собранья.
Тут нами извещается в письме
Король норвежцев, дядя Фортиnbrаса.
По дряхлости едва ли он слышал
О замыслах племянника. Мы просим
Пресечь их в корне, так как войско сплошь
Из подданных его и их содержат
На счет казны. Письмо мы отдаем
Вам, добрый Вольтиманд, и вам, Корнелий.
Свезите старцу-королю поклон.
Мы вам не расширяем полномочий.
Держитесь в совещаньях с ним границ,
Дозволенных статьями. Поезжайте.
Готовность докажите быстротой.

К о р н е л и й и В о л ь т и м а н д
Здесь, как и всюду, мы ее докажем.

К о р о л ь
Не смеем сомневаться. Добрый путь.

Вольтиманд и Корнелий уходят.

Итак, Лаэрт, что нового услышим?
Шла речь о просьбе. В чем она, Лаэрт?
С чем дельным вы б ни обратились к трону,
Успех предсказан: вещи нет такой,
Что б не дали мы, не дождавшись просьбы.
Не больше ладит с сердцем голова,
Для пользы рта не больше служат руки,
Чем датский трон для вашего отца.
Что вам угодно?

Л а э р т

Дайте разрешение
Во Францию вернуться, государь.
Я сам оттуда прибыл для участия
В коронованье вашем, но, винюсь,
Меня опять по исполненью долга
Влекут туда и мысли и мечты.
С поклоном хлопочу о дозволенье.

К о р о л ь

Отец пустил? Что говорит Полоний?

П о л о н и й

Он вымотал мне душу, государь,
И, сдавшись после долгих убеждений,
Я нехотя его благословил.
Благоволите разрешить поездку.

К о р о л ь

Ищите счастья; в добрый час, Лаэрт.
Как вздумаете, проводите время.
Ну, как наш Гамлет, близкий
сердцу сын?

Г а м л е т
(в сторону)

Ничуть не сын и далеко не близкий.

К о р о л ь

Опять покрыто тучами лицо?

Г а м л е т

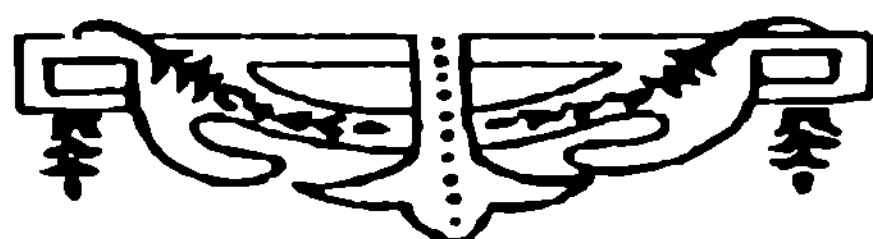
О нет, напротив: солнечно некстати.

К о р о л е в а

Ах, Гамлет, полно хмуриться, как ночь.
Взгляни на короля подружелюбней.
До коих пор, потупивши глаза,
Следы отца разыскивать во прахе?
Так создан мир: живущее умрет
И вслед за жизнью в вечность отойдет.

Г а м л е т

Так создан мир.

К о р о л е в а

Что ж кажется тогда
Столь редкостной тебе твоя беда?

Г а м л е т

Не кажется, сударыня, а есть.
Мне “кажется” неведомы. Ни этот
Суровый плащ, ни платя чернота,
Ни хриплая прерывистость дыханья.
Ни даже слез податливый поток
И впалость черт, и все подразделенья
Тоски не в силах выразить меня.
Вот способы казаться, ибо это
Лишь действия, и их легко сыграть,
Моя же скорбь чуждается прикрас
И их не выставляет напоказ.

К о р о л ь

Приятно видеть и похвально, Гамлет,
Как отдашь ты горький долг отцу.
Но твой отец и сам отца утратил,
И так же тот. На некоторый срок
Сыновняя забота переживших —
Блюсти печаль. Но утверждаться в ней
С закоренелым рвением — нечестиво.
Мужчины недостойна эта скорбь
И обличает волю без святыни,

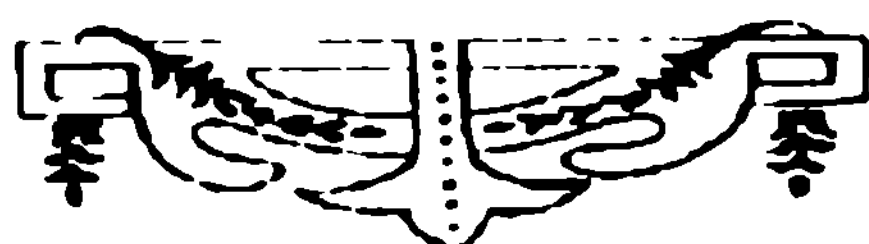

Слепое сердце, ненадежный ум
И грубые понятия без отделки.
Что неизбежно и в таком ходу,
Как самые повальные явленья,
Благоразумно ль этому, ворча,
Сопротивляться? Это грех пред небом,
Грех пред умершим, грех пред естеством,
Пред разумом, который примирился
С судьбой отцов и встретил первый труп
И проводил последний восклицаньем:
“Так быть должно”.

Пожалуйста, стряхни
Свою печаль и нас в душе зачисли
Себе в отцы. Пусть знает мир, что ты
Ближайший к трону и к тебе питают
Любовь не меньшей пылкости, какой
Нежнейший из отцов привязан к сыну.
Что до надежд вернуться в Виттенберг
И продолжать ученье, эти планы
Нам положительно не по душе,
И я прошу, раздумай и останься
Пред нами, здесь, под лаской наших глаз,
Как первый в роде, сын наш и сановник.

К о р о л е в а

Не заставляй, чтоб мать просила даром.
Останься здесь, не ездь в Виттенберг.

Г а м л е т

Сударыня, всецело повинуюсь.

К о р о л ь

Вот кроткий, подобающий ответ.
Наш дом — твой дом. Сударыня, пойдемте.
Своей сговорчивостью Гамлет внес
Улыбку в сердце, в знак которой ныне
О счете наших здравиц за столом
Пусть облакам докладывает пушка,
И гул небес в ответ земным громам
Со звоном чаш смешается. Идемте.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Г а м л е т

О если б этот грузный куль мясной
Мог испариться, сгнуться, стать росой!
О если бы предвечный не занес
В грехи самоубийства! Боже! Боже!
Каким ничтожным, плоским и тупым
Мне кажется весь свет в своих затеях.
Глядеть тошнит! Он одичалый сад,
Где нет прохода. Низкий, грубый мусор
Глушит его. Зайти так далеко!
Два месяца, как умер. Двух не будет.
Такой король природный. Рядом с тем
Как Феб с сатиром. До того ревниво

Любивший мать, что ветрам не давал
Дышать в лицо сй. О земля и небо!
Что поминать! Она к нему влеклась,
Как будто голод рос от утоленья.
И что ж, чрез месяц... Лучше не вникать!
О женщины, вам имя — вероломство!
Нет месяца! И целы башмаки,
В которых шла в слезах, как Ниобея,
За отчим гробом. И она, она, —
О боже, зверь, лишенный разума,
Томился б дольше, — замужем — за кем:
За дядею, который схож с покойным,
Как я с Гераклом. В месяц с небольшим!
Еще от соли лицемерных слез
У ней на веках краснота не спала,
И замужем! С такою быстротой
Нырять под простыню кровосмешенья!
Нет, не видать от этого добра!
Разбейся сердце, ибо надо смолкнуть.

Входят Гораццо, Марцелл и Бернардо.

Г о р а ц и о

Почтенье, принц.

Г а м л е т

Рад вас здоровым видеть.
Гораций, — если в памяти я сам?

Г о р а ц и о

Он самый, принц, ваш верный раб до гроба.

Г а м л е т

Мой друг, еще поспорим мы, кто чей.
Что принесло вас к нам из Виттенберга? —
Марцелл, — не так ли?

М а р ц е л л

Он, милейший принц...

Г а м л е т

Я очень рад вас видеть.

(К Бернардо.)

Добрый вечер. —

Что ж вас из Виттенберга принесло?

Г о р а ц и о

Милейший принц, расположение к лени.

Г а м л е т

Ваш враг не отозвался б так о вас,
И вы мне слуха лучше не терзайте
Поклепами на самого себя.
Я знаю вас: ничуть вы не ленивец.
Но все же, чем вас встретил Эльсинор?
Пока гостите, мы вас пить научим.

Г о р а ц и о

Я видел вынос вашего отца.

Г а м л е т

Нехорошо смеяться над друзьями.
Хотите, свадьбу матери, сказать?

Г о р а ц и о

Да, правда, это следовало быстро.

Г а м л е т

Расчетливость, Гораций! С похорон
На брачный стол пошел пирог
поминный.

Врага охотней встретил бы в раю,
Чем снова испытать события эти.
Отец, — о вот он словно предо мной.

Г о р а ц и о

Где, принц?

Г а м л е т

В очах души моей, Гораций.

Г о р а ц и о

Я помню, он во всем был королем.

Г а м л е т

Он человек был, вот что несомненно.
Уж мне такого больше не видать.

Г о р а ц и о

Представьте, принц, он был тут нынче ночью.

Г а м л е т

Был? Кто?

Г о р а ц и о

Король, отец ваш.

Г а м л е т

Мой отец?

Г о р а ц и о

Спокойнее: сдержите удивленье
И выслушайте. Я вам расскажу, —
Меня поддержат эти очевидцы, —
Бог знает что.

Г а м л е т

Молю вас, поскорей!

Г о р а ц и о

Две ночи кряду этим господам,
Бернардо и Марцеллу, на дежурстве

Средь мертвой беспредельности ночной
Такое выпадало. Кто-то, зримый,
В вооруженье с ног до головы,
И сущий ваш отец, проходит мимо
Державным шагом. Трижды он скользит
Пред их остолбенелыми глазами
В длину жезла от них, они ж стоят,
От ужаса почти свернувшись в студень
И проглотив язык, о чем потом
Рассказывают мне под страшной тайной.
Я стал на стражу с ними в третью ночь,
Где, подтверждая это все дословно,
В такой же час проходит та же тень.
Мне памятен отец ваш. Оба схожи,
Как эти руки.

Г а м л е т

Где он проходил?

М а р ц е л л

По той площадке, где стоит охрана.

Г а м л е т

Вы с ним не говорили?

Г о р а ц и о

Говорил,

Но без успеха. Впрочем, на мгновение

По повороту плеч и головы
Я заключил, что он не прочь ответить,
Но в это время закричал петух,
И он при этом звуке отшатнулся
И скрылся с глаз.

Г а м л е т

Я слов не нахожу.

Г о р а ц и о

Ручаюсь жизнью, принц, что это правда,
И мы за долг сочли вас известить.

Г а м л е т

Да, да, все так. Сейчас я успокоюсь.
Кто ночью в карауле?

М а р ц е л л и Б е р н а р д о

Мы, милорд.

Г а м л е т

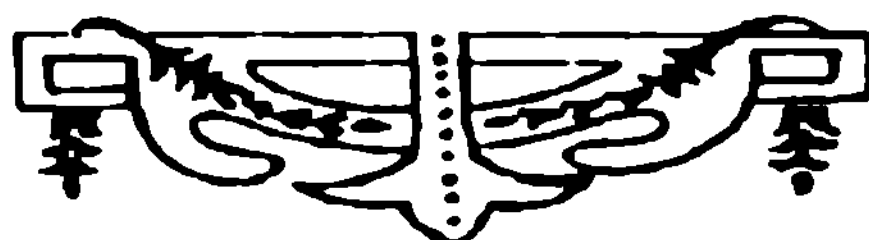
В оружие, говорите?

М а р ц е л л и Б е р н а р д о

Весь.

Г а м л е т

До пятки?

Марцелли и Бернардо

До пят.

Гамлет

И вы не видели лица?

Горацио

Нет, как же, — шлем был с поднятым забралом.

Гамлет

И что ж, он хмурил брови?

Горацио

Нет, смотрел

Скорей с тоской, чем с гневом,

Гамлет

Он был бледен,

Иль покрасневшись?

Горацио

Совершенно бел.

Гамлет

И не сводил с вас глаз?

Горацио

Ни на минуту.

Г а м л е т

Жаль, — без меня.

Г о р а ц и о

Он свел бы вас с ума.

Г а м л е т

Все может быть. И что ж, он долго пробыл?

Г о р а ц и о

Я мог легко бы до ста досчитать.

М а р ц е л л и Б е р н а р д о

Нет, дольше, дольше.

Г о р а ц и о

Нет, при мне не больше.

Г а м л е т

С седую бородою?

Г о р а ц и о

Не совсем.

С едва посеребренной, как при жизни.

Г а м л е т

Я стану с вами на ночь. Может статься,
Он вновь придет.

Г о р а ц и о

Придет наверняка.

Г а м л е т

И если примет вновь отцовский образ,
Я с ним заговорю, хотя бы ад,
Восстав, зажал мне рот. А к вам есть просьба.
Как вы скрывали случай до сих пор,
Так точно и вперед его таите,
И чтобы ни случилось в эту ночь,
Во всем ищите смысла и молчите.
За дружбу отплачу. Храни вас бог.
А около двенадцати я выйду
И навещу вас.

В с е

Ваши слуги, принц.

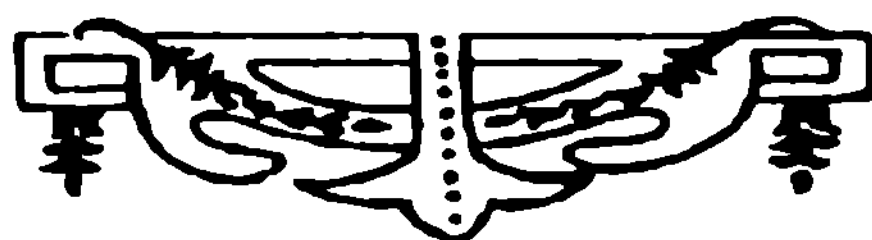
Г а м л е т

Не слуги, а друзья мои. Прощайте.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Двойник отца в оружье! Быть беде!
Обман какой-то. Только бы стемнело!
А там, душа, терпенье: козней след,
Зарой их в землю, выступит на свет.

(Уходит.)

Сцена 3

Там же. Комната в доме Полония.

Входят Лаэрт и Офелия.

Лаэрт

Мешки на корабле. Прощай, сестра.
Пообещай не упускать okazji
И при попутном ветре не дремли
И вести шли.

Офелия

Не сомневайся в этом.

Лаэрт

А Гамлета ухаживанья — вздор.
Считай их блажью, шалостями крови,
Фиалкою, расцветшей в холода,
Нежданной, гиблой, сладкой, обреченной,
Благоуханьем мига, и того
Не более.

Офелия

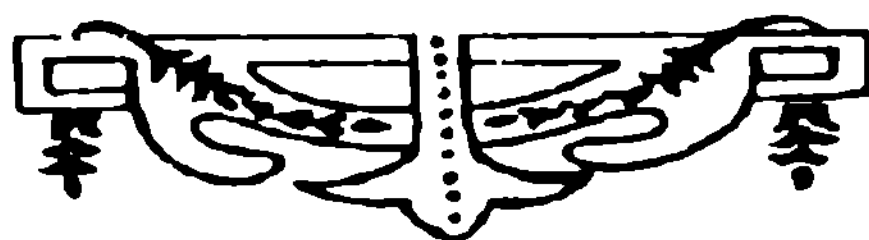
Не более?

Лаэрт

Не боле.

Рост жизни не в одном развитии мышц.
По мере роста тела, в нем, как в храме,
Растет служенье духа и ума.
Пусть любит он сейчас без задних мыслей,
Ничем еще не запятнавши чувств.
Подумай, кто он, и проникнись страхом.
По званью он себе не голова,
Но сам в плену у своего рожденья.
Не вправе он, как всякий человек,
Располагать собою. От избранья
Зависит благоденствие страны.
Поэтому не он свершает выбор,
А стан, которому он — голова.
Пусть он пока твердит тебе, что любит.
Твой долг не больше доверять словам,
Чем в силах он при этом положенье
Их оправдать, а он их подтвердит,
Как общий голос Дании захочет.
Итак, пойми, как пострадает честь,
Когда ты примешь песнь его за правду,
И сдашься сердцем, и откроешь клад
Невинности горячим настояньям.
Страшись, сестра; Офелия, страшись,
Остерегайся, как огня, влеченья,
На выстрел от взаимности беги.
Уже и то нескромно, если месяц
На девушку засмотрится в окно.

Офелия. Скульптор Фальгер

Оклеветать легко и добродетель.
Червь бьет всего прожорливей ростки,
Когда на них еще не вскрылись почки,
И ранним утром жизни, по росе,
Особенно прилипчивы болезни.
Пока наш нрав не искушен и юн,
Застенчивость наш лучший опекун.

О ф е л и я

Я смысл ученья твоего поставлю
Хранителем души. Но, милый брат,
Не поступай со мной, как тот лжепастырь,
Который кажет нам тернистый путь
На небеса, а сам, вразрез советам,
Повесничает на стезях греха
И не краснеет.

Л а э р т

За меня не бойся.
Но что ж я медлю? Вот и наш отец.

Входит Полоний.

Вдвойне благословиться дважды благо.
Вот новый повод попроситься нам.

П о л о н и й

Все тут, Лаэрт? В путь, в путь, стыдился б, право!

Уж ветер выгнул плечи парусов,
А сам ты где? Стань под благословенье
И заруби-ка вот что на носу.
Заветным мыслям не давай огласки,
Несообразным — ходу не давай.
Будь прост с людьми, но не запанибрата.
Проверенных и лучших из друзей
Приковывай стальными обручами,
Но до мозолей рук не натирай
Пожатьями со встречными. Старайся
Беречься драк, а сцепишься, берись
За дело так, чтоб береглись другие.
Всех слушай, но беседуй редко с кем.
Терпи их суд и прячь свои сужденья.
Рядись, во что позволит кошелек,
Но не франти, — богато, но без вычур.
По платью познается человек,
Во Франции ж на этот счет средь

знати

Особо зоркий глаз. Не занимай
И не ссужай. Давая деньги в ссуду,
Лишаемся мы денег и друзей,
А займы притупляют бережливость.
Всего превыше: верен будь себе.
Тогда, как утро следует за ночью,
Не будешь вероломным ты ни с кем.
Прощай, запомни все и собирайся.

Л а э р т

Почтительно откланяться осмелюсь.

П о л о н и й

Давно уж время. Слуги заждались.

Л а э р т

Прощай, Офелия, и твердо помни,
О чем шла речь.

О ф е л и я

Замкну в душе, а ключ
Возьми с собой.

Л а э р т

Счастливо оставаться.

(Уходит.)

П о л о н и й

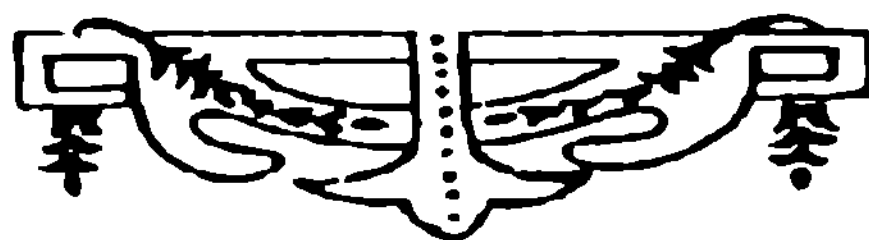
О чем шла речь, Офелия, у вас?

О ф е л и я

Предмет — принц Гамлет, если вам угодно.

П о л о н и й

Ах, вот как? Это кстати. Я слышал,
Он очень зачастил к тебе как будто.

А также избалован, говорят,
Твоим вниманьем? Если это правда, —
А так передавали мне как раз
Порядка ради, — должен я признаться,
Совсем не так ты сознаешь свой долг,
Как спросится с твоей дочерней чести.
Что между вами? Будь со мной пряма.

О ф е л и я

Со мной не раз он в нежности пускался
В залог сердечной дружбы.

П о л о н и й

Каково!

В залог сердечной дружбы. Что ты смыслишь
В таких вещах? А как ты отнеслась
К его, — как ты их назвала, — залогам?

О ф е л и я

Не знаю я, что думать мне о них.

П о л о н и й

Я научу: за чистую монету
Ты этих глупостей не принимай
И требуй впредь залогов подороже.
А то, сведя все это в каламбур,
Под твой залог останешься ты в дурах.

О ф е л и я

Отец, он предлагал свою любовь
С учтивостью.

П о л о н и й

С учтивостью! Подумай!

О ф е л и я

И в подтверждение слов своих всегда
Мне клялся чуть ли не святыми всеми.

П о л о н и й

Силки для птиц! Иль я забыл, когда
Пылает кровь, как щедр язык на клятвы!
Нет, эти вспышки не дают тепла,
Слепят на миг и гаснут в обещанье.
Не принимай их, дочка, за огонь.
Будь поскупей на будущее время.
Пускай твоей беседой дорожат.
Не торопись навстречу, только кликнут.
А Гамлету верь только в том одном,
Что молод он, и меньше в поведенье
Стеснен, чем ты; точней — совсем не верь.
А клятвам и подавно. Клятвы — сводни.
Не то они, чем кажутся извне.
Они, как маклаки по ложным искам,

Нарочно дышат кротостью святош,
Чтоб обойти тем легче. Повторяю,
Я не хочу, чтоб впредь на твой досуг
Бросали тень хотя бы на минуту
Беседы с принцем Гамлетом. Ступай.
Смотри не забывай.

О ф е л и я

Я повинуюсь.

Уходят.

Сцена 4

Там же. Площадка перед замком.

Входят Гамлет, Горацио и Марцелл.

Г а м л е т

А на ветру как щиплет! Ну и холод!

Г о р а ц и о

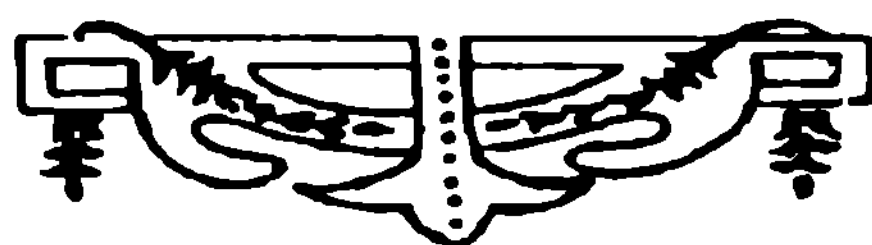
Пронизывает. Прямо как зимой.

Г а м л е т

Который час?

Г о р а ц и о

Без малого двенадцать.

М а р ц е л л

Нет. С лишним. Было.

Г о р а ц и о

Было? Не слышал.

Тогда, пожалуй, наступает время,
В которое всегда являлась тень.

Трубы, пушечные выстрелы за сценой.

Что это значит, принц?

Г а м л е т

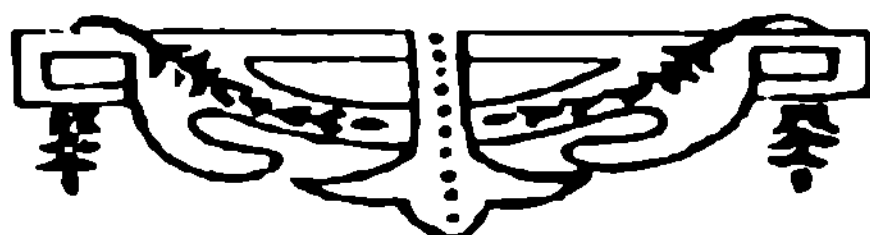
Король не спит и пляшет до упаду,
И пьет и бражничает до утра,
И чуть осилит новый кубок с рейнским,
Оповещает гром литавр и труб
Про этот подвиг.

Г о р а ц и о

Это что ж, — обычай?

Г а м л е т

Да, как сказать, — увы.
Хотя я здешний и давно привык,
Обычай непохвальный и достойный
Уничтоженья. Эти кутежи,
Расславленные на восток и запад,

Покрыли нас стыдом в чужих краях.
Там наша кличка — пьяницы и свиньи.
И это отнимает, не шутя,
Какую-то существенную мелочь
У наших дел, достоинств и заслуг.
Бывает и с отдельным человеком,
Что, например, родимое пятно,
В котором он невинен, ибо, верно,
Родителей себе не выбирал,
Иль странный склад души, перед которым
Сдается разум, или недочет
В манерах, оскорбляющий привычки, —
Бывает, словом, что пустой изъян,
В роду ли, свой ли, губит человека
Во мненье всех, будь доблести его,
Как милость божья, чисты и несметны.
А все от глупой капли зла,
И сразу все добро идет насмарку.
Досадно ведь.

Г о р а ц и о

Смотрите, принц, вот он.

Входит Призрак.

Г а м л е т

Святители небесные, спасите!
Благой ли дух ты или ангел зла,

Дыханье рая, ада ль дуновенье,
К вреду иль к пользе помыслы твои,
Я озадачен так твоим явленьем,
Что должен расспросить тебя, и вот
Как назову тебя: отец мой, Гамлет,
Король, властитель датский, отвечай!
Не дай пропасть в неведение. Скажи мне,
Зачем на преданных земле костях
Разорван саван? Отчего гробница,
Где мы в покое видели твой прах,
Разжала с силой челюсти из камня,
Чтоб выплюнуть тебя? Чем объяснить,
Что бездыханный труп, в вооруженье,
Ты движешься, обезобразив ночь,
В лучах луны, и нам, глупцам созданья,
Так страшно потрясает существо
Загадками не нашего охвата?
Скажи, зачем? К чему? Что делать нам?

Призрак манит Гамлета.

Г о р а ц и о

Он подал знак, чтоб вы с ним удалились,
Как будто хочет что-то сообщить
Вам одному.

М а р ц е л л

Смотрите, как любезно

Он вас зовет подальше в глубину.
Но не ходите.

Г о р а ц и о

Ни за что на свете.

Г а м л е т

А здесь он не ответит. Я пойду.

Г о р а ц и о

Не надо, принц.

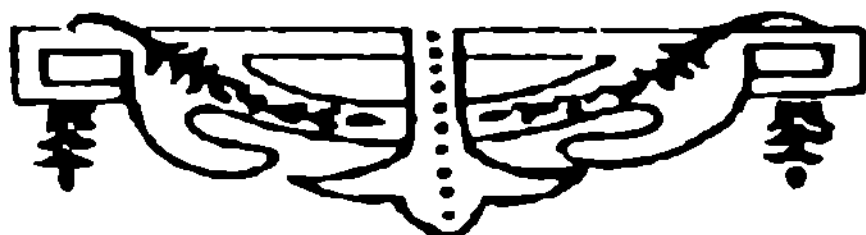
Г а м л е т

Ну вот! Чего бояться?

Я жизнь свою в булавку не ценю.
А чем он для души моей опасен,
Когда она бессмертна, как и он?
Он снова мне кивает. Я приближусь.

Г о р а ц и о

А если он заманит вас к воде
Или на выступ страшного утеса,
Нависшего над морем, и на нем
Во что-нибудь такое обернется,
Что вас лишит рассудка и толкнет
В безумие? Подумайте об этом.
На той скале и без иных причин
Шалест всякий, кто увидит море

Под крутизной во столько саженой,
Ревущее внизу.

Г а м л е т

Опять кивает.
Ступай! Иду!

М а р ц е л л

Не пустим.

Г а м л е т

Руки прочь!

Г о р а ц и о

Опомнитесь. Не надо.

Г а м л е т

Это — голос
Моей судьбы, и он все жилы мне
Внезапно силой львиной наливает.

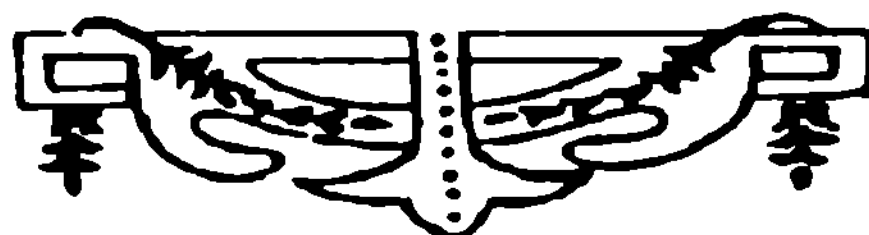
Призрак манит.

Все манит он. Дорогу, господа!

(Вырывается от них.)

Я в духов превращу вас, только троньте!
Прочь, сказано! Иди. Я за тобой.

Призрак и Гамлет уходят.

Г о р а ц и о

Теперь он весь во власти исступленья.

М а р ц е л л

Пойдем за ним, не слушаясь его.

Г о р а ц и о

Последуем. Что это может значить?

М а р ц е л л

Какая-то в державе датской гниль.

Г о р а ц и о

Наставь на путь нас, господи!

М а р ц е л л

Идемте.

Уходят.

Сцена 5

Там же. Более отдаленная часть площадки.

Входят Призрак и Гамлет

Г а м л е т

Куда ведешь? Я дальше не пойду.

Гамлет и призрак. Худ. Эжен Делакруа

П р и з р а к

Следи за мной.

Г а м л е т

Слежу.

П р и з р а к

**Настал тот час,
Когда я должен пламени геенны
Предать себя на муку.**

Г а м л е т

Бедный дух!

П р и з р а к

**Не сожалею, но вверься всей душою
И выслушай.**

Г а м л е т

Внимать тебе мой долг.

П р и з р а к

И отомстить, когда ты все услышишь.

Г а м л е т

Что?

П р и з р а к

Я дух родного твоего отца,
На некий срок скитаться осужденный
Ночной порой, а днем гореть в огне,
Пока мои земные окаянства
Не выгорят дотла. Мне не дано
Касаться тайн моей тюрьмы.

Иначе б

От слов легчайших повести моей
Зашлась душа твоя и кровь застыла.
Глаза, как звезды, вышли из орбит
И кудри отделились друг от друга,
Поднявши дыбом каждый волосок,
Как иглы на взбешенном дикобразе.
Но вечность — звук не для земных ушей.
О слушай, слушай, слушай! Если только
Ты впрямь любил когда-нибудь отца...

Г а м л е т

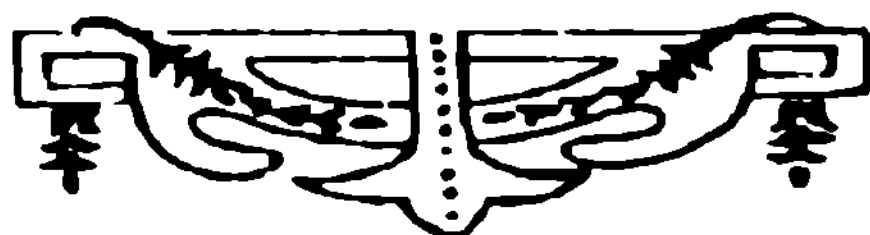
О боже мой!

П р и з р а к

Отмсти за подлое его убийство.

Г а м л е т

Убийство?

П р и з р а к

Да, убийство из убийств,
Как ни бесчеловечны все убийства.

Г а м л е т

Рассказывай, чтоб я на крыльях мог
Со скоростью мечты и страстной мысли
Пуститься к мести.

П р и з р а к

Вижу, ты готов.
И кто б ты был? — Болотной сонной
ряской
В стоячих водах Леты, если б тут
Не всколыхнулся. Значит, слушай, Гамлет.
Объявлено, что спящего в саду
Меня змея ужалила. Датчане
Бесстыдной басней введены в обман.
Ты должен знать, мой мальчик
благородный,
Змея — убийца твоего отца —
В его короне.

Г а м л е т

О мои прозренья!
Мой дядя?

П р и з р а к

Да.

Кровосмеситель и прелюбодей,
Врожденным даром хитрости и лести
(Будь прокляты дары, когда от них
Такой соблазн!) увлекший королеву
К постыдному сожителству с собой.
Какое здесь паденье было, Гамлет!
От возвышающей моей любви,
Все годы шедшей об руку с обетом,
Ей данным при венчанье, — к существу,
Чьи качества природные ничтожны
Перед моими!
Но так же, как не дрогнет добродетель,
Каких бы чар не напускал разврат,
Так похоть даже в ангельских объятьях
Пресытится блаженством и начнет
Жрать падаль.
Но тише! Ветром утренним пахнуло.
Потороплюсь. Когда я спал в саду
В свое послеобеденное время,
В мой уголок прокрался дядя твой
С проклятым соком белены во фляге
И влил в притвор моих ушей настой,
Чье действие в таком раздоре с кровью,
Что мигом обегает, словно ртуть,
Все внутренние переходы тела,

Створаживая кровь, как молоко,
С которым каплю уксуса смешали.
Так было и со мной. Сплошной лишай
Покрыл мгновенно пакостной и гнойной
Коростою, как Лазарю, кругом
Всю кожу мне.
Так был рукою брата я во сне
Лишен короны, жизни, королевы;
Так был подрезан в цвете грешных дней,
Не причащен и миром не помазан;
Так послан второпях на Страшный суд
Со всеми преступленьями на шее.
О ужас, ужас, ужас! Если ты
Не обделен природой, не потворствуй.
Не дай постели датских королей
Служить кровосмешенью и распутству.
Однако, как бы ни сложилась месть,
Не оскверняй души, и умысленьем
Не посягай на мать. Судья ей бог
И совести глубокие уколы.
Теперь прощай. Пора. Смотри, светляк,
Встречая утро, убавляет пламя.
Прощай, прощай и помни обо мне.

(Уходит.)

Г а м л е т

О небо! О земля! Кого в придачу?

Быть может, ад? Стой, сердце! Сердце, стой!
Не подгибайтесь подо мною, ноги!
Держитесь прямо! Помнить о тебе?
Да, бедный дух, пока есть память в шаре
Разбитом этом. Помнить о тебе?
Я с памятной доски сотру все знаки
Чувствительности, все слова из книг,
Все образы, всех былей отпечатки,
Что с детства наблюденье занесло,
И лишь твоим единственным

веленьем

Весь том, всю книгу мозга испишу
Без низкой смеси. Да, как перед богом!
О женщина-злодейка! О подлец!
О низость, низость с низкою улыбкой!
Где грифель мой, я это запишу,
Что можно улыбаться, улыбаться
И быть мерзавцем. Если не везде,
То, достоверно, в Дании.

(Пишет.)

Готово, дядя. Мой завет отныне:
“Прощай, прощай и помни обо мне”.
Я в том клянусь.

Г о р а ц и о и М а р ц е л л
(за сценой)

Принц! Принц!

Марцелл
(за сценой)

Принц Гамлет!

Горацио
(за сценой)

Где он?

Гамлет
Да будет так!

Горацио
(за сценой)

Ого-го-го, милорд!

Гамлет
Ого-го-го, сюда, моя охота!

Входят Горацио и Марцелл.

Марцелл
Ну как, милорд?

Горацио
Что нового, милорд?

Гамлет
О, чудеса!

Г о р а ц и о

А именно?

Г а м л е т

Сболтнете.

Г о р а ц и о

Нет, никогда, милорд.

М а р ц е л л

И я, милорд.

Г а м л е т

Ну, хорошо. Итак, кто б мог подумать...
Но это между нами?

Г о р а ц и о и М а р ц е л л

Видит бог.

Г а м л е т

Нет в Дании такого негодяя,
Который дрянью не был бы притом.

Г о р а ц и о

Нет надобности в духах из могилы
Для истин вроде этой.

Г а м л е т

Спору нет.

Итак, без околичностей, давайте
Пожмем друг другу руки и пойдем.
Вы — по своим делам или желаньям, —
У всех свои желанья и дела, —
Я — по своим; точнее — бедняк отпетый,
Пойду молиться.

Г о р а ц и о

Это только вихрь
Бессвязных слов, милорд.

Г а м л е т

Я сожалею,
Что вы в обиде.

Г о р а ц и о

Здесь обиды нет.

Г а м л е т

Нет, есть, Горацій, есть, клянусь Патриком, —
Немалая! О призраке ж скажу,
Что это дух, достойный уваженья.
А страсть узнать всю правду как-нибудь
Уж пересильте. А теперь, собратья,

Товарищи по школе и мечу, —
Большая просьба.

Г о р а ц и о

С радостью исполним.

Г а м л е т

О происшедшем чур не говорить.

Г о р а ц и о и М а р ц е л л

Не скажем, принц.

Г а м л е т

Клянись в этом.

Г о р а ц и о

Честью

Клянусь, не скажем.

М а р ц е л л

Честью клянусь.

Г а м л е т

Вот меч, — клянись.

М а р ц е л л

Мы уж дали клятву.

Г а м л е т

Нет, поклянитесь на моем мече.

П р и з р а к
(из-под сцены)

Клянитесь!

Г а м л е т

**Ага, старик, и ты того же мнения?
Вы слышите, что вам он говорит?
Извольте ж клясться.**

Г о р а ц и о

Назовите клятву.

Г а м л е т

**Клянитесь никогда не говорить
О виденном. Ладонь на меч.**

П р и з р а к
(из-под сцены)

Клянитесь!

Г а м л е т

**Hic et ubique? Перейдем сюда,
И вновь на рукоятку ваши руки**

Клянитесь никогда не говорить
О слышанном. Ладонь на меч!

П р и з р а к
(из-под сцены)

Клянитесь!

Г а м л е т

Ты, старый крот! Как скор ты под землей!
Уж подкопался? Переменим место.

Г о р а ц и о

О день и ночь! Вот это чудеса!

Г а м л е т

Как чужестранцев вы их и примите.
Гораций, в мире много кой-чего,
Что вашей философии не снилось.
Но к делу. Вновь клянитесь, если вам
Спасенье мило, как бы непонятно
Я дальше ни повел себя, кого
Собой ни счел необходимым корчить,
Вы никогда при виде этих штук
Вот эдак рук не скрестите, вот эдак
Не покачнете головой, вот так
Не станете цедить с мудреным видом:
“Кто-кто, а мы...”, “Могли б, да не хотим”,

“Приди охота...”, “Мы бы рассказали”.
Того не делать и не намекать,
Что обо мне разведали вы что-то,
Вот в чем клянитесь, и да будет бог
На помощь вам.

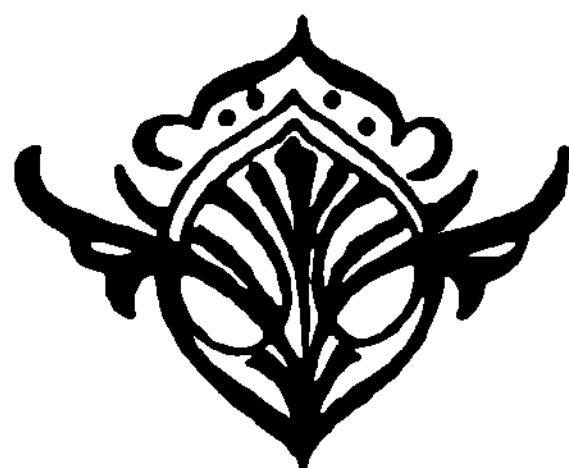
П р и з р а к
(из-под сцены)

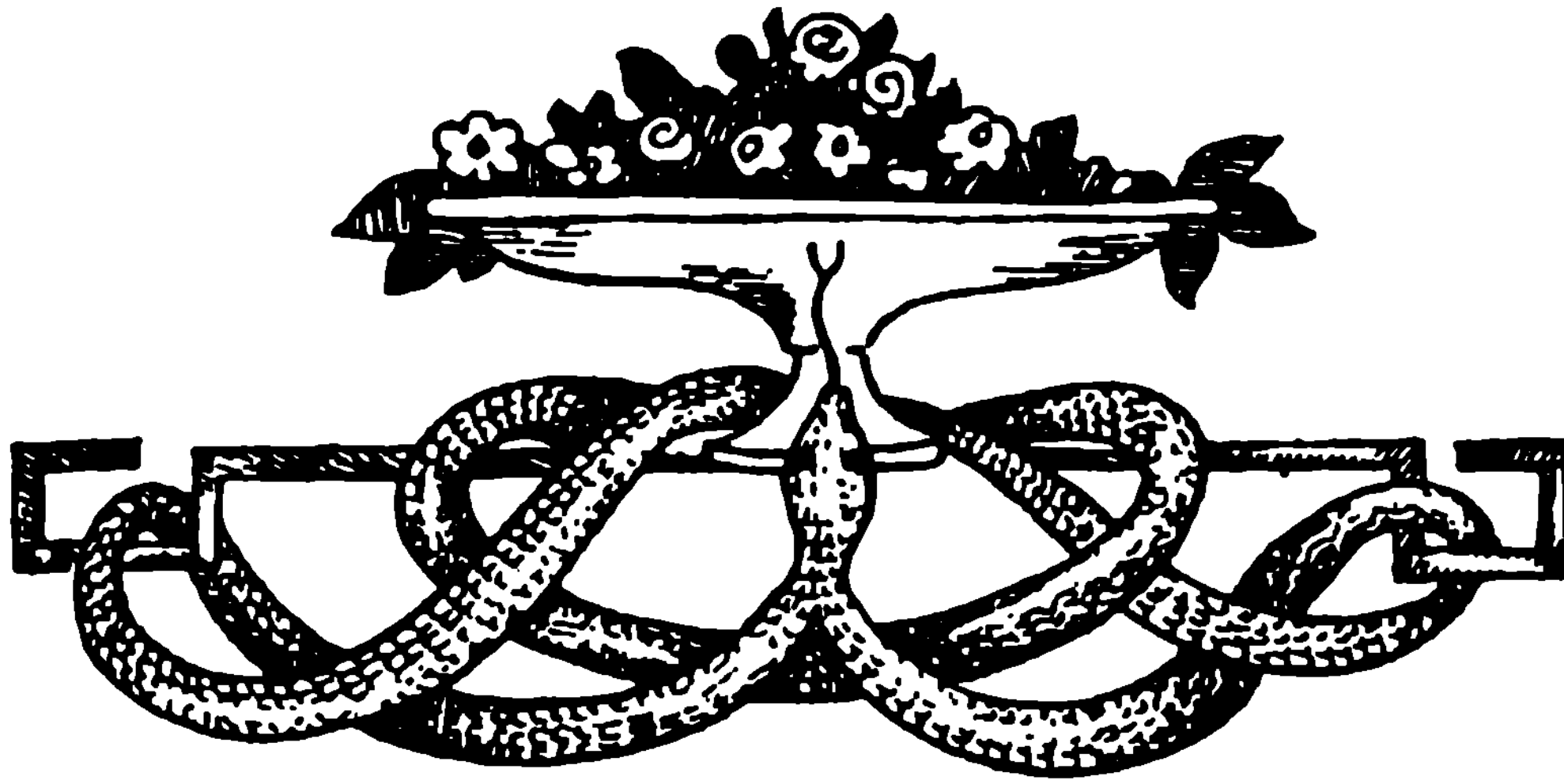
Клянитесь!

Г а м л е т

Успокойся,
Мятежный дух! А дальше, господа,
Себя с любовью вам препоручаю.
Все, чем возможно дружбу доказать,
Бедняк, как Гамлет, обещает сделать
Поздней, бог даст. Пойдемте вместе все.
И пальцы на губах, — напоминаю.
Разлажен жизни ход, и в этот ад
Закинут я, чтоб все пошло на лад!
Пойдемте вместе.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Эльсинор. Комната в доме Полония.

Входят Полоний и Рейнальдо.

Полоний

Вот деньги и письмо к нему,
Рейнальдо.

Рейнальдо

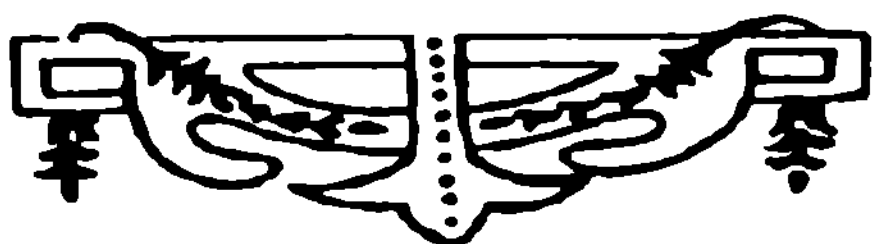
Вручу, милорд.

Полоний

Да было б хорошо
До вашего свидания, голубчик,
Разнюхать там, как он себя ведет.

Рейнальдо

Я это сам хотел, милорд.

П о л о н и й

Похвально.

Весьма похвально. Видите, дружок,
Сперва спросите про датчан в Париже,
Со средствами ль, кто родом, где стоят
И в дружбе с кем, и если б вдруг открылось,
Что сына знают, от обвиняков
Переходите прямо в наступленье,
Не подавая вида. Например,
Скажите тоном дальнего знакомства:
“Я знал его друзей, встречал отца,
Знаком отчасти и с самим”. Понятно?

Р е й н а л ь д о

Вполне, милорд.

П о л о н и й

“Отчасти и с самим.

Хотя, — спешите вставить, — очень мало.
Но если это тот же шалопай,
То так и так”, и врите, как на мертвых,
Про что угодно, кроме сумасбродств,
Вредящих чести. Это бог избави.
Про все же разновидности проказ,
Сопутствующих росту и свободе, —
Пожалуйста.

Рейнальдо

Да, милорд.

К чему все это?

Полоний

Вот мои расчеты.

Такие речи бьют наверняка.

Когда вы вскользь запачкаете сына,

Как за работой мажут рукава,

Ваш собеседник тотчас согласится,

И если тоже замечал за ним

Подобные проделки, непременно

Прервет вас, скажем, на такой манер:

“Сэр”, скажет он, иль “друг мой”,

или “сударь”,

Смотря по званию, и откуда сам,

И как воспитан.

Рейнальдо

Совершенно верно.

Полоний

И вот тогда, тогда-то вот, тогда...

Что это я хотел сказать? Клянусь причастием, я что-то хотел сказать. На чем я остановился?

Рейнальдо

На “он прервет вас, скажем...”

Полоний

Да, прервет.

Ага, прервет, прервет. “Да! — скажет он, —
Я знаю молодого человека.

Он был вчера или позавчера
С таким-то и таким-то и там-то.

Играли в мяч, он был порядком пьян
И кончил дракой”. Или: “Я свидетель,
Как ходит он в один торговый дом,
Точней сказать публичный”, и так дале.

Ну, поняли? Насаживайте ложь
И на живца ловите карпа правды.

Так все мы, люди дальнего ума,
Издалека, обходом, стороною
С кривых путей выходим на прямой.
Рекомендую с сыном тот же способ.
Ну, поняли? Понятно?

Рейнальдо

Да, милорд.

Полоний

Желаю здравствовать.

Рейнальдо

Милорд мой добрый!

Полоний

Пускай не замечает, что следят.

Рейнальдо

О нет, милорд.

Полоний

А впрочем, вольным воля,
Спасенным рай.

Рейнальдо

Понятно.

Полоний

Добрый путь.

Рейнальдо уходит.

Входит Офелия.

Офелия! Что скажешь?

Офелия

Боже правый!

В каком я перепуге!

П о л о н и й

Отчего?

Господь с тобой!

О ф е л и я

Я шила, входит Гамлет,
Без шляпы, безрукавка пополам,
Чулки до пяток, в пятнах, без подвязок,
Трясется так, что слышно, как стучит
Коленка о коленку, так растерян,
Как будто выпущен из-под земли
Порассказать об ужасах геенны.

П о л о н и й

От страсти обезумел?

О ф е л и я

Не скажу,

Но опасуюсь.

П о л о н и й

Что же говорит он?

О ф е л и я

Он сжал мне кисть и отступил на шаг,
Руки не разнимая, а другую

Поднес к глазам и стал из-под нее
Рассматривать меня, как рисовальщик.
Он долго изучал меня в упор,
Тряхнул рукою, трижды поклонился
И выпустил такой глубокий вздох,
Как будто перенес в него остаток
Последнего дыханья, вслед за чем
Разжал ладонь, освободил мне руку
И удалился, глядя чрез плечо.
Он шел и находил без глаз дорогу
И тем же чудом, пятась,
вышел в дверь,
Глаза все время на меня уставя.

П о л о н и й

Пойдем со мной, отыщем короля.
Здесь явный взрыв любовного безумья,
В неистовствах которого подчас
Доходят до отчаянных решений.
Но таковы все страсти под луной,
Играющие нами. Очень жалко.
Ты не была с ним эти дни резка?

О ф е л и я

Нет, кажется, но, помня наставленье,
Не принимала больше ни его,
Ни писем от него.

П о л о н и й

Вот он и спятил!

Жаль, что судил о нем я сгоряча
И так легко. Я думал, это модник
И твой губитель, и перемудрил.
Но видит бог, излишняя забота
Такое же проклятье стариков,
Как беззаботность — горе молодежи.
Идем и все расскажем королю.
Спасая близких, действуй без опаски:
Таить любовь опаснее огласки.
Идем.

Уходят.

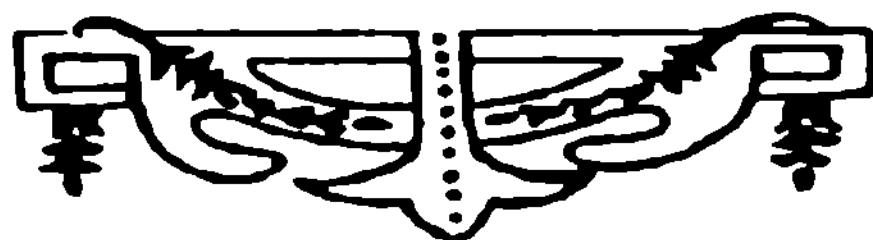
Сцена 2

Там же. Комната в замке.

Входят король, королева, Розенкранц, Гильденстерн
и свита.

К о р о л ь

Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн!
Помимо жажды видеть вас пред нами,
Заставила вас вызвать и нужда.
До вас дошла уже, наверно, новость
О превращенье Гамлета. Нельзя
Сказать иначе, так неузнаваем

Г и л ь д е н с т е р н

В согласье с чем мы оба повергаем
Свою готовность к царственным стопам
И ждем распоряжений.

К о р о л ь

Спасибо, Розенкранц и Гильденстерн.

К о р о л е в а

Спасибо, Гильденстерн и Розенкранц.
Пожалуйста, пройдите тотчас к сыну.
Он так переменился! Господа,
Пусть кто-нибудь их к Гамлету проводит.

Г и л ь д е н с т е р н

Дай бог, чтоб наше общество пошло
Ему на утешенье.

К о р о л е в а

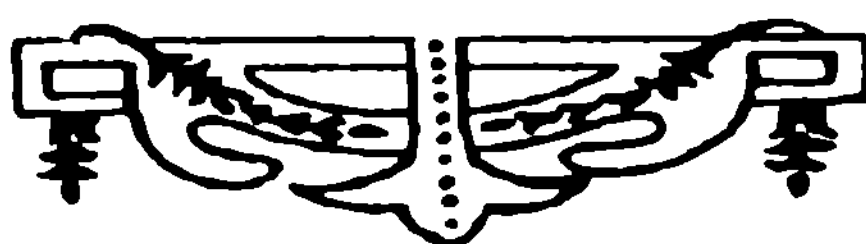
Бог на помощь.

Розенкранц, Гильденстерн и некоторые из свиты уходят.

Входит Полоний.

П о л о н и й

Послы благополучно, государь,
Вернулись из Норвегии.

К о р о л ь

Ты был всегда отцом благих вестей.

П о л о н и й

Был, государь, не так ли? И останусь.
Я долг привык блюсти пред королем,
Как соблюдаю душу перед богом.
И знаете, что я вам доложу?
Что либо этот мозг уж не годится
В охотничьи ищейки, либо я
Напал на корень Гамлетовых бредней.

К о р о л ь

О, не тяни. Не терпится узнать.

П о л о н и й

Сперва аудиенцию посольству,
А мой секрет на сладкое к нему.

К о р о л ь

Так сделай милость, выйди к ним
навстречу.

Полоний уходит.

Он говорит, Гертруда, что нашел,
На чем ваш сын несчастный помешался.

К о р о л е в а

Причина, к сожалению, одна:
Смерть короля и спешность нашей свадьбы.

К о р о л ь

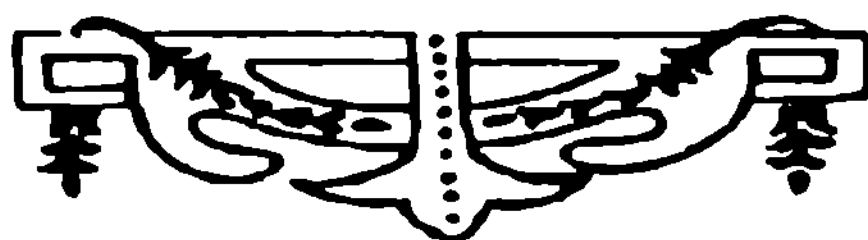
Увидим сами.

Возвращается Полоний с Вольтимандом
и Корнелием.

Здравствуйте, друзья!
Что, Вольтиманд, наш брат король норвежский?

В о л ь т и м а н д

Благодарит и сам желает благ.
Набор охотников приостановлен.
Он до сих пор казался королю
Военной подготовкой против Польши,
Но прикрывал, как понял он, удар
По вашему величеству. Увидев,
Как сам он в дряхлом возрасте своем
Обманут был племянником, он вызвал
Его приказом. Фортинбрас пришел,
От дяди получил головомоюку
И дал, раскаясь, клятву никогда
На вас, милорд, не подымать оружия.
На радостях растроганный старик
Дает ему три тысячи годичных

И право двинуть набранных солдат
В поход на Польшу. В приложенье — просьба,

(подает бумагу)

Чтоб вы благоволили дать войскам
Свободный пропуск чрез свои владенья
Под верное ручательство, статьи
Которого изложены особо.

К о р о л ь

Весьма довольны положеньем дел.
Вчитаемся подробней на досуге
И, обсудив, придумаем ответ.
Благодарим за рвенье. Отдохните.
А вечером пожалуйста на пир.
До скорой встречи.

Вольтиманд и Корнелий уходят.

П о л о н и й

Это дело в шляпе.

Вдаваться, государи, в спор о том,
Что значит царь и слуги и что время
Есть время, день есть день и ночь есть ночь, —
Есть трата времени и дня и ночи.
Итак, раз краткость есть душа ума,
А многословье — тело и прикрасы,
То буду сжат. Ваш сын сошел с ума.

С ума, сказал я, ибо сумасшедший
И есть лицо, сошедшее с ума.
Но по боку.

К о р о л е в а

Дельней, да безыскусней.

П о л о н и й

Здесь нет искусства, госпожа моя.
Что он помешан — факт. И факт, что жалко.
И жаль, что факт. Дурацкий оборот.
Но все равно. Я буду безыскусен.
Допустим, он помешан. Надлежит
Найти причину этого эффекта,
Или дефекта, ибо сам эффект
Благодаря причине дефективен.
А то, что надо, в том и есть нужда.
Что ж вытекает?
Я дочь имею, ибо дочь — моя.
Вот что дала мне дочь из послушанья.
Судите и внимайте, я прочту.

(Читает.)

“Небесной, идолу души моей, ненаглядной Офелии”.
Это плохое выражение, избитое выражение: “ненаглядной” —
избитое выражение. Но слушайте дальше. Вот:

(Читает.)

“На ее дивную белую грудь эти...” и тому подобное.

К о р о л е в а

Ей это Гамлет пишет?

П о л о н и й

Миг терпенья.

Я по порядку, госпожа моя.

(Читает.)

“Не верь дневному свету,
Не верь звезде ночей,
Не верь, что правда где-то,
Но верь любви моей.

О дорогая Офелия, не в ладах я со стихосложением. Вздыхать по мерке не моя слабость. Но что я крепко люблю тебя, о, моя хорошая, верь мне. Прощай. Твой навеки, драгоценнейшая, пока эта махина принадлежит ему. *Гамлет*”.

Вот что мне дочь дала из послушанья,
А также показала на словах,
Когда по времени и где по месту
Любезничал он с ней.

К о р о л ь

Как приняла

Она его любовь?

П о л о н и й

Какого мненья

Вы обо мне?

К о р о л ь

**Вы чести образец
И преданности.**

П о л о н и й

Рад бы оказаться.

**Какого ж мненья были б вы, когда,
Застигнув эту страсть в ее зачатке,
А я ее, признаться, разглядел
Скорей, чем дочь, — какого мненья были б
Вы, государыня, вы, государь,
Когда б я терпеливее бумаги
Сквозь пальцы стал смотреть на эту страсть
И сделал сердцу знак молчать. Какого
Вы были б мненья? Нет, я напрямик
Немедленно сказал своей девице:
“Лорд Гамлет — принц, он не твоей звезды.
Тому не быть” — и сделал ей внушенье
Замкнуться от его похвал на ключ,
Гнать посланных и возвращать подарки.
Она меня послушалась, и что ж:
Отвергнутый, чтоб выразиться вкратце,
Он впал в тоску, утратил аппетит,
Утратил сон, затем утратил силы,
А там из легкого расстройства впал
В тяжелое, в котором и бушует
На горе всем.**

К о р о л ь

Вы тех же мыслей?

К о р о л е в а

Да.

Правдоподобно.

П о л о н и й

Назовите случай,
Когда бы утверждал я: “это так”,
А было б по-иному.

К о р о л ь

Не припомню.

П о л о н и й

(показывая на свою голову и плечи)

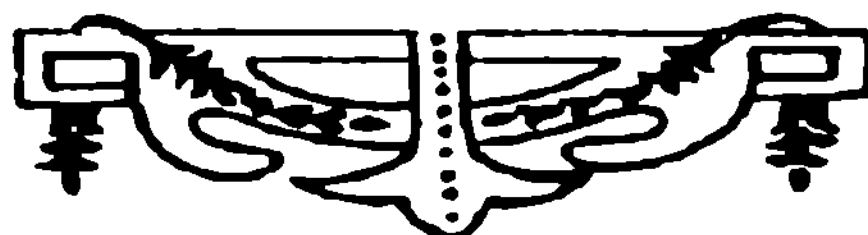
Я это дам от этого отсечь,
Что прав и ныне. С нитью путеводной
Я под землей до правды доберусь.

К о р о л ь

Как это нам проверить?

П о л о н и й

Очень просто.

Он бродит тут часами напролет
По галерее.

К о р о л е в а
Совершенно верно.

П о л о н и й
Я дочь ему подкину в этот час,
А мы вдвоем за занавеску станем.
Увидите их встречу. Если он
Не любит дочь и не любовью болен,
Я больше не сановник, а держу
Заезжий двор.

К о р о л ь
Ну что ж, понаблюдаем.

К о р о л е в а
А вот бедняжка с книжкой и сам.

П о л о н и й
Уйдите оба, оба уходите.
Я подойду к нему. Прошу простить.

Король, королева и свита уходят.

Входит Г а м л е т, читая.

Как поживает господин мой Гамлет?

Г а м л е т. Хорошо, слава богу.

П о л о н и й. Вы меня знаете, милорд?

Г а м л е т. Отлично. Вы рыбный торговец.

П о л о н и й. Нет, что вы, милорд.

Г а м л е т. Тогда не мешало б вам быть таким же честным.

П о л о н и й. Честным, милорд?

Г а м л е т. Да, сэр. Быть честным, по ходу вещей, значит быть единственным из десяти тысяч.

П о л о н и й. Это совершенная истина, милорд.

Г а м л е т. Уж если и солнце приживает червей с собачиной, была бы пададь для лобзаний... Есть у вас дочь?

П о л о н и й. Есть, милорд.

Г а м л е т. Не пускайте ее на солнце. Зачать — благодатно, но не для вашей дочери. Не зевайте, приятель.

П о л о н и й (*в сторону*). Ну что вы скажете? Нет-нет да и свернет на дочку. А вперед не узнал. Рыбный, говорит, торговец. Далеко зашел, далеко. В сущности говоря, в молодости и я ох как натерпелся от любви. Почти что в этом роде. Попробую опять. — Что читаете, милорд?

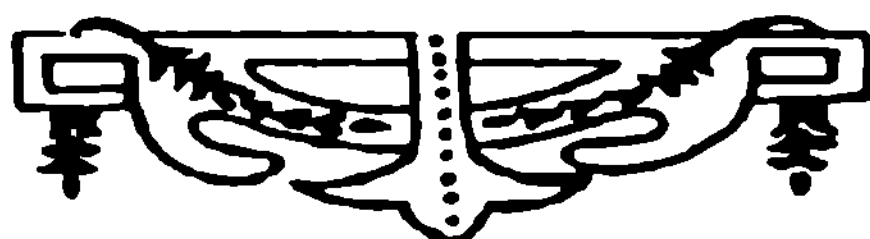
Г а м л е т. Слова, слова, слова.

П о л о н и й. А в чем там дело, милорд?

Г а м л е т. Между кем и кем?

П о л о н и й. Я хочу сказать, что написано в книге, милорд?

Г а м л е т. Клевета. Каналья сатирик утверждает, что у стариков седые бороды, лица в морщинах, из глаз густо сочится смола и сливовый клей и что их распирает от маломыслия,

сопряженного со слабостью ляжек. Всему этому, сэр, я верю легко и охотно, но публиковать это считаю бесстыдством, ибо сами вы, милостивый государь, когда-нибудь состаритесь, как я, ежели, подобно раку, будете пятиться назад.

П о л о н и й (в сторону). Если это и безумье, то по-своему последовательное. — Не уйти ли подальше с открытого воздуха, милорд?

Г а м л е т. Куда, в могилу?

П о л о н и й. В самом деле, дальше нельзя. (В сторону.) Как пронизательны подчас его ответы! Находчивость, которая часто сама валится на полоумных и не всегда жалует понятливых. Однако пойду поскорей придумаю, как бы ему встретиться с дочкой. — Досточтимый принц, прошу разрешения удалиться.

Г а м л е т. Не мог бы вам дать ничего, сэр, с чем расстался бы охотней. Кроме моей жизни, кроме моей жизни, кроме моей жизни.

П о л о н и й. Желаю здравствовать, принц.

Г а м л е т. О, эти несносные старые дурни!

Входят Розенкранц и
Гильденстерн.

П о л о н и й. Вам принца Гамлета? Вот он как раз.

Р о з е н к р а н ц (Полонию). Спасибо, сэр.

Полоний уходит.

Г и л ь д е н с т е р н. Почтенный принц!

Р о з е н к р а н ц. Бесценный принц!

Г а м л е т

Ба, милые друзья! Ты, Гильденстерн?
Ты, Розенкранц? Ну как дела, ребята?

Р о з е н к р а н ц

Как у любого из сынов земли.

Г и л ь д е н с т е р н

По счастью, наше счастье не чрезмерно,
Мы не верхи на колпаке Фортуны.

Г а м л е т. Но также не низы ее подошв?

Р о з е н к р а н ц. Ни то, ни это, принц.

Г а м л е т. Значит вы где-то на полдороге к талии или в самой сердцевине ее милостей.

Г и л ь д е н с т е р н. Вот-вот. Там мы люди свои.

Г а м л е т. В тайниках Фортуны? Охотно верю. Это баба бывалая. Однако что нового?

Р о з е н к р а н ц. Ничего, принц, кроме того, что в мире завелась совесть.

Г а м л е т. Значит, скоро конец света. Впрочем, у вас ложные сведенья. Однако давайте поподробнее. Чем прогневили вы, дорогие мои, эту свою Фортуну, что она шлет вас сюда в тюрьму?

Г и л ь д е н с т е р н. В тюрьму, принц?

Г а м л е т

Дания — тюрьма.

Русский актер Каратыгин в роли Гамлета

Р о з е н к р а н ц

Тогда весь мир тюрьма.

Г а м л е т. И притом образцовая, со множеством арестантских темниц и подземелий, из которых Дания — наихудшее.

Р о з е н к р а н ц. Мы не согласны, принц.

Г а м л е т. Значит, для вас она не тюрьма, ибо сами по себе вещи не бывают хорошими и дурными, а только в нашей оценке. Для меня она тюрьма.

Р о з е н к р а н ц. Значит, тюрьмой делает ее ваша жажда славы. Вашим запросам тесно в ней.

Г а м л е т. О боже! Заключите меня в скорлупу ореха, и я буду мнить себя повелителем бесконечности, только избавьте меня от дурных снов.

Г и л ь д е н с т е р н. А вот сны-то и есть мечты о славе. Так что сущность честолюбца — это как бы тень, отбрасываемая сном.

Г а м л е т. Сон сам по себе только тень.

Р о з е н к р а н ц. Ваша правда. И по-моему, желанье славы такого воздушного строения, что всего лишь тень тени.

Г а м л е т. Итак, одни ничтожества у нас истинные тела, а владетельные и великие особы — тени ничтожеств. Однако, чем умствовать, не пойти ли лучше ко двору. Ей-богу, я едва соображаю.

Р о з е н к р а н ц и Г и л ь д е н с т е р н. Мы ваши верные слуги.

Г а м л е т. Нет, к чему же! Мои слуги стали слишком хоро-

шо следить за мной в последнее время. Но положи руку на сердце: зачем вы в Эльсиноре?

Розенкранц. В гостях у вас, принц, больше ни за чем.

Гамлет. При моей бедности, мала и моя благодарность. Но я благодарю вас. И однако: даже этой благодарности слишком для вас много. За вами не посылали? Это ваше собственное побуждение? Ваш приезд доброволен? А? Пожалуйста, по совести. А? А? Ну как?

Гильденстерн. Что нам сказать милорд?

Гамлет. Ах, да что угодно, только не к делу! За вами послали. В ваших глазах есть род признанья, которое ваша сдержанность бессильна затушевать. Я знаю, добрый король и королева послали за вами.

Розенкранц. С какою целью, принц?

Гамлет. Это уж вам лучше знать. Но только заклинаю вас правами товарищества, былым единодушьем, обязательствами, налагаемыми нерушимой любовью, и всем тем из заветнейшего, что мог бы привести кто-нибудь поискусней, — без изворотов со мной: посылали за вами или нет?

Розенкранц (Гильденстерну). Что вы скажете?

Гамлет (в сторону). Ну вот, не в бровь, а в глаз. (Громко.) Если любите меня, не отпирайтесь.

Гильденстерн. Милорд, за нами послали.

Гамлет. Хотите, скажу вам — зачем. Таким образом моя догадка предупредит вашу болтливость, и ваша верность тайне короля и королевы не полиняет ни перышком. Недавно, не знаю почему, я потерял всю свою веселость и привычку к

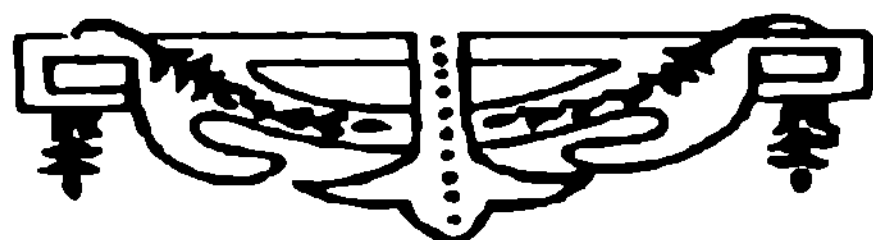
занятым. Мне так не по себе, что этот цветник мироздания, земля, кажется мне бесплодною скалою, а этот необъятный шатер воздуха с неприступно вознесшейся твердью, этот, видите ли, царственный свод, выложенный золотою искрой, на мой взгляд — просто-напросто скопление вонючих и вредных паров. Какое чудо природы человек! Как благороден разумом! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям! В поступках как близок к ангелу! В воззрениях как близок к богу! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что мне эта квинтэссенция праха? Мужчины не занимают меня, и женщины тоже, как ни оспаривают этого ваши улыбки.

Р о з е н к р а н ц. Принц, ничего подобного не было у меня в мыслях!

Г а м л е т. Что же вы усмехнулись, когда я сказал, что мужчины не занимают меня?

Р о з е н к р а н ц. Я подумал, какой постный прием окажете вы в таком случае актерам. Мы их обогнали по дороге. Они направляются сюда предложить вам свои услуги.

Г а м л е т. Играющему королей — низкий поклон. Я буду данником его величества. Странствующий рыцарь найдет дело для своего меча и щита. Вздохи любовника не пропадут даром. Меланхолик обретет желанный покой. Над шутом будут надрывать животики все те, у кого они, как взведенные курки, только ждут щекотки. Пускай героиня выкладывает всю душу, не считаясь со стихосложением. Что это за актеры?

Р о з е н к р а н ц. Те самые, которые вам так нравились, — столичные трагики.

Г а м л е т. Что их толкнуло в разъезды? Постоянное пристанище было выгоднее в отношении денег и славы.

Р о з е н к р а н ц. Я думаю, их к этому принудили последние нововведения.

Г а м л е т. Ценят ли их, как в прежнее время, когда я был в городе? Такие же ли у них сборы?

Р о з е н к р а н ц. Нет, в том-то и дело, что нет.

Г а м л е т. Отчего же? Разве они стали хуже?

Р о з е н к р а н ц. Нет, они подвизаются на своем поприще с прежним блеском. Но в городе объявился целый выводок детворы, едва из гнезда, которые берут самые верхние ноты и срывают нечеловеческие аплодисменты. Сейчас они в моде и подвергают таким нападкам обыкновенные театры, как они их называют, что люди со шпагами не решаются их посещать из страха гусиных перьев.

Г а м л е т. Неужели эти дети так страшны? Кто их содержит? Как им платят? Что, это их временное призванье? А позже, когда у них погрубеют голоса и они сами станут актерами обыкновенных театров, не пожалеют ли они, что старшие восстанавливали их против собственной будущности?

Р о з е н к р а н ц. Сказать правду, много было шуму с обеих сторон, и народ не считает грехом стравливать их друг с другом. Одно время за пьесу ничего не давали, если в ней не разделялись с противником.

Г а м л е т. Неужели?

Г и л ь д е н с т е р н. О, крови при этом испорчено немало.

Г а м л е т. И мальчишки одолевают?

Р о з е н к р а н ц. Да, принц. И Геркулеса с его ношей.

Г а м л е т. Впрочем, это не удивительно. Например, сейчас дядя мой — датский король, и те самые, которые строили ему рожи при жизни моего отца, дают по двадцать, сорок, пятьдесят и по сто дукатов за его мелкие изображения. Черт возьми, тут есть что-то сверхъестественное, если бы только философия могла до этого докопаться.

Трубы за сценой.

Г и л ь д е н с т е р н. Вот и актеры.

Г а м л е т. С приездом в Эльсинор вас, господа. Ваши руки, товарищи. В понятия радушья входят такт и светские условности. Обменяемся их знаками, чтобы после моей встречи с актерами вы не подумали, что с ними я более любезен. Еще раз, с приездом. Но мой дядя-отец и тетка-матушка ошибаются.

Г и л ь д е н с т е р н. В каком отношении, милорд?

Г а м л е т. Я помешан только в норд-норд-вест. При южном ветре я еще отличу сокола от цапли.

Входит Полоний.

П о л о н и й. Здравствуйте, господа.

Г а м л е т. Слушайте, Гильденстерн, и вы тоже. На каждое ухо по слушателю. Старый младенец, которого вы видите, еще не вышел из пеленок.

Р о з е н к р а н ц. Может быть, он попал в них вторично. Сказано ведь: старый, что малый.

Г а м л е т. Предсказываю, что он с сообщением об актерах. Вот увидите. — Совершенная правда, сэр. В понедельник утром, как вы сказали.

П о л о н и й. Милорд, у меня есть новости для вас.

Г а м л е т. Милорд, у меня есть новости для вас. Когда Росций был в Риме актером...

П о л о н и й. Актеры приехали, милорд.

Г а м л е т. Кудях-тах-тах, кудях-тах-тах...

П о л о н и й. Ей-богу, милорд.

Г а м л е т. Прикатили на ослах...

П о л о н и й. Лучшие в мире актеры на любой вкус, для исполнения трагедий, комедий, хроник, пасторалей, вещей пасторально-комических, историко-пасторальных, трагико-исторических, трагикомико- и историко-пасторальных, для сцен вне разряда и непредвиденных сочинений. Важность Сенеки, легкость Плавта для них не штука. В чтение наизусть и экспромтом это люди единственные.

Г а м л е т. О Евфай, судья Израиля, какое у тебя было сокровище!

П о л о н и й. Какое же это сокровище было у него, милорд?

Г а м л е т. А как же,

“Единственную дочь растил
И в ней души не чаял”.

П о л о н и й (в сторону). Все норовит о дочке!

Г а м л е т. А? Не так, что ли, старый Евфай?

П о л о н и й. Если Евфай — это я, то совершенно справедливо, у меня есть дочь, в которой я души не чаю.

Г а м л е т. Нет, ничуть это не справедливо.

П о л о н и й. Что же тогда справедливо, милорд?

Г а м л е т. А вот что:

“А вышло так, как бог судил,
И клад, как воск, растаял”.

Продолженье, — виноват, — в первой строфе духовного стиха, потому что, видите, мы будем сейчас развлекаться.

Входят четверо или пятеро актеров.

Здравствуйте, господа. Милости просим. Рад вам всем. Здравствуйте, мои хорошие. — Ба, старый друг! Скажите, какой бородой завесился с тех пор, как не видались! Приехал, прикрывшись ею, подсмеиваться надо мною в Дании? — Вас ли я вижу, барышня моя? Царица небесная, вы на целый венецианский каблук залетели в небо с нашей последней встречи. Будем надеяться, ваш голос не фальшивит, как золото, изъятое из обращения. — Милости просим, господа. Давайте, как французские сокольничьи, набросимся на первое, что попадется. Пожалуйста, какой-нибудь монолог. Дайте нам образчик вашего искусства. Ну! Какой-нибудь страстный монолог.

П е р в ы й а к т е р. Какой монолог, добрейший принц?

Г а м л е т. Помнится, раз ты читал мне один отрывок, вещи никогда не ставили, или не больше разу, — пьеса не понравилась. Для большой публики это было, что называется, не в коня корм. Однако, как воспринял я и другие, еще лучшие судьи, это была великолепная пьеса, хорошо разбитая на сце-

ны и написанная с простотой и умением. Помнится, возражали, что стихам недостает пряности, а язык не обнаруживает приподнятости, но находили работу добросовестной и приятною без прикрас. Один монолог я в ней особенно любил, это, где Эней рассказывает о себе Дидоне, и в особенности то место, где он говорит об убийстве Приама. Если он еще у вас в памяти, начните вот с какой строчки. Погодите, погодите.

“Свирепый Пирр, тот, что, как зверь
Гирканский...”

Нет, не так. Но начинается с Пирра:

“Свирепый Пирр, чьи черные доспехи
И мрак души напоминали ночь,
Когда лежал он, прячась в конском чреве,
Теперь покрасил черный цвет одежд
Малиновым, — и стал еще ужасней.
Теперь он с ног до головы в крови
Мужей и жен, и сыновей, и дочек,
Запекшейся в жару горящих стен,
Которые убийце освещают
Дорогу к цели. В кровавой коре.
Дыша огнем и злобой, Пирр безбожный,
Карбункулами выкатив глаза,
Приама ищет”.

Продолжайте сами.

П о л о н и й. Ей-богу, хорошо, милорд, с хорошей дикцией и чувством меры.

Первый актер

“Пирр его находит.
Насилу приподнявши меч, Приам
От слабости его роняет наземь.
Ему навстречу подбегает Пирр,
Сплеча замахиваясь на Приама;
Но этого уже и свист клинка
Сметает с ног. И тут как бы от боли
Стена дворца горящего, клонясь,
Обваливается и оглушает
На миг убийцу. Пирров меч в руке
Над головою так и остается,
Как бы вонзившись в воздух на лету.
С минуту, как убийца на картине,
Стоит, забывшись, без движенья Пирр,
Руки не опуская.
Но как бывает часто перед бурей,
Беззвучны выси, облака стоят,
Нет ветра, и земля, как смерть, притихла, —
Откуда ни возмись внезапный гром
Раскалывает местность... Так, очнувшись,
Тем яростней возжаждал крови Пирр,
И вряд ли молот в кузнице циклопов
За ковкой лат для Марса плющил сталь
Бесчувственней, чем Пирров меч кровавый
Пал на Приама.
Стыдись, Фортуна! Дайте ей отставку,

О боги, отымите колесо,
Разбейте обод, выломайте спицы,
И круглый вал скатите с облаков
В тартарары!”

П о л о н и й. Слишком длинно.

Г а м л е т. Это пошлют в цирюльню вместе с вашей бородой. — Продолжай, прошу тебя. Для него существуют только балеты и сальные анекдоты, а от прочего он засыпает. Продолжай. Перейди к Гекубе.

П е р в ы й а к т е р

“Кто б увидал лохматую царицу...”

Г а м л е т. “Лохматую царицу?”

П о л о н и й. Хорошо! “Лохматую царицу” — хорошо!

П е р в ы й а к т е р

“Гася слезами пламя, босиком
Она металась с головной повязкой
Взамен венца, и обмотавши стан,
Сухой от многочадья, одеялом,
Случившимся в руках. Кто б увидал
Все это, ядовитыми словами
Фортуны бы позором заклеил.
А если б боги сами подсмотрели,
Как потешался над царицей Пирр,
Кромсая перед нею тело мужа,

И если смертный мог бы их пронять, —
Тогда бы вопль несчастной, переполнив
Слезами жаркие глаза небес,
Смягчил бессмертных”.

П о л о н и й. Смотрите, он изменился в лице и весь в слезах! Пожалуйста, довольно.

Г а м л е т. Хорошо. Остальное доскажешь после. Почтеннейший, посмотрите, чтоб об актерах хорошо позаботились. Вы слышите, пообходительнее с ними, потому что они обзор и короткая повесть времени. Лучше иметь вам скверную надпись на гробнице, нежели дурной их отзыв при жизни.

П о л о н и й. Принц, я обойдусь с ними по заслугам.

Г а м л е т. Нет, лучше, чтоб вас черт побрал, любезнейший! Если обходиться с каждым по заслугам, кто уйдет от порки? Обойдитесь с ними в меру вашего достоинства. Чем меньше у них заслуг, тем больше их будет у вашей щедрости. Проводите их.

П о л о н и й. Пойдемте, господа.

Г а м л е т. Идите за ним, друзья. Завтра у нас представление.

Полоний и все актеры, кроме первого, уходят.

Скажи, старый друг, можете вы сыграть “Убийство Гонзаго?”

П е р в ы й а к т е р. Да, милорд.

Г а м л е т. Поставь это завтра вечером. Скажи, можно будет, в случае надобности, заучить кусок строк в двенадцать-шестнадцать, который я напишу и поставлю?

Первый актер. Да, милорд.

Гамлет. Превосходно. Ступай за тем господином, да смотри не передразнивай его.

Первый актер уходит.

Простимся до вечера, друзья мои. Еще раз: вы — желанные гости в Эльсиноре.

Розенкранц. Добрейший принц!

Гамлет. Храни вас бог!

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Один я. Наконец-то.

Какой же я холоп и негодяй!

Не страшно ль, что актер проезжий этот

В фантазии, для сочиненных чувств,

Так подчинил мечте свое сознание,

Что сходит кровь со щек его, глаза

Туманят слезы, замирает голос,

И облик каждой складкой говорит,

Чем он живет. А для чего в итоге?

Из-за Гекубы!

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?

А он рыдает. Что б он натворил,

Будь у него такой же повод к страсти,

Как у меня? Зал плавал бы в слезах.

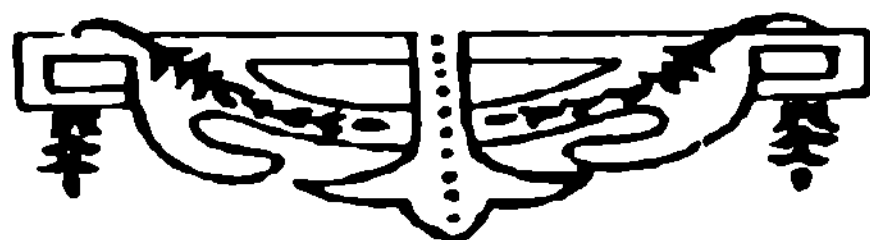
Он оглушил бы громом монолога

Виновного, и свел его с ума,

И вразумил бы скромность и невинность,

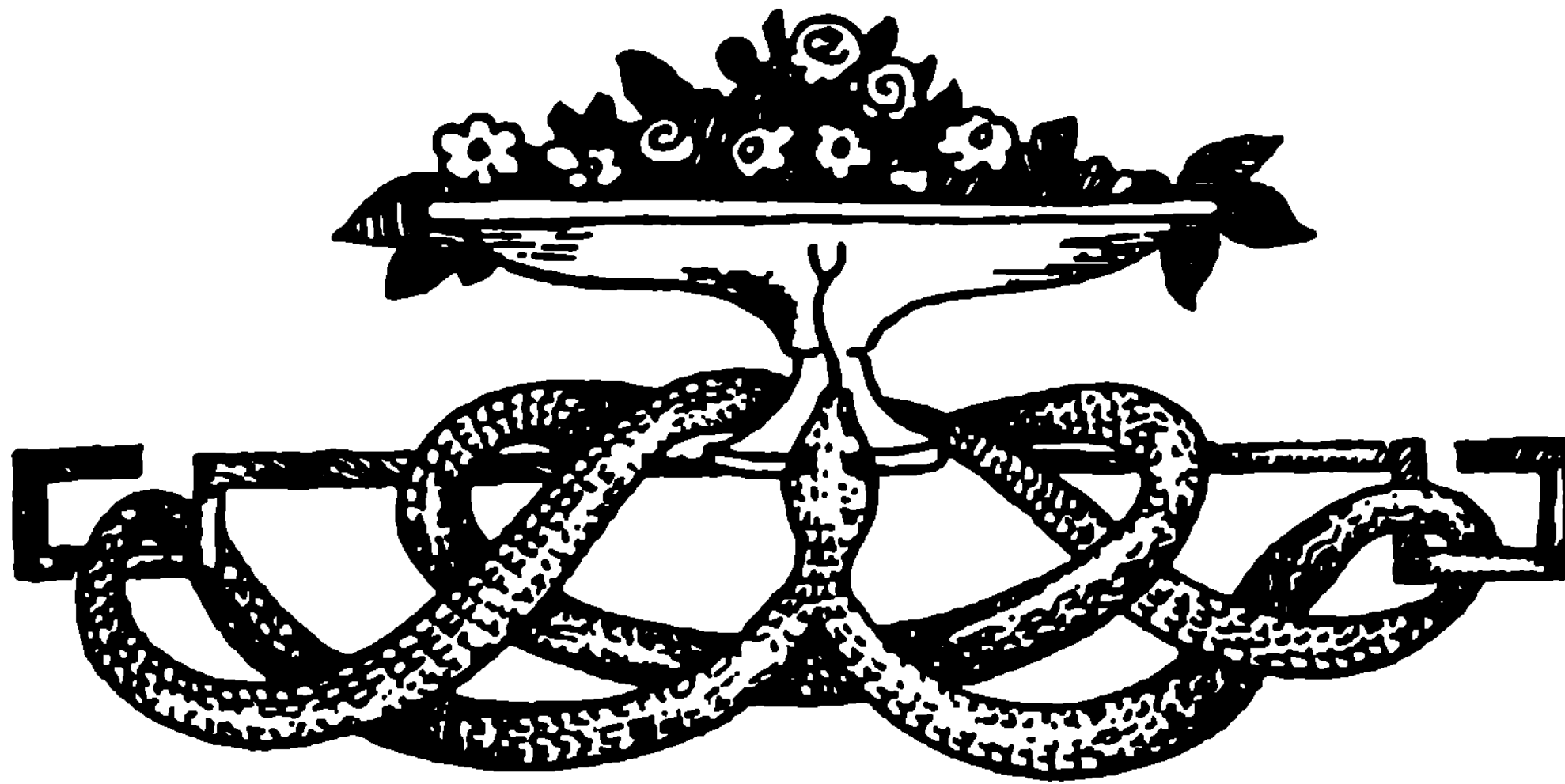
И зренье бы и слух поверг во прах.
А я,
Тупой и жалкий выродок, слоняюсь
В сонливой лени и ни о себе
Не заикнусь, ни пальцем не ударю
Для короля, чью жизнь и власть смели
Так подло. Что ж, я трус? Кому угодно
Сказать мне дерзость? Дать мне тумака?
Как мальчику прочесть нравоученье?
Взять за нос? Обозвать меня лжецом
Заведомо безвинно? Кто охотник?
Смелее! В получение распишусь.
Не желчь в моей печенке голубиной,
Позор не злит меня, а то б давно
Я выкинул стервятникам на сало
Труп изверга. Блудливый шарлатан!
Кровавый, лживый, злой, сластолюбивый!
О мщенье!
Ну и осел я, нечего сказать!
Я, сын отца убитого, на мщенье
Подвинутый из ада и с небес,
Как проститутка, изливаю душу
И громко сквернословью предаюсь,
Как судомойка!
ТЬфу, черт! Проснись, мой мозг! Я где-то слышал,
Что люди с темным прошлым, находясь
На представленье, сходном по завязке,

Ошеломлялись живостью игры
И сами сознавались в злодеяньях.
Убийство выдает себя без слов,
Хоть и молчит. Я поручу актерам
Сыграть пред дядей вещь по образцу
Отцовой смерти. Послежу за дядей, —
Возьмет ли за живое. Если да,
Я знаю, как мне быть. Но может статься,
Тот дух был дьявол. Дьявол мог принять
Любимый образ. Может быть, лукавый
Расчел, как я устал и удручен,
И пользуется этим мне на гибель.
Нужны улики поверней моих,
Здесь, в записях. Для этого со сцены
Я совесть короля на них поддену.

(Уходит).

АКТ III

Сцена 1

Эльсинор. Комната в замке.

Входят король, королева, Полоний, Офелия,
Розенкранц и Гильденстерн.

Король

Так, значит, вы не можете добиться,
Зачем он напускает эту дурь?
Чем взвинчен он, что, не боясь последствий,
В душевном буйстве тратит свой покой?

Розенкранц

Он сам признал, что не в своей тарелке,
Но почему, не хочет говорить.

Гильденстерн

Выпытыванью он не поддается.
Едва заходит о здоровье речь,
Он ускользает с хитростью безумца.

К о р о л е в а

А как он принял вас?

Р о з е н к р а н ц

Как джентльмен.

Г и л ь д е н с т е р н

Но с некоторой долей принуждения.

Р о з е н к р а н ц

Скупился на вопросы, но в ответ
Был разговорчив.

К о р о л е в а

Вы его не звали
Развлекься?

Р о з е н к р а н ц

Как же. Все само сошлось.
Дорогою мы встретили актеров.
Узнав об этом, он был очень рад.
Во всяком случае, актеры в замке
И получили, кажется, приказ
Играть сегодня.

П о л о н и й

Истинная правда.

Он просит августейшую чету
Пожаловать к спектаклю.

К о р о л ь

С наслаждением.

Мне радостно узнать, что у него
Такие интересы. Джентльмены,
И дальше поощряйте эту страсть.
Пусть не хандрит.

Р о з е н к р а н ц

Приложим все усилия.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

К о р о л ь

Моя Гертруда, удались и ты.
За Гамлетом негласно подослали.
Он здесь столкнется как бы невзначай
С Офелией. Шпионы поневоле,
Мы спрячемся вблизи с ее отцом
И разузнаем, в чем несчастье принца:
Любовь ли это точно или нет.

К о р о л е в а

Сейчас я удалюсь. А вам желаю,
Офелия, чтоб ваша красота
Была единственной болезнью принца,

А ваша добродетель навела
Его на путь, к его и вашей чести.

О ф е л и я

О, дал бы бог.

Королева уходит.

П о л о н и й

Офелия, сюда.

Прогуливайся. Государь, извольте
Всемиловитиво скрыться. Дочь, возьми
Для вида книгу. Чтение оправдает
Укромность места. — Все мы хороши:
Святым лицом и внешним благочестьем
При случае и черта самого
Обсахарим.

К о р о л ь

(в сторону.)

О, это слишком верно.

Он этим, как ремнем, меня огрел.
Ведь щеки шлюхи, если снять румяна,
Не так ужасны, как мои дела
Под красными словами. О, как тяжело!

П о л о н и й

Он близко. Отойдемте, государь.

Король и Полоний уходят.

Входит Г а м л е т.

Г а м л е т

Быть иль не быть, вот в чем вопрос. Достойно ль
Души терпеть удары и щелчки
Обидчицы судьбы иль лучше встретить
С оружием море бед и положить
Конец волненьям? Умереть. Забыться.
И все. И знать, что этот сон — предел
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть. И видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?
Вот объясненье. Вот что удлиняет
Несчастьям нашим жизнь на столько лет.
А то кто снес бы униженья века,
Позор гоненья, выходки глупца,
Отринутую страсть, молчанье права,
Надменность власть имущих и судьбу
Больших заслуг перед судом ничтожеств,
Когда так просто сводит все концы
Удар кинжала? Кто бы согласился
Кряхтя под ношей жизненной плестись,
Когда бы неизвестность после смерти,

Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, не склоняла воли
Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться.
Так всех нас в трусов превращает мысль.
Так блекнет цвет решимости природной
При тусклом свете бледного ума,
И замыслы с размахом и почином
Меняют путь и терпят неуспех
У самой цели. Между тем довольно! —
Офелия! О, радость! Помяни
Мои грехи в своих молитвах, нимфа.

О ф е л и я

Принц, были ль вы здоровы это время?

Г а м л е т

Благодарю: вполне, вполне, вполне.

О ф е л и я

Принц, у меня от вас есть подношенья.
Я вам давно хотела их вернуть.
Возьмите их.

Г а м л е т

Да полно, вы ошиблись.
Я в жизни ничего вам не дарил.

О ф е л и я

Дарили, принц, вы знаете прекрасно.
С придачею певучих нежных слов,
Их ценность умножавших. Так как запах
Их выдохся, возьмите их назад.
Порядочные девушки не ценят,
Когда их одаряют, и изменяют.
Пожалуйста.

Г а м л е т. Ах, так вы порядочная девушка?

О ф е л и я. Милорд?

Г а м л е т. И вы хороши собой?

О ф е л и я. Что разумеет ваша милость?

Г а м л е т. То, что если вы порядочная и хороши собой, вашей порядочности нечего делать с вашей красотой.

О ф е л и я. Разве для красоты не лучшая спутница порядочность?

Г а м л е т. О, конечно. И скорее красота стащит порядочность в омут, нежели порядочность исправит красоту. Прежде это считалось парадоксом, а теперь доказано. Я вас любил когда-то.

О ф е л и я. Действительно, принц, мне верилось.

Г а м л е т. А не надо было верить. Сколько не прививай добродетель к нашему грешному стволу, старины не выкурить. Я не любил вас.

О ф е л и я. Тем больней я обманулась.

Г а м л е т. Ступай в обитель. К чему плодить грешников?

Сам я — сносной нравственности. Но и я стольким мог бы попрекнуть себя, что лучше бы моя мать не рожала меня. Я очень горд, мстителен, самолюбив. И в моем распоряжение больше гадостей, чем мыслей, чтобы эти гадости обдумать, фантазии, чтоб облечь их в плоть, и времени, чтобы их исполнить. Какого дьявола люди вроде меня толкуются меж небом и землею? Все мы кругом обманщики. Не верь никому из нас. Ступай добром в обитель. Где твой отец?

О ф е л и я. Дома, милорд.

Г а м л е т. Надо запирать за ним покрепче, чтобы он разыгрывал дурака только с домашними. Иди с миром.

О ф е л и я. Святые силы, помогите ему!

Г а м л е т. Если пойдешь замуж, вот проклятье тебе в приданое. Будь непорочна, как лед, и чиста, как снег, не уйти тебе от клеветы. Затворись в обители, говорят тебе. Иди с миром. А если тебе непременно надо мужа, выходи за глупого. Слишком уж знают умные, каких чудищ вы из них делаете. В обитель, говорю тебе. И не откладывай. Иди с миром.

О ф е л и я. Силы небесные, исцелите его!

Г а м л е т. Наслышался и про вашу живопись. Бог дал вам одно лицо, а вы себе — другое. Иная и хвостом, и ножкой, и языком, и всякую божью тварь обзовет по-своему, но какую штуку ни выкинет, все это одна святая невинность. Нет, шалишь. Довольно. На этом я спятил. Никаких свадеб. Кто уже в браке, дай им здоровья всем, кроме одного. Остальные пусть обходятся по-прежнему. Ступай в обитель. (Уходит.)

Сцена 2

Там же. Зал в замке.

Входят Гамлет и несколько актеров.

Г а м л е т. Говорите, пожалуйста, роль, как я показывал: легко и без запинки. Если же вы собираетесь ее горланить, как большинство из вас, лучше было бы отдать ее публичному выкрикале. Кроме того, не пилите воздуха вот этак руками, но всем пользуйтесь в меру. Даже в потоке, буре и, скажем, урагане страсти учитеcь сдержанности, которая придает всему стройность. Как не возмущаться, когда здоровенный дети-на в саженом парике рвет перед вами страсть в куски и клочья, к восторгу стоячих мест, где ни о чем, кроме немых пантомим и простого шума, не желают слышать. Я бы отдал высечь такого молодчика за одну мысль переиродить Ирода. Это уж какое-то сверхсатанинство. Избегайте этого.

П е р в ы й а к т е р. Будьте покойны, ваша светлость.

Г а м л е т. Однако и без лишней скованности, но во всем слушайтеcь внутреннего голоса. Двигайтесь в согласии с диалогом, говорите, следуя движениям, с тою только оговоркой, чтобы это не выходило из границ естественности. Каждое нарушение меры отступает от назначенья театра, цель которого во все времена была и будет: держать, так сказать, зеркало перед природой, показывать доблести ее истинное лицо и ее истинное — низости, и каждому возрасту истории его неприкрашенный облик. Если тут перестараться или недоусердствовать, непосвященные будут смеяться, но знаток опечалится, а

суд последнего, с вашего позволения, должен для вас перевешивать целый театр, полный первых. Мне попадались актеры, и среди них прославленные, и даже до небес, которые, не во гнев им будь сказано, голосом и манерами не были похожи ни на крещенных, ни на нехристей, ни на кого бы то ни было на свете. Они так двигались и завывали, что брало удивленье, какой же это поденщик природы смастерил людей, и притом так неважно, до того чудовищным изображали они человечество.

Музыканты. Рисунок неизвестного художника

Первый актер. Надеюсь, у себя, принц, мы, как могли, это устранили.

Гамлет. Устраните совершенно. А играющим дураков запретите говорить больше, чем для них написано. Некоторые доходят до того, что хохочут сами, для увеселенья худшей части публики, в какой-нибудь момент, существенный для хода пьесы. Это недопустимо и показывает, какое дешевое самолюбие у таких шутников. Подите приготовьтесь.

Актеры уходят.

Входят Полоний, Розенкранц и Гильденстерн.

Гильденстерн. Ну как, милорд, желает ли король послушать эту пьесу?

Полоний. И королева также, и как можно скорее.

Гамлет. Велите актерам поторопиться.

Полоний уходит.

Вы бы не пошли вдвоем поторопить их?

Розенкранц и Гильденстерн. Немедленно, милорд.

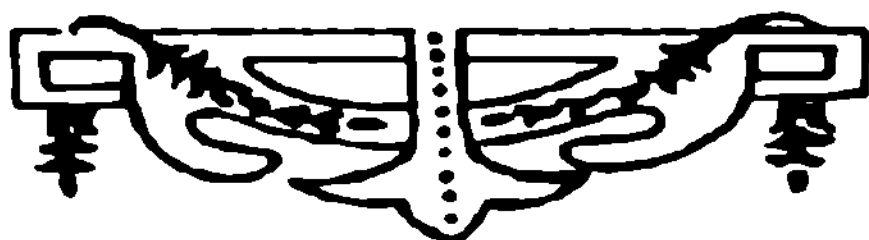
Гамлет

Горацио!

Входит Горацио.

Горацио

Здесь, принц, к услугам вашим.

Г а м л е т

Горацио, ты изо всех людей,
Каких я знаю, самый неподдельный.

Г о р а ц и о

О, что вы, принц.

Г а м л е т

Не думай, я не льщу.
Зачем мне льстить, когда твое богатство
И стол и кров — один веселый нрав?
Нужде не льстят. Подлизам предоставим
Умильничать в передних богачей.
Пусть гнут колени там, где раболепье
Приносит прибыль. Слушай-ка. С тех пор
Как для меня законом стало сердце
И в людях разбирается, оно
Отметило тебя. В тебе есть цельность.
Все выстрадав, ты сам не пострадал.
Ты сносишь все, и равно благодарен
Судьбе за гнев и милости. Блажен,
В ком кровь и ум такого же состава.
Он не рожок под пальцами судьбы,
Чтоб петть, смотря какой откроют клапан.
Кто выше страсти? Дай его сюда,
Я в сердце заключу его с тобою,
Нет, даже в сердце сердца. Но постой.

Сегодня королю играют пьесу.
Я говорил тебе про смерть отца.
Там будет точный сколок этой сцены.
Когда начнется этот эпизод,
Будь добр, смотри на дядю не мигая.
Он либо выдаст чем-нибудь себя
При виде сцены, либо этот призрак
Был демон зла, а в мыслях у меня
Такой же чад, как в кузнице Вулкана.
Итак, будь добр, гляди во все глаза.
Вопьюсь и я, а после сопоставим
Итоги наблюдений.

Г о р а ц и о

По рукам.

И если вор уйдет неуличенным,
Я штраф плачу за скрытье воровства.

Г а м л е т

Они идут. Я вновь больным прикинусь.
Займи места.

Датский марш. Трубы.

Входят король, королева, Полоний, Офелия,
Розенкранц, Гильденстерн и другие.

К о р о л ь. Как здравствует принц крови нашей, Гамлет?
Г а м л е т. Верите ли, — превосходно. По-хамелеонски.

Питаюсь воздухом, начиненным обещаньями. Так не откармливают и каплунов.

К о р о л ь. Это ответ не в мою сторону, Гамлет. Это не мои слова.

Г а м л е т. А теперь и не мои. *(К Полонию.)* Милорд, вы играли в свою бытность в университете, не правда ли?

П о л о н и й. Играл, милорд, и считался хорошим актером.

Г а м л е т. Кого же вы играли?

П о л о н и й. Я играл Юлия Цезаря. Меня убивали в Капитолии. Брут убил меня.

Г а м л е т. С его стороны было грутально убивать такого капитального теленка. — Готовы актеры?

Р о з е н к р а н ц. Да, милорд. Они ждут вашего приказания.

К о р о л е в а. Поди сюда, милый Гамлет, сядь рядом.

Г а м л е т. Нет, матушка, тут металл попритягательней.

П о л о н и й *(вполголоса королю)*. Ого, слышали?

Г а м л е т. Леди, можно к вам на колени? *(Растягивается у ног Офелии.)*

О ф е л и я. Нет, милорд.

Г а м л е т. То есть, виноват: можно голову к вам на колени?

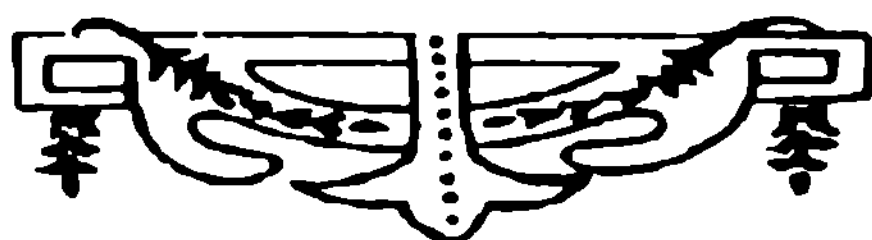
О ф е л и я. Да, милорд.

Г а м л е т. А вы уж решили — какое-нибудь неприличье?

О ф е л и я. Ничего я не решила, милорд.

Г а м л е т. А ведь это чудная мысль — лежать у девушки меж ног.

О ф е л и я. Что такое, милорд?

Г а м л е т. Ничего.

О ф е л и я. Принц, вы сегодня в ударе?

Г а м л е т. Кто, я?

О ф е л и я. Да, милорд.

Г а м л е т. Господи, ради вас я и колесом пройду. Впрочем, что и остается как не веселиться? Взгляните, какой радостный вид у моей матери, а всего два часа, как умер мой отец.

О ф е л и я. Нет, принц, полных дважды два месяца.

Г а м л е т. Как? Так много? Ну тогда к дьяволу траур. Буду ходить в соболях. Силы небесные! Умер назад два месяца, и все еще не забыт! Тогда есть надежда, что память великого человека переживет его на полгода. Но только пусть жертвует на построенье храмов, а то никто не вспомнит о нем, как о деревянной лошадке, у которой на могиле надпись:

“Где ноги, где копыта.

Заброшена, забыта”.

Играют гобои. Начинается пантомима.

Входят король и королева с проявлениями нежности.

Королева обнимает короля, а он ее. Она становится на колени перед ним с изъявлениями преданности. Он поднимает ее и кладет голову ей на плечо.

Потом ложится в цветнике на клумбу. Видя, что он уснул, она уходит. Тогда входит ч е л о в е к, снимает с него корону, целует ее, вливает в ухо короля яд и уходит. Возвращается королева, видит, что король мертв, и знаками выражает отчаяние. Снова входит отравитель с двумя или тремя носильщиками, давая понять, что разделяет ее горе. Труп уносят.

Отравитель подарками добивается благосклонности королевы.

Вначале она с негодованием отвергает его любовь, но под конец смягчается.

Уходят.

О ф е л и я. Что это означает, принц?

Г а м л е т. “Змея подколотная”, а означает темное дело.

О ф е л и я. Наверное, пантомима выражает содержание предстоящей пьесы?

Входит Пролог.

Г а м л е т. Сейчас мы все узнаем от этого малого. Актеры не умеют хранить тайн и должны все выболтать.

О ф е л и я. Он объяснит значение показанной вещи?

Г а м л е т. Да, и любой вещи, которую вы ему покажете. Не стыдитесь только показывать, а он без стыда будет объяснять, что это значит.

О ф е л и я. Вы злюка, вы злюка. Я буду смотреть пьесу.

П р о л о г

Пред нашим представленьем
Мы просим со смиреньем
Нас выслушать с терпеньем.

Г а м л е т. Что это, пролог или надпись для колечка?

О ф е л и я. Действительно коротковато, милорд.

Г а м л е т. Как женская любовь.

Входят два актера: король и королева.

К о р о л ь н а с ц е н е

В тридцатый раз на конях четверней
Объехал Феб моря и мир земной,
И тридцать дюжин лун вокруг земли

Двенадцать раз по тридцать раз прошли,
С тех пор как нам сближает все тесней
Любовь — сердца, а руки — Гименей.

К о р о л е в а н а с ц е н е

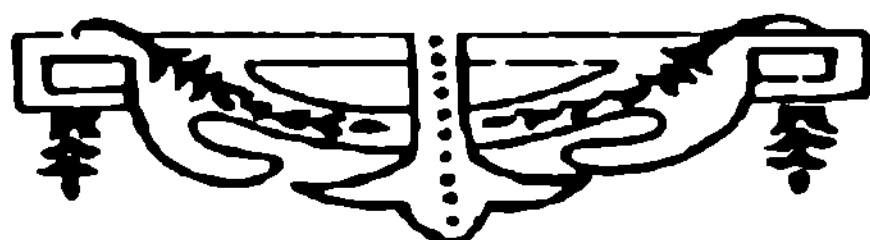
О если б нам еще раз ход светил
На тот же срок любовь и жизнь продлил!
Но горе мне, — годам наперекор
Болезнен вид ваш с некоторых пор.
Однако опасаться вам, дружок,
Нет надобности ни на волосок.
Страшится или любит женский пол,
В нем все без меры, всюду пересол.
Моей любви извели вы вкус,
Люблю я слепо, слепо и страшусь.
Где чувство в силе, страшно пустяка,
Где много любят, малость велика.

К о р о л ь н а с ц е н е

Душа моя, прощанья близок час.
К концу приходит сил моих запас,
А ты и дальше в славе и любви
Существованья радостью живи.
Другой супруг, как знать...

К о р о л е в а н а с ц е н е

Не суесловь.

Предательством была бы та любовь.
Убей меня за новым мужем гром!
Кровь первого да будет на втором!

Г а м л е т
(в сторону)

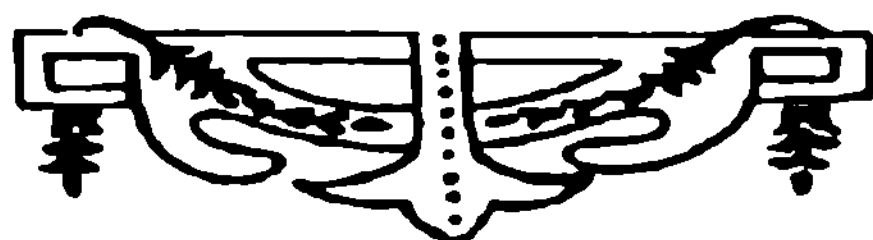
Труха, труха!

К о р о л е в а н а с ц е н е

Не по любви вступают в новый брак.
Расчет и жадность — вот его рычаг.
Пускать второго в брачную кровать,
По первом значит память убивать.

К о р о л ь н а с ц е н е

Мне верится, вы искренни во всем.
Но мы привязанности сами рвем.
Обеты нам подсказывает страсть:
Остынет жар, они должны отпасть,
Как с ветви падает созревший плод,
Когда свалиться время настает.
Чтоб жить, должны мы клятвы забывать,
Которые торопимся давать.
И мы живем не чем-нибудь одним,
А сменой увлечений жить хотим.
Печаль и радость в дикости причуд
Сметают сами, что произведут.
Печали жалок радости предмет,

А радости до горя дела нет.
Итак, когда все временно и тлен,
Как и любви уйти от перемен?
Кто вертит кем, еще вопрос большой,
Судьба любовью иль любовь судьбой?
Ты пал, и друг лицо отворотил.
Ты всплыл, и ты врагам вчерашним мил.
Нарочно это или невзначай?
Кто дружбой сыт, друзей хоть отбавляй,
А кто в нужде подумает о ком,
Единственного делает врагом.
Но кончу тем, откуда речь повел.
Превратностей так полон произвол,
Что в нашей власти в случае нужды
Одни желанья, а не их плоды.
Так и боязнь второго сватовства
Жива у нас до первого вдовства.

К о р о л е в а н а с ц е н е

Померкни свет, погибни урожай!
И день и ночь покою я не знай!
Отчаянье заволоки мой взор!
Будь жизнью мне отшельницы затвор!
Недобрый вихрь развеи в небытии
Мои надежды и мечты мои!
Малейший шаг ввергай меня в беду,
Когда, вдова, я замуж вновь пойду!

Чарльз Кин (сын) в роли Гамлета

Г а м л е т. А ну обманет?

К о р о л ь н а с ц е н е

Зарок не шутка. Но оставь меня.
Я утомился сутолокой дня
И отдохну немного.

(Засыпает.)

К о р о л е в а н а с ц е н е

Выспись всласть,
И да минует в жизни нас напасть.

(Уходит.)

Г а м л е т. Сударыня, как вам нравится пьеса?

К о р о л е в а. По-моему, леди слишком много обещает.

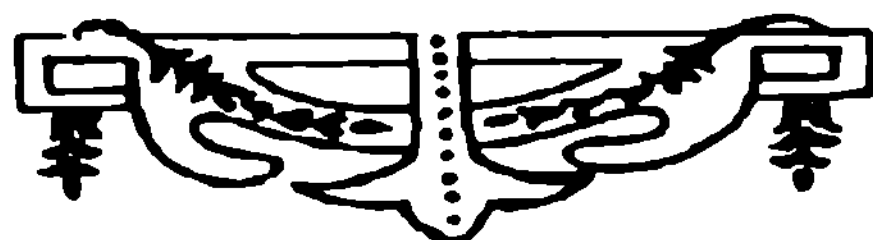
Г а м л е т. О, но она сдержит слово.

К о р о л ь. Вы знаете содержание? В нем нет ничего предосудительного?

Г а м л е т. Нет, нет. Все это в шутку, отравленье в шутку. Ровно ничего предосудительного.

К о р о л ь. Как название пьесы?

Г а м л е т. "Мышеловка". Но как это понимать? Фигурально. Пьеса изображает убийство в Вене. Имя герцога — Гонзаго. Его жена — Баптиста. Вы сейчас увидите. Это прекраснейшая проделка. Но нам-то что с того? Вашего величества и нас, с нашей чистой совестью, это не касается. Пусть кляча кидает задом, если зашибла. Наши кости в порядке.

Входит Луциан.

Это некто Луциан, племянник короля.

О ф е л и я. Вы хорошо заменяете хор, милорд.

Г а м л е т. Я б мог быть пояснителем между вами и вашей зазнобой, если б только эти куклы дались мне в руки.

О ф е л и я. Вы остры, принц, вы остры.

Г а м л е т. Вам пришлось бы постонать, чтобы притупить меня.

О ф е л и я. Час от часу не легче.

Г а м л е т. Как в замужестве. — Начинай, убийца. Ну, чу-ма ты этакая! Брось свои безбожные рожи и начинай. Ну! “Взывает к мести каркающий ворон”.

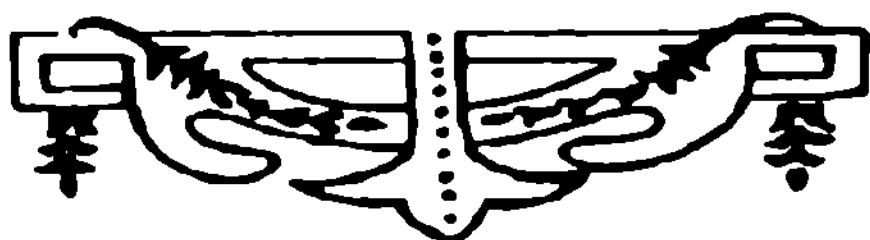
Л у ц и а н

Рука тверда, дух черен, крепок яд,
Удобен миг, ничей не видит взгляд.
Теки, теки, верши свою расправу,
Гекате посвященная отрава!
Спеши весь вред, который в травах есть,
Над этой жизнью в действие привести!

Вливает яд в ухо спящего.

Г а м л е т. Он отравляет его в саду, чтобы завладеть престолом. Имя герцога — Гонзаго. История существует отдельно, изложенная отборным итальянским языком. Сейчас вы увидите, как убийца заручается любовью жены Гонзаго.

О ф е л и я. Король встает.

Г а м л е т. Испугался хлопущки?

К о р о л е в а. Что с его величеством?

П о л о н и й. Прервите пьесу.

К о р о л ь. Посветите мне. Скорей на воздух.

В с е. Огня, огня, огня!

Уходят все, кроме Гамлета и Горацио.

Г а м л е т

Пусть раненый олень ревет,

А уцелевший скачет.

Где — спят, а где — ночной обход:

Кому что рок назначит.

Ну-с, сэр, если бы другие виды на будущее пролетели у меня к туркам, разве это, да целый лес перьев, да пара провансальских роз на башмаках не доставили бы мне места в актерской труппе?

Г о р а ц и о. С половинным окладом.

Г а м л е т. Нет, с полным.

Ты знаешь, дорогой Дамон,

Юпитера орел

Слетел с престола, и на трон

Воссел простой осе...тр.

Г о р а ц и о. Вы могли бы и в рифму.

Г а м л е т. О, Горацио! Тысячу фунтов за каждое слово призрака. Ты заметил?

Г о р а ц и о. Еще бы, принц.

Г а м л е т. Когда заиграли отравление.

Г о р а ц и о. Я с него глаз не спускал.

Г а м л е т. Ах, ах! А ну, а ну музыку! Ну-ка, флейтисты!

Раз королю неинтересна пьеса,
Нет для него в ней, значит, интереса.

А ну, а ну музыку!

Возвращаются Розенкранц и Гильденстерн.

Г и л ь д е н с т е р н. Добрейший, принц! Можно попросить вас на два слова?

Г а м л е т. Хоть на целую историю, сэр.

Г и л ь д е н с т е р н. Король, сэр...

Г а м л е т. Да, сэр, что с ним?

Г и л ь д е н с т е р н. Удалился к себе и чувствует себя очень скверно.

Г а м л е т. От вина, сэр?

Г и л ь д е н с т е р н. Нет, сэр, скорее от желчи.

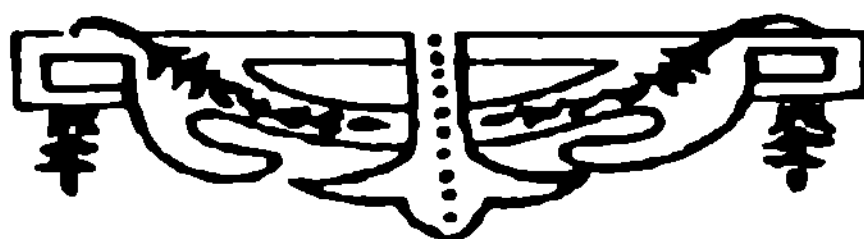
Г а м л е т. Остроумней было бы сказать это его врачу. Если я примусь чистить его своими средствами, опасаясь, как бы желчь не разлилась у него еще сильнее.

Г и л ь д е н с т е р н. Добрейший принц, введите свою речь в какие-нибудь рамки и не чурайтесь все время того, что мне поручено.

Г а м л е т. Пожалуйста. Я весь смирение и слух.

Г и л ь д е н с т е р н. Королева, ваша матушка, в крайнем удручении послала меня к вам.

Г а м л е т. Милости просим.

Гильденстерн. Нет, добрейший принц, сейчас эти любезности ни к чему. Если вам угодно дать мне надлежащий ответ, я исполню приказание вашей матери. Если нет, я попрошу принять мои извененья и удалюсь.

Гамлет. Не могу, сэр!

Гильденстерн. Чего, милорд?

Гамлет. Дать вам надлежащий ответ. У меня мозги не в порядке. Но какой бы ответ я вам ни дал, располагайте им, как найдете нужным. Вернее, это относится к моей матери. Итак, ни слова больше. К делу. Моя мать, говорите вы...

Розенкранц. В таком случае вот что. Ваше поведение, говорит она, повергло ее в изумление и ошеломило.

Гамлет. О, удивительный сын, так удивляющий свою мать! А не прилипло ли к этому удивленью чего-нибудь повещественней? Любопытно.

Розенкранц. Она желает поговорить с вами у себя в комнате, прежде чем вы ляжете спать.

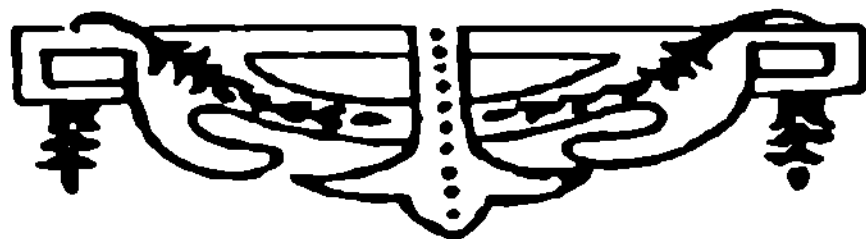
Гамлет. Рады стараться, будь она нам хоть десять раз матерью. Чем еще можем служить вам?

Розенкранц. Принц, вы когда-то любили меня.

Гамлет (*показывая на свои руки*). Как и сейчас, клянусь этими ворами и загребалами.

Розенкранц. Добрейший принц! Что причина вашего нездоровья? Вы сами отрезаете путь к своему спасенью, пряча свое горе от друга.

Гамлет (*показывая на свои руки*). Я нуждаюсь в служебном повышении.

Розенкранц. Как это возможно, когда сам король назначил вас наследником датского престола?

Гамлет. Да, сэр, но “пока трава вырастет...” — старовата поговорка.

Возвращаются музыканты
с флейтами.

А, флейты! Дайте мне одну на пробу. Отойдите в сторону. Что это вы все вьетесь вокруг да около, точно хотите загнать меня в какие-то сети?

Гильденстерн. О, принц, если мое участие так навязчиво, значит, так безоговорочна моя любовь.

Гамлет. Я что-то не понял. Ну да все равно. Вот флейта. Сыграйте что-нибудь.

Гильденстерн. Принц, я не умею.

Гамлет. Пожалуйста.

Гильденстерн. Уверяю вас, я не умею.

Гамлет. Но я прошу вас.

Гильденстерн. Но я не знаю, как за это взяться.

Гамлет. Это так же просто, как лгать. Перебирайте отверстия пальцами, вдувайте ртом воздух, и из нее польется выразительнейшая музыка. Видите, вот клапаны.

Гильденстерн. Но я не знаю, как ими пользоваться. У меня ничего не выйдет. Я не учился.

Гамлет. Смотрите же, с какою грязью вы меня смешали! Вы собираетесь играть на мне. Вы приписываете себе знание моих клапанов. Вы уверены, что выжмете из меня голос моей тайны. Вы воображаете, будто все мои ноты снизу доверху вам

открыты. А эта маленькая вещица нарочно приспособлена для игры, у ней чудный тон, и тем не менее вы не можете заставить ее говорить. Что ж вы думаете, я хуже флейты? Объявите меня каким угодно инструментом, вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя.

Возвращается Полоний.

Благослови вас бог, сэр.

Полоний. Милорд, королева желает поговорить с вами, и немедленно.

Гамлет. Видите вы вон то облако в форме верблюда?

Полоний. Ей-богу, вижу, и действительно, ни дать ни взять верблюд.

Гамлет. По-моему, оно смахивает на хорька.

Полоний. Правильно: спинка хорьковая.

Гамлет. Или как у кита.

Полоний. Совершенно как у кита.

Гамлет. Ну, так я приду сейчас к матушке. *(В сторону.)* Они сговорились меня с ума свести. — Я сейчас приду.

Полоний. Я так и доложу.

Гамлет. Шутка сказать: “сейчас”. — Оставьте меня, приятели.

Уходят все, кроме Гамлета.

Теперь пора ночного колдовства.

Скрипят гроба и дышит ад заразой.

Сейчас я мог бы пить живую кровь,

И на дела способен, от которых

Отпряну днем. Итак, нас мать звала.
Без зверства, сердце! Что бы ни случилось,
Души Нерона в грудь мне не вселяй.
Я буду строг, но не бесчеловечен.
Все выскажу и без ножа убью.
Уста мои, прощаю вам притворство.
Куда б слова ни завели в бреду,
Я в исполнение их не приведу.

(Уходит.)

Сцена 3

Комната в замке.

Входят король, Розенкранц и Гильденстерн.

К о р о л ь

Я не люблю его и потакать
Безумью не намерен. Приготовьтесь.
Сейчас я вам бумаги подпишу
И в Англию его отправлю с вами.
Наш сан не терпит, чтоб из-за угла
Везде подстерегала нас случайность
Под видом блажи.

Г и л ь д е н с т е р н

Соберемся в путь.
Священно в корне это попеченье

О тысячах, которые живут
Лишь вашего величества заботой.

Р о з е н к р а н ц

Долг каждого беречься от беды
Всей силой, предоставленной рассудку.
Какая ж осмотрительность нужна
Тому, от чьей сохранности зависит
Жизнь множества. Кончина короля
Не просто смерть. Она уносит в бездну
Всех близстоящих. Это — колесо,
Торчащее у края горной кручи,
К которому приделан целый лес
Зубцов и перемычек. Эти зубья
Всех раньше, если рухнет колесо,
На части разлетятся. Вздых владыки
Во всех в ответ рождает стон великий.

К о р о л ь

Пожалуйста, скорей сберитесь в путь.
Пора забить в колодки этот ужас,
Гуляющий на воле.

Р о з е н к р а н ц и Г и л ь д е н с т е р н

Поспешим.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Входит Полоний.

П о л о н и й

Он к матери прошел. Хочу подслушать,
Став за висящим на стене ковром.
Она его, наверно, отчитает.
Но ваша правда: мать тут не судья.
Она лицеприятна. Не мешает,
Чтоб был при этом кто-нибудь другой
И наблюдал. Прощайте, государь мой.
С разведки этой я еще пред сном
К вам загляну.

К о р о л ь

Благодарю вас, друг мой.

Полоний уходит.

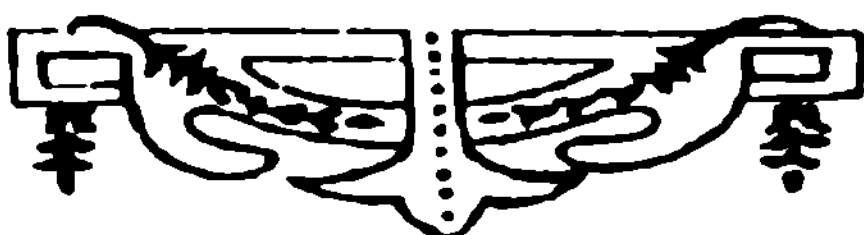
Удушлив смрад злодейства моего.
На мне печать древнейшего проклятья:
Убийство брата. Жаждою горю,
Всем сердцем рвусь, но не могу молиться.
Помилованья нет такой вине.
Как человек с колеблющейся целью,
Не знаю, что начать, и ничего
Не делаю. Когда бы кровью брата
Был весь покрыт я, разве и тогда
Омыть не в силах небо эти руки?
Что делала бы благость без злодейств?
Зачем бы нужно было милосердье?

Мы молимся, чтоб бог нам не дал пасть
Или нас спас из глубины паденья.
Отчаиваться рано. Выше взор!
Я пал, чтоб встать. Какими же словами
Молиться тут? "Прости убийство мне"?
Нет, так нельзя. Я не вернул добычи.
При мне все то, зачем я убивал:
Моя корона, край и королева.
За что прощать того, кто тверд в грехе?
У нас не редкость, правда, что преступник
Грозится пальцем в золотых перстнях,
И самые плоды его злодейства
Есть откуп от законности. Не то
Там наверху. Там в подлинности голой
Лежат деянья наши без прикрас,
И мы должны на очной ставке с прошлым
Держать ответ. Так что же? Как мне быть?
Покаяться? Раскаянье всеильно.
Но что, когда и каяться нельзя!
Мучение! О грудь, чернее смерти!
О лужа, где, барахтаясь, душа
Все глубже вязнет! Ангелы, на помощь!
Скорей, колени, гнитесь! Сердца сталь,
Стань, как хрящи новорожденных, мягкой!
Все поправимо.

Отходит в глубину и становится на колени.

Входит Г а м л е т.

Г а м л е т

Он молится. Какой удобный миг!
Удар мечом, и он взовьется к небу,
И вот возмездье. Так ли? Разберем.
Меня отца лишает проходимец,
А я за то его убийцу шлю
В небесный рай.
Да это ведь награда, а не мщение.
Отец погиб с раздутым животом,
Весь вспучившись, как май, от грешных соков.
Бог весть, какой еще за это спрос.
Но по всему, наверное, не малый.
Так месть ли это, если негодяй
Испустит дух, когда он чист от скверны
И весь готов к далекому пути?
Нет.
Назад, мой меч, до боле страшной встречи.
Когда он будет в гневе или пьян,
В объятьях сна или нечистой неги,
В пылу азарта, с бранью на устах
И чем-нибудь, что только не к спасенью,
Тогда подбрось его ногами вверх,
Чтоб кубарем, весь черный от пороков,
Упал он в ад. — Но мать звала. —
Поцарствуй.
Отсрочка это лишь, а не лекарство.

(Уходит.)

К о р о л ь
(поднимаясь)

Слова парят, а чувства книзу гнут,
А слов без чувств вверху не признают.

(Уходит.)

Сцена 4

Комната королевы.

Входят королева и Полоний.

П о л о н и й

Он к вам идет. Предупредите сына:
Пусть обуздает выходки свои.
Скажите, вы собою заслонили
Его от кары. Я забьюсь в углу.
Пожалуйста, покруче.

Г а м л е т
(за сценой)

Леди, леди!

К о р о л е в а

Не бойтесь, положитесь на меня.
Он, кажется, идет. Вам надо скрыться.

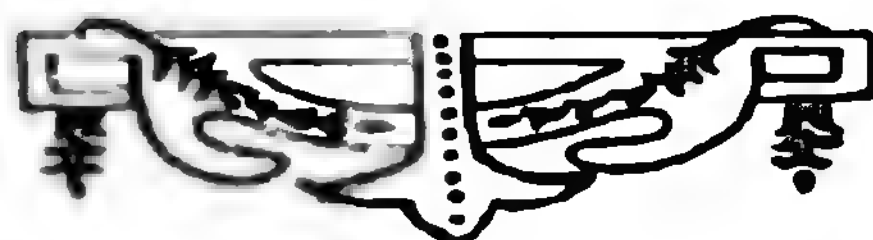
П о л о н и й становится за стенным ковром.

Входит Г а м л е т.

Актер Генри Ирвинг в роли Гамлета. С картины худ. Эрмитэджа

Г а м л е т

Ну, матушка, чем вам могу служить?

К о р о л е в а

Зачем отца ты оскорбляешь, Гамлет?

Г а м л е т

Зачем отца вы оскорбили, мать?

К о р о л е в а

Ты говоришь со мною, как невежа.

Г а м л е т

Вы спрашиваете, как лицемер.

К о р о л е в а

Что это значит, Гамлет?

Г а м л е т

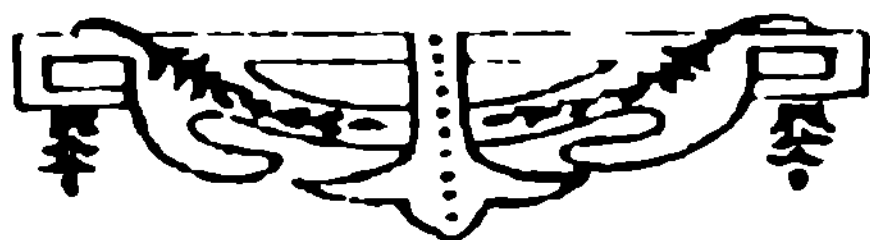
Что вам надо?

К о р о л е в а

Ты помнишь, кто я?

Г а м л е т

Помню, вот вам крест.

Вы королева в браке с братом мужа
И, к моему прискорбью, мать моя.

К о р о л е в а

Так пусть с тобой поговорят другие.

Г а м л е т

Ни с места. Сядьте. Я вас не пущу
И зеркало поставлю перед вами,
Где вы себя увидите насквозь.

К о р о л е в а

Что ты задумал? Он меня заколет!
Не подходи! Спасите!

П о л о н и й
(за ковром)

Боже мой!

Г а м л е т
(обнажая шпагу)

Ах, так? Тут крысы? На пари — готово.
(Протыкает ковер.)

П о л о н и й
(за ковром)

Убит!

(Падает и умирает.)

К о р о л е в а

Что ты наделал!

Г а м л е т

Разве там
Стоял король?

К о р о л е в а

Какое беспримерное злодейство!

Г а м л е т

Не больше, чем убийство короля
И обручение с деверем, миледи.

К о р о л е в а

Убийство короля?

Г а м л е т

Да, леди, да.

(Откидывает ковер и обнаруживает Полония.)

Прощай, вертлявый, глупый хлопотун!
Тебя я с высшим спутал — вот в чем горе.
Ты видишь, суетливость не к добру.
А вы садитесь. Рук ломать не надо.
Я сердце вам сломаю, если все ж
Оно из бьющегося матерьяла

И пагубные навыки не сплошь
Его от жизни в бронзу заковали.

К о р о л е в а

Что я такого сделала, что ты
Так груб со мной?

Г а м л е т

Вы сделали такое,
Что попирает нравственность и стыд,
Шельмует правду, выступает сыпью
На белом лбу нетронутой любви
И превращает брачные обеты
В торг игроков. Вы совершили то,
Что обездушивает соглашения
И делает пустым набором слов
Обряды церкви. Небеса краснеют
И своды мира, хмурясь, смотрят вниз,
Как в Судный день, чуть вспомнят ваш поступок.

К о р о л е в а

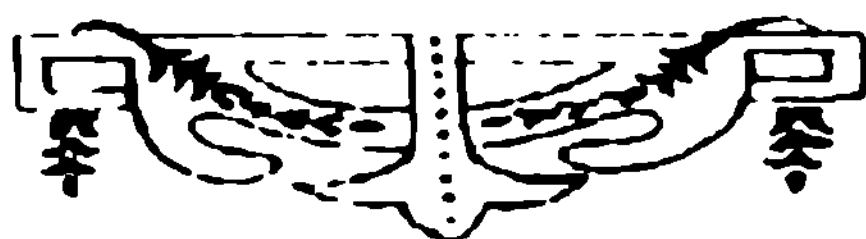
Нельзя ль узнать, в чем дела существо,
К которому так громко предисловье?

Г а м л е т

Вот два изображенья: вот и вот.
На этих двух портретах лица братьев.
Смотрите, сколько прелести в одном.

Лоб, как у Зевса, кудри Аполлона,
Взгляд Марса, гордый, наводящий страх,
Величие Меркурия, с посланьем
Слетающего наземь с облаков.
Собрание качеств, в каждом из которых
Печать какого-либо божества,
Как бы во славу человека. Это
Ваш первый муж. А это ваш второй,
Как колос, зараженный спорыньей,
В соседстве с чистым. Где у вас глаза?
Как вы спустились с этих горных пастбищ
К таким кормам? На что у вас глаза?
Ни слова про любовь. В лета, как ваши,
Живут не бурями, а головой.
А где та голова, что променяла б
Того на этого? Вы не без чувств,
А то б не шевелились. Значит, чувства —
В параличе. Ведь тут и маниак
Не мог бы просчитаться. Не бывает,
Чтоб и в бреду не оставался смысл
Таких различий. Так какой же дьявол
Средь бела дня вас в жмурки обыграл?
Глаза без осязанья, осязанье
Без глаз и слуха, слабый их намек,
Зачаток чувства не дали бы маху
Так очевидно.
Стыдливость, где ты? Искуситель — бес,

Когда ты так могуч во вдовьем теле,
Как девственности быть с ее огнем?
Пускай, как воск, растает. Нет позора
В разнузданности от избытка сил,
Когда и лед пылает, и рассудок
Дурманит волю.

К о р о л е в а

Гамлет, перестань!
Ты повернул глаза зрачками в душу,
А там повсюду черные следы,
И нечем вывести.

Г а м л е т

Валяться в сале
Продавленной кровати, утопать
В испарине порока, целоваться
Среди навоза...

К о р о л е в а

Гамлет, пощади!
Твои слова, как острия кинжалов,
И режут слух.

Г а м л е т

С убийцей и скотом,
Не стоящим одной двухсотой доли

Того, что тот. С петрушкой в королях.
С карманником на царстве. Он завидел
Венец на полке, взял исподтишка
И вынес под полою.

К о р о л е в а

Гамлет, сжался!

Г а м л е т

Со святочной игрушкой...

Входит Призрак.

Под ваши крылья, ангелы небес! —
Что вашей статной царственности надо?

К о р о л е в а

О горе, с ним припадок!

Г а м л е т

Ленивца ль сына вы пришли журить,
Что дни идут, а он под злую руку
Приказов ваших страшных не свершил?
Не правда ли?

П р и з р а к

Цель моего прихода — вдунуть жизнь
В твою почти остывшую готовность.
Но оглянись на мать. У ней столбняк.

Спаси ее от налетевших страхов.
Сильна их власть над слабыми душой.
Скажи ей что-нибудь.

Г а м л е т

Что с вами, леди?

К о р о л е в а

Нет, что с тобой? Ты смотришь в пустоту,
Толкуешь громко с воздухом бесплотным
И пялишь одичалые глаза.
Как сонные солдаты по сигналу,
Взлетают вверх концы твоих волос
И строятся навывтяжку. О сын мой,
Огонь болезни надо остужать
Невозмутимостью. Чем полон взор твой?

Г а м л е т

Да им же, им! Смотрите, как он бел!
История его и эта бледность
Могли б растрогать камень. Отвернись.
Твои глаза мне душу раздирают.
Она слабеет и готова лить
Не кровь, а слезы.

К о р о л е в а

С кем ты рассуждаешь?

Г а м л е т

Как, вы не видите там ничего?

К о р о л е в а

Нет. Только то, что видно.

Г а м л е т

И ни слова

Не слышите?

К о р о л е в а

Лишь наши голоса.

Г а м л е т

Да вот же он! Туда, туда взгляните,
Отец мой, совершенно как живой.
Вы видите, скользит и в дверь уходит.

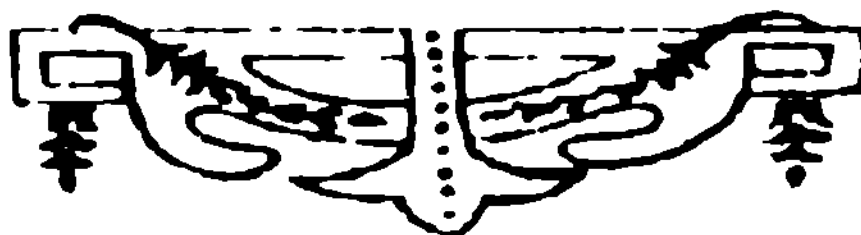
К о р о л е в а

Все это плод твоей больной души.
По части духов белая горячка
Большой искусник.

Г а м л е т

Белая горячка!

Мой пульс, как ваш, отсчитывает такт

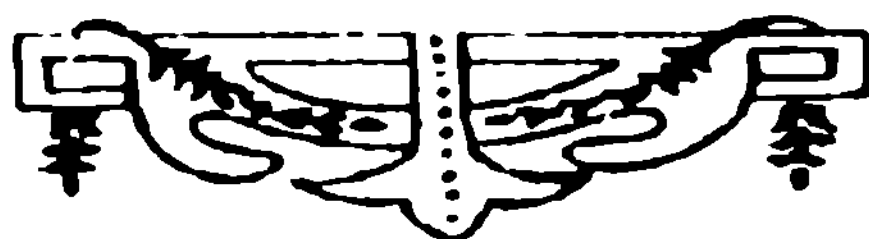
И так же бодр. Нет нарушений смысла
В моих словах. Переспросите вновь, —
Я повторю их, а больной не мог бы.
Во имя бога, бросьте ваш бальзам.
Не тештесь мыслью, будто все несчастье
Не в ваших шашнях, а в моей душе.
Такая мазь затянет рану коркой,
А скрытый гной вам выест все внутри.
Вам надо исповедаться. Покайтесь
В содеянном и берегитесь впредь.
Траву худую вырывают с корнем.
Прошу простить меня за правоту,
Как в наше время просит добродетель
Прощенья у порока за добро,
Которое она ему приносит.

К о р о л е в а

Ах, Гамлет, сердце рвется пополам.

Г а м л е т

Вот и расстаньтесь с худшей половиной,
Чтоб пользоваться лучшей тем полней.
Спокойной ночи. Не ходите к дяде.
Нет совести — прикиньтесь, будто есть.
Привычка, этот враг живого чувства,
Кой в чем и друг. В личине доброты
Мы можем сами пристраститься к благу,

Разнашивая нравственный уклад,
Как новый плащ. Сегодня воздержитесь,
И завтра будет легче устоять,
И что ни ночь, то легче все и легче.
Повторность изменяет лик вещей.
Чертей смиряют или изгоняют.
Еще раз доброй ночи. А когда
Вы сами пожелаете блаженства,
Меня благославите. А о нем,

(показывает на Полония)

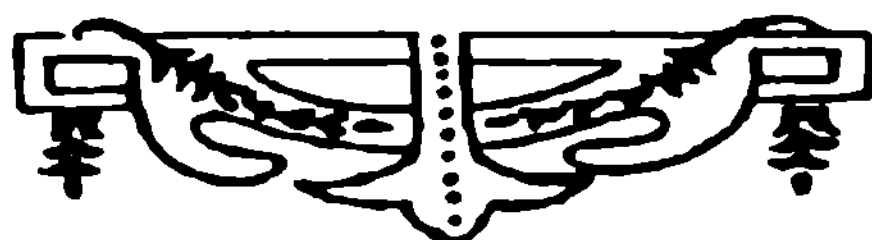
О человеке этом, сожалею.
Но, видно, так судили небеса,
Чтоб он был мной, а я был им наказан,
И стал бы их карающей рукой.
Я тело уберу и сам отвечу
За эту кровь. Еще раз — добрый сон.
Из жалости я должен быть суровым.
Несчастья начались, готовьтесь к новым.
Еще два слова.

К о р о л е в а

Что ж теперь мне делать?

Г а м л е т

О, лишь не то, что я сейчас скажу.
Поддайтесь королю, в постель юркните,
Подставьте щечку, дайте мышкой звать

И в благодарность за его лобзанья,
Которыми он будет вас душить,
В приливе откровенности признайтесь,
Что не сошел с ума я, но блажу
Для видимости. Правда, проболтайтесь!
К лицу ли королеве-красоте
Скрывать от упыря, кота и жабы
Такие вещи? Нет. Наоборот.
Всему назло взберитесь с птичьей
клеткой,
Как обезьяна в басне, на чердак,
Пустите птиц и, в подражанье стае,
Из любопытства выпрыгните вниз
И, пробуя летать, сломайте шею.

К о р о л е в а

Верь, если слово заключает вздох,
А вздохи — жизнь, я задохнусь скорее,
Чем выдам то, что ты сказал.

Г а м л е т

Меня

Шлют в Англию, слыхали?

К о р о л е в а

Да, к несчастью.

Я и забыла. Это решено.

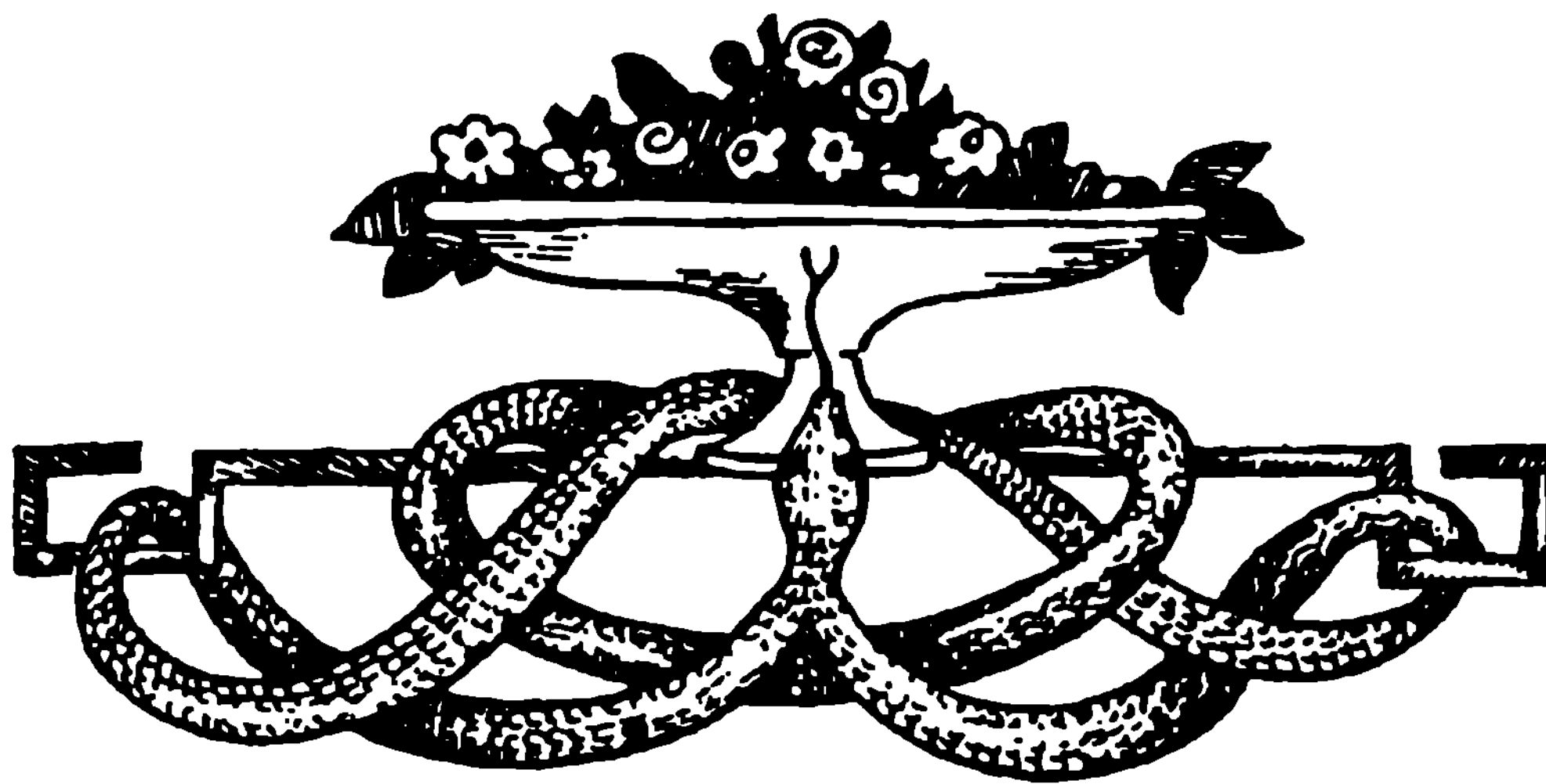

Г а м л е т

Скрепляют грамоты. Два школьных друга,
По верности не лучше двух гадюк,
Везут пакет и стелют мне дорогу
К расставленным сетям. Пускай, пускай.
Забавно будет, если сам подрывник
Взлетит на воздух. Я под их подкоп,
Будь я неладен, вруюсь ярдом глубже
И их взорву. Ну и переполох,
Когда подвох наткнется на подвох! —
Вот мне кого бы сбыть теперь подальше.
Стащу-ка в сени эти потроха.
Итак, спокойной ночи. А советник,
Действительно, и присмирел и строг,
А в жизни был болтливее сорок.
Ну, милый мой, пора о вас подумать.
Спокойной ночи, матушка.

Расходятся врозь, Гамлет — волоча Полония.

АКТ IV

Сцена 1

Эльсинор. Комната в замке.

Входят король, королева, Розенкранц
и Гильденстерн.

К о р о л ь

В глубоких этих вздохах что-то есть.
Нельзя ли выразить их попонятней?
Где сын ваш?

К о р о л е в а

Оставьте нас на несколько минут.

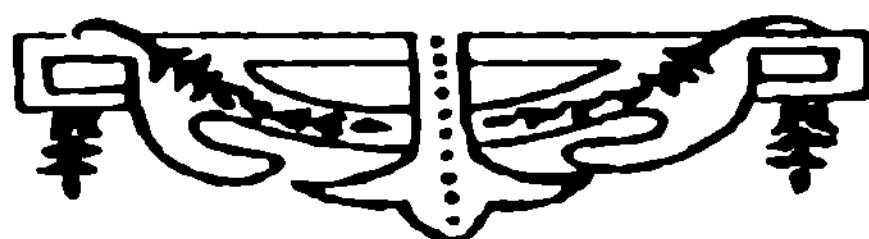
Розенкранц и Гильденстерн уходят.

О, что сейчас случилось!

К о р о л ь

Что, Гертруда?

Как Гамлет?

К о р о л е в а

Рвет и мечет, как прибой,
Когда он с ветром спорит, кто сильнее.
В бреду услышал шорох за ковром
И с криком “крысы!”, выхватив рапиру,
Прокалывает насмерть старика,
Стоявшего в засаде.

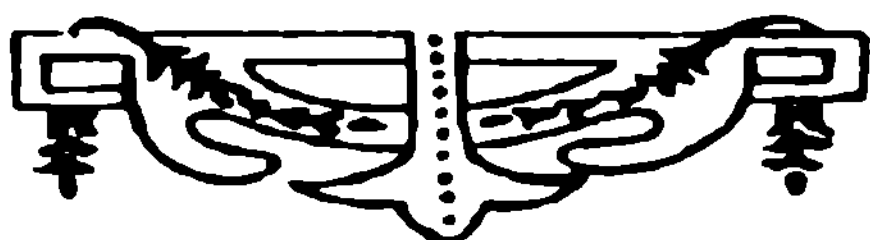
К о р о л ь

Быть не может!
Так было б с нами, очутись мы там.
Что он на воле — вечная опасность
Для вас, для нас, для каждого,
для всех.

А кто теперь в ответе за убийство?
Увы, я сам, чья бдительность могла
Взять бедного страдальца под опеку
И удалить. Всему виной любовь.
Она лишила нас благоразумья.
Мы скрыли, как постыдную болезнь,
Семейное несчастье и загнали
Заразу внутрь. Куда девался он?

К о р о л е в а

Пошел куда-то с телом бедной жертвы.
Сквозь порчу проглянула в нем душа,

Как золото сквозь слой чужой породы.
Он плачет о случившемся навзрыд.

К о р о л ь

Пойдем, Гертруда. Не успеет солнце
Коснуться гор, он сядет на корабль.
А эту гнусность как-нибудь придется
Самим потом загладить — Гильденстерн!

Возвращаются Розенкранц
и Гильденстерн.

Кого-нибудь возьмите на подмогу!
В горячке принц Полония убил.
Труп вынесен из спальни королевы.
Не раздражая, надо отобрать
И отнести в часовню. Поспешите.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Пойдем, Гертруда, соберем друзей,
Расскажем им про новости и планы.
Шипенье ядовитой клеветы,
Несущее сквозь поперечник мира,
Как пушечный снаряд, свое ядро,
С их помощью, быть может, нас минует,
Ударив в воздух. Будь со мной, жена.
Душа в тревоге и устрашена.

Уходят.

Сцена 2

Там же. Другая комната в замке.

Входит Г а м л е т.

Г а м л е т

Сдан в целости на место.

Р о з е н к р а н ц и Г и л ь д е н с т е р н
(за сценой)

Гамлет! Гамлет!

Г а м л е т

Откуда шум? Кто Гамлета зовет?
А, вот они.

Входят Р о з е н к р а н ц и Г и л ь д е н с т е р н.

Р о з е н к р а н ц

Милорд, что сделали вы с мертвым
* телом?

Г а м л е т

Смешал с землей, которой труп сродни.

Р о з е н к р а н ц

Скажите, где он, мы снесем в часовню.

Г а м л е т

Об этом бросьте даже помышлять.

Р о з е н к р а н ц

О чем?

Г а м л е т. Что я буду действовать в ваших интересах, а не в своих. Да и что это еще за расспросы со стороны какой-то губки? Что отвечать на них сыну короля?

Р о з е н к р а н ц. Вы меня сравниваете с губкою, принц?

Г а м л е т. Да, вас. С губкою, живущей соками царских милостей, наград и попущений. Но на поверку это его лучшие слуги. Король закладывает их за щеку, как обезьяна. Сует в рот первыми, а проглатывает последними. Понадобится то, чего вы насосались, он взял, выдавил вас, и снова вы сухи для новой службы.

Р о з е н к р а н ц. Я вас не понимаю, принц.

Г а м л е т. Это меня радует. В уме нечутком не место шуткам.

Р о з е н к р а н ц. Милорд, вы должны сказать нам, где тело, и пойти с нами к королю.

Г а м л е т. Тело во владении короля, но король не во владении телом. Да и какую роль играет тут король?

Г и л ь д е н с т е р н. А что же, принц?

Г а м л е т. Не более, чем ноль. Ведите меня к нему. Гуси, гуси, домой, волк за горой.

Уходят.

Там же. Другая комната в замке.

Входит король со свитой.

За ним пошли. Труп велено найти.

Вот как опасен он, пока на воле.

Сурово с ним расправиться нельзя.

К нему привязано простонародье,

Где судят всё на глаз, а не умом.

Там видят только кару, а не

СМОТРЯТ,

За что она. Для гладкости отъезд

Изобразим служебным назначением,

Давно решенным. Сильную болезнь

Врачуют сильно действующим

средством.

Входит Розенкранц.

Ну как у вас там? Что произошло?

Где тело, невозможно доискаться.

А сам он где?

Актер Кембль в роли Гамлета

Р о з е н к р а н ц

За дверью, государь.
Впредь до распоряженья под надзором.

К о р о л ь

Ну что ж, введите принца.

Р о з е н к р а н ц

Гильденстерн!

Введите принца.

Входят Гамлет и Гильденстерн.

К о р о л ь

Гамлет, где Полоний?

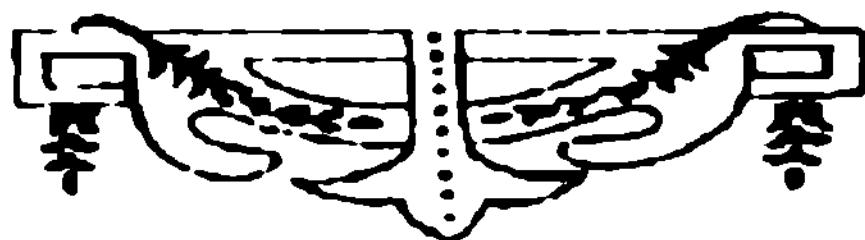
Г а м л е т

На ужине.

К о р о л ь

На ужине? Каком?

Г а м л е т. Не там, где ест он, а где едят его самого. Сейчас за него уселся целый собор земских червей. Червь, что ни говори, единственный столп всякого чиновначалья. Мы откармливаем всякую живность на прокорм себе, и сами кормимся червям на выкорм. Возьмёте ли толстяка-короля или худобу-горемыку, это только два блюда к столу, два сменных кушанья, а конец один.

К о р о л ь. Увы! Увы!

Г а м л е т. Можно вытащить рыбу на червяка, который попользовался королем, и попользоваться рыбой, которая съела этого червяка.

К о р о л ь. Что ты хочешь этим сказать?

Г а м л е т. Ничего, кроме того, как король может совершать внутренние объезды по кишкам нищего.

К о р о л ь. Где Полоний?

Г а м л е т. На небе. Пошлите посмотреть. Если посланный не найдет, поищите сами в другом месте. Во всяком случае, если он не сыщется раньше месяца, вы носом почувете его у входа на галерею.

К о р о л ь (*кое-кому из свиты*). Наведайтесь, где сказано.

Г а м л е т. Он вас терпеливо дождется.

Свитские уходят.

К о р о л ь

Кровавая проделка эта, Гамлет,
Заставит нас для целости твоей
Молниеносно сбыть тебя отсюда.
Изволь спешить. Корабль у берегов,
Подул попутный ветер и команда
Ждет не дождется в Англию отплыть.

Г а м л е т

Мы в Англию?

К о р о л ь

Да, в Англию.

Г а м л е т

Прекрасно.

К о р о л ь

Так ты б сказал, знай наши мысли ты.

Г а м л е т. Я вижу херувима, видящего их. — Ну что ж, едем в Англию! — Прощайте, дорогая матушка.

К о р о л ь. Дорогой отец, хочешь ты сказать, Гамлет?

Г а м л е т. Нет, — мать. Отец и мать — муж и жена, а муж и жена — это плоть единая, значит, все равно: прощайте, матушка. — Значит в Англию, вот как! (*Уходит.*)

К о р о л ь

Догнать его. Сейчас же на корабль.

Чтоб духу не было его сегодня.

Прощайте. Всё изложено в письме.

Формальности в порядке. Торопитесь.

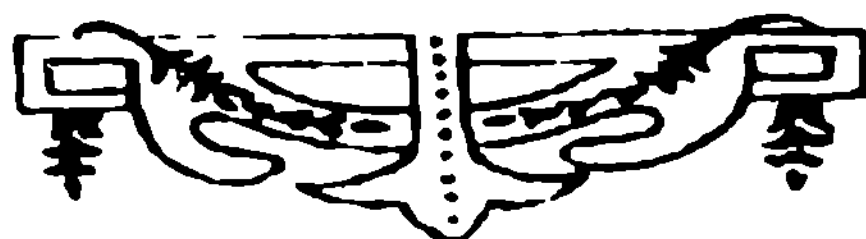
Розенкранц и Гильденстерн уходят.

И если, Англия, мою любовь

Ты ценишь так, как я заставить в силе, —

А твой рубец от датского меча

Еще горит, и ты благоговейно

Нам платишь дань, — не думай обойти
Прямую букву моего приказа,
Которым тайно Гамлета тебе
Я в руки отдаю на убиенье.
Исполни это, Англия! Как жар
Горячки, он в крови моей клокочет.
Избавь меня от этого огня.
И жизнь не в жизнь, и свет не для меня.

(Уходит.)

Сцена 4

Равнина в Дании.

Входят Фортинбрас, капитан и войско
в походе.

Ф о р т и н б р а с

Шлю вас с поклоном к королю датчан.
Скажите, капитан, что по трактату
Страну пересекает Фортинбрас.
Где сборный пункт, вы знаете. Прибавьте,
Что, если бы явилась в нас нужда,
Мы тут как тут по первому желанью.
Прощайте.

К а п и т а н

Добрый путь.

Фортинбрас

Отряд, вперед!

Фортинбрас с войском уходит.

**Входят Гамлет, Розенкранц, Гильденстерн
и другие.**

Гамлет

Чье это войско?

Капитан

Армия норвежцев.

Гамлет

Куда поход?

Капитан

На Польшу.

Гамлет

Кто их вождь?

Капитан

Принц Фортинбрас, племянник королевский.

Гамлет

Вы движетесь к границе или внутрь?

Капитан

Сказать по правде, мы идем отторгнуть
Невзрачный кус, в котором барыша —
Лишь званье, что земля. Пяти дукатов
Я б не дал за аренду, да и тех
Не выручить Норвегии и Польше,
Пусти они в продажу этот клад.

Гамлет

Какой полякам смысл в его защите?

Капитан

Туда уж стянут сильный гарнизон.

Гамлет

Двух тысяч душ, десятков тысяч
денег

Не жалко за какой-то сена клоч.
Так иногда среди благополучья
Людей здоровых постигает смерть
От внутреннего скрытого недуга.
Покорнейше благодарю вас, сэр.

Капитан

Храни вас бог.

(Уходит.)

Р о з е н к р а н ц

Милорд, пойдёмте тоже.

Г а м л е т

Ступайте. Я вас тотчас догоню.

Все уходят, кроме Гамлета.

**Все мне уликой служит, все торопит
Ускорить месть. Не велика цена
Того, единственные чьи желанья
Еда да сон. Он зверь — не человек.
Наверно, тот, кто создал нас с понятием
О будущем и прошлом, дивный дар
Вложил не с тем, чтоб разум гнил
без пользы.**

**Что тут виной? Забывчивость скота,
Или привычка разбирать поступки
До мелочей, — такой разбор всегда
На четверть — мысль, а на три прочих —
трусость,**

**Что ж медлю я и без конца твержу
О надобности мести, если к делу
Есть воля, сила, право и предлог?
Нелепость эту только оттеняет
Всё, что ни встречу. Например, ряды
Такого ополченья, под командой
Изнеженного принца, гордеца**

Г о р а ц и о.

**Она шумит,
И в самом деле, видно, повредилась.
Посожалейте.**

К о р о л е в а

Что такое с ней?

Г о р а ц и о

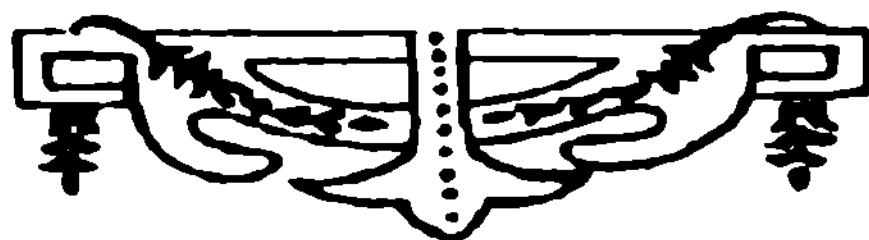
**Отцом всё время бредит, обвиняет
Весь свет во лжи, себя колотит в грудь,
Без основанья злится и лепечет
Бессмыслицу. В ее речах сумбур,
Но кто услышит, для того находка.
Из этих фраз, ужимок и кивков
Выуживает каждый по желанью,
Что дело дрянь, нет дыма без огня,
И здесь следы какой-то страшной тайны.**

К о р о л е в а

**Я лучше свижусь с ней. В умах врагов
Не трудно ей посеять подозренья.
Пускай войдет.**

Горацио уходит.

**Больной душе и совести усталой
Во всём мерещится беды начало.**

Так именно утайками вина
Разоблачать себя осуждена.

Возвращается Горацио с Офелией.

О ф е л и я

Где Дании краса и королева?

К о р о л е в а

Что вам, Офелия?

О ф е л и я
(поёт)

А по чём я отличу
Вашего дружка?
Шлык паломника на нём,
Странника клюка.

К о р о л е в а

Голубушка, что значит эта песня?

О ф е л и я

Да ну вас, вот я дальше вам спою.

(Поёт.)

Помер, леди, помер он,
Помер, только слёг,
В головах зеленый дрок,
Камушек у ног.

К о р о л е в а

Послушайте, Офелия...

О ф е л и я

Да ну вас...

Входит король

К о р о л е в а

Вот горе-то, взгляните на неё.

О ф е л и я

Белый саван, белых роз
Деревцо в цвету,
И лицо поднять от слез
Мне не вмоготу.

К о р о л ь

Как вам живётся, милочка моя?

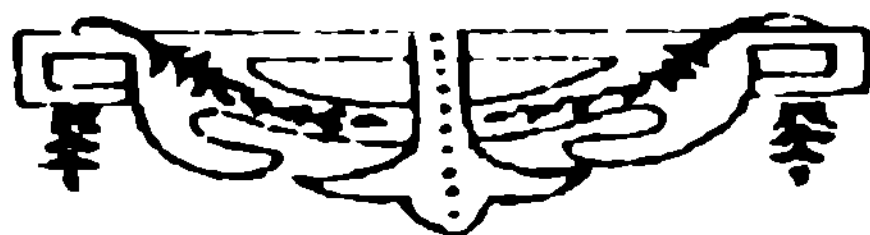
О ф е л и я. Хорошо, награди вас бог. Говорят, сова была раньше дочкой пекаря. Вот и знай после этого, что нас ожидает. Благослови бог вашу трапезу.

К о р о л ь (в сторону). Воображаемый разговор с отцом.

О ф е л и я. Об этом не надо распространяться. Но если бы вас спросили, что это значит, скажите:

(Поёт.)

С рассвета в Валентинов день
Я проберусь к дверям

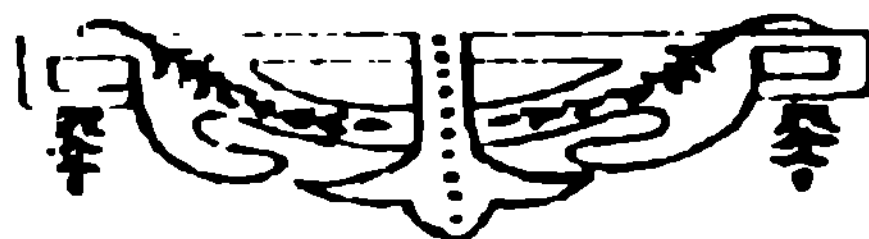
И у окна согласие дам
Быть Валентиной вам.
Он встал, оделся, отпер дверь,
И из его хором
Вернулась девушка в свой дом
Не девушкой потом.

К о р о л ь

Офелия родная!

Офелия перед королем и королевой. Рис. Мориса Ретча

О ф е л и я

Вот, не побожась, сейчас кончу.

(Поёт.)

Какая гадость, сладу нет!
Стоит покуда свет,
Вот так и будут делать вред
По молодости лет?
Пред тем, как с ног меня валить,
Просили вы руки...
А он отвечает:
И обошёлся б по-людски,
Не будь вы так легки.

К о р о л ь

Давно это с ней?

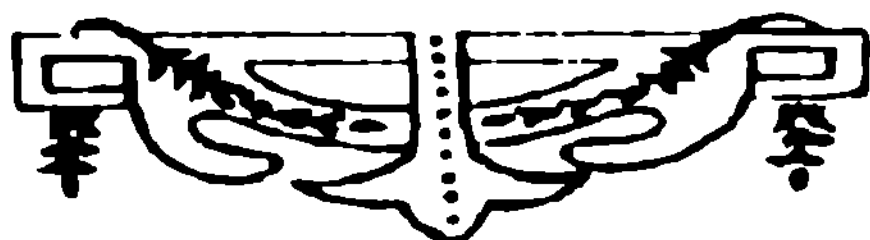
О ф е л и я. Надеюсь, всё к лучшему. Надо быть терпеливой. Но не могу не плакать, как подумаю, что его положили в сырую землю. Надо известить брата. Спасибо за доброе участие. — Поворачивай, моя карета! Покойной ночи, леди. Покойной ночи, дорогие леди. Покойной ночи. Покойной ночи.
(Уходит.)

К о р о л ь

Скорее вслед. Смотреть за нею в оба.

Горацио уходит.

Вот яд глубокой скорби. Вся беда

Офелия. Художник К.Маковский

В её отца кончине. Ах, Гертруда,
Повадятся печали, так идут
Не врозь, а валом. Главные несчастья —
Её отец и ваш изгнанник-сын,
Кругом повинный в ссылке на чужбину.
Затем народ. Вся муть всплыла со дна,
И всё рядит и судит о кончине
Полония. Напрасно мы его
Зарыли втихомолку. Третье горе —
Офелия в той спячке чувств, когда
Мы лишь изображенья или звери.
Но верх всего: из Франции тайком
Лаэрт приехал, держится поодаль,
Живет молвой и верит болтунам,
А те ему все уши прожужжали
Про смерть отца. Виновных не найти,
Так всё на нас и свалят. Эти страхи
Меня, Гертруда, стерегут везде
И подсекают, как осколки ядер.

Шум за сценой.

К о р о л е в а

Что это там за шум?

К о р о л ь

Швейцарцы где?

Пусть двери охраняют.

Входит придворный.

Что случилось?

П р и д в о р н ы й

Спасайтесь, государь. Морской прилив,
Размыв плотины, заливает берег
Не шибче, чем с толпой бунтовщиков
Лаэрт разоружает вашу стражу.
Чернь за него. И будто бы до них
Не знали жизни, не было порядка
И старины, оплота общих чувств,
Они кричат: “Короновать Лаэрта!
Да здравствует Лаэрт!” — и в честь его
Кидают шапки вверх и бьют в ладоши.

К о р о л е в а

Обрадовались, перепутав след!
Назад! Ошиблись, датские собаки.

Шум за сценой.

К о р о л ь

Дверь взломана.

Входит вооруженный Лаэрт, за ним датчане.

Л а э р т

Где он, король? — Уйдите, господа.

Д а т ч а н е

Нет, мы войдём.

Л а э р т

Прошу вас выйти в сени.

Д а т ч а н е

Да ладно, ладно уж.

(Уходят за дверь.)

Л а э р т

Благодарю.

Займите вход. — Итак, король презренный,
Где мой отец?

К о р о л е в а

Спокойнее, Лаэрт.

Л а э р т

Найдись во мне спокойствия хоть капля,
И я — внебрачный сын, отец-рогач,
А мать моя безгрешная достойна
Клейма гулящей здесь, между бровей.

К о р о л ь

Лаэрт, что значит этот бунт гигантов?
Оставь, Гертруда, он ведь без вреда.
Власть короля в такой ограде божьей,

Что сколько враг на нас ни посягай,
Руками не достать. — Итак, признайся,
Откуда это бешенство, Лаэрт?
Ну что же, отвечай. — Оставь, Гертруда.

Л а э р т

Где мой отец?

К о р о л ь

В гробу.

К о р о л е в а

Но не король

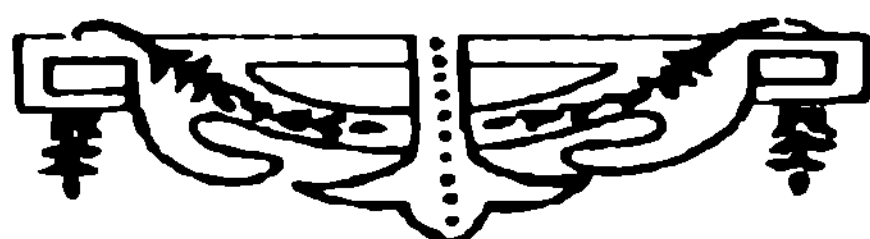
Тому виной.

К о р о л ь

Пусть спрашивает вволю.

Л а э р т

Как умер он? Но за нос не водить!
Я рву все связи и топчу присягу,
И долг дворянский шлю ко всем чертям.
Возмездьем не пугайте. Верьте слову:
Что тот, что этот свет, мне всё равно.
Но, будь что будет, за отца родного
Я отомщу!

К о р о л ь

А кто вам запретит?

Л а э р т

Никто, когда моя на это воля.
А средства, — обойдусь и тем, что есть.
Не беспокойтесь.

К о р о л ь

Вы б узнать желали
Всю подноготную про смерть отца?
А вдруг, узнав, вы в ослепленье
мести

Сметёте разом, точно кучу карт,
Врага и друга, правых и неправых?

Л а э р т

Нет, лишь врагов.

К о р о л ь

Вы их хотите знать?

Л а э р т

Да. А друзьям открою я объятья
И кровь свою с готовностью пролью,
Как пеликан.

К о р о л ь

Теперь вы говорите,
Как добрый сын и верный дворянин.
Что я в утрате вашей неповинен
И сам скорблю, вам станет дня ясней.

Д а т ч а н е
(за сценой)

Дорогу ей!

Л а э р т

Что там за суматоха?

Возвращается О ф е л и я.

Гнев, иссуши мой мозг! Соль слёз моих,
В семь раз сгустясь, мне оба глаза выжги!
Свидетель бог, я полностью воздам
За твой угасший разум. Роза мая!
Дитя моё, Офелия, сестра!
Где видано, чтоб девушки рассудок
Был ненадёжней жизни старика?
Любовь способна по природе к жертвам
И расстаётся с самым дорогим
Для дорогих.

О ф е л и я
(поёт)

Без крышки гроб его несли,

Офелия. Художник Фердинанд Пилотти

Скок-скок со всех ног,
Ручьями слезы в гроб текли.
Прощай, мой голубок.

Л а э р т

Будь ты в уме и добивайся мщенья,
Ты б не могла так тронуть.

О ф е л и я. А вы подхватывайте: “Скок в яму, скок со дна, не сломай веретена. Крутись, крутись, прялица, пока не развалится”. Это вор-ключник, увезший хозяйскую дочь.

Л а э р т. Набор слов почище иного смысла.

О ф е л и я. Вот розмарин, это для памятливости: возьмите, дружок, и помните. А это анютины глазки: это чтоб думать.

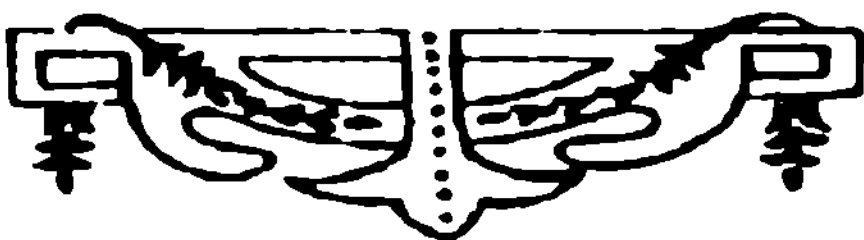
Л а э р т. Изречения безумья: память и мысль неотделимы.

О ф е л и я. Вот укроп для вас, вот водосбор. Вот рута. Вот несколько стебельков для меня. Ее можно также звать богородичной травой. В отличие от моей носите свою как-нибудь по-другому. Вот ромашка. Я было хотела дать вам фиалок, но все они завяли, когда умер мой отец. Говорят, у него был легкий конец. (Поет.)

Но Робин родной мой —
Вся радость моя.

Л а э р т

Тоске и страсти, и кромешной тьме
Она очарованье сообщает.

О ф е л и я
(поет)

Неужто он не придет?
Неужто он не придет?
Нет, помер он
И погребён.
И за тобой черед.
А были снежной белизны
Его седин волнистых льны.
Но помер он,
И вот
За упокой его души
Молиться мы должны.

И за все души христианские, господи, помилуй! — Ну, храни
вас бог. (*Уходит.*)

Л а э р т

Видали? Боже!

К о р о л ь

Слушайте, Лаэрт.
Поверьте в живость моего участия
И дайте оправдаться. Из друзей
Подите выберите самых умных,
Пусть, выслушав, они рассудят нас.
Когда бы против нас нашлись улики,
Прямые или косвенные, мы

Корону, царство, жизнь и все, что наше,
Даем вам в возмещение. Если ж нет,
Извольте уделить нам миг терпенья,
И мы в союзе с вашею душой
Добьемся удовлетворенья.

Л а э р т

Ладно.

Загадка смерти, тайна похорон,
Отсутствие герба и шпаг над прахом,
Обход обрядов, нарушение форм —
Все это вопиет с небес на землю
И ждет разбора.

К о р о л ь

И его найдет.

А виноватого — на эшафот.
Пожалуйте.

(Уходит.)

Сцена 6

Там же. Другая комната в замке.

Входят Горацио и слуга.

Г о р а ц и о

Кто хочет говорить со мной?

С л у г а

Матросы.

У них к вам письма, говорят.

Г о р а ц и о

Прошу. —

Ума не приложу, кто и откуда
Мне мог бы, кроме Гамлета, писать.

Входят матросы.

П е р в ы й м а т р о с

Бог в помощь, сэр.

Г о р а ц и о

Дай бог тебе здоровья.

П е р в ы й м а т р о с. Была б его воля, а мы не откажемся. — Вот письмо для вас, сэр. Оно от посланника с корабля, шедшего в Англию, — если ваше имя Горацио, как мне сказали.

Г о р а ц и о (читает). “Горацио, по прочтении сего устрой, чтобы эти люди попали как-нибудь к королю. У них есть письма к нему. Не были мы и двух дней в море, как сильно вооруженный корсар погнался за нами. Уступая им в скорости, мы их атаковали с вынужденной отвагой. При abordage я перескочил к ним на борт. Но в этот миг корабли расцепились, и таким образом я очутился у них единственным пленником. Они обошлись со мной как милосердные разбойники. Однако

они ведали, что творили. За это я должен буду сослужить им службу. Доставь королю приложенные письма и поспеши ко мне, как бежал бы от смерти. Я тебе скажу на ухо несколько слов, от которых ты онемеешь, хотя им далеко до всей истины. Эти добряки доставят тебя к месту моего нахождения. Розенкранц и Гильденстерн продолжают путь в Англию. О них тоже много расскажу тебе. Прощай.

Твой, в чем ты не сомневаешься, Гамлет”.

Пойдем, сдадим оставшиеся письма
И поспешим к тому, кто их послал.

Уходят.

Сцена 7

Там же. Другая комната в замке.

Входят король и Лаэрт.

К о р о л ь

Теперь ваш долг принять меня в друзья
И в сердце подписать мне оправданье.
Вы видите, тот самый человек,
Который вас лишил отца, пытался
Убить меня.

Л а э р т

Я вижу. Отчего ж
Не нарядили следствия по делу

Такой великой важности, в обход
Понятиям безопасности и права?

К о р о л ь

Причины две, на ваш, наверно, взгляд
Пустых, а для меня особо веских.
Лишь им и дышит королева-мать.
А хорошо ли, плохо ль, — ваше дело,
Но нас с женой водой не разольешь:
Душой и телом, как звезда с орбитой.
Другое основание, отчего
Не предал я суду его открыто, —
Привязанность к нему простых
людей.

Его ошибки возведут в заслуги.
Народ, как соль чудесного ключа,
Который ветку обращает в камень.
Стихию эту лучше не дразнить,
А то поднявшийся ответный ветер
Вернет мне стрелы острием назад.

Л а э р т

Итак, забыть про смерть отца и ужас,
Нависший над сестрою? А меж тем —
Хоть дела не воротишь похвалами —
Она легко затмила б этот век.
Нет, месть моя придет.

К о р о л ь

Не беспокойтесь.

Вы думаете, я такой чурбан,
Что, собственной опасности не видя,
Я за бороду дам себя хватать?
Потом поймете прочее. Отец ваш
Был другом мне, и я не враг себе,
И этого, я думаю, довольно...

Входит вестовой с письмом.

Ну? Что еще там?

В е с т о в о й

Письма, государь.
От Гамлета. Вот вам, вот королеве.

К о р о л ь

От Гамлета? Кто подал?

В е с т о в о й

Говорят,
Какие-то матросы. Я не видел.
Мне Клавдио их дал, а у него —
Из первых рук.

К о р о л ь

Лаэрт, хотите слушать?
Я вам прочту. — Ступайте.

Вестовой уходит.

(Читает.)

“Великий и могущественный, узнайте, что я голым высажен на берег вашего королевства. Завтра я буду просить разрешения предстать пред ваши королевские очи, чтобы, заручившись вперед вашим благоволением, изложить обстоятельства моего внезапного и еще более странного возвращения. Гамлет”

Что это значит? Все ли возвратились?
Иль это ложь и все идет на лад?

Л а э р т

Верна ли подпись?

К о р о л ь

Точный почерк принца.
Вот это “голым” и внизу: “Один”
В приписке. Что вы скажете на это?

Л а э р т

Не знаю сам. Но встретиться хочу.
Мне легче на душе от предвкушенья
Того, что я швырну ему в лицо.

К о р о л ь

Но если так, зачем же дело стало?

Раз так, то все улажено, Лаэрт.
Я буду направлять вас.

Л а э р т

Направляйте.
Но только не старайтесь помирить.

К о р о л ь

Какой там мир! Напротив. Он вернулся,
И вновь его так просто не ушлешь.
Поэтому я новое придумал.
Я так его заставляю рисковать,
Что он погибнет сам по доброй воле.
Его конец не поразит молвы,
И даже мать, не заподозрив козней,
Во всем увидит случай.

Л а э р т

Государь,
Скажу тем тверже: управляйте мною,
Я буду вам орудьем.

К о р о л ь

Все к тому.
В отлучку вашу вас не забывали.
При Гамлете хвалили вас за то,
Чем вы сильны, и вот, из всех отличий

Завидовал он только вам в одном,
Хотя оно не кажется мне главным.

Л а э р т

И это?...

К о р о л ь

Бант на шляпе молодца,
Хоть и уместный. В молодости носят
Небрежно легкий плащ. А пожилой
Заботу о здоровье облекает
В сукно и мех. Два месяца назад
Здесь был нормандский дворянин. Я видел
Французов и сражался против них.
Им равных нет в езде верхом. Но этот
Был чародей. Он прирастал к седлу
И достигал с конем такой сноровки,
Как будто был до половины слит
С четвероногим. И во сне не снится,
Словами не сказать, что он творил!
Непостижимо!

Л а э р т

Это был нормандец?

К о р о л ь

Нормандец.

Л а э р т

Так порукой жизнь, — Ламонд.

К о р о л ь

Он самый.

Л а э р т

Как не знать: алмаз известный,
Цвет всей страны.

К о р о л ь

Он знает вас, сказал,
И с похвалой большою отзывался
О вашем фехтовальном мастерстве,
Особенно о бое на рапирах,
Где вам, как уверял он, равных нет.
Он говорил, — их первые задиры
Теряют глаз, расчет и быстроту
При встрече с вами. Этот отзыв поднял
Такую зависть в Гамлете, что он
Лишь спал и видел, как бы вас дождаться
И упросить, чтоб вы побились с ним.
Вот и предлог.

Л а э р т

Предлог? Не понимаю.
Предлог к чему?

К о р о л ь

Скажите мне, Лаэрт,
Вы чтите не шутя отцову память,
Иль, как со скорби писанный портрет,
Вы лик без жизни?

Л а э р т

Странные расспросы.

К о р о л ь

Кто отрицает в вас любовь к отцу?
Но всякую любовь рождает время,
И время же, как подтверждает жизнь,
Решает, искра это или пламя.
В самом огне любви есть вещество,
Которое и гаснет от нагару.
Непостоянна качеств полнота
И погибает от переполнения.
Что хочется, то надо исполнять,
Пока не расхотелось: у хотенья
Не меньше дел и перемен на дню,
Чем рук и планов и голов на свете.
Когда же поздно, нечего вздыхать.
Как слёзы с перепою эти вздохи.
Итак, здесь Гамлет. Чем, помимо слов,
Докажете вы связь с отцом на деле?

Л а э р т

Увижу в церкви, глотку перерву.

К о р о л ь

Конечно, для убийцы нет святыни,
И месть границ не знает. Но тогда,
Мой дорогой, сидите лучше дома.
Про ваш приезд узнает Гамлет сам,
На всех углах вас будут славословить
Вслед за французом. Вас сведут вдвоем.
За вас обоих выставят заклады.
Как человек беспечный и прямой
И чуждый ухищрений, он не станет
Рассматривать рапир, и вы легко,
Чуть изловчась, подмените тупую,
С предохраненьем, голой боевой
И за отца сквитаетесь.

Л а э р т

Отлично.

Кой-чем вдобавок смажу острие.
Я как-то мазь купил такого свойства,
Что если смазать нож и невзначай
Порезать палец, каждый умирает,
И не спасти травой никакой,
С заклятьем припасённой ночью лунной.
Я этим ядом вымажу клинок.

Его довольно будет оцарапать,
И он погиб.

К о р о л ь

Обдумаем полней,
Какие могут ждать нас вероятья.
Допустим, план наш белой ниткой
шит

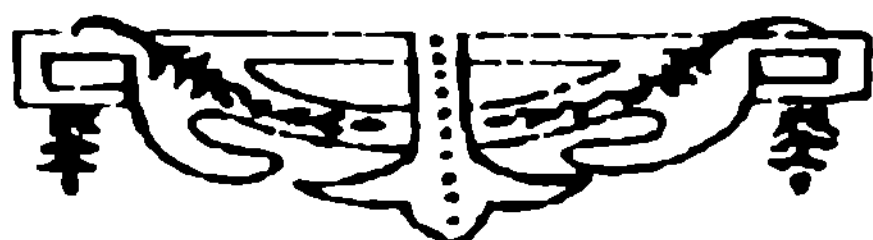
И рухнет или выйдет весь наружу.
Как быть тогда? Нам надобно взамен
Иметь другое что-нибудь в запасе.
Постойте, я смекну. — Готово, есть.
Ага, мы ставим ценные заклады...
Так, так.
Когда вы разгоритесь от борьбы —
Для этого я б участил атаки, —
На случай, если б попросил он пить,
Поставлю кубок. Только он пригубит,
Ему конец, хотя б он уцелел
От смертоносной раны. — Что за крики?

Входит королева.

А, королева!

К о р о л е в а

Несчастье за несчастием, Лаэрт.
Сестра, мой милый, ваша утонула.

Офелия. Художник Джон Эверет

Л а э р т

Как утонула? Где? Не может быть!

К о р о л е в а

Над речкой ива свесила седую
Листву в поток. Сюда она пришла
Гирлянды плесть из лютика, крапивы,
Купав и цвета с красным хохолком,
Который пастухи зовут так грубо,
А девушки — ногтями мертвеца.
Ей травами увить хотелось иву,
Взялась за сук, а он и подломись,
И, как была, с копной цветных трофеев
Она в поток обрушилась. Сперва
Её держало платье, раздуваясь,
И, как русалку, поверху несло.
Она из старых песен что-то пела,
Как бы не ведая своей беды
Или как существо речной породы.
Но долго это длиться не могло,
И вымокшее платье потащило
Её с высот мелодии на дно,
В муть смерти.

Л а э р т

Утонула!..

К о р о л е в а

Утонула.

Л а э р т

Офелия, довольно вокруг тебя
Воды, чтоб доливать её слезами.
Но как сдержать их? Несмотря на стыд,
Природа льёт их. Ими вон исходит
Всё бабье в нас. Прощайте, государь.
В душе пожар, а эта дурья слабость
Мне портит всё.

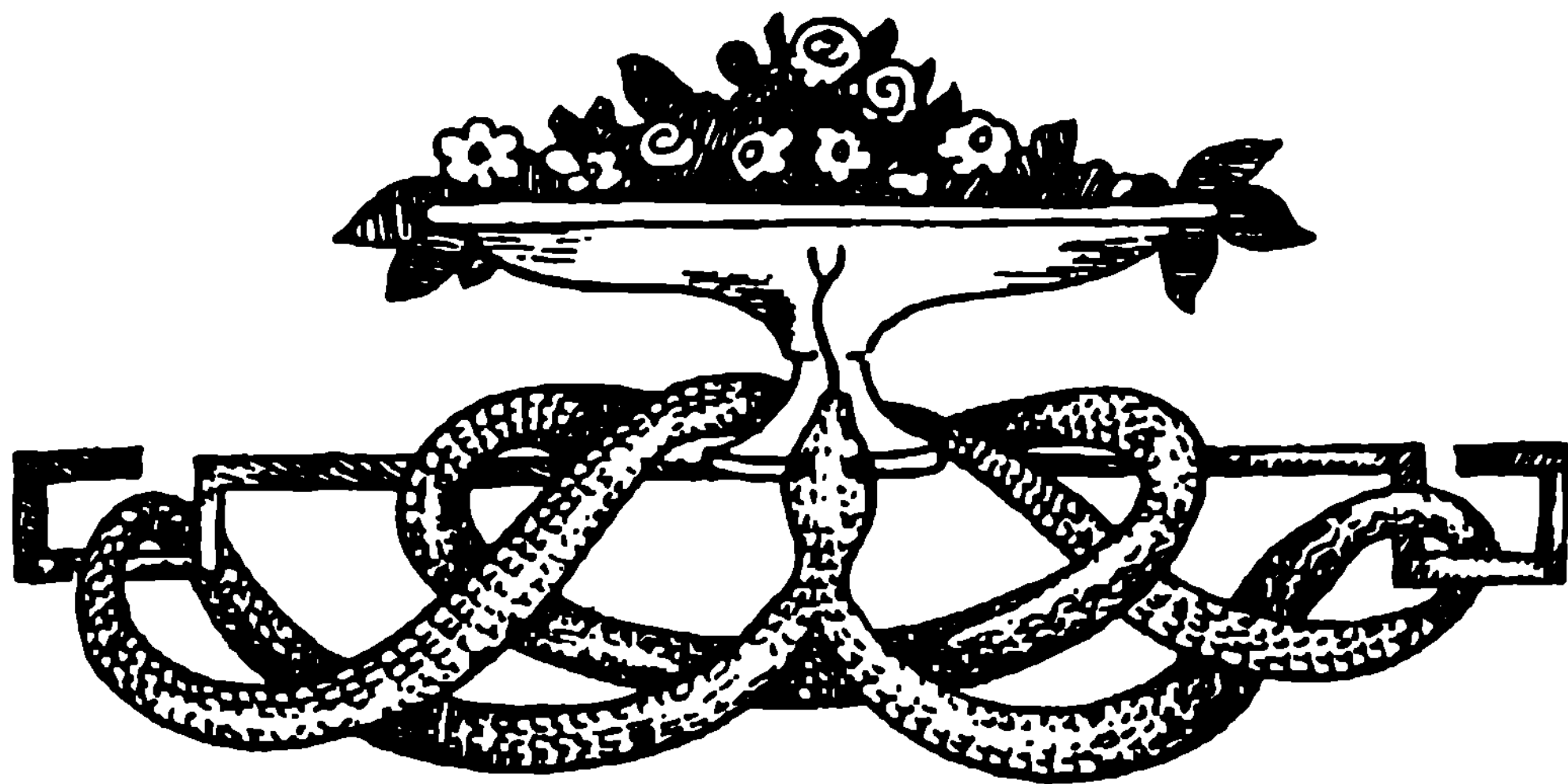
(Уходит.)

К о р о л ь

Гертруда, сколько сил
Потратил я, чтоб гнев его умерить.
Теперь, боюсь, он разгорится вновь.
Пойдем за ним.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Эльсинор. Кладбище.

Входят два могильщика слопатами.

Первый могильщик. А правильно ли хоронить по-христиански, которая самовольно добивалась вечного блаженства?

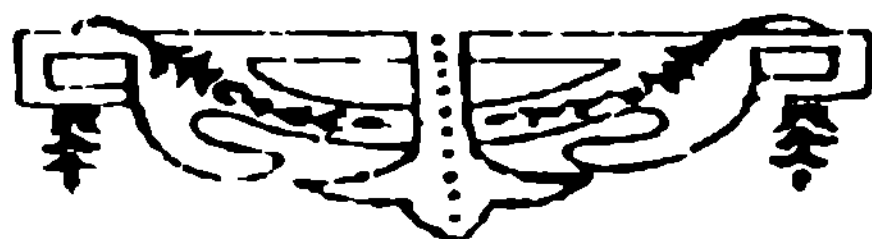
Второй могильщик. Стало быть, правильно. Ты и копай ей живею могилу. Её показывали следователю и постановили, чтоб по-христиански.

Первый могильщик. Статочное ли дело? Добро бы она утопилась в состоянии самозащиты.

Второй могильщик. Состояние и постановили.

Первый могильщик. Состояние надо доказать. Без него не закон. Скажем, я теперь утоплюсь с намереньем. Тогда это дело тройкое. Одно — я его сделал, другое — привёл в исполнение, третье — совершил. С намерением она, значит, и утопилась.

Второй могильщик. Ишь ты как, кум гробокопатель...

Первый могильщик. Нет, без смеху. Вот тебе, скажем, вода. Хорошо. Вот, скажем, человек. Хорошо. Вот, скажем, идёт человек к воде и топится. Хочешь не хочешь, а он идёт, вот в чём суть. Другой разговор — вода. Ежели найдёт на него вода и потопит, он своему концу сторона. Стало быть, кто в своей смерти неповинен, тот своей жизни не губил.

Второй могильщик. Это по какой же статье?

Первый могильщик. О сысках и следствиях.

Второй могильщик. Хочешь знать правду? Не будь она дворянкой, не видать бы ей христианского погребенья.

Первый могильщик. Твоя правда. То-то и обидно. Чистая публика топись и вешайся сколько душе угодно, а наш брат прочий верующий и не помышляй. Ну да ладно. Пора за лопату. А насчет дворян — нет стариннее, чем садовники, землекопы и могильщики. Их звание от самого Адама.

Второй могильщик. Разве он был дворянин?

Первый могильщик. Он первый носил ручное оружие.

Второй могильщик. Полно молоть, ничего он не носил.

Первый могильщик. Да ты язычник, что ли? Как ты понимаешь Священное писание? В Писании сказано: “Адам копал землю”. Что ж, он копал её голыми руками? Ну вот тебе ещё вопрос. Только ты отвечай впопад, а то смотри...

Второй могильщик. Валяй спрашивай.

Первый могильщик. Кто строит крепче каменщика, корабельного мастера и плотника?

Второй могильщик. Строитель виселиц. Это помещение переставляет всех нахлебников.

Первый могильщик. Ей-богу, умница. Виселица — это хорошо. Но только смотря для кого. Хорошо для того, чьё дело плохо. Ты сказал плохо, будто виселица крепче церкви. Вот виселица для тебя и хороша. Давай сначала, только теперь спрашивай ты.

Второй могильщик. Кто строит крепче каменщика, корабельного мастера и плотника?

Первый могильщик. Вот и говори кто, и отвязись.

Второй могильщик. А вот и скажу.

Первый могильщик. Ну?

Второй могильщик. Не могу знать кто.

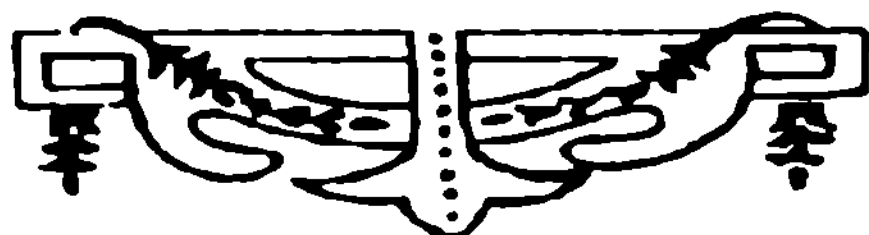
Входят Гамлет и Горацио и останавливаются
в отдалении.

Первый могильщик. Не надсаживай себе этим мозгов. Сколько осла ни погоняй, он шибче не пойдёт. В следующий раз, спросят тебя эту же вещь, — отвечай: могильщик. Его дома простоят до второго пришествия. Ну да ладно. Сбегай, брат, к Иогену и принеси-ка мне шкалик.

Второй могильщик уходит.

(Копает и поёт.)

Не чаял в молодые дни
Я в девушках души
И думал, только тем они
Одним и хороши.

Г а м л е т. Неужели этот шутник не сознаёт рода своей работы, что поёт за рытьём могилы?

Г о р ц и о. Привычка её упростила.

Г а м л е т. Это естественно. Рука чувствительна, пока не натрудишь.

П е р в ы й м о г и л ь щ и к
(поёт)

Но тихо старость подошла
И за руку взяла,
И всё умчалось без следа
Неведомо куда.

(Выбрасывает череп.)

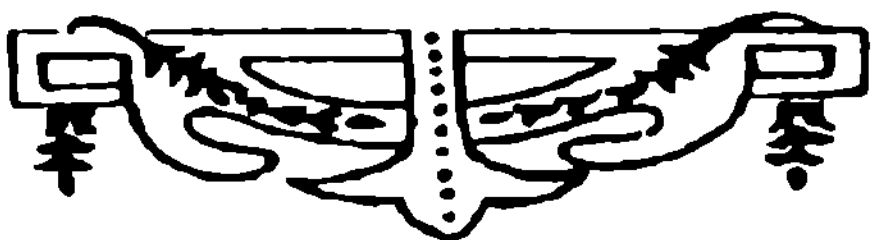
Г а м л е т. В этом черепе был когда-то язык, он умел петь. А этот негодяй шмякнул его обзёмь, точно это челюсть Каина, который совершил первое убийство. Возможно, голова, с которою этот осёл обходится так пренебрежительно, принадлежала какому-нибудь политику, который собирался перехитрить самого господ бога. Не правда ли?

Г о р ц и о. Возможно, милорд.

Г а м л е т. Или какому-нибудь придворному. Он говаривал: “С добрым утром, светлейший государь. Как изволите здравствовать?” Его звали князь такой-то и такой-то, и он нахваливал князю такому-то его лошадь, в надежде напроситься на подарок. Не правда ли?

Г о р ц и о. Правда, принц.

Г а м л е т. Да, вот именно. А теперь он угодил к Курносой,

сам без челюстей, и церковный сторож бьёт его по скулам лопатой. Поразительное превращенье, если б только можно было подсмотреть его тайну. Стоило ли давать этим костям воспитанье, чтобы потом играть ими в бабки? Мои начинают ныть при мысли об этом.

П е р в ы й м о г и л ь щ и к
(поёт)

Бери лопату и кирку,
И новый саван шей,
И рой могилу старику
На водворенье в ней.

(Выбрасывает другой череп.)

Г а м л е т. Вот ещё один. Почему не быть ему черепом законника? Где теперь его крючки и извороты, его уловки и умствования, его казуистика? Отчего принимает он подзатыльники заступом от этого грубияна и не привлекает его за оскорбление действием? Гм! В своё время это мог быть крупный скупщик земель, погрязший в разных закладных, долговых обязательствах, судебных протоколах и актах о взысканье. В том ли пеня на пеню и взысканье по взысканью со всех его земельных оборотов, что голова его пенится грязью и вся набита землёй? Неужели все его поручительства, простые и двусторонние, обеспечили ему только надел величиной в одну купчую крепость на двух листах бумаги? Одни его передаточные записи едва ли улеглись бы на таком пространстве. А разве сам владелец не вправе разлечься попросторней?

Горцио. Нет, ни на одну пядь, милорд.

Гамлет. Кажется, ведь пергамент выделывают из бараньей кожи?

Горцио. Да, принц, а также из телячьей.

Гамлет. Ну так бараны и телята — те, кто ищет в этом обеспечения. Я поговорю с этим малым. — Чья это могила, как тебя там?

Первый могильщик. Моя, сэр.

(Поёт.)

И рой могилу старику
На водворенье в ней.

Гамлет. Верю, что твоя, потому что ты лжёшь из могилы.

Первый могильщик. А вы — не из могилы. Стало быть, она не ваша. А я — в ней и, стало быть, не лгу.

Гамлет. Как же не лжёшь? Торчишь в могиле и говоришь, что она твоя. А она для мёртвых, а не для живых. Вот ты и лжёшь, что в могиле.

Первый могильщик. Эта ложь в могиле не останется. Она оживёт и уйдёт от меня к вам.

Гамлет. Для какого мужа праведна ты её роешь?

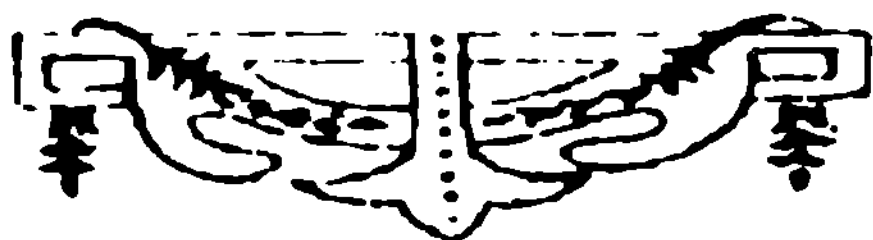
Первый могильщик. Ни для какого.

Гамлет. Тогда для какой женщины?

Первый могильщик. Тоже ни для какой.

Гамлет. Для кого же она предназначена?

Первый могильщик. Для особы, которая, сэр, была женщиной, ныне же, царствие ей небесное, преставилась.

Г а м л е т. До чего досконален, бездельник! С этим народом надо держать ухо востро, а то пропадёшь от двусмыслиц. Клянусь богом, Горацио, за последние три года я заметил: время так подвинулось, что мужики наступают дворянам на пятки. — Давно ли ты могильщиком?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к. Из всех дней в году с того самого, как покойный король наш Гамлет одолел Фортинбраса.

Г а м л е т. Сколько же теперь этому?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к. Аль не знаете? Это всякий дурак знает. Это было как раз в тот день, когда родился молодой Гамлет, тот самый, что сошёл с ума и послан в Англию.

Г а м л е т. Вот те на. Зачем же его послали в Англию?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к. Как это зачем? За умом и послали. Пускай поправит. А не поправит, так там и это не беда.

Г а м л е т. То есть как это?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к. А так, что никто не заметит. Там все такие же сумашедшие.

Г а м л е т. Каким образом он помешался?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к. Говорят, весьма странным.

Г а м л е т. Каким же именно?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к. А таким, что взял и потерял рассудок.

Г а м л е т. Да, но на какой почве?

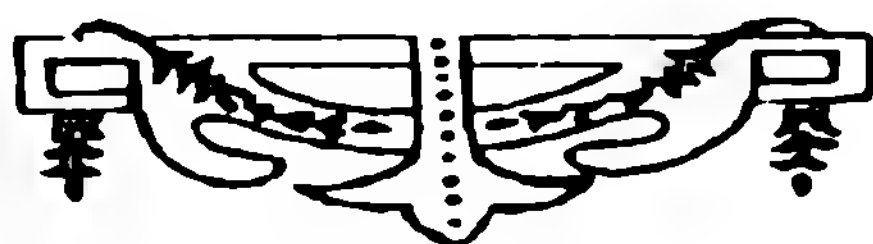
П е р в ы й м о г и л ь щ и к. Да всё на той же, на нашей датской. Я здесь тридцать лет при погосте, с малолетства.

Г а м л е т. Много ли пролежит человек в земле, пока не сгниёт?

Гамлет и могильщики. Художник Эжен Делакруа

Первый могильщик. Да как сказать. Если он не протухнет заживо, — сейчас пошёл такой покойник, что едва дотягивает до похорон, — то лет восемь-девять продержится. Кожевник, этот все девять с верностью.

Гамлет. Отчего же этот дольше других?

Первый могильщик. А видите, сударь, шкура-то у него так выдублена промыслом, что долго устоит против воды. А вода, будь вам ведомо, самый первый враг для нашего брата покойника, как помрёте. Вот, например, ещё череп. Этот череп пролежал в земле двадцать три года.

Гамлет. Чей он?

Первый могильщик. Одного шалопая окаянного, лучше не говорить. Чей бы вы думали?

Гамлет. Не знаю.

Первый могильщик. Чтоб ему пусто было, до чего это был чумовой сорванец! Бутылку рейнского вылил мне раз на голову, что вы скажете. Этот череп, сэр, это череп Иорика, королевского скомороха.

Гамлет. Этот?

Первый могильщик. Этот самый.

Гамлет. Дай взгляну. *(Берёт череп в руки.)* Бедняга Иорик! — Я знал его, Горацио. Это был человек бесконечного остроумия, неистощимый на выдумки. Он тысячу раз таскал меня на спине. А теперь это само отвращение и тошнотой подступает к горлу. Здесь должны были двигаться губы, которые я целовал не знаю сколько раз. — Где теперь твои каламбуры, твои смешные выходки, твои куплеты? Где взрывы

твоего заразительного веселья, когда со смеху покатывался весь стол? Ничего в запасе, чтоб позубоскалить над собственной беззубостью? Полное расслабление? Ну-ка, ступай в будуар великосветской женщины и скажи ей, какою она будет, несмотря на румяна в дюйм толщиною. Попробуй рассмешить её этим пророчеством. — Скажи мне одну вещь, Горацио.

Г о р а ц и о. Что именно, принц?

Г а м л е т. Как ты думаешь: Александр Македонский представлял в земле такое же зрелище?

Г о р а ц и о. Да, в точности.

Г а м л е т. И так же вонял? Фу! (*Кладёт череп наземь.*)

Г о р а ц и о. Да, в точности, милорд.

Г а м л е т. До какого убожества можно опуститься, Горацио! Что мешает вообразить судьбу Александрова праха шаг за шагом, вплоть до последнего, когда он идёт на затычку бочки?

Г о р а ц и о. Это значило бы смотреть на вещи слишком предвзято.

Г а м л е т. Ничуть не бывало. Напротив, это значило бы почтительно следовать за предметом, подчиняясь вероятности. Примерно так: Александр умер, Александра похоронили, Александр стал прахом, прах — земля, из земли добывают глину. Почему глине, в которую он обратился, не оказаться в обмазке пивной бочки?

Истлевшим Цезарем от стужи
Заделывают дом снаружи.
Пред кем весь мир лежал в пыли,
Торчит затычкою в щели.

Но тише! Станем дальше! Вон король.

Входит шествие со священником во главе,
за которым следует тело Офелии, Лаэрт, провожатые,
король, королева и их свита.

Вон королева. Двор. Кого хоронят?
Как искажён порядок! Это знак,
Что мы на проводах самоубийцы.
Какой-то знатный. Станем в стороне
И поглядим.

(Отходит с Горацио в сторону.)

Лаэрт

Что вы добавите из службы?

Гамлет

Вот благородный юноша Лаэрт.

Лаэрт

Что вы ещё намерены добавить?

Священник

В предписанных границах свой устав
Мы уж и так расширили. Кончина
Её темна и, не вмешайся власть,
Лежать бы ей в неосвящённом месте
До гласа трубного. Взамен молитв
Её сопровождал бы град камней.

А ей на гроб возложены венки,
И шли за нею с колокольным звоном
До изгороди.

Л а э р т

Значит это всё,
Что в вашей власти?

С в я щ е н н и к

Да, мы отслужили.
Мы осквернили бы святой обряд,
Когда б над нею реквием пропели,
Как над другими.

Л а э р т

Опускайте гроб! —
Пусть из её неосквернённой плоти
Взрастут фиалки! — Помни, грубый поп,
Сестра на небе ангелом зареет,
Когда ты в корчах взвоешь.

Г а м л е т

То есть как:

Офелия?!

К о р о л е в а

(разбрасывает цветы)

Прекрасное прекрасной.

Спи с миром. Я тебя мечтала в дом
Ввести женою Гамлета. Мечтала
Покрыть цветами брачную постель,
А не могилу.

Л а э р т

Трижды тридцать казней
Свались втройне на голову того,
От чьих злодейств твой острый ум
затмился.

Не надо. Погодите засыпать.
Ещё раз заключу её в объятья.

(Прыгает в могилу.)

Заваливайте мёртвую с живым.
На ровном месте взгромоздите гору,
Которая превысит Пелион
И голубой Олимп.

Г а м л е т
(выступая вперед)

Кто тут горюет
Так выпренно? Чьей жалобы раскат
В движенье останавливает звёзды,
Как зрителей? К его услугам я,
Принц Гамлет Датский.

(Прыгает в могилу.)

Л а э р т

Чтоб тебя, нечистый!

(Борется с ним.)

Г а м л е т

Учись молиться. Горла не дави.
Я не горяч, но я предупреждаю,
Отчаянное что-то есть во мне.
Ты, право, пожалеешь. Руки с горла!

К о р о л ь

Разнять их!

К о р о л е в а

Гамлет, Гамлет!

В с е

Господа!

Г о р а ц и о

Принц, успокойтесь.

Их разнимают, и они выходят из могилы.

Г а м л е т

За причину спора

Я с ним согласен драться до конца,
И не уймусь, пока мигают веки.

К о р о л е в а

Какого спора, сын мой?

Г а м л е т

Я любил

Офелию, и сорок тысяч братьев

И вся любовь их — не чета моей.

Скажи, на что ты в честь её способен?

К о р о л ь

Он вне себя.

К о р о л е в а

Не трогайте его.

Г а м л е т

Я знать хочу, на что бы ты пустился?

Рыдал? Рвал платье? Дрался? Голодал?

Пил уксус? Крокодилов ел? Всё это

Могу и я. Ты слёзы лить пришёл?

В могилу прыгать мне на посмеянье?

Живьём зарытым быть? Могу и я.

Ты врал про горы? Миллионы акров

Нам на курган, чтоб солнце верх сожгло

И в бородавку превратилась Осса!

Ты думал глоткой взять? Могу и я.

К о р о л е в а

Всё это взрыв безумья. С ним припадок.
Немного переждать, и он опять
Притихнет, как голубка над птенцами,
И сложит крылья.

Г а м л е т

Надо объяснить,
За что вы так со мной небрежны, сударь?
Ведь я любил вас. — Впрочем, всё равно;
Хоть выбейся из силы Геркулес,
Как волка не корми, он смотрит в лес.

(Уходит.)

К о р о л ь

Побудьте с ним, пожалуйста, Горацій.

Горацио уходит.

(Лаэрту.)

Припомните вчерашний разговор
И потерпите. Всё идёт к развязке. —
Гертруда, пусть за принцем последят. —
Мы здесь живой ей памятник поставим.
Терпеть ещё недолго. А потом
Зато тем безмятежнее вздохнём.

Уходят.

Сцена 2

Там же. Зал в замке.

Входят Гамлет и Горацио.

Г а м л е т

Как будто всё. Два слова о другом.
Но хорошо ли помнишь ты события?

Г о р а ц и о

Ещё бы, принц.

Г а м л е т

Мне не давала спать
Какая-то борьба внутри. На койке
Мне было, как на нарах в кандалах.
Я быстро встал. Да здравствует поспешность!
Как часто нас спасала слепота,
Где дальновидность только подводила.
Есть, стало быть, на свете божество,
Устраивающее наши судьбы
По-своему.

Г о р а ц и о

На наше счастье, есть.

Г а м л е т

Я вышел из каюты. Плащ накинул,
Пошёл искать их, шарю в темноте,

Беру у них пакет и возвращаюсь.
Храбрясь со страху и забывши стыд,
Срываю прикреплённые печати
И, венценосной подлости дивясь,
Читаю сам, Горацио, в приказе,
Какая я опасность и гроза
Для Дании и Англии. Другими
Словами: как, по вскрытии письма,
Необходимо, топора не правя,
Мне голову снести.

Г о р а ц и о

Не может быть!

Г а м л е т

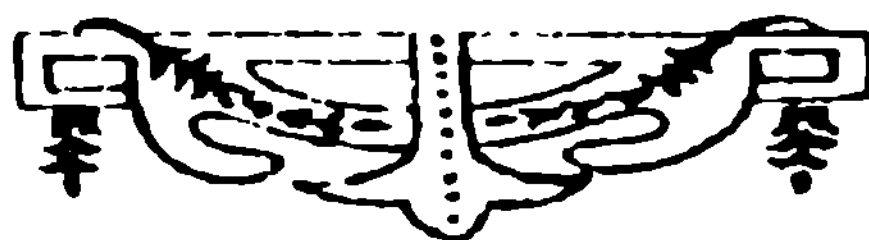
Вот и предписание. После прочитаешь.
Сказать ли, как я дальше поступил?

Г о р а ц и о

Пожалуйста.

Г а м л е т

Опутанный сетями,
И роли я себе не подыскал, —
Уж мысль играла. Новый текст составив,
Я начисто его переписал.
Когда-то я считал со всею знатью
Хороший почерк пошлою чертой

И сил не пожалел его испортить,
А как он выручил меня в беде!
Сказать, что написал я?

Г о р а ц и о

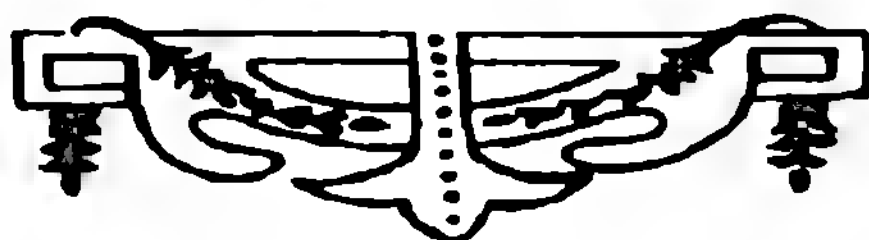
О, конечно.

Г а м л е т

Устами короля указ гласил:
Ввиду того, что Англия наш данник,

У могилы Офелии. Рисунок Мориса Ретча

И наша дружба пальмою цветёт,
И нас сближает мир в венке пшеничном,
А также и ввиду других причин, —
Здесь следовало их перечисленье, —
Немедля по прочтении сего
Подателей означенной бумаги
Предать на месте смерти без суда
И покаянья.

Г о р а ц и о

Где печать вы взяли?

Г а м л е т

Ах, мне и в этом небо помогло.
Со мной была отцовская, с которой
Теперешняя датская снята.
Я лист сложил, как тот, скрепил печатью
И положил за подписью назад,
Как тайно подменённого ребёнка.
На следующий день был бой морской.
Что было дальше, хорошо известно.

Г о р а ц и о

Так Гильденстерн и Розенкранц плывут
Себе на гибель?

Г а м л е т

Сами добивались.

Меня не мучит совесть. Их конец —
Награда за пронырство. Подчинённый
Не суйся между высшими в момент,
Когда они друг с другом сводят счёты.

Г о р а ц и о

Каков король-то!

Г а м л е т

Вот и посуди,
Как я взбешён. Ему, как видишь, мало,
Убив отца и опозорив мать,
Быть мне преградой на пути к престолу.
Ещё он должен удочку с крючком
На жизнь мою закидывать украдкой.
Так разве это не прямой мой долг
С ним рассчитаться этою рукою
И разве не позор давать вреду
Въедаться глубже?

Г о р а ц и о

Скоро он узнает,
Что в Англии случилось.

Г а м л е т

А пока
Остаток дней в моём распоряженье.
Хоть человеческая жизнь и вся

Не долее, чем сосчитать до разу.
Но я стыжусь, Горацио, что так
С Лаэртом на шумел. В его несчастьях
Я вижу отражение своих
И помирюсь с ним. Но зачем наружу
Так громко выставлять свою печаль?
Я этим возмутился.

Г о р а ц и о

Тише. Кто там?

Входит О з р и к.

О з р и к. Со счастливым возвращением в Данию, ваше высочество!

Г а м л е т. Благодарю покорно, сэр. (*Вполголоса Горацио.*) Знаешь ты эту мошку?

Г о р а ц и о (*вполголоса Гамлету*). Нет, милорд.

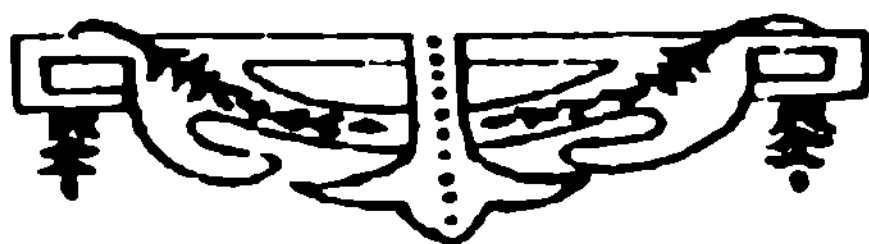
Г а м л е т (*вполголоса Горацио*). Твоё счастье. Знать его не заслуга. У него много земли, и вдобавок плодородной. Поставь скотину царём скотов, — его ясли будут рядом с королевскими. Это сущая галка, но, как я сказал, по количеству грязи в её владении — крупнопоместная.

О з р и к. Милейший принц, если бы у вашего высочества нашлось время, я бы вам передал что-то от его величества.

Г а м л е т. Сэр, я это запечатлею глубоко в душе. Но пользуйтесь шляпой по назначенью. Её место на голове.

О з р и к. Ваше высочество, благодарю вас. Очень жарко.

Г а м л е т. Нет, поверьте, очень холодно. Ветер с севера.

О з р и к. Действительно, несколько холодновато, ваша правда.

Г а м л е т. И всё же, я бы сказал, страшная жара и духота для моей комплекции.

О з р и к. Принц, — неопиcуемая. Такая духота, что просто не подберу слов. Однако, принц, по приказу его величества довожу до вашего сведения, что он держит за вас пари на большую сумму.

Г а м л е т. Тем не менее прошу вас... (*Принуждает его надеть шляпу.*)

О з р и к. Нет, оставьте, уверяю вас. Мне так лучше, уверяю вас. Сэр, на днях к здешнему двору прибыл Лаэрт, настоящий джентльмен, полный самых законченных достоинств, обаятельный в обращении и прекрасной наружности. Не шутя, если говорить картинно, это справочник и указатель благородства, ибо в нём заключено всё, что может нравиться светскому человеку.

Г а м л е т. Сэр, он ничего не потерял в вашем изображении. Хотя, думаю я, описание его по частям затруднило бы память, заставив её едва тащиться за его достоинствами, однако скажу с искренностью прославителя, я считаю его существом высшей породы и таким редким, что, по совести, с ним сравнимо только его собственное отражение, а его подражатели — его жалкие тени, не больше.

О з р и к. Ваше высочество говорите о нём очень верно.

Г а м л е т. Куда вы гнёте, сэр? Зачем оскверняем мы этого джентльмена своим грубым дыханьем.

О з р и к. Сэр?

Г а м л е т. Что у вас в мыслях? Нельзя ли сказать это попрямее. Право, постарайтесь, милостивый государь.

Г а м л е т. К чему приплели вы этого джентльмена?

О з р и к. Лаэрта?

Г о р а ц и о (*вполголоса Гамлету*). Запас его красноречья иссяк. Все золотые слова истрачены.

Г а м л е т. Да, Лаэрта, сэр.

О з р и к. Я знаю, от вас не скрыто...

Г а м л е т. Я хотел бы, чтобы это не было скрыто от вас. Хотя и в таком случае я б ничего не выиграл. Итак, сэр?

О з р и к. Я знаю, от вас не скрыто совершенство, с каким Лаэрт...

Г а м л е т. Не смею судить, чтобы не быть вынужденным с ним мериться. Знать хорошо другого, значит, знать самого себя.

О з р и к. Речь, сударь, о совершенстве, с каким он владеет оружием. По общему убеждению, ему в этом нет равных.

Г а м л е т. Какое у него оружие?

О з р и к. Рапира и кинжал.

Г а м л е т. Оружие двойное. Что же дальше?

О з р и к. Король, сэр, держит с ним пари на шесть арабских коней, против которых тот, как я слышал, прозакладал шесть французских рапир и кинжалов, с их принадлежностями, как-то: кушаками, портупьями и так далее. Три пары гужей, действительно, сказочной красоты и очень подходят к рукоятям. Чрезвычайно изящные гужи, с остроумными украшениями.

Г а м л е т. Что вы называете гужами?

Г о р а ц и о (*вполголоса Гамлету*). Я предчувствовал, что дело не обойдётся без пояснений.

О з р и к. Гужи, сэр, — это ремешки к портупеям.

Г а м л е т. Выражение было бы более подходящим, если бы вместо шпаг мы носили пушки. До тех пор пусть это будут портупеи. Но не будем отвлекаться. Итак, шесть арабских коней против шести французских шпаг, их принадлежностей и трёх пар гужей с остроумными украшениями. За что же всё это прозакладовано, как вы сказали?

О з р и к. Король, сэр, утверждает, что из двенадцати схваток его перевес над вами не превысит трёх ударов. Он ставит на девять из двенадцати. Это можно было бы немедленно проверить, если бы ваше высочество соблаговолили ответить.

Г а м л е т. А если я отвечу: нет?

О з р и к. Я хотел сказать, милорд: если вы ответите принятием вызова на состязанье.

Г а м л е т. Сэр, я буду прогуливаться по залу. Если его величеству угодно, сейчас время моего отдыха. Пусть принесут рапиры. Если молодой человек согласен и король останется при своём намеренье, я постараюсь, если смогу, выиграть его пари. Если же нет, мне достанутся только стыд и неотбитые удары противника.

О з р и к. Можно ли именно так передать ваши слова?

Г а м л е т. Именно так, сэр, с прикрасами, какие вам заблагорассудится прибавить.

О з р и к. Поручаю себя в своей преданности вашему высочеству.

Г а м л е т. Честь имею, честь имею...

Озрик уходит.

Хорошо делает, что поручает. Никто другой за него бы не поручился.

Г о р а ц и о. Побежал, нововылупленный, со скорлупой на головке.

Г а м л е т. Он, верно, и материнской груди не брал иначе как с комплиментами. Таковы все они, нынешние кривляки. Они подхватили общий тон и преобладающую внешность, род бродильного начала, которое выносит их на поверхность среди невообразимого водоворота вкусов. А подуть на поверку, пузырей как не бывало.

Входит л о р д.

Л о р д. Милорд, его величество государь посылал к вам с приветом молодого Озрика, который сообщил, что вы ждёте его в зале. Государь послал узнать, остаётесь ли вы при желании состязаться с Лаэртом или думаете отложить.

Г а м л е т. Я верен своим решеньям. Они приноровлены к желаньям короля. Была бы его воля, а я в долгу не останусь. Сейчас или когда угодно, лишь бы я чувствовал себя так же хорошо, как теперь.

Л о р д. Тогда король, королева и остальные сейчас пожалуйста вниз.

Г а м л е т. В добрый час.

Л о р д. Королева желала бы, чтобы перед состязаньем вы по-хорошему поговорили с Лаэртом.

Г а м л е т. Она учит меня добру.

Лорд уходит.

Г о р а ц и о. Вы проиграете заклад, милорд.

Г а м л е т. Не думаю. С тех пор как он уехал во Францию, я постоянно упражнялся. А тут ещё льгота в мою пользу. Я выиграю. Но не поверишь, как нехорошо на душе у меня. Впрочем, пустое.

Г о р а ц и о. Нет, как же, добрейший принц!

Г а м л е т. Совершенные глупости. И, вместе с тем, род предчувствия, которое остановило бы женщину.

Г о р а ц и о. Если у вас душа не на месте, слушайте её. Я пойду к ним навстречу и предупрежу, что вам не по себе.

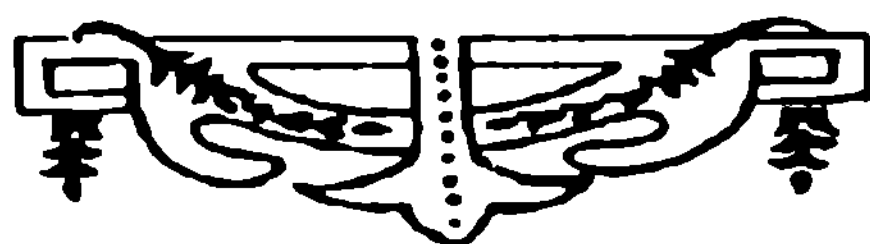
Г а м л е т. Ни в коем случае. Надо быть выше суеверий. Без божьей воли не пропасть и воробью. Если судьба этому сейчас, значит не потом. Если не потом, значит — сейчас. Если же этому сейчас не бывать, то всё равно оно неминуемо. Быть наготове, в этом всё дело. Раз никому не известно, с чем когда-нибудь придётся расставаться, отчего не расстаться с этим заблаговременно? Будь что будет.

Входят король, королева, Лаэрт, Озрик, свита,
слуги с рапирами и пр.

К о р о л ь

Стой, Гамлет. Дай соединю вам руки.

(Вкладывает руку Лаэрта в Гамлетову.)

Г а м л е т

Прошу прощенья, сэр. Я был неправ.
Но вы, как дворянин, меня простите.
Собравшиеся знают, да и вам
Могли сказать, в каком подчас затменье
Бывает ум мой. Всё, чем мог задеть
Я ваши чувства, честь и положенье,
Прошу поверить, сделала болезнь.
Ответственен ли Гамлет? Неответствен.
Раз Гамлет невменяем и нанёс
Лаэрту оскорбленье, оскорбленье
Нанёс не Гамлет, а совсем другой.
Кто ж этому виной? Его безумье.
А если так, то Гамлет сам истец,
И Гамлетов недуг — его обидчик.
Прошу во всеуслышанье при всех
Сложить с меня упрёк в предумышленье.
Пусть знают все: я не желал вам зла.
Ошибкой я пустил стрелу над домом
И ранил брата.

Л а э р т

В глубине души,
Где ненависти, собственно, и место,
Прощаю вас. Иное дело честь:
Тут свой закон, и я прощать не вправе,
Пока подобных споров знатоки

Меня мириться не уполномочат.
Во всяком случае, до той поры
Ценю предложенную вами дружбу
И дружбой отплачу.

Г а м л е т

Душевно рад.
И с лёгким сердцем принимаю вызов.
Приступим. — Где рапиры?

Л а э р т

Мне одну.

Г а м л е т

Для вас я очень выгодный соперник.
Со мною рядом ваше мастерство
Тем явственней заблещет.

Л а э р т

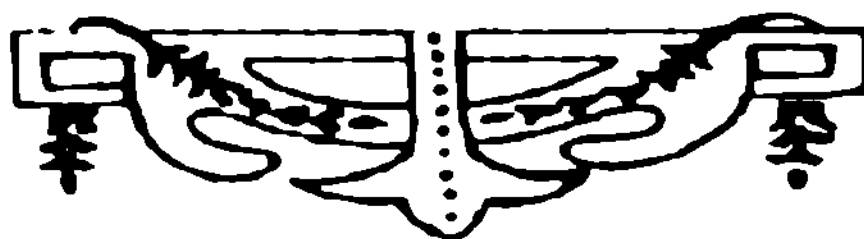
Вы смеётесь.

Г а м л е т

На отсечение руку дам, что нет.

К о р о л ь

Раздайте им рапиры, Озрик. — Гамлет,
Известны вам условия?

Г а м л е т

Да, милорд.
Вы ставите на слабость против силы.

К о р о л ь

Неправда. Я обоих вас видал.
Он вышколен, но в вашу пользу льгота.

Л а э р т

Другую. Эта слишком тяжела.

Г а м л е т

Мне эта по руке. — Равны ли обе?

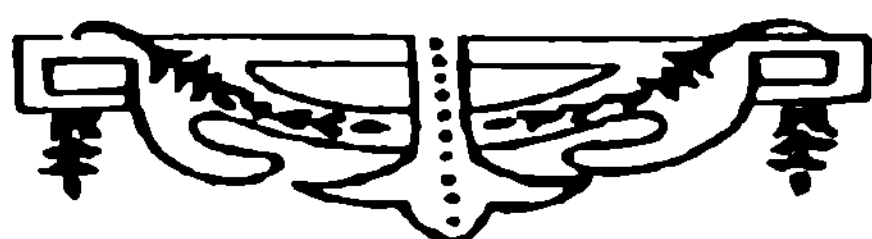
О з р и к

Да, милый принц.

Они готовятся к бою.

К о р о л ь

Вина сюда на стол. —
При первом и втором его ударе
И отраженье третьего — палить
В честь Гамлета со всех бойниц из пушек.
Король его здоровье будет пить.
Сейчас в бокал жемчужину он бросит
Ценнее той, которою в венце
Четыре датских короля гордились.
подайте кубок мне. Пусть гром литавр

Разносит трубам, трубы канонирам,
Орудья — небу, небеса — земле
Тост короля за Гамлета. — Начнёмте.
Вниманье, судьи. Просим не зевать.

Г а м л е т

Готовьтесь.

Л а э р т

Бьюсь.

Бьются.

Г а м л е т

Удар.

Л а э р т

Отбито.

Г а м л е т

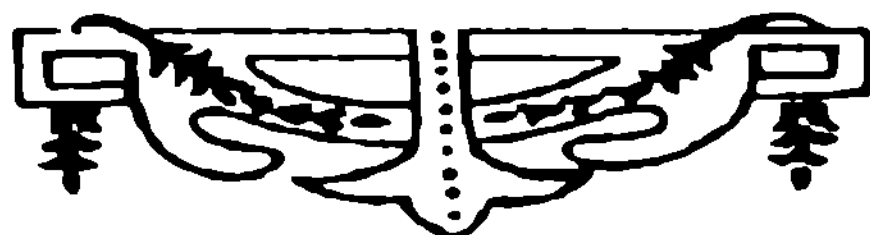
Судьи!

О з р и к

Удар, удар всерьёз.

Л а э р т

Возобновим.

К о р о л ь

Стой, выпьем. — За твоё здоровье, Гамлет.
Жемчужина твоя. — Вот твой бокал.

Трубы и пушечные выстрелы за сценой.

Г а м л е т

Не время пить. — Начнёмте. Защищайтесь.

Бьются.

Опять удар. Не правда ли?

Л а э р т

Удар.

Не отрицаю.

К о р о л ь

Сын наш побеждает.

К о р о л е в а

Он дышит тяжело от полноты.
На, Гамлет, мой платок. Какой ты потный.
Я, королева, пью за твой успех.

Г а м л е т

О, матушка...

К о р о л ь

Не пей вина, Гертруда!

К о р о л е в а

Я пить хочу. Прошу, позвольте мне.

К о р о л ь
(в сторону)

В бокале яд! Ей больше нет спасенья!

Г а м л е т

Нет, матушка, мне рано с вами пить.

К о р о л е в а

Дай оботру лицо тебе от пота.

Л а э р т

А ну теперь ударю я.

К о р о л ь

Едва ль.

Л а э р т
(в сторону)

Как совести всё это не противно.

Г а м л е т

На этот раз, Лаэрт, без баловства.
Я попрошу вас нападать, как надо.
Боюсь, вы лишь играли до сих пор.

Л а э р т

Вы думаете? Ладно.

Бьются.

О з р и к

Оба мимо.

Л а э р т

Так вот же вам!

Лаэрт ранит Гамлета. Затем, в схватке они меняются рапирами и Гамлет ранит Лаэрта.

К о р о л ь

Разнять их. Так нельзя.

Г а м л е т

Нет, сызнова.

Королева падает.

О з р и к

На помощь к королеве!

Г о р а ц и о

Они в крови. — Откуда кровь, милорд?

О з р и к

Откуда кровь, Лаэрт?

Л а э р т

Кулик попался.

Я ловко сети, Озрик, расставлял
И угодил в них за своё коварство.

Г а м л е т

Что с королевой?

К о р о л ь

Обморок простой
При виде крови.

К о р о л е в а

Нет, неправда, Гамлет, —
Питьё, питьё! — Отравлена! — Питьё!

(Умирает.)

Г а м л е т

Средь нас измена! — Затворите двери!
Найти концы!

Л а э р т

Они в твоих руках.
Ты умерщвлён. Спасти тебя нет средства.
Всей жизни у тебя на полчаса.
Улики пред тобой. Рапира эта

Отравлена и с голым остриём.
Я гибну сам за подлость и не встану.
Нет королевы. Больше не могу...
Всему король, король всему виновник!

Г а м л е т

Как, и рапира с ядом? Так ступай,
Отравленная сталь по назначенью!
(Закалывает короля.)

В с е

Предательство!

К о р о л ь

На выручку, друзья
Ещё спасенье есть. Я только ранен!

Г а м л е т

Так на же, самозванец-душегуб!
Глотай свою жемчужину в растворе!
Марш к матери моей!

Король умирает.

Л а э р т

И — поделом:
Напиток был его изготавленья.
Ну, честный Гамлет, а теперь давай

Прощу тебе я кровь свою с отцовой,
Ты ж мне — свою!

(Умирает.)

Г а м л е т

Прости тебя господь.
Я тоже вслед. Всё кончено, Гораций.
Простимся, королева! Бог с тобой!
А вы, немые зрители финала,
О, если б только время я имел, —
Но смерть — тупой конвойный и не терпит
Отлыниванья, — я б вам рассказал —
Но пусть и так. Всё кончено, Гораций.
Ты жив. Расскажешь правду обо мне
Непосвящённым.

Г о р а ц и о

Этого не будет.
Я не датчанин — римлянин скорей.
Здесь яд остался.

Г а м л е т

Если ты мужчина,
Дай кубок мне. Отдай его. — Каким
Бесславием покроюсь я в потомстве,
Пока не знает истины никто!
Будь другом мне и поступишь блаженством.

Дыши тяжёлым воздухом земли.
Останься в этом мире и поведай
Про жизнь мою.

Марш вдали и выстрелы за сценой.

Что за пальба вдали?

О з р и к

Послам английским, проходя с победой
Из Польши, салютует Фортинбрас.

Г а м л е т

Гораций, я кончаюсь. Сила яда
Глушит меня. Уже меня в живых
Из Англии известья не застанут.
Предсказываю: выбор их падет
На Фортинбраса. За него мой голос.
Скажи ему, как все произошло
И кончилось. Дальнейшее — молчанье.

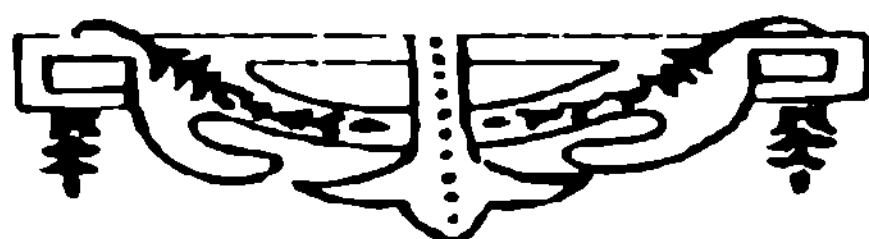
(Умирает.)

Г о р а ц и о

Разбилось сердце редкостное. — Спи,
В полете хором ангелов качаем. —
Кто это с барабанами сюда?

Марш за сценой.

Входят Фортинбрас и английские послы
с барабанным боем, знаменами и свитой.

Ф о р т и н б р а с

Где место происхождения?

Г о р а ц и о

Какого?

Печали небывалой? Это здесь.

Ф о р т и н б р а с

Стон истребления жив еще в останках.
В чертогах смерти, видно, пир горой,
Что столько свежих королевских трупов
Нагромоздила.

П е р в ы й п о с о л

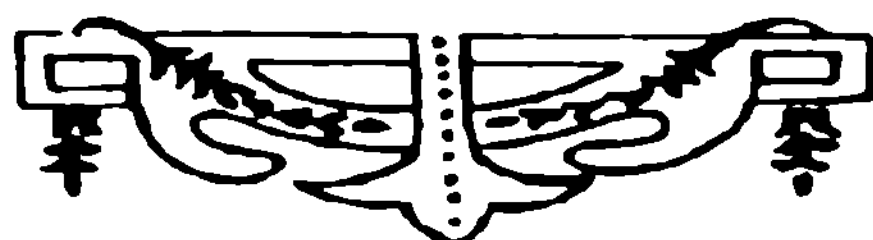
Просто страх берет.

Английские известья опоздали.
Закрылся слух того, кто был бы рад
Услышать, что приказ его исполнен
И Розенкранца с Гильденстерном нет.
Кто нам спасибо скажет?

Г о р а ц и о

Он — едва ли.

Его б он и при жизни не сказал.
Он никогда не требовал их смерти.
Но раз уж вы сошлись здесь на крови
Дорогами из Англии и Польши,

То прикажите положить тела
Пред всеми на виду, и с возвышенья
Я всенародно расскажу про все
Случившееся, расскажу о страшных,
Кровавых и безжалостных делах,
Превратностях, убийствах по ошибке,
Наказанном двуличье, и к концу —
О кознях пред развязкой, погубивших
Виновников. Вот что я расскажу
Вам полностью.

Ф о р т и н б р а с

Скорей давайте слушать.

И созовем для этого совет.
Не в добрый час мне выпадает счастье.
На этот край есть право у меня.
Я предъявлю его.

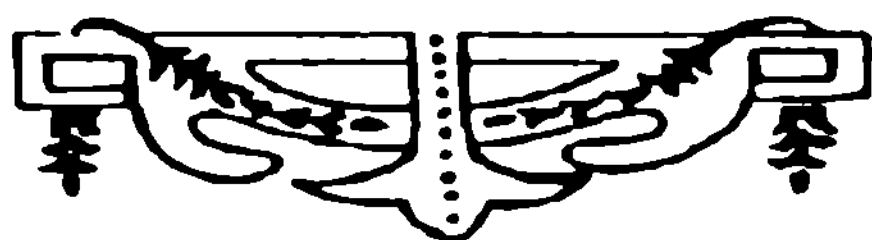
Г о р а ц и о

Я и об этом

Имею слово от лица того,
Чей голос есть судьба голосованья.
Но поспешим, пока умы в чаду
Не натворили новых беззаконий.

Ф о р т и н б р а с

Пусть Гамлета к помосту отнесут,
Как воина, четыре капитана.

Будь он в живых, он стал бы королем
Заслуженно. При переносе тела
Пусть музыка звучит по всем статьям
Церемоньяла. Уберите трупы,
Средь поля битвы мыслимы они,
А здесь не к месту, как следы резни.
Команду к канонаде.

Похоронный марш.

Уходят, унося трупы, после чего раздается пушечный залп.

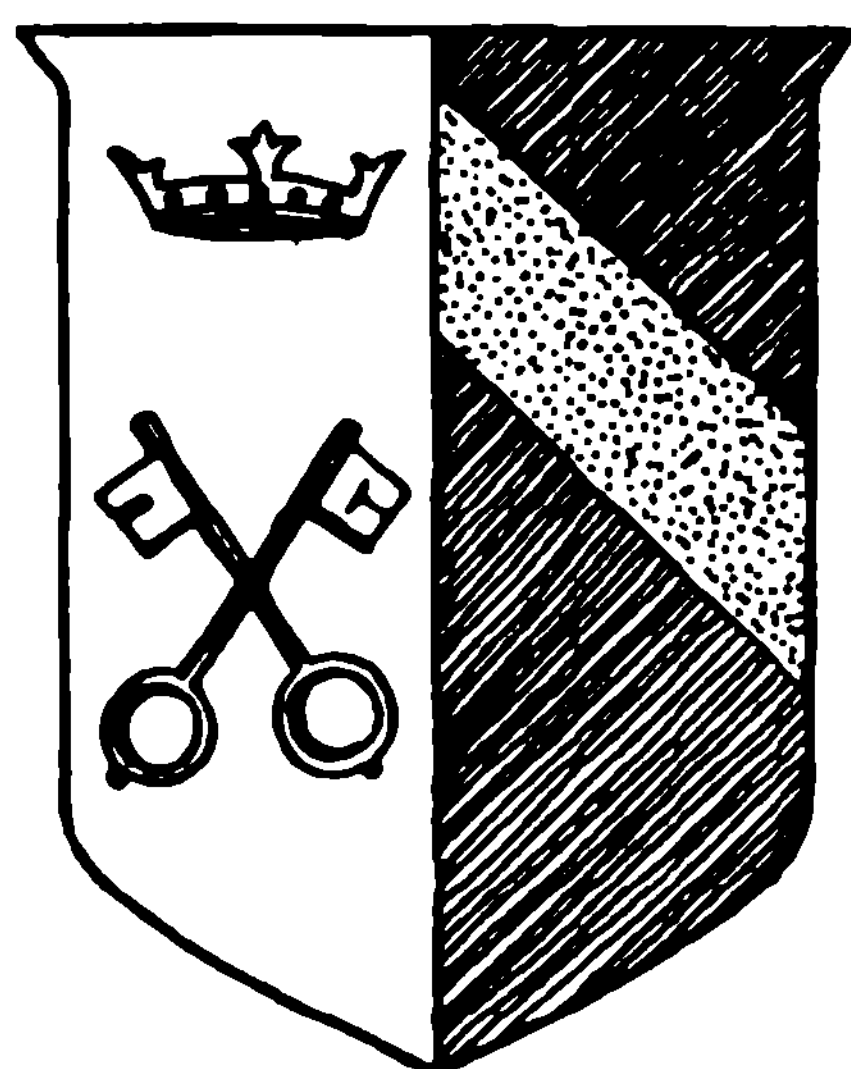
A decorative border of stylized, overlapping scrollwork and ribbons frames the central text. At the top, a ribbon contains the name 'Вильям Шекспир' (William Shakespeare) in Cyrillic.

Вильям Шекспир

Отелло

трагедия в V актах

Перевод Б.Пастернака

Действующие лица

Д о ж В е н е ц и и.

Б р а б а н ц и о, сенатор.

Д р у г и е с е н а т о р ы.

Г р а ц и а н о, брат Брабанцио.

О т е л л о, родовитый мавр на венецианской службе.

К а с с и о, его лейтенант, то есть заместитель.

Я г о, его поручик.

Р о д р и г о, венецианский дворянин.

М о н т а н о, предшественник Отелло по управлению Кипром.

Ш у т, в услужении Отелло.

Д е з д е м о н а, дочь Брабанцио и жена Отелло.

Э м и л и я, жена Яго.

Б ь я н к а, любовница Кассио.

Моряки, гонцы, глашатаи, военные, чиновники,
частные лица, музыканты и слуги.

*Первое действие происходит в Венеции,
остальные — на Кипре.*

АКТ I

Сцена 1

Венеция. Улица.

Входят Родриго и Яго.

Родриго

Ни слова больше. Это низость, Яго.
Ты деньги брал, а этот случай скрыл.

Яго

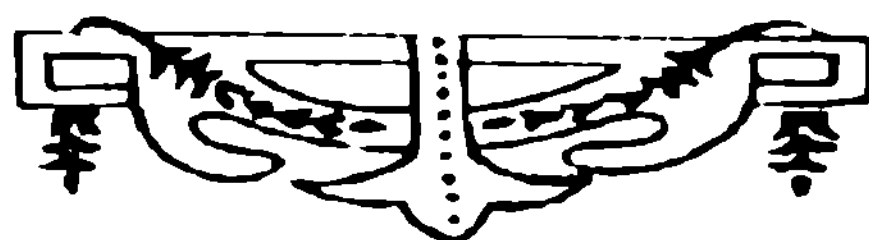
Я сам не знал. Вы не хотите слушать.
Об этом я не думал, не гадал.

Родриго

Ты врал мне, что его терпеть не можешь.

Яго

И можете мне верить — не терплю.
Три личности с влияньем предлагали
Меня на лейтенантство. Это пост,
Которого, ей-богу, я достоин.

Но он ведь думает лишь о себе:
Они ему одно, он им другое.
Не выслушал, пустился поучать,
Наплел, наплел и отпустил с отказом.
“Увы, — он говорит им, — господа,
Уже себе я выбрал офицера”.
А кто он? Математик-грамотей,
Микеле Кассьо некий. Флорентинец,
Опутанный красоткой. Бабий хвост,
Ни разу не водивший войск в атаку.
Он знает строй не лучше старых дев.
Но выбран он. Я на глазах Отелло
Спасал Родос и Кипр и воевал
В языческих и христианских странах.
Но выбран он. Он — мавров лейтенант,
А я — поручиком их мавританства.

Р о д р и г о

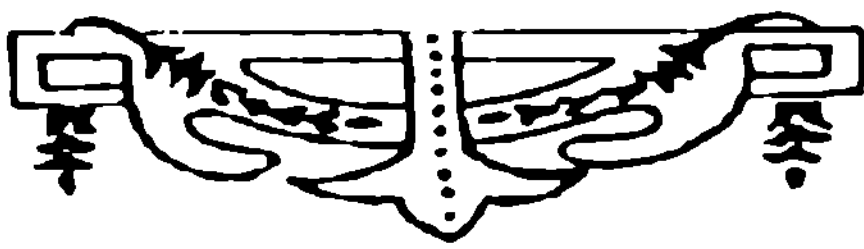
Поручиком! Уж лучше б палачом!

Я г о

Да, да. Он выдвигает лишь любимцев,
А надо повышать по старшинству.
У этого дождешься производства!
О нет, мне мавра не за что любить.

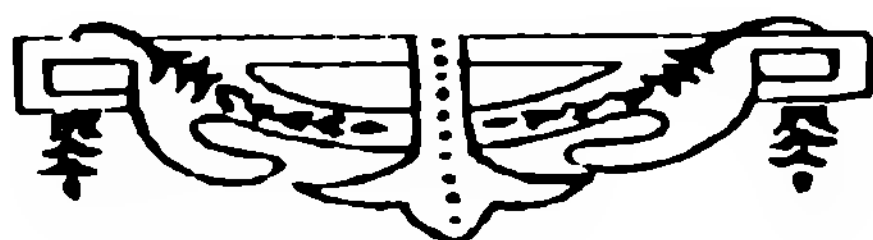
Р о д р и г о

Тогда б я бросил службу.

Титульная рамка XVIII века. Художник Э.Белль

Я г о

Успокойтесь.

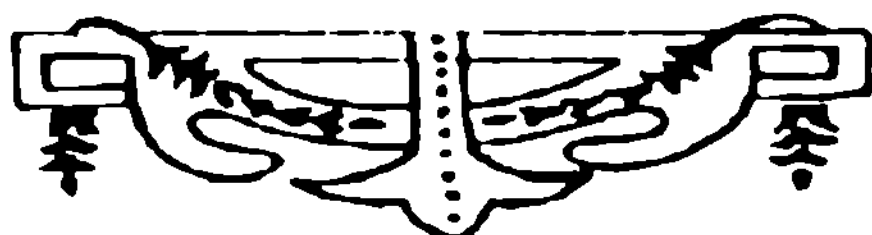
На этой службе я служу себе.
Нельзя, чтоб все рождались господами,
Нельзя, чтоб все служили хорошо.
Конечно, есть такие простофили,
Которым полюбилась кабала
И нравится ослиное усердье,
Жизнь впроголодь и старость без угла.
Плетьми таких холопов! Есть другие.
Они как бы хлопочут для господ,
А на поверку — для своей наживы.
Такие далеко не дураки,
И я горжусь, что я из их породы.
Я — Яго, а не мавр, и для себя,
А не для их прекрасных глаз стараюсь.
Но чем открыть лицо свое — скорей
Я галкам дам склевать свою печенку.
Нет, милый мой, не то я, чем кажусь.

Р о д р и г о

У, толстогубый черт! Он с ней, увидишь,
Всего добьется!

Я г о

Надо разбудить
Ее отца, предать побег огласке,

Поднять содом, воспламенить родню.
Как мухи, досаждайте африканцу,
Пусть в радости найдет он столько мук,
Что будет сам не рад такому счастью.

Р о д р и г о

Вот дом ее отца. Я закричу.

Я г о

Вовсю кричите. Не жалейте глотки.
Кричите, точно в городе пожар.

Р о д р и г о

Брабанцио! Брабанцио, проснитесь!

Я г о

Брабанцио, проснитесь! Караул!
Где ваша дочь? Где деньги? Воры! Воры!
Проверьте сундуки! Грабеж! Грабеж!

Наверху в окне появляется Б р а б а н ц и о.

Б р а б а н ц и о

Что значат эти крики? Что случилось?

Р о д р и г о

Все ваши дома?

Я г о

Заперта ли дверь?

Б р а б а н ц и о

К чему расспросы ваши?

Я г о

Ад и дьявол!

У вас разгром. Опомнитесь, дружок.
Наденьте плащ. Как раз сейчас, быть может,
Сию минуту черный злой баран
Бесчестит вашу белую овечку.
Спешите! Мигом! Надо бить в набат,
Храпящих горожан будить. Иначе
Вас дедушкой сделают. Живей!
Спешите, говорю.

Б р а б а н ц и о

Вы помешались?

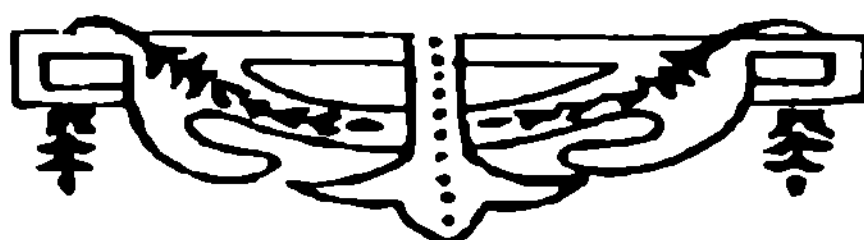
Р о д р и г о

Узнали вы мой голос, сударь?

Б р а б а н ц и о

Нет.

Кто ты такой?

Родриго

Родриго я.

Брабанцио

Тем хуже.

Тебя добром просили: не ходи.
Тебе сказали коротко и ясно,
Что дочь не для тебя. А ты хорош:
Черт знает где напился и наелся
И нарушаешь ночью мой покой
В нетрезвом виде!

Родриго

Сударь, сударь, сударь!

Брабанцио

Но я, поверь, сумею навсегда
Отбить охоту у тебя буянить.

Родриго

Постойте.

Брабанцио

Для чего ты поднял шум?
Ведь мы в Венеции, а не в деревне:
Есть сторожа.

Родриго

Я разбудил

Вас с лучшими намереньями, сударь.

Яго. Синьор, ради дьявола вспомните бога! Мы вам делаем одолжение, а нам говорят, что мы буяны! Значит, вам хочется, чтоб у вашей дочери был роман с арабским жеребцом, чтобы ваши внуки ржали и у вас были рысаки в роду и связи с иноходцами?

Брабанцио

Кто ты, нечестивец?

Яго (с бесстыдством). Я пришел сообщить вам, сударь, что ваша дочь в настоящую минуту складывает с мавром зверя с двумя спинами.

Брабанцио

Ты подлый негодяй.

Яго

А вы — сенатор.

Брабанцио

Родриго, ты ответишь мне за все.
А с этим я не знаюсь!

Родриго

И отвечу.

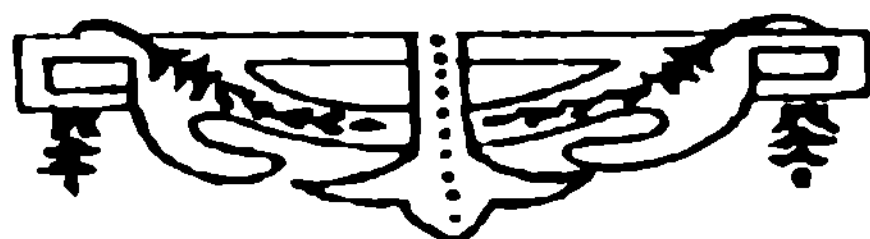

Но, может быть, и точно я не прав
И это с вашего соизволения
Отправилась так поздно ваша дочь
Одна, без подобающей охраны,
В сообществе наемного гребца
В сластолюбивые объятья мавра?
Тогда я извинения прошу:
Мы оскорбили вас без основанья.
Но если то, что мы вам говорим,
Для вас новинка, вы не справедливы.
Я думаю, излишне уверять,
Что я б не смел подшучивать над вами.
Узнайте: ваша дочь себя ведет
Безнравственно, соединив без спросу
Свое богатство, честь и красоту
С безродным чужеземным
проходимцем.
Взгляните, дома ль барышня. Тогда
Преследуйте меня за ложность слухов.

Б р а б а н ц и о

Огня скорее! Дайте мне свечу.
Эй, слуги, слуги! Как похоже это
На то, что видел я сейчас во сне!
Я начинаю думать — это правда.
Огня! Огня!

(Уходит.)

Я г о

Прощайте. Я уйду.

Я не могу показывать на мавра.
Я — подчиненный мавра. Мне влетит.
Ему простят ночное приключение.
Слегка на вид поставят, вот и все.
Сенат не может дать ему отставки,
Особенно сейчас, когда гроза
Объяла Кипр и никого не видно,
Кто мог бы заменить его в беде.
Хоть я его смертельно ненавижу —
Вы сами понимаете теперь, —
Я вынужден выкидывать для виду
Пред генералом дружественный флаг.
Но это, разумеется, личина.
Когда они пойдут его искать,
Вы с ними направляйтесь к арсеналу.
Он там. Я буду тоже вместе с ним.
Но я иду. Прощайте.

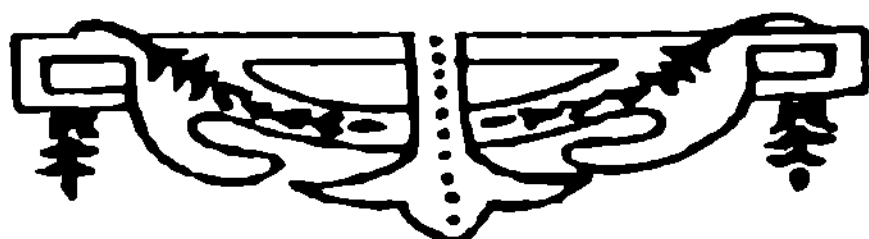
(Уходит.)

Из дома выходят Б р а б а н ц и о и слуги с факелами.

Б р а б а н ц и о

Дело ясно.

Она ушла. Мне больше не житье. —
Итак, где эта девочка, Родриго?
Несчастная! У мавра, говоришь? —

Считайтесь после этого отцами!
Ты видел сам ее? — Каков обман! —
Что говорит она? — Непостижимо!
Светите! И поболее людей! —
По-твоему, они уж обвенчались?

Родриго

Да, кажется.

Брабанцио

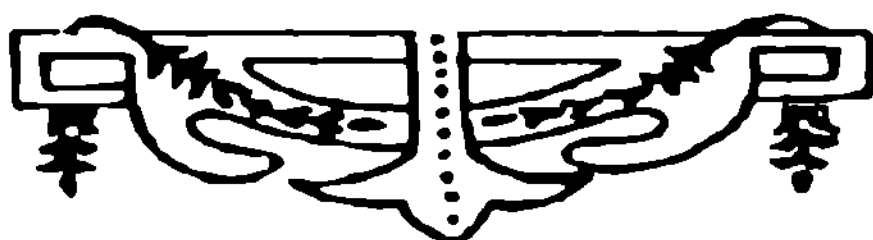
О господи! Но как
Она наружу выйти умудрилась?
Отцы, не верьте больше дочерям,
Как ни были б невинны их повадки!
Приходится поверить в колдовство,
Которым совращают самых чистых.
Тебе, Родриго, ни о чем таком
Читать не приходилось?

Родриго

Приходилось.

Брабанцио

Сходите к брату. — Жаль, что за тебя
Не отдал я ее. — Куда ж вы кучей?
Часть в эту сторону, другая — в ту.
Ты знаешь, где искать ее и мавра?

Родриго

**Я покажу, но надо запастись
Надежной стражей. Следуйте за мною.**

Б р а б а н ц и о

Веди. Идем. Я властью облечен
Снимать, где пожелаю, караулы.
Мы их с собой захватим. Ну, идем.
Я награжу за все тебя, Родриго.

Уходят.

Сцена 2

Там же. Другая улица.

Входят Отелло, Яго и слуги с факелами.

Яго

**Хоть на войне я убивал людей,
Убийство в мирной жизни —
 преступление.
Так я смотрю. Мне было б легче жить
Без этой щепетильности. Раз десять
Хотелось мне пырнуть его в живот.**

Отелло

И лучше, что не тронул.

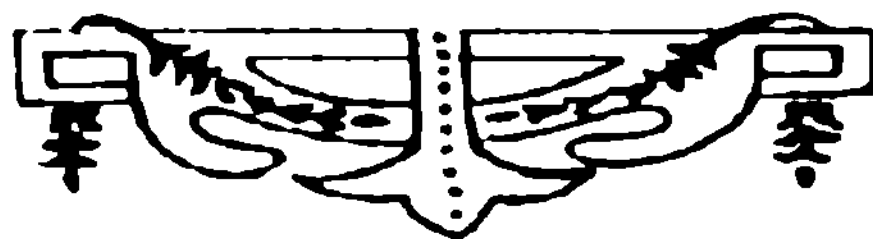

Яго

Он такими
Словами обзывал вас, что хотя
Я мягок и покладист, чуть сдержался.
Так, значит, вы женились не шутя?
Отец ее, к несчастью, с влияньем,
И в этом деле голос старика
Окажется сильнее, чем голос дожа.

Итальянский солдат XVI в. Рисунок неизвестного художника

Он разведет вас, истинный господь,
Или в отместку истомит судами.

О т е л л о

Пускай. Его заставят замолчать
Мои заслуги перед синьорией.
А если старику не стыдно вслух
Кичиться родом, заявляю тоже:
Я — царской крови и могу пред ним
Стоять как равный, не снимая шапки.
Семьей горжусь я так же, как судьбой.
Не полюби я Дездемоны, Яго,
За все богатства моря б не стеснил
Женитьбой я своей привольной жизни, —
Кто это там с огнями? Посмотри.

Я г о

Они и есть. Отец со всей роднею.
Войдите в дом.

О т е л л о

Зачем? Я не таюсь,
Меня оправдывают имя, званье
И совесть. Но они ли это там?

Я г о

Клянусь двуликим Янусом, что нет.

Входят К а с с и о и несколько дворцовых служителей с факелами.

Отелло

Военные из свиты дожа, вижу,
И мой помощник. Здравствуйте, друзья.
Что нового?

Кассио

Нас дож послал с приветом.
Он требует к себе вас, генерал.
Скорее. Торопитесь.

Отелло

Что случилось?

Кассио

Всё Кипр, насколько я могу судить.
Какие-то неожиданные события.
Из флота вестовые без конца.
Сенаторы разбужены и в сборе.
У дожа совещанье во дворце.
Вас требовали, дома не застали
И в город посылали сторожей,
Чтоб вас достали хоть со дна морского.

Отелло

Тем радостней, что вы меня нашли.
Я только в этот дом зайду и выйду.

(Уходит).

К а с с и о

Зачем он тут?

Я г о

Он нынче захватил
Галеру с грузом и разбогатеет,
Лишь только узаконит свой захват.

К а с с и о

Я вас не понимаю.

Я г о

Он женился.

К а с с и о

На ком?

Я г о

Не угадаете.

Возвращается О т е л л о.

Итак,

Идемте, генерал.

О т е л л о

Готов. Идемте.

**Американский трагик А.Олдридж
в роли Отелло**

К а с с и о

Опять за вами люди из дворца.
Вы видите?

Я г о

Брабанцио, наверно.
Смотрите, берегитесь. У него
Недоброе в уме.

Входят Б р а б а н ц и о, Р о д р и г о и ночная стража
с факелами и оружием.

О т е л л о

Остановитесь!

Р о д р и г о

Вот мавр.

Б р а б а н ц и о

Вот он, грабитель. Бей его!

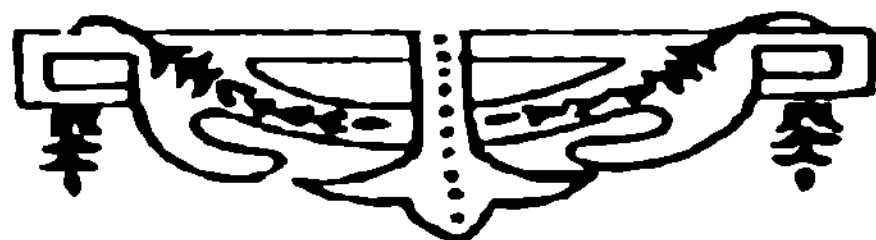
С обеих сторон обнажают мечи.

Я г о

К услугам вашим. Здравствуйте, Родриго!

О т е л л о

Долой мечи! Им повредит роса.
Ваш возраст действует на нас сильнее,
Чем меч ваш, благороднейший синьор.

Б р а б а н ц и о

Презренный вор, скажи, где дочь моя?
Ты чарами ее опутал, дьявол!
Тут магия, я это докажу.
Действительно, судите сами, люди:
Красавица и ангел доброты,
Не хочет слышать ничего о браке,
Отказывает лучшим женихам
И вдруг бросает дом, уют, довольство,
Чтоб кинуться, насмешек не боясь,
На грудь страшилища чернее сажии,
Вселяющего страх, а не любовь!
Естественно ли это? Посудите,
Случается ли так без колдовства?
Ты тайно усыпил ее сознание
И приворотным зельем опоил!
Закон велит мне взять тебя под
стражу
Как черно книжника и колдуна,
Который промышляет запрещенным. —
Арестовать его, а если он
Добром не дастся, завладейте силой!

О т е л л о

Подальше руки, отойдите прочь!
И вы, и вы. Дойдет до крови дело, —

Я без подсказа знаю эту роль.
Куда идти мне, чтобы оправдаться?

Б р а б а н ц и о

Сперва в тюрьму. Немного посидишь.
Настанет время, вызовут — ответишь.

О т е л л о

А вдруг и правда я вам подчинюсь?
Что скажет дож? Вот несколько посыльных.
Они сию минуту из дворца
И требуют меня туда по делу.

П е р в ы й в о е н н ы й

Да, сударь, положение таково:
У дожа чрезвычайное собрание.
Вас тоже ждут туда наверняка.

Б р а б а н ц и о

Ночной совет у дожа? Очень кстати.
Туда с ним и пойдем. Моя беда —
Не мелочь повседневная, а случай,
Нас всех касающийся. Если мы
Начнем спускать такие покушенья,
В республике владыками судьбы
Окажутся язычники-рабы.

Уходят.

Сцена 3

Там же. Зал совета.

Дож и сенаторы за столом. Кругом военные чиновники
и слуги.

Д о ж

В вестях нет связи. Верить им нельзя.

П е р в ы й с е н а т о р

В них заключаются противоречья.
Мне пишут, что сто семь галер.

Д о ж

А мне,

Что их сто сорок.

В т о р о й с е н а т о р

У меня их двести.

Понятно, что подсчет разноречив.
Он сделан по догадкам, наудачу.
Но что турецкий флот плывет на Кипр,
На этом сходятся все сообщенья.

Д о ж

Да, это расхождение в числе
Не может нам служить успокоеньем.
В основе — правда, и она горька.

М а т р о с
(за сценой)

Эй, эй, впустите!

П е р в ы й с л у ж и т е л ь
Вестовой из флота.

Входит м а т р о с.

Д о ж

Ну, как у вас дела?

Итальянский сенатор XVI в. Рисунок неизвестного художника

Турецкий флот
Плывет к Родосу. Это донесенье
От Анджело сенату.

Д о ж

Господа,

Как нравится вам эта перемена?

Первый сенатор

**Нелепость. Это для отвода глаз.
Какая-то тактическая хитрость.
Для турок Кипр важнее, чем Родос,
И Кипром овладеть гораздо легче.
Родос — твердыня, Кипр —
не укреплен,
Не так наивны турки, чтоб не видеть,
Где вред, где польза, и не отличать
Полнейшей безопасности от риска.**

Д о ж

Нет, нет, конечно, цель их не Родос.

Первый служитель
Еще один гонец.

Входит гонец.

Г о н е ц

Дождь и собрание!

Свершивши на галерах переход
К Родосу, турки здесь соединились
С другой эскадрой.

П е р в ы й с е н а т о р

Вот вам, господа.

Я так и знал. Большое подкрепление?

Г о н е ц

Судов по тридцати. Все сообща
Опять открыто повернули к Кипру.
Синьор Монтано, верный ваш слуга,
Доносит вам, что не изменит долгу.

Д о ж

Конечно, к Кипру. Я вам говорил!
Что, Марк Лукезе в городе?

П е р в ы й с е н а т о р

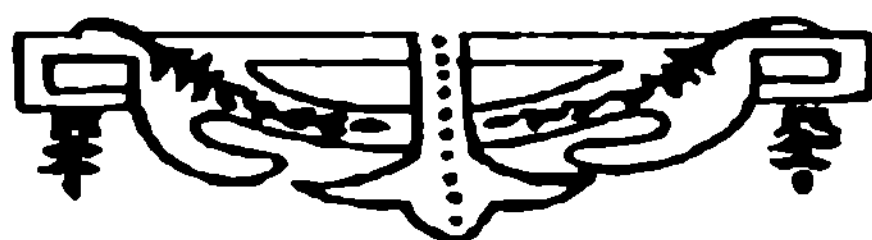
В отъезде.

Он во Флоренции.

Д о ж

Послать за ним.

Потребовать письмом, пускай вернется.

Первый сенатор

А вот Брабанцио и храбрый мавр.

Входят Брабанцио, Отелло, Яго, Родриго
и сопровождающие.

До ж

Отелло доблестный, мы вас должны
Немедленно отправить против турок.
Брабанцио, я не заметил вас.
Нам вашей помощи не доставало.

Б р а б а н ц и о

А я нуждаюсь в вашей, добрый дож.
Не обижайтесь, но, сказать по правде,
Я по другой причине во дворце.
Не должность подняла меня с постели.
Меня сейчас волнует не война.
О нет, совсем особая забота
Все мысли поглотила у меня.
Ни для чего не оставляя места.

До ж

Но что случилось?

Б р а б а н ц и о

Дочь, о дочь моя!

Д о ж и с е н а т о р ы

Что с ней?

Б р а б а н ц и о

Она погублена, погибла!

Ее сманили силой, увели

Заклятьем, наговорами, дурманом.

Она умна, здорова, не слепа

И не могла бы не понять ошибки,

Но это чернокнижье, колдовство!

Д о ж

Кто б ни был вор, вас дочери лишивший,

А вашу дочь — способности судить,

Найдите сами для него страницу

В кровавой книге права и над ним

Вершите приговор. Я не вмешаюсь,

Хотя бы это был родной мой сын.

Б р а б а н ц и о

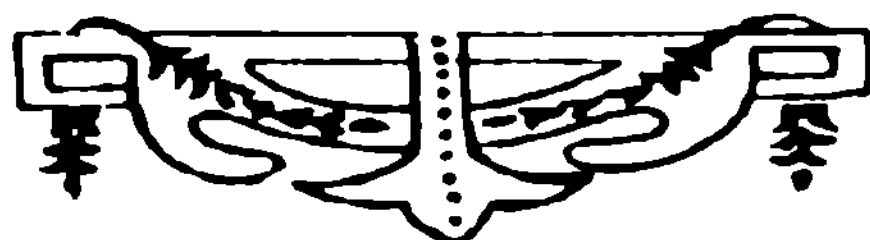
Душевно благодарен. Вот виновник.

Тот самый мавр, который вызван к вам

По вашему приказу.

Д о ж и с е н а т о р ы

Очень жалко!

Д о ж
(Отелло)

Что вы нам возразите?

Б р а б а н ц и о

Ничего.

Он уличен.

О т е л л о

Сановники, вельможи,
Властители мои! Что мне сказать?
Не буду спорить, дочь его со мною,
Он прав. Я браком сочетался с ней.
Вот все мои как будто прегрешенья.
Других не знаю. Я не говорун
И светским языком владею плохо.
Начавши службу мальчиком в семь лет,
Я весь свой век без малого воюю
И, кроме разговоров о боях,
Поддерживать беседы не умею.
Однако вот бесхитростный рассказ
О том, при помощи каких заклятий
И тайных чар завлек я дочь его,
Как жаловался вам мой обвинитель.

Б р а б а н ц и о

Судите сами, как не обвинять?
Шагнуть боялась, скромница, тихоня,

И вдруг, гляди, откуда что взялось!
Все побоку — природа, стыд, приличие,
Влюбилась в то, на что смотреть нельзя!
Немыслимо такое утверждение.
Здесь происки и козни налицо.
Ручаюсь, он ее поил отравой
И волю сонной одурью сковал.

Д о ж

Ручаться мало. Это голословно.
Упреки ваши надо доказать.
Для обвиненья я не вижу данных.

П е р в ы й с е н а т о р

Отелло, говорите ж наконец!
Действительно ль тут были ухищренья,
Иль это безобидная любовь,
Как зарождается она в беседе
Души с душой?

О т е л л о

Пошлите в арсенал.
Пускай она сама даст показанье,
А надо будет — отберите чин
И жизнь мою распорядитесь.

Д о ж

Доставьте Дездемону, господа.

О т е л л о

Поручик, покажите им дорогу.

Яго с несколькими служителями уходят.

Пока они вернутся, не таясь,
Открыто исповедаюсь пред вами,
Как я достиг ее любви и как
Она — моей.

Д о ж

Отелло, говорите.

О т е л л о

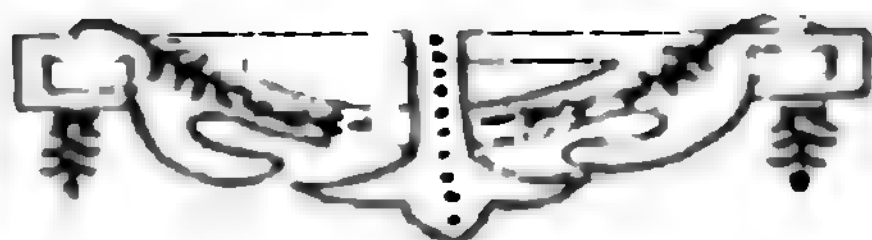
Ее отец любил меня. Я часто
Бывал у них. Рассказывал не раз
Событья личной жизни, год за годом.
Описывал превратности судьбы,
Бои, осады, все, что я изведаль.
Я снова пересматривал всю жизнь —
От детских дней до нынешней минуты.
Припоминал лишения и труды,
Испытанные на море и суше.
Рассказывал, как я беды избег
На волосок от смерти. Как однажды
Я в плен попал, и в рабство продан был,
И спасся из неволи. Возвращался
К местам своих скитаний. Говорил

О сказочных пещерах и пустынях,
Ущельях с пропастями и горах,
Вершинами касающихся неба.
О каннибалах, то есть дикарях,
Друг друга поедающих. О людях,
Которых плечи выше головы.
Рассказы занимали Дездемону,
И, отлучаясь по делам, она
Всегда старалась кончить их пораньше,

**Итальянский гарнизонный солдат XVI века.
Рисунок неизвестного художника**

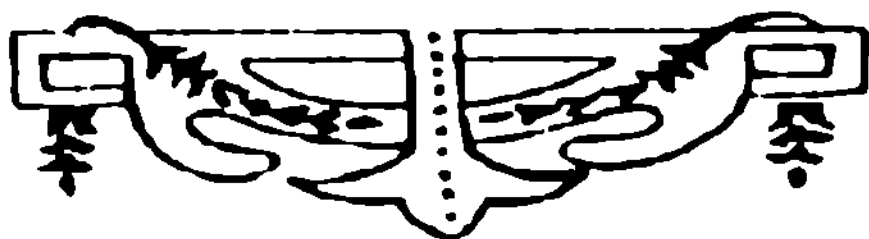

Чтоб вовремя вернуться и поймать
Утерянную нить повествованья.
Я рад был эту жадность утолять
И рад был просьбу от нее услышать,
Чтоб я ей как-нибудь пересказал
С начала до конца, что ей отчасти
Известно уж. Я начал. И когда
Дошел до первых горьких столкновений
Моей незрелой юности с судьбой,
Увидел я, что слушавшая плачет.
Когда я кончил, я был награжден
За эту повесть целым миром вздохов.
“Нет, — ахала она, — какая жизнь!
Я вне себя от слез и удивленья.
Зачем узнала это я! Зачем
Не родилась таким же человеком!
Спасибо. Вот что. Если бы у вас
Случился друг и он в меня влюбился,
Пусть вашу жизнь расскажет

с ваших слов —

И покорит меня”. В ответ на это
Я тоже ей признался. Вот и все.
Я ей своим бесстрашьем полюбился,
Она же мне — сочувствием своим.
Так колдовал я. Вот и Дездемона.
Теперь вы обратитесь к ней самой.

Входят Дездемона и Яго со служителями.

Д о ж

Перед таким рассказом, полагаю,
Не устояла бы и наша дочь.
Брабанцио, придется примириться.
Ведь вы стены не прошибете лбом.

Б р а б а н ц и о

Сперва ее послушаем, что скажет.
Конечно, если оба заодно,
То у меня нет к мавру притязаний. —
Поди поближе, госпожа моя.
Скажи, кому из этого собрания
Должна ты подчиняться больше всех?

Д е з д е м о н а

Отец, в таком кругу мой долг двоятся.
Вы дали жизнь и воспитанье мне.
И жизнь и воспитанье говорят мне,
Что слушаться вас — мой дочерний долг.
Но вот мой муж. Как мать моя однажды
Сменила долг перед своим отцом
На долг пред вами, так и я отныне
Послушна мавру, мужу моему.

Б р а б а н ц и о

Ну, бог с тобой. — Я кончил, ваша светлость.
Приступим к государственным делам. —

**Отелло рассказывает Бранцио и Дездемоне о своих приключениях.
С картины художника С.Кона**

Я б лучше принял девочку чужую,
Чем породил и воспитал свою!
Будь счастлив, мавр. Моя бы воля — дочери
Ты не видал бы, как своих ушей.
Тебе ж, мой ангел, вот что на прощанье:
Я рад, что ты единственная дочь.
Побег твой сделал бы меня тираном.
Я б в цепи заковал твоих сестер. —
Я кончил, ваша светлость.

Д о ж

Я прибавлю

Один совет для вас, чтоб молодым
Помочь опять подняться в вашем мненье.
Что миновало, то забыть пора,
И с сердца сразу свалится гора.
Все время помнить прошлые напасти,
Пожалуй, хуже свежего несчастья.
В страданиях единственный исход —
По мере сил не замечать невзгод.

Б р а б а н ц и о

Что ж туркам Кипра мы не отдаем,
Когда что минуло, то нипочем?
Учить бесстрастью ничего не стоит
Тому, кого ничто не беспокоит.
А где тому бесстрастье приобрести,

Кому что пожалеть и вспомнить есть?
Двусмысленны и шатки изречения.
Словесность не приносит облегчения.
И не ушные раковины — путь
В страданиями истерзанную грудь.
Поэтому я к вам с нижайшей просьбой:
Приступим к государственным делам.

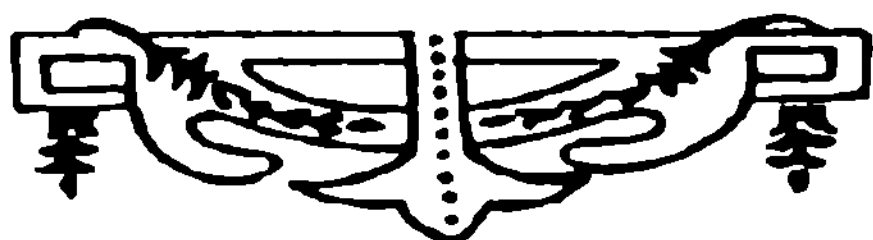
Д о ж. Хорошо. Итак, турки большими силами двинулись к Кипру. Отелло, устройство крепости хорошо известно вам. Хотя островом управляет человек неоспоримых достоинств, но в военное время на таком посту нужен человек, пользующийся известностью. Все высказываются за вас. Приготовьтесь омрачить ваше молодое счастье этой хлопотливой поездкой.

О т е л л о

Всевластная привычка, господа,
Суровости походного ночлега
Мне превращает в мягкий пуховик.
Мне по душе лишенья. Я с охотой
Отправляюсь против турок, но прошу
Отвести жене удобное жилище,
Дать содержание и назначить штат,
Приличные ее происхождению.

Д о ж

Пускай живет покамест у отца.

Б р а б а н ц и о

Я против этого.

О т е л л о

И я.

Д е з д е м о н а

Я тоже.

Я буду вновь напоминать отцу
О происшедшем. Есть удобный выход.
Я вам другое средство предложу.

Д о ж

Что вы сказать хотите, Дездемона?

Д е з д е м о н а

Я полюбила мавра, чтоб везде
Быть вместе с ним. Стремительностью шага
Я это протрубила на весь мир.
Я отдаю себя его призыванию
И храбрости и славе. Для меня
Краса Отелло — в подвигах Отелло.
Мой жребий посвящен его судьбе,
И мне нельзя в разгар его похода
Остаться мирной мошкой в тылу.
Опасности милей мне, чем разлука.
Позвольте мне сопровождать его.

Отелло

Сенаторы, прошу вас, согласитесь.
Тут не своекорыстье, видит бог!
Я не руковожусь влеченьем сердца,
Которое сумел бы заглушить.
Но речь о ней. Пойдемте ей навстречу.
Не думайте, что в обществе ее
Я отнесусь небрежнее к задаче.
Нет, если легкокрылый Купидон
Глаза настолько мне залепит страстью,
Что проморгаю я военный долг,
Пусть сделают домашние хозяйки
Из шлема моего печной горшок
И тем меня навеки опозорят.

До ж

Решайте, как хотите меж собой,
Остаться ей иль ехать, но события
Торопят нас.

Первый сенатор

Вам надо выезжать
Сегодня ночью.

Отелло

Очень рад.

Д о ж

Сойдемся

Здесь снова к девяти часам утра.
Оставьте нам кого-нибудь, Отелло,
Кто наш приказ вам следом отвезет.

О т е л л о

Тогда вот мой поручик, ваша светлость.
Он преданный и верный человек.
Я думаю послать с ним Дездемону.
Он сможет все, что надо захватить.

Д о ж

Прекрасно! Господа, спокойной ночи. —
Вот что, Брабанцио. Ваш темный зять
В себе сосредоточил столько света,
Что чище белых, должен вам сказать.

П е р в ы й с е н а т о р

Отелло, берегите Дездемону.

Б р а б а н ц и о

Смотри построже, мавр, за ней вперед:
Отца ввела в обман, тебе солжет.

Дож, сенаторы и служители уходят.

О т е л л о

Я в ней уверен, как в самом себе.

Но к делу. Попеченью твоему
Я поручаю, Яго, Дездемону.
Вели своей жене ходить за ней.
Как только будет первая возможность,
Счастливо отплывайте тоже вслед.
В моем распоряжение меньше часу.
А дел, а мыслей — и не перечесть!
Пойдем, побудем вместе на прощанье.

Отелло и Дездемона уходят.

Родриго. Яго!

Яго. Что скажешь, благородная душа?

Родриго. Как ты думаешь, что я сейчас сделаю?

Яго. Пойдешь и ляжешь спать.

Родриго. Утоплюсь сию минуту.

Яго. Попробуй только это сделать, и я навсегда раздружусь с тобою.

Родриго. Глупо жить, когда жизнь стала пыткой. Как не искать смерти, своей единственной избавительницы?

Яго. Жалкий дурак! Я двадцать восемь лет живу на свете и, с тех пор как научился отличать выгоду от убытка, не видал людей, которые умели бы позаботиться о себе. Прежде чем я скажу, что утоплюсь из-за какой-нибудь юбки, я поменяюсь своей бессмертной сущностью с павианом.

Родриго. Что же мне делать? Мне самому стыдно, что я так влюбился, но поправить этого я не в состоянии.

Яго. Не в состоянии! Скажите пожалуйста! Быть тем или

другим зависит от нас. Каждый из нас — сад, а садовник в нем — воля. Растить ли в нас крапиве, салату, исопу, тмину, чему-нибудь одному или многому, загдохнуть ли без ухода или пышно разрастись — всему этому мы сами господа. Если бы не было разума, нас заездила бы чувственность. На то и ум, чтобы обуздывать ее нелепости. Твоя любовь — один из садовых видов, которые, хочешь — можно возделывать, хочешь — нет.

Родриго. Будто бы!

Яго. А то как же? Чистейшее попускание крови с молчаливого согласия души. Будь мужчиной. Топиться! Лучше топи кошек и щенят. Я поклялся помочь тебе. Никогда мы не были так близки к цели. Набей потуже кошелек и отправляйся с нами. Измени внешность фальшивой бородой. Не может быть, чтобы Дездемона долго любила мавра. Набей потуже кошелек. Не может быть, чтобы мавр долго любил ее. Бурное начало будет иметь бурный конец. Набей потуже кошелек. Эти мавры переменчивы. То, что теперь ему кажется сладким, как стручки, скоро станет горше хрена. Она молода и изменится. Когда она будет сыта им по горло, она опомнится. Ей потребуется другой. Набей потуже кошелек. Если обязательно надо губить себя, придумай что-нибудь поумнее, чем воду. Набей потуже кошелек. С одной стороны бывалая, хитрая венецианка, с другой — неотесанный кочевник. И я поверю в прочность их чувств! Она твоя! Набей кошелек монетами. Топиться совершенно лишнее. Пусть лучше тебя повесят после того, как ты получишь удовольствие, чем потонуть, ничего в жизни не видев.

Родриго. Ты не обманешь, если я положусь на тебя?

Я г о. Не беспокойся. Набей кошелек монетами. Я часто говорил тебе и повторяю: я ненавижу мавра. У меня с ним свои счета, не хуже твоих. Сольем нашу ненависть воедино. Наставь ему рога. Для тебя это удовольствие, а для меня еще большее торжество. Ступай. Набей кошелек монетами. Завтра поговорим подробнее. Прощай.

Р о д р и г о

Где встретимся мы утром?

Я г о

У меня.

Р о д р и г о

Приду пораньше.

Я г о

Ладно. Ну, Родриго?

Р о д р и г о

Что именно?

Я г о

Топиться чтоб ни-ни!

Р о д р и г о

Я передумал. Заложу именье.

(Уходит.)

Яго

Мне этот дурак служит кошельком
И даровой забавою. Иначе
Я б времени не тратил на него.
Я ненавижу мавра. Сообщают,
Что будто б лазил он к моей жене.
Едва ли это так, но предположим.
Раз подозрение есть, то, значит, так.
Он ставит высоко меня. Тем лучше:
Удобней действовать. Какая мысль!
Ведь Кассио для этого находка!
Во-первых, с места я его сшибу,
А во-вторых... Ура! Ура! Придумал!
Начну Отелло на ухо шептать,
Что Кассио хорош с его женою,
Достаточно взглянуть: манеры, стан, —
Готовый, прирожденный соблазнитель.
Мавр простодушен и открыт душой,
Он примет все за чистую монету.
Водить такого за нос — сущий вздор.
Так по рукам! Кромешный ад и ночь
Должны мне в этом замысле помочь.

(Уходит.)

АКТ II

Сцена 1

Приморский город на Кипре. Крепостная площадка.

Входят Монтано и два горожанина.

М о н т а н о

Не видно ли чего в морской дали?

П е р в ы й г о р о ж а н и н

Нет. Ровно ничего. Сплошные волны.
Ни паруса. Пустынный горизонт.

М о н т а н о

Такого ветра просто не запомню.
У нас на укреплениях треск стоит.
Воображаю, в море что творится!
Какие брусья могут устоять,
Когда валы величиною с гору!
Небось крушений!..

Второй горожанин

Этот шторм вполне
Мог разнести турецкую эскадру.
Попробуйте-ка встать на берегу.
Он в пене весь и бешенство прибоя
Заносит брызги на небо, гася
Медведицу с Полярною звездою.
Я равной бури в жизни не видал.

Входит третий горожанин.

Третий горожанин

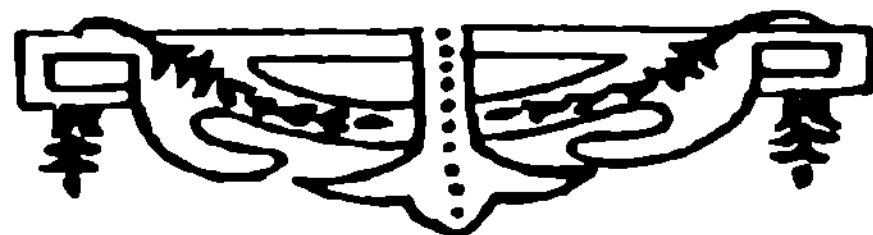
Какие новости! Конец войне.
Расчеты турок лопнули. Галеры
Разбиты в щепки. В гавани корабль,
С которого видали их обломки
И место гибели.

Монтано

Не может быть!

Третий горожанин

Я только что слышал. Корабль причалил
Сию минуту. На берег сошел
Микеле Кассьо, лейтенант Отелло,
Который сам пока еще в пути
И губернатором на Кипр назначен.

М о н т а н о

Достойный губернатор. Очень рад.

Т р е т и й г о р о ж а н и н

Приезжий этот, Кассио, в тревоге.
То господа за шквал благодарит,
Сгубивший турок, то мольбы возносит,
Чтоб мавр остался цел и невредим.
Он по пути пропал из поля зренья.

М о н т а н о

Дай господи. Я у него служил.
Он властвовать умеет, как военный.
Пойдемте в порт, посмотрим на корабль
И подождем на пристани Отелло,
Когда он сам покажется вдали.

Т р е т и й г о р о ж а н и н

Он можем быть с минуты на минуту.

Входит К а с с и о.

К а с с и о

Как любят здесь Отелло! Господа,
Спасибо за него. Да будет небо
Ему защитой. Он пропал вдали
В разгаре бури, в грозную минуту.

М о н т а н о

Каков его корабль?

К а с с и о

Вновь оснащен

И — крепкой стройки. С ним бывалый штурман.

Как я ни беспокоюсь, — убежден:

Все обойдется.

Г о л о с а з а с ц е н о й

Парус, парус, парус!

Входит четвертый горожанин

К а с с и о

Что там кричат?

Ч е т в е р т ы й г о р о ж а н и н

Все на берег бегут,

И крик стоит, что парус увидали.

К а с с и о

Мне думается, это он и есть.

Пушечный выстрел.

В т о р о й г о р о ж а н и н

Вы угадали. Судя по салюту,

Корабль, по крайней мере, свой.

К а с с и о

Нельзя ль

Пойти узнать, кто это, поточнее?

В т о р о й г о р о ж а н и н

Охотно.

(Уходит.)

М о н т а н о

Он, как прежде, холостяк
Или женат?

К а с с и о

Женат, да как удачно!
На писаной красавице. Мечта,
Венец творенья, ангел, совершенство,
Не передать ни кистью, ни пером.

Возвращается второй горожанин.

Ну, вы узнали, кто это?

В т о р о й г о р о ж а н и н

Какой-то Яго,
Поручик генерала, я слыхал.

К а с с и о

Подумайте, как скоро! Быть не может!
Неужто он? Вот это быстрота!

Похоже, пред красою Дездемоны
Смирились волны, камни под водой
И ураган и дали ей дорогу.

М о н т а н о

Кому?

К а с с и о

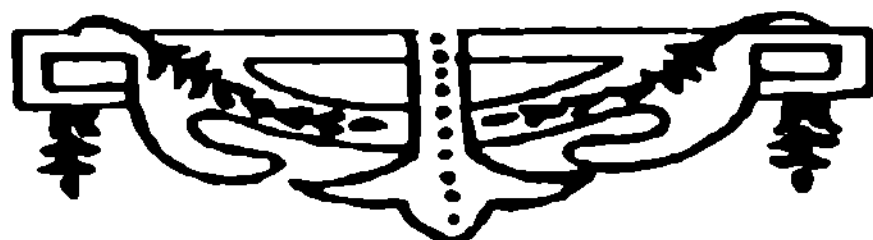
Тому, о ком шла раньше речь.
Начальнице начальства, генеральше.
При ней поручик Яго. Я их ждал
Через неделю после нас, не раньше.
Теперь черед за мавром. Напряги
Дыханьем паруса его, Юпитер,
Чтоб, высадившись в бухте с корабля,
Он заключил в объятья Дездемону,
Вдохнул огонь и бодрость в гарнизон
И Кипр наполнил радостью. Смотрите!

Входят Дездемона, Эмилия, Яго, Родриго и свита.

Богатство корабля на берегу!
Опустимся пред нею на колени.
Будь доброй гостьей Кипра, госпожа!
Благослови господь тебя! С приездом!

Д е з д е м о н а

Благодарю вас, Кассио. Что мне
Вы скажете о муже?

К а с с и о

Он в дороге.
Вот все, что знаю я. Но он здоров
И скоро сам прибудет.

Д е з д е м о н а

Я тревожусь.
Но где, скажите, вы расстались с ним?

К а с с и о

В открытом море, средь великой схватки
Небес и волн. — Но слышите — кричат.
Корабль, наверно, виден.

Г о л о с а з а с ц е н о й

Парус, парус!

Пушечный выстрел.

В т о р о й г о р о ж а н и н

Опять салют. Наверное, друзья.

К а с с и о

Пошлите разузнать.

Второй горожанин уходит.

Привет, поручик.

Привет, сударыня.

(Целует Эмилию.)

Я захожу
Далеко в знаках вежливости, Яго,
Но это — лишь воспитанности дань.

Я г о
Порадуйтесь, что вас губами лижет, —
Меня отделявает языком.

Д е з д е м о н а
Эмилия совсем не так болтлива.

Я г о
Мне лучше знать. Я это изучил,
Когда ночами спать хочу смертельно.
При вас она, естественно, тиха
И к черту посылает только в мыслях.

Э м и л и я
Не заслужила я таких речей.

Я г о
А разве нет? Все вы в гостях — картинки,
Трещотки — дома, кошки — у плиты.
Сварливые невинности с когтями,
Чертовки в мученическом венце.

Д е з д е м о н а
Типун вам на язык! Неправда это!

Яго

Нет, это правда. Я не клеветник.
С постели вы встаете для безделья,
А делом занимаетесь в постели.

Эмилия

Я оды от него не жду.

Яго

Не жди.

Дездемона

Что мне бы в похвалу вы сочинили?

Яго

Не спрашивайте лучше. Не могу:
Я не хвалить привык, а придираюсь.

Дездемона

Нет, все-таки. — Пошел ли кто-нибудь
Узнать на пристань?

Яго

Да, пошли как будто.

Дездемона

Какая грусть! Стараюсь обмануть

Себя притворным этим оживленьем. —
Так что б вы мне сказали в похвалу?

Я г о

Сейчас. Но мой экспромт пока ни с места.
Прирос к мозгам, как птичий клей
к сукну.

Его я вместе с мясом отрываю.
Но вот он, плод моих родильных мук:
Красавица с умом тужить не будет:
Смекалка сыщет, красота добудет!

Д е з д е м о н а

Ну хорошо. А что сказать о той,
Которая дурна, но и не дура?

Я г о

Та, что красой не блещет, но с догадкой,
Приманку сделает из недостатка.

Д е з д е м о н а

Час от часу не легче!

Э м и л и я

Что ж ты скажешь
Про ту, что хороша, но не умна?

Я г о

Таких красавиц глупых в мире нет,
Чтоб не уметь детей рожать на свет.

Д е з д е м о н а. Плоские кабацкие шутки для увеселения
старых дурней. Могу себе представить, как вы отпотчуете
несчастную, которая нехороша собой и глупа!

Я г о

Куда краса, туда же и уродство.
Что женский разум, то и сумасбродство.

Д е з д е м о н а. Как глупо, как глупо! О худшей вы сказа-
ли лучше всего. Но шутки в сторону. Как бы вы определили
действительно идеальную женщину, достоинства которой
признало бы само недружелюбие?

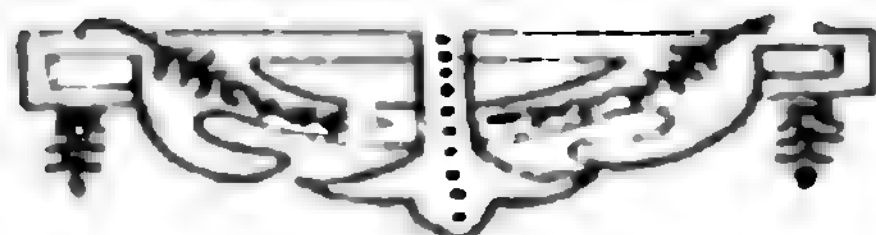
Я г о

Та, что без самохвальства хороша,
Учтива, краснобайством не греша,
Со средствами, но денег не мотает,
Все б взять могла, но нужным не считает,
Самолюбива, но смиряет гнев,
Собой в любое время овладев,
Та, что притом совсем не так невинна,
Чтобы с трескою спутать лососину,
К которой не проникли в тайники
Напрасные искатели руки,
Достойна, если только есть такая...

Знатная венецианка. Школа худ. Пальмы-Старшего

Дездемона

Чего, чего?

Яго

Рожать глупцов, в заботах погрязая.

Дездемона. О, как бездарно и глупо! Не слушай его, Эмилия, хоть он и твой муж. Ну, скажите, Кассио, что с него возьмешь, кроме сальностей и нахальства?

Кассио. Он режет начистоту. Это человек военный, а не ученый.

Яго (*в сторону*). Он берет ее за руку. Так, так. Шепчитесь, пожалуйста. В эту маленькую паутину я поймаю такую муху, как Кассио. Ах ты, боже мой, как мы воспитанны! Улыбайся, сделай одолжение. Он целует кончики своих пальцев от удовольствия. Целуй, целуй. Как-то ты еще оближешься, когда это лишит тебя лейтенантства! Скажите пожалуйста, опять зачмокал! Твое несчастье, что это пальцы, а не клистирные наконечники.

Труба за сценой.

(*Громко.*) Это мавр, я знаю его сигнал.

Кассио. Да, это он.

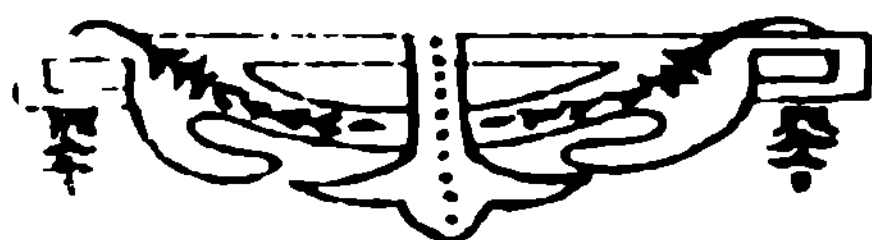
Дездемона. Пойдемте к нему навстречу.

Кассио. Вот он и сам.

Входит Отелло со свитой.

Отелло

Моя воительница!

Д е з д е м о н а

Мой Отелло!

О т е л л о

Я верить не могу своим глазам.
Ты здесь? Как ты меня опередила?
Всегда за бурями такой бы штиль,
Кто б не мечтал тогда о непогоде!
О, если б мог сейчас я умереть!
Счастливее я никогда не буду.

Д е з д м о н а

О нет! Избави бог! Наоборот:
Жизнь будет нас дарить все большим счастьем.

О т е л л о

Аминь! Да будет по твоим словам.
Я счастлив так, что говорить не в силах.

Обнимаются.

И сердце бьется чаще, чем твое, —
Единственное наше разногласье.

Я г о

(в сторону)

Какой концерт! Но я спущу колки,
И вы пониже нотой запоете.

О т е л л о

Пройдемте в замок. Новости, друзья:
Поход окончен. Турки потонули.
Ну, как на Кипре? Я ведь тут бывал.
Что старые знакомцы, Дездемона?
Тебя носить тут будут на руках,
Я заслужил расположение здешних.
Но я трещу без умолку и пьян
От радости. Да, не забыть бы, Яго:
Пойди за сундуками на корабль
И приведи с собою капитана.
Чудесный, между прочим, человек! —
Так мы с тобой на Кипре, Дездемона.

Отелло, Дездемона и свита уходят.

Я г о (одному из слуг). Ступай и жди меня в гавани. (*Родриго.*) Поди сюда. Если ты не баба — а любовь делает храбрыми даже трусов, — слушай. Ночью лейтенант командует караулом. Но раньше вот что: Дездемона без ума от Кассио.

Р о д р и г о. От Кассио? Что за вздор?

Я г о. Без возражений! Слушай. Заметь, с какой силой она полюбила мавра. А, спрашивается, за что? За одно бахвальство и небылицы. Что же ты думаешь, она век сыта будет болтовней? Глаз нуждается в пище. Какая радость смотреть на дьявола? Когда кровь устанет от нежностей, сызнова воспалить ее могут только привлекательная внешность, общность

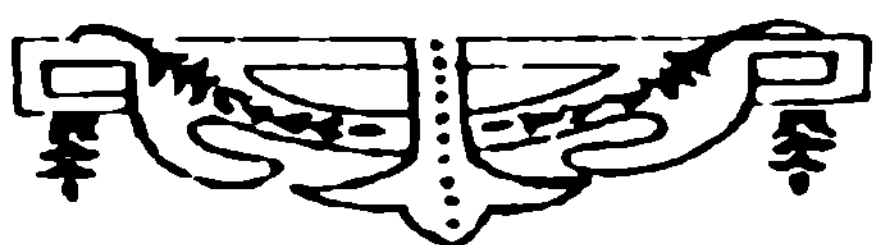
возраста, сходное воспитание. Ничего этого нет у мавра. Ее запросы будут оставаться неудовлетворенными. Рано или поздно она это почувствует. Мавр набьет ей оскомину. Сама природа толкнет ее к другому. Тогда, если это неизбежно, кто подходит к этой роли больше, чем Кассио? Животное, каких свет не создавал, от которого так и разит беспутством. Не пропустит случая, чтобы не попользоваться, а нет случая, мигнет глазом — и будет случай. Красив, молод, и у него есть все, по чем может томиться мечтательная зеленая неиспорченность. Отъявленное и совершенно законченное животное. И женщина уже выбрала его.

Родриго. Только не эта. Не поверю. Она слишком целомудренна.

Яго. Слишком целомудренна, божий человек! Вино, которое она пьет, из гроздьев, как твое. Слишком целомудренна! Как же она тогда полюбила мавра? Разве ты не видел, целомудренная размазня, как она играла его рукою?

Родриго. Ну так что же? Это одна любезность.

Яго. Распутство, вот это что. С пальца начинается, а бог знает чем кончается. Их губы так сблизились, что смешалось дыхание. Грязные помыслы, вот это что, Родриго. Когда уже пошла такая музыка, значит, недалеко до главного. Слушайте, сударь. Я привез вас из Венеции. Под видом солдата станьте ночью на часах в замке. Я это устрою. Кассио вас не знает. Выведите его чем-нибудь из себя. Громким разговором, развязностью. Я буду поблизости.

Родриго. Хорошо.

Яго. Он вспыльчив и от слов легко переходит к действиям. Вызовите его на них. Если он даст вам тумака, я изображу это всенародным оскорблением. Жители потребуют его смещения. Помните, он наш главный соперник.

Родриго. Я все сделаю, была бы надобность.

Яго. А она есть, что тебе говорят! Итак, приходи немного погода в крепость. Прощай. Мне надо на берег за вещами Отелло.

Родриго. До свиданья. (*Уходит.*)

Яго

Я сам уверовал, что Дездемона
И Кассио друг в друга влюблены.
Хоть я порядком ненавижу мавра,
Он благородный, честный человек
И будет Дездемоне верным мужем,
В чем у меня ничуть сомненья нет.
Но, кажется, и я увлекся ею.
Что ж тут такого? Я готов на все,
Чтоб насолить Отелло. Допущенье,
Что дьявол обнимал мою жену,
Мне внутренности ядом разъедает.
Пусть за жену отдаст он долг женой,
А то я все равно заставлю мавра
Так ревновать, что он сойдет с ума.
Родриго я спущу, как пса со своры,

На Кассио, а Кассио — предлог,
Чтоб вызвать недоверчивость Отелло.
Всем будет на орехи: лейтенант
В долгу передо мной, наверно, тоже:
По женской части оба хороши.
Еще мне мавр за то спасибо скажет,
Что я сгублю его семейный мир
И на смех выставлю пред целым
светом.

Но поначалу все мы молодцы.
Хвалиться рано. Надо свести концы.

(Уходит.)

Сцена 2

Улица.

Входит глашатай с приказом.
За ним следует толпа.

Г л а ш а т а й. Благородный и доблестный генерал Отелло объявляет. По последним сведениям, турецкий флот потерпел крушение. Пусть по этому случаю население пляшет, жжет потешные огни и забавляется, как хочет. Помимо благоприятной новости, празднуется также бракосочетание генерала. Доступ в залы дворца открыт с пяти часов вечера до одиннадцати. Да снизойдет благословение господне на остров Кипр и на благородного нашего генерала Отелло. *(Уходит.)*

Сцена 3

Зал в замке.

Входят Отелло, Дездемона, Кассио и свита.

Отелло

За стражей, Кассьо, нужен строгий глаз.
Смотрите, чтоб они не загуляли.

Кассио

За часовыми Яго доглядит,
Но я и сам проверю караулы.

Отелло

Да, Яго верен долгу, как никто.
Ну, доброй ночи. Утром потолкуем.

(Дездемоне.)

Пойдем, любовь. Окончены труды.
Торг заключен, пожнем его плоды.
Спокойной ночи.

Отелло, Дездемона и свита уходят.

Входит Яго.

Кассио. Очень кстати, Яго! Пойдемте в караул.

Яго. Рано, лейтенант. Еще нет десяти. Генерал поторопился из любви к Дездемоне. Ничего не скажешь. Это его первая брачная ночь. А на нее загляделся бы и сам Юпитер.

Кассио. Необыкновенная женщина!

Я г о. И, верно, полная огня.

К а с с и о. Да, несомненно. Чистое, обворожительное создание.

Я г о. А взгляд! Так и манит объясниться.

К а с с и о. Располагающий взгляд! И, однако, совершенно скромный.

Я г о. А голос? Не любовный ли сигнал?

К а с с и о. Да, она совершенство.

Я г о. Да будет благодатен их союз. Слушайте, лейтенант. Я припас вина. Там кое-кто из здешней знати предлагает выпить за черного Отелло.

К а с с и о. Только не сегодня, дружочек Яго. Мне вредно пить, у меня слабая голова. Жаль, что люди не придумали другого способа общения.

Я г о. Это друзья. Только бокал. Я выпью за вас.

К а с с и о. Я уже выпил один. И притом разбавленного. А видите, что оно делает со мной. Говорю вам, в этом отношении я неподходящий человек, и не имею права шутить этим.

Я г о. А ну вас, ей-богу! Это ночь веселья. Люди требуют.

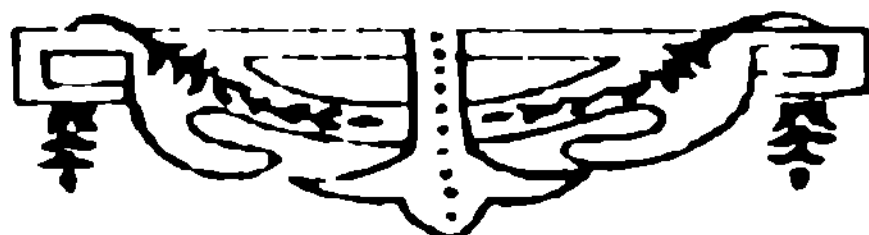
К а с с и о. А где они?

Я г о. За дверью. Позовите их.

К а с с и о. Хорошо. Но я это делаю через силу. (Уходит.)

Я г о

Мне б только влить в него еще бокал —
И он пойдет, как дамская собачка,
На всех кидаться, тявкать и ворчать.

А тут Родриго пропивает память
В честь Дездемоны и уже готов.
Я вместе с ним поставил на дежурство
Трех здешних, три бедовых головы,
Воинственных, как все у них на Кипре.
Не может быть, чтоб Кассио стерпел
И не сцепился с этим стадом пьяниц.
Не знаю, как все будет наяву, —
Подул попутный ветер, я плыву.

Возвращается Кассио с Монтано, гости и слуги с вином.

К а с с и о. А мне опять навязали чарочку.

М о н т а н о. Пустяки. Не больше пинты, слово солдата.

Я г о. Вина, вина! (*Поет.*)

Бокалами, полными до ободка,
В бокалы ударим, ребята.
Солдат не младенец, а жизнь коротка.
За ваше здоровье, солдаты!

Вина, люди, вина!

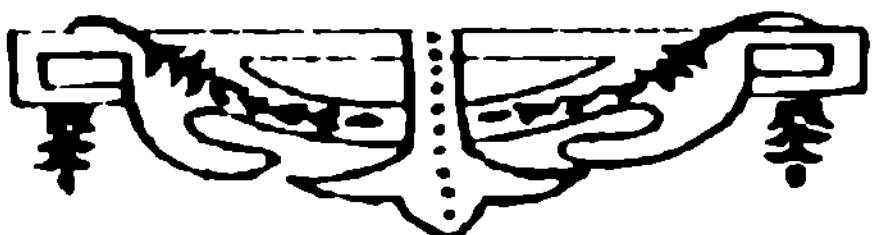
К а с с и о. Чудная песня!

Я г о. Я ее выучил в Англии. Пить там первые мастера.
Датчане, немцы, голландцы — все это ерунда против них.

К а с с и о. Разве они такие пьяницы?

Я г о. Англичане? Да они питьем заморят датчанина и шу-
тя перепьют немца. Они еще раскачиваются, а голландца уже
рвет.

К а с с и о. За здоровье нашего генерала!

М о н т а н о. Присоединяюсь, лейтенант. Я от вас не отста-
ну.

Я г о

О чудная Англия!

(Поет.)

Король Стефан был бережлив —
Шил из простого матерьяла.
За брюки крону заплатив,
Ругал портного обиралой.
Он был великим королем,
А ты не бог весть что за птица.
Так будь доволен миткалем,
Не в бархат же тебе рядиться.

Вина, вина!

К а с с и о. Эта песня еще лучше прежней.

Я г о. Хотите, я повторю?

К а с с и о. Нет, пожалуйста. Такое поведение несовмести-
мо с нашим званием. Но, как говорится, все под богом ходим.
Есть души, которые спасутся. И есть души, которые не спасут-
ся. Верно я говорю?

Я г о. Правильно, лейтенант.

К а с с и о. Например, я спасусь, не в обиду будь сказано
генералу и всем вышестоящим.

Я г о. И я тоже.

К а с с и о. Нет, позвольте. Виноват. Сначала я. Помощник
генерала должен спастись раньше поручика. Однако доволь-

но. Вернемся к нашим обязанностям. (*Роняет платок. При попытке поднять его падает на колени.*) Господи, прости нам наши прегрешения. Вы думаете, я пьян? Ошибаетесь. Вот мой поручик. Значит, это моя правая рука. А вот это моя левая рука. Нет, господа, я не пьян. Я тверд в речах и на ногах.

В с е. Разумеется!

К а с с и о. Ага, вы сами соглашаетесь? Значит, вы не имеете права говорить, что я пьян. (*Уходит.*)

М о н т а н о

Пойдемте на площадку, господа.
Расставим часовых.

Я г о

Минуту, сударь.

Видали вы? Вот этим молодцом,
Который вышел, Цезарь бы гордился,
Когда б его дурная сторона
Не перевешивала так хорошей.
Но что скрывать, несчастный малый пьет.
Со стороны Отелло безрассудно
Вверять ему за городом надзор.

М о н т а н о

А что, с ним это часто?

Я г о

Каждый вечер.

Бедняга провалиется без сна
Сплошные сутки, если не напьется.

М о н т а н о

Отелло это надо сообщить.
Он, может быть, не знает или видит
В помощнике лишь доброе.

Входит Р о д р и г о.

Я г о

(вполголоса Родриго)

Назад!

Ходите по пятам за лейтенантом.

Родриго уходит.

М о н т а н о

Напрасно он доверил этот пост
Несчастному с таким большим пороком.
Предупредите мавра.

Я г о

Нет, не я.

Пусть кто-нибудь другой. Он мой приятель.
Я все отдам, чтоб Кассио спасти.
Но что там?

К р и к и з а с ц е н о й
Помогите! Помогите!

Вбегает К а с с и о, гонясь за Р о д р и г о.

К а с с и о

Подлец! Болван!

М о н т а н о

Что с вами, лейтенант?

К а с с и о

Учить меня! Читать мне наставленья!
Да я его в бутылку загоню!

Р о д р и г о

Прочь кулаки!

К а с с и о

Еще ты рассуждаешь!
(Бьет Родриго.)

М о н т а н о
(останавливая его)

Опомнитесь! Постойте, лейтенант!

К а с с и о

Я съезжу вас по голове! Не суйтесь!

М о н т а н о

Вы пьяны!

К а с с и о

Прочь!

Дерутся.

Я г о

(вполголоса Родриго)

Беги на бастион

И бей тревогу.

Родриго убегает.

Кассио! Монтано!

Опомнитесь! Оставьте, господа!

На помощь! Вы с ума сошли! На помощь!

Звон колокола.

Вот дьявол! Доигрались. Бьют в набат.

Какой позор! Вы город взбунтовали!

Входит Отелло со свитой.

О т е л л о

Что тут за шум?

М о н т а н о

Я ранен! Я в крови!

(Падает.)

О т е л л о

Ни с места, если жизнь еще мила вам!

Я г о

Вы слышите? Постойте, лейтенант!
Монтано! Господа, остановитесь!
Опомнитесь! Пред вами генерал.
Да вы, никак, ослепли, в самом деле?

О т е л л о

Вот зрелище! Что тут произошло?
Мы разве турки, чтобы обращаться
Друг с другом, как не стали б и они?
Сейчас же перестаньте! Душу выну
Из каждого, кто будет продолжать.
Скажите там, чтоб больше не звонили.
Так целый город можно всполошить.
Что тут случилось, господа? На Яго
От огорченья нет лица. Скажи,
Кто начал эту драку, честный Яго?

Я г о

Не понимаю. Были тишь да гладь,
Как вдруг, не говоря худого слова,
Они рубиться начали. Позор!
Я б лучше в честной битве ног лишился,
Чтоб не присутствовать при их стыде.

О т е л л о

Как, Кассио, могли вы так забыться?

К а с с и о

Простите. Я не в силах говорить.

О т е л л о

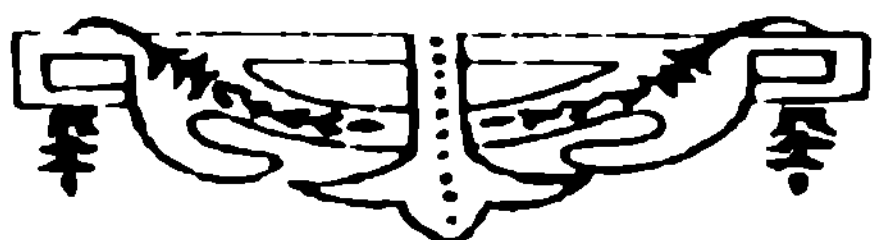
Вы сдержанностью славились, Монтано.
Какая сила вас могла толкнуть
Свою степенность променять на имя
Ночного драчуна? Ответьте мне.

М о н т а н о

Отелло, я, к несчастью, тяжело ранен.
Мне лучше помолчать. Вам скажет все
Поручик Яго. Он всему свидетель.
Ни в чем не грешен, или грех мой в том,
Что защищался я от нападения.

О т е л л о

Ну, видит бог, вся кровь во мне кипит
И ослепляет страстью! Горе, горе
Всем, на кого я руку подыму,
Хотя б зачинщик был родным мне братом!
Как ссора началась? Кто коновод?
Неслыханно! В военной обстановке,
Средь возбужденных жителей, самым
Завесть кровавый спор на карауле!
Чудовищно! Ну, Яго, говори.
Кто виноват?

Монтано

Не по-солдатски будет
Замалчивать или смягчать вину.

Яго

Оставьте. Я себе язык отрежу
Скорей, чем против Кассио скажу,
И если отвечаю, то в надежде,
Что мой ответ ему не повредит.
Как было дело? Мы стоим

с Монтано.

Глядим: крича, вбегает человек.
За ним с оружием Кассио. Монтано
Стал, преграждая лейтенанту путь,
А я бегом пустился за кричавшим,
Чтоб крик его унять, но не догнал.
А позади уж стук мечей. Не верю
Своим ушам, бегу скорей назад —
И нахожу все то, что вы застали.
Вот, собственно, и все, что я видал.
Но я напомним. Люди — только люди.
Их свойство ошибаться. Признаю,
Что Кассио не прав перед Монтано,
Но тот, который скрылся и кричал,
Привел, как видно, лейтенанта в ярость,
И он вскипел.

О т е л л о

По доброте души
Ты, Яго, выгораживаешь друга.
Нет, Кассио вины простить нельзя.
Я, Кассио, любил тебя, но больше
Ты мне не офицер.

Возвращается Дездемона со свитой.

Но каково,
Они ведь Дездемону разбудили!
(Обращается к Кассио.)
Ты мне уроком будешь для других.

Дездемона
Что тут у вас?

О т е л л о

Все, милая, в порядке.
Монтано, я вас сам перевяжу,
И вас домой проводят.

Монтано уводят.

Слушай, Яго.
Понаблюдай за городом. Смотри,
Чтоб беспокойство не распространилось.
Знакомься, Дездемона, жизнь моя,
С удобствами солдатского житья.
Пойдемте спать.

Все, кроме Яго и Кассио, уходят.

Я г о. Вы ранены, лейтенант?

К а с с и о. Смертельно.

Я г о. Сохрани бог!

К а с с и о. Доброе имя, доброе имя, доброе имя! Я потерял свое доброе имя, бессмертную часть самого себя. Осталась одна животная. Где мое доброе имя, мое доброе имя!

Я г о. Ей-богу, я думал, что вы ранены! Вот это была бы история. А то — доброе имя! Подумаешь, какая важность! Доброе имя — выдумка, чаще всего ложная. Не с чего ему быть, не с чего пропадать. Ничего вы не потеряли, если сами себе этого не вдолбите. Есть много способов вернуть расположение генерала. Вас разжаловали для острастки. Это больше для виду. Попросите у него прощенья, и он опять растает.

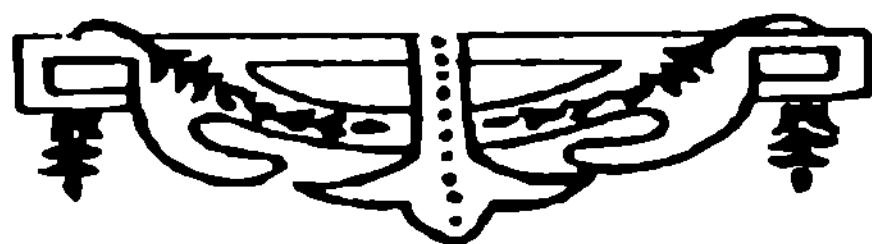
К а с с и о. Я скорее попрошу его усилить строгости, чем потерплю у него на службе такую дрянь и пьяницу. Нарезался черт знает как и разошелся. Напыжился. Затрещал, как попугай, распетушился! Глубокомысленные разговоры с собственной тенью. Фу, какая гадость! О дух, скрытый в вине, ты оттого зовешься “спиритус”, что ты сам дьявол!

Я г о. За кем вы гнались с оружием?

К а с с и о. Понятия не имею.

Я г о. Не может быть!

К а с с и о. Помню какую-то кашу, а по порядку ничего не помню. Была драка, а почему — черт ее знает. Господи! Самим вливать в свой рот отраву, которая превращает тебя в дурака и скотину! И еще прыгать и радоваться по этому поводу!

Я г о. Сейчас у вас довольно ясная голова. Когда вы протрезвились?

К а с с и о. Дьяволу хмеля угодно было уступить меня дьяволу гнева. Один порок дал место другому, чтобы я полнее налюбовался собою.

Я г о. Вы слишком строги. По условиям военного времени, конечно, лучше бы этого не было. Сделанного не воротишь. Но это вещь поправимая.

К а с с и о. Если я попрошу его вернуть мне должность, он скажет, что я пьяница. Да ведь когда бы у меня было сто ртов, как у гидры, этот ответ зажал бы их все разом. Не странно ли! Вот ты здраво рассуждаешь, и вдруг ты полоумеешь, а в следующий миг звереешь! Каждый лишний глоток — проклятье, а его содержимое — сатана.

Я г о. Ну, ну, положим. Вино — хороший товарищ. Надо уметь пить. Довольно проповедовать. А теперь вот что. Надеюсь, вы знаете, как я вам предан.

К а с с и о. Еще бы! Я вас чудно отблагодорил: я пьян.

Я г о. Ну что же! Это может случиться со всяким. Теперь слушайте. Вот что вам надо сделать. Настоящий генерал сейчас у нас генеральша. Мавр весь ушел в созерцание ее прелестей. Доверьтесь ей. Пусть она за вас заступится. Она такая великодушная! Ей кажется преступлением не сделать больше, чем ее просят. Уговорите ее восстановить узы вашей порванной дружбы с ее мужем. Увидите, они еще окрепнут.

К а с с и о. Спасибо за совет!

Я г о. Он от любящего сердца.

К а с с и о. Верю. Завтра пораньше пойду к Дездемоне. Я пропал, если это не устроится.

Я г о. Желаю вам успеха. Доброй ночи, лейтенант. Пойду обойду караулы.

К а с с и о. Спокойной ночи, честный Яго. (*Уходит.*)

Я г о

Кто упрекнет теперь меня в подлоге?
Совет мой меток, искренен, умен.
Найдите лучший путь задобрить мавра,
Чем помощь Дездемоны. А она
Предрешена. Ее великодушье
Без края, как природа. Для нее
Умаслить мавра ничего не стоит.
Она его вокруг пальца обведет.
Все это можно разыграть по нотам.
Я рыцарь, если Кассио даю
Совет, как взять все эти нити в руки.
Но в этом соль: нет в мире ничего
Невиннее на вид, чем козни ада.
Тем временем, как Кассио пойдет
Надоедать мольбами Дездемоне,
Она же станет к мавру приставать,
Я уши отравлю ему намеком,
Что неспроста участлива она.
Чем будет искренней ее защита,
Тем будет он подозревать сильнее.

Так я в порок вменю ей добродетель,
И незапятнаность ее души
Погубит всех.

Входит Родриго.

Ну, как дела, Родриго?

Родриго. В этой травле я участвую не как охотничья собака, а как дворовая, для полноты своры. Я кругом издержался. Сегодня меня порядком отдули. Если так пойдет дальше, я вернусь в Венецию с некоторым опытом и без копейки денег.

Яго

Как жалки те, кто ждать не научился!
Ранения не заживают вмиг.
Мы действуем умом, а не колдуем.
Дай только срок. Дела идут на лад.
Что Кассио отдул тебя, прекрасно:
Побой он отставкой искупил.
Не всякий плод на свете скороспелка,
Но созревает все, что зацвело.
Смотри-ка, а ведь утро наступает!
И не заметили, как ночь прошла.
Ступай-ка, брат, домой. Где ты ночуешь?
Ступай, я говорю. Потом, потом.
Да что ты все торчишь?

Родриго уходит.

Еще два дела.

Эмилия попросит госпожу
За Кассио. Когда он там предстанет
С молящим видом, я к ним невзначай
С Отелло выйду как бы из засады.
Прекрасный план, и лишь зевать не надо!

(Уходит.)

АКТ III

Сцена 1

Кипр. Перед замком.

Входит Кассио с музыкантами.

Кассио

Какой-нибудь короткий бодрый туш.
Я, господа, не поскуплюсь на плату.

Музыка. Входит шут.

Шут. Господа, эти дудки из Неаполя? Что-то уж больно они поют в нос.

Первый музыкант. В каком отношении, сударь?

Шут. Это, извините за выражение, не духовые инструменты?

Первый музыкант. Духовые, духовые.

Шут. Отчего же они без хвостов?

Первый музыкант. В каком, сударь, отношении?

Шут. Обыкновенно трубы для испускания духа бывают прикрыты хвостами. Но не в этом дело. Вот от генерала

деньги за музыку. Он так расчувствовался, что просит перестать.

Первый музыкант. Хорошо, мы больше не будем.

Шут. Или, может быть, у вас есть что-нибудь глухое, беззвучное. Потому что главная беда — что вас слышно.

Первый музыкант. Нет, глухой музыки не водится.

Шут. Ну, тогда дудки по мешкам — и марш. Чтобы духу вашего здесь не было.

Музыканты уходят.

Кассио. Сделай милость, послушай.

Шут. Милости не сделаю, а послушать можно.

Кассио. Чем острить, вот тебе лучше золотой. Если компаньонка генеральши встала, дай ей понять, чтобы она пришла сюда.

Шут. Она встала, сударь. Я ей дам понять.

Кассио. Пожалуйста.

Шут уходит. Входит Яго.

В час добрый, милый Яго.

Яго

Вы, видно, вовсе не ложились спать?

Кассио

Ведь мы расстались с вами на рассвете.
Послал за вашей женой и жду,
Чтоб на прием проситься к Дездемоне.

Дездемона. Худ. Фредерик Лейтон

Я г о

Я вам ее немедленно пришлю
И уведу зачем-нибудь Отелло.
Вам будет легче говорить вдвоем.

К а с с и о

Премного благодарен вам за помощь.

Яго уходит.

Любезней человека не встречал.
А как он бескорыстен!

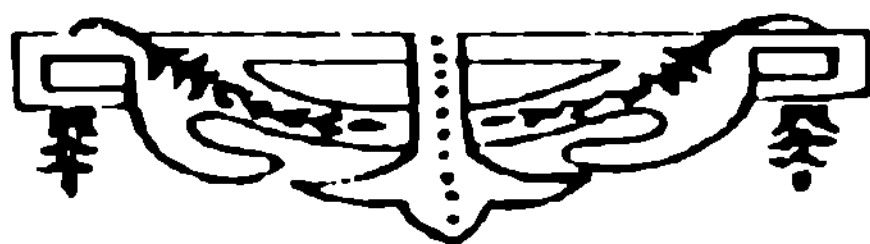
Входит Э м и л и я.

Э м и л и я

С добрым утром.
Как мне вас жалко, лейтенант!
Но все, бог даст, уладится.

Супруги

Все время говорят о вас. Она
Стоит за вас горой, а он нахмурен.
Он недоволен тем, что человек,
Которого вы ранили, на Кипре
Со связями и очень здесь любим.
По-моему, вас генерал отставил
Для вашей пользы. Он вас не забыл
И, только будет случай, восстановит.
Не вмешивайтесь, чтоб не повредить.

К а с с и о

Но я о том с самою Дездемоной
Хочу поговорить наедине.

Э м и л и я

Тогда со мной пойдете. Я устрою.
Хоть душу всю выкладывайте ей.

К а с с и о

Весьма меня обяжете!

Уходят.

Сцена 2

Комната в замке.

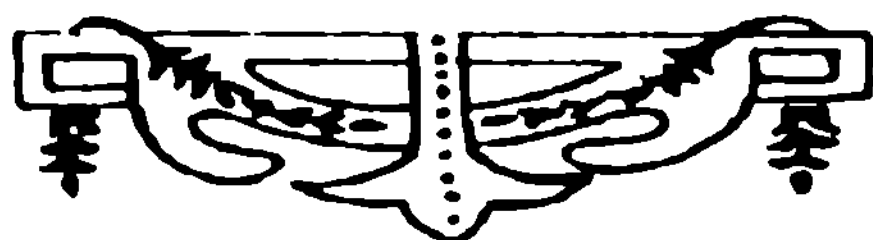
Входят Отелло, Яго и представители
Кипра.

О т е л л о

Пакеты капитану передай.
Пусть кланяется от меня сенату.
А сам на укрепления приходи,
Там и найдешь нас в сборе.

Я г о

Не замедлю.

О т е л л о

Угодно ли вам будет, господа,
Пожаловать со мной на батарею?

П р е д с т а в и т е л и

Мы вас сопровождаем, генерал.

Уходят.

Сцена 3

Сад в замке.

Входят Дездемона, Кассио и Эмилия.

Д е з д е м о н а

Поверьте, милый Кассио, для вас
Я сделаю, что в силах.

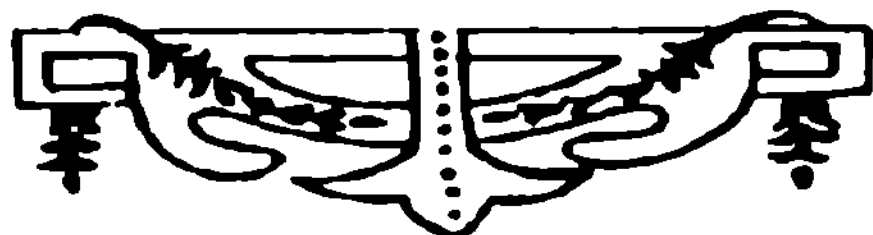
Э м и л и я

Постарайтесь.

Мой муж от огорченья сам не свой,
Как будто с ним беда, а не с другими.

Д е з д е м о н а

Вот это доброта так доброта!
Но, Кассио, не сомневайтесь, милый:
Я знаю, я вас с мужем помирю.

К а с с и о

За это, что б со мною ни случилось,
Я буду вашим преданным слугой.

Д е з д е м о н а

Благодарю. Отлично это знаю.
Вы любите Отелло. Вы давно
Его узнали. Верьте, ваша ссора
Продолжится не дольше, чем того
Потребуется политика.

К а с с и о**А если**

Политика продлится без конца?
Для этого всегда найдется пища.
Судите сами: должность заместят,
Отсутствие мое войдет в привычку,
И о моем усердье генерал
Не вспомнит больше.

Д е з д е м о н а**Этого не будет.**

В присутствии Эмилии клянусь,
На вашу должность никого не примут.
Она за вами, слово вам даю.
Я раньше не отстану от Отелло.

Увидите, я в школу превращу
Его постель, а стол — в исповедальню.
Вы будете припевом ко всему,
О чем не заведем мы разговора.
Приободритесь, Кассио. Скорей
Ходатай ваш умрет, а не отступит.

Э м и л и я

Сударыня, вернулся генерал.

К а с с и о

Я удаляюсь, сударыня.

Д е з д е м о н а

Не надо.

Останьтесь. Мы поговорим при вас.

К а с с и о

Нет, я в неподходящем настроенье.
В другое время. Лучше не сейчас.

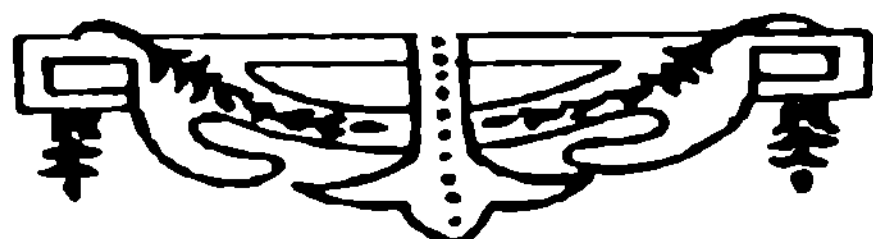
Д е з д е м о н а

Ну, ладно, поступайте, как хотите.

Кассио уходит. Входит Отелло с бумагами и Яго.

Я г о

Не нравится мне это.

О т е л л о

Ты о чем?

Что ты бормочешь?

Я г о

Ничего. Пустое.

О т е л л о

Не Кассио ли это только что
Ушел от Дездемоны?

Я г о

Быть не может!
Как пойманный воришка? Нет, не он.
Он вида вашего б не испугался.

О т е л л о

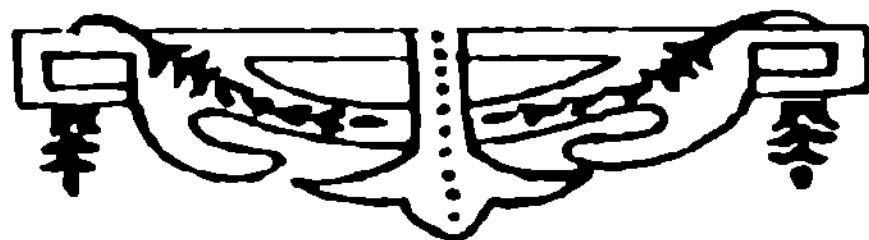
Я все ж думаю, что это он.

Д е з д е м о н а

Ну, как дела, мой друг? Я говорила
Сейчас с одним просителем. Бедняк
Томится тем, что ты его уволил.

О т е л л о

Какой проситель?

Д е з д е м о н а

Как? Твой лейтенант.

Послушай, если что-нибудь я значу,
Сейчас же помирись с ним. Либо он
Вернейший из твоих друзей на свете,
Случайно оплошавший, либо я
Совсем не разбираюсь в честных
лицах.

Пожалуйста, прими его назад.

О т е л л о

Так это он ушел сейчас отсюда?

Д е з д е м о н а

Такой убитый, что со стороны
Подавлена и я его печалью.
Верни его на службу.

О т е л л о

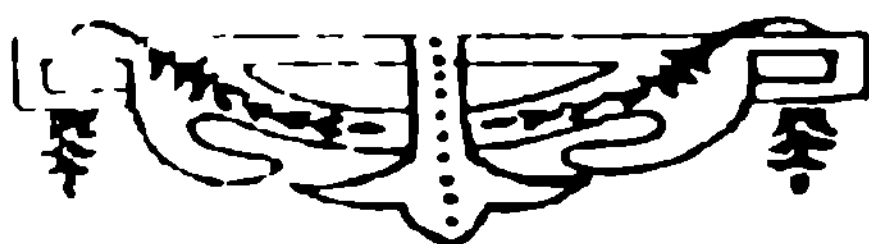
Не сейчас.

Д е з д е м о н а

Ну так когда же?

О т е л л о

Скоро, очень скоро.

Дездемона

За ужином сегодня?

Отелло

Нет еще.

Дездемона

Так завтра утром? Или за обедом?

Отелло

Я завтра уйду. Я приглашен
Обедать к офицерам гарнизона.

Дездемона

Так завтра вечером? Во вторник днем?
Ну, вечером во вторник? В среду утром?
Ты только назови точнее день,
И чтобы срок не превышал трех суток.
Я знаю, надо показать пример,
Чтоб восторжествовала дисциплина.
Но он ведь сознает свою вину,
Которая, по совести, ничтожна.
Ну так скажи, когда ему прийти?
Я попросту удивлена, Отелло.
Не представляю, чтобы ты просил
О чем-нибудь, а я бы отказала

Или так долго мешкала в ответ.
А речь о ком? О Кассио! Том самом
Приятеле и дружке жениха,
Который так нас поженить старался,
И вспыхивал, и за тебя стоял,
Когда я осуждать тебя решалась.
И надо тратить столько слов и сил
На очевидность?

О т е л л о

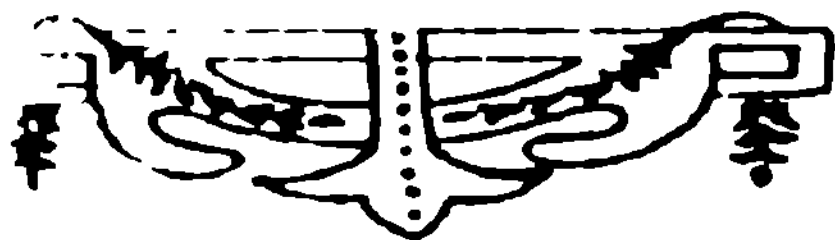
Хорошо. Довольно.
Пускай приходит. Все равно когда.
Как отказать тебе?

Д е з д е м о н а

Не вздумай только,
Что это жертва. Дело не во мне.
Я попросить могла бы с тем же правом,
Чтоб ты надел перчатки, закусил
И, выходя, оделся потеплее.
Нет, если я когда-нибудь решу
Твою любовь подвергнуть испытанью,
Я что-нибудь назначу потрудней.
А это что!

О т е л л о

Я отказать не в силах.

Ну, а теперь я занят. Извини.
Оставь меня, пожалуйста, на время.

Дездемона

Изволь. Не буду спорить. Будь здоров.

Отелло

Спасибо. Я приду сию минуту.
Будь счастлива.

Дездемона

Эмилия, пойдем.
Располагай собою как угодно.
Я подчиняюсь.

(Уходит с Эмилией.)

Отелло

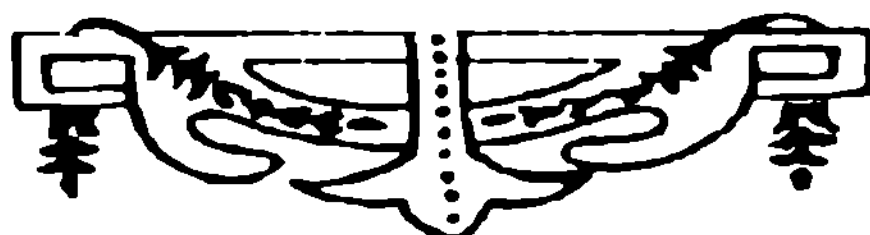
Радость ты моя!
Пусть суждена мне гибель, скрыть не в силах:
Люблю тебя, и если разлюблю,
Наступит хаос.

Яго

Генерал, скажите...

Отелло

Да, Яго. Что?

Я г о

Скажите, генерал,
Знал Кассио о вашем увлеченье
До вашей свадьбы?

О т е л л о

Знал. Конечно знал.
А что такое?

Я г о

Так, соображенья.
Хочу сличить их, вот и все.

О т е л л о

Сличить?

Я г о

Он с нею был знаком до вас?

О т е л л о

Конечно.

И между нами выступал не раз
Посредником.

Я г о

Посредником?

О т е л л о

Конечно.

А что дурного в этом? Разве он
Не стоил этого доверья?

Я г о

Стоил.

О т е л л о

И оправдал, как видишь.

Я г о

Оправдал.

О т е л л о

Так чем ты озабочен?

Я г о

Озабочен?

О т е л л о

Да что с тобою? Что ты задолбил
И повторяешь все за мной, как эхо?
В чем дело? Так ли мысль твоя страшна,
Что ты ее боишься обнаружить?
Столкнулись с Кассио — нехорошо.

Меня он сватал к ней — опять неладно!
Что у тебя в уме? Ты морщишь лоб,
Как будто в черепе твоём запрятан
Какой-то ужас. Если ты мне друг,
Открой мне все.

Я г о

Надеюсь, вам известно,
Как я вам предан?

О т е л л о

Именно затем,
Что мне известно, как ты прям и честен
И слов не стал бы на ветер бросать,
Пугают так меня твои намеки.
Полуслова — язык клеветника,
Но у порядочного человека
Такие недомолвки — крик души,
Которая не вынесла молчанья.

Я г о

Мне Кассьо честным кажется.

О т е л л о

И мне.

Я г о

Все быть должны, чем кажутся.

О т е л л о

Бесспорно.

Я г о

Вот Кассио и честный человек.

О т е л л о

Нет, так нельзя. На что ты намекаешь?
Ты что-то знаешь. Без обвиняков!
Все худшее, что ты таишь, — наружу!

Я г о

Повиноваться старшим, генерал, —
Долг воина, но оглашать догадки
Не входит и в обязанность раба.
Сказать, что думаешь? А если мысли
Кощунственны и ложны, точно грязь
В святилище или в суде неправда?

О т е л л о

Ты губишь друга, если сознаешь,
Что он в беде, и не предупреждаешь.

Я г о

Оставьте. У меня несчастный нрав:
Повсюду в жизни чудятся мне козни.

Для вас спокойней будет и верней
Мои слова оставить без вниманья.
Несовместимо с совестью, умом,
Неосторожно, неблагоразумно
Вас посвящать во все, чем полон я
Из мнительности.

О т е л л о

Говори яснее.

Я г о

Нетронутое имя, генерал,
Для женщин и мужчин всего дороже.
Кто тащит деньги — похищает тлен.
Что деньги? Были деньги, сплыли деньги.
Они прошли чрез много тысяч рук.
Иное — незапятнанное имя.
Кто нас его лишает, предает
Нас нищете, не сделавшись богаче.

О т е л л о

Во имя неба, говори ясней!

Я г о

Хотя б вы сердце мне руками сжали,
Не буду, не могу и не хочу.

О т е л л о

Так вот как!

Я г о

Ревности остерегайтесь,
Зеленоглазой ведьмы, генерал,
Которая смеется над добычей.
Блаженны потерпевшие мужья,
Которые все знают и остыли
К виновницам позора. Но беда,
Когда догадываешься и любишь,
Подозреваешь и боготворишь.

О т е л л о

Да, это ад.

Я г о

Бедняк, довольный жизнью,
Владеет состояньем. Но богач
Который ждет все время разоренья,
Раздет до нитки. Господи, спаси
От ревности моих друзей и близких!

О т е л л о

Постой. Зачем ты это говоришь?
Ты думаешь, я жизнь бы мог заполнить

Ревнивыми гаданьями? О нет.
Я все решил бы с первого сомненья.
Что я, козел, чтоб вечно вожделеть
И, растравляясь призраком измены,
Безумствовать, как ты изобразил?
О нет, меня не сделает ревнивцем
Признание света, что моя жена
Красива, остроумна, хлебосольна,
Умеет общество занять, поет
И пляшет. Если хороша основа,
То и придатки эти хороши.
Я также не страдал бы от сравненья
Моей невзрачности с ее красой:
Видала, думаю, что выбирала.
Нет, Яго, я сначала посмотрю,
Увижу что-нибудь, проверю,
А выясню, до ревности ли тут?
Тогда прощай любовь, прощай и ревность.

Я г о

Я очень рад и докажу теперь
Вам преданность свою гораздо шире.
Улик покамест нет, но мой совет —
Следите за женой и лейтенантом,
Без вспышек страсти, трезво, вот и все.
Я б не хотел, чтоб вашей добротой
Играли за спиною вам во вред.

Я вдоволь изучил венецианок!
Лишь небу праведному видно то,
Чего мужья их не подозревают.
Стыда в них нет, лишь след бы замести.

О т е л л о

Ты вот о чем?

Я г о

А что ж, супруга ваша
Другая, полагаете? Она
Отца ввела пред свадьбой в заблуждение:
Сгорала к вам любовью, а сама
Прикидывалась, что терпеть не может.

О т е л л о

Да, это так.

Я г о

Вот я и говорю:
Когда до брака так она хитрила,
Что дело представлялось колдовством,
Что ж после брака? Впрочем, извините.
Куда меня признанья завлекли!

О т е л л о

Нет, нет, спасибо!

Я г о

К сожаленью, вижу,
Я этим вас немного огорчил.

О т е л л о

Ничуть, нисколько.

Я г о

Огорчил, конечно.
Но сделал это слепо вас любя.
Во всяком случае, не забывайте:
В моих словах нет ровно ничего,
Что позволяло б делать заключенья
И придавать им слишком точный смысл.

О т е л л о

Не бойся.

Я г о

Это было бы ошибкой.
Прошу заметить, Кассио — мой друг.
Нет, генерал, вас это огорчило.

О т е л л о

Что, собственно? Я в чистоте жены
Еще не усомнился.

Я г о

Слава богу.

Пошли господь здоровья ей и вам!

О т е л л о

И все же, уклоненья от природы...

Я г о

Вот именно. Примеры под рукой.

Естественно ли это отчуждение

От юношей ее родной страны?

Не поражают ли в таких примерах

Черты порока, извращения чувств?

Я это отношу не к Дездемоне,

О ней определенных данных нет.

Но есть опасность, как бы,

отрезвевши

И сравнивая вас и земляков,

Она не пожалела.

О т е л л о

До свиданья.

Ступай. Узнаешь больше,

сообщи.

Вели жене следить за Дездемоной.

Прощай, прощай.

Я г о
(уходя)

Прощайте, генерал.

О т е л л о

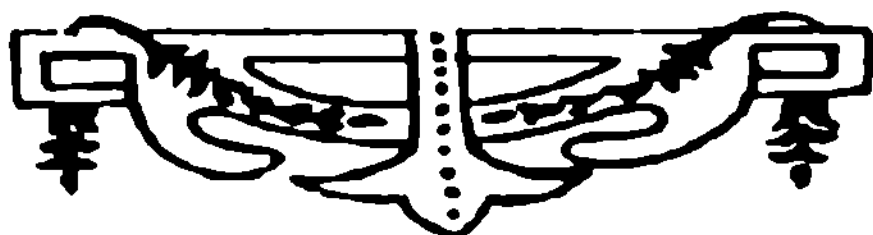
Зачем женился я? Мой сторож чести
Гораздо больше знает, чем сказал.

Я г о
(возвращаясь)

А главное, не надо углубляться
В вопросы эти дальше, генерал.
Все предоставьте времени. Взысканья
Я с Кассио пока бы не снимал.
Он превосходный офицер, конечно,
Но я его держал бы в стороне,
Чтоб наблюдать за ним на расстоянье.
Следите, как проявит госпожа
Свое участие в судьбах лейтенанта.
А в заключение должен повторить:
Я по натуре склонен к ложным страхам.
Наверно, я хватаю через край.
Не думайте о Дездемоне плохо.

О т е л л о

Не беспокойся, я себя сдержу.

Я г о

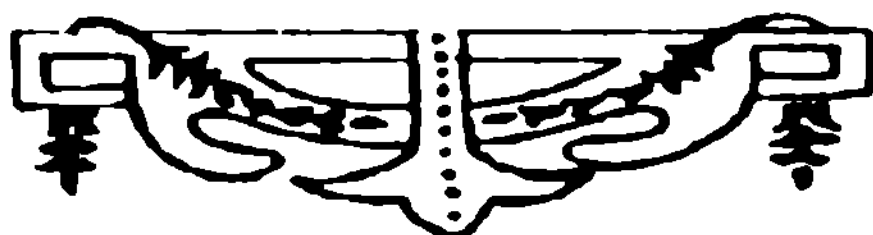
Еще раз до свиданья.

(Уходит.)

О т е л л о

Этот малый

Кристалльной честности и знает толк
В вещах и людях. Если это правда
И будут доказательства, что ты
Дичаешь, мой неприрученный сокол,
Прощай, лети, я путы разорву,
Хотя они из нитей сердца сшиты.
Я черен, вот причина. Языком
Узоров не плету, как эти франты.
Я постарел. Но что я говорю!
Я потерял ее, и я обманут.
Мне может только ненависть помочь.
О ужас брачной жизни! Как мы можем
Считать своими эти существа,
Когда желанья их не в нашей воле?
Я б предпочел быть жабою на дне
Сырого подземелья, чем делиться
Хоть долею того, что я люблю.
Чувствительность — высоких душ
несчастье.
Кто чувствует грубей, тот защищен
От этих ран, как смерть неотвратимых

О т е л л о

Он слишком мал. Не надо.

Отстраняет платок, она роняет его.

Пойдем.

Д е з д е м о н а

Жаль, что тебе нехорошо.

Отелло и Дездемона уходят.

Э м и л и я

Я рада, что нашла ее платок,
Который подарил ей мавр на
свадьбу.

Мой муж все просит — укради его,
Но госпожа, по настоянию мавра,
Платок все время держит при себе
И говорит с ним и его целует.
Вот я теперь сниму с него узор,
По просьбе Яго. Небесам известно,
Какая до платка ему нужна.
Пусть радуется. В этом нет труда.

Возвращается Яго.

Я г о

Ты тут одна? Зачем ты тут торчишь?

Э м и л и я

Оставь ворчать. Есть для тебя вещица.

Я г о

Уж я воображаю!

Э м и л и я

Угадай!

Я г о

Вещица эта — глупая супруга.

Э м и л и я

Вот как? И это все? А что ты дашь
За этот платок в вознаграждение?

Я г о

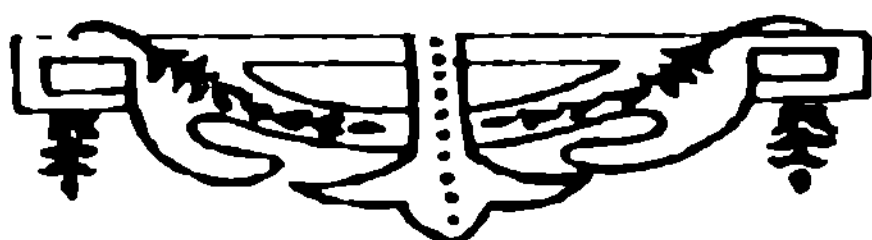
Какой платок?

Э м и л и я

Какой платок? Платок,
Подаренный Отелло Дездемоне,
Который ты просил меня украсть.

Я г о

И ты украла?

Э м и л и я

Нет, он, видно, выпал
У ней из рук. Я с полу подняла.

Я г о

Давай сюда скорее. Молодчина!

Э м и л и я

Скажи, зачем ты требовал его
Без отступа?

Я г о

(вырывая платок)

Тебе какое дело?

Э м и л и я

Не трогай лучше, знаешь. Госпожа
Сойдет с ума, узнавши о пропаже.

Я г о

Помалкивай, что ты его нашла.
Он мне для дела очень нужен. Выйди.

Эмилия уходит.

Подброшу Кассио. Пусть свой платок
Увидит мавр в квартире лейтенанта.
Ревнивца убеждает всякий вздор,

Как доводы Священного писанья.
Сразит и этот. Мавра не узнать,
Так действует уже моя отрава.
Сомненья разгораются не вдруг,
А медленно, как сера под землею.

Возвращается О т е л л о.

Вот он идет. Уже ему ни мак,
Ни сонная трава, ни мандрагора,
Ничто, ничто не восстановит сна,
Которым спал он нынешнею ночью.

О т е л л о

Как! Изменять!

Я г о

Довольно, генерал.
Оставьте эти мысли.

О т е л л о

Сгинь! Исчезни!
Ты жизнь мою в застенки обратил.
Пускай меня и больше б обманули,
Да я б не знал.

Я г о

Нет, что вы, генерал!

О т е л л о

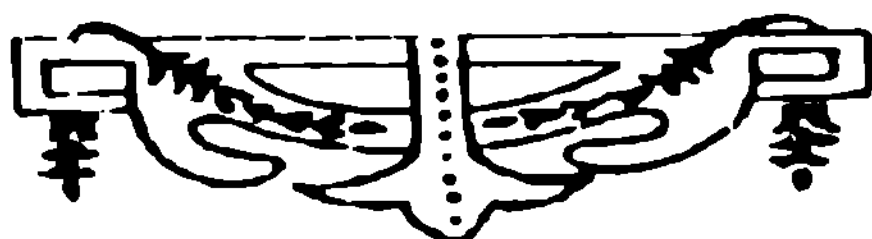
Часы, когда она принадлежала
Другому, не заботили меня.
Я их не видел и о них не ведал
И в следующую за ними ночь
Спал сладко с ней, спокоен был и весел.
Я на губах у ней не находил
Осадка Кассиевых поцелуев.
Тот не ограблен, кто не сознает,
Что он ограблен.

Я г о

Это грустно слышать.

О т е л л о

Я был бы счастлив, если б целый полк
Был близок с ней, а я не знал об этом.
Прощай, покой! Прощай, душевный мир!
Прощайте армии в пернатых шлемах,
И войны — честолюбье храбрецов
И ржущий конь, и трубные раскаты,
И флейты свист, и гулкий барабан,
И царственное знамя на парадах,
И пламя битв, и торжество побед!
Прощайте, оглушительные пушки!
Конец всему — Отелло отслужил.

Английский актер Мокрэд в роли Отелло

Я г о

Неужто, генерал!

О т е л л о

Мерзавец, помни:

Ее позор ты должен доказать!

Вещественно, мерзавец, помни это!

А то, клянусь бессмертием души,

Собакой лучше бы тебе родиться,

Чем гневу моему давать ответ.

Я г о

Вот до чего дошло!

О т е л л о

Дай мне увидеть

Ее вину иль так в ней убеди,

Чтоб места не осталось для сомненья.

Удостоверь, не то беда тебе.

Я г о

Мой генерал...

О т е л л о

А если ты порочишь

Ее безвинно, мучая меня,

То больше не молись. Греси без страха
И не раскаивайся. Громозди
Злодейство на злодейство. Перед этим
Должно все побледнеть, и уж ничто
Твоих грехов не увеличит больше.

Я г о

Вы слышите, святые небеса!
Вы человек иль нет? Где ваше сердце!
Бог с вами и со службой. Ухожу.
Дурак я, что полез с своею правдой,
Чтоб град упреков выслушать в ответ.
О лживый мир! Полезная наука.
Опасно людям правду говорить.
Я больше мыслей никогда не выдам,
Когда они ведут к таким обидам.

О т е л л о

Постой. На вид ты должен быть правдивым.

Я г о

На вид мне следовало быть умней.
Правдивостью спасибо не заслужишь.

О т е л л о

Должно быть, Дездемона мне верна,
А может, нет. Ты мне не лгал, должно быть,

А может, лгал. Я требую улик.
Ее безукоризненное имя
Луны белее было, а теперь
Черно, как я, от твоего доноса.
Я жажду ясности. На свете есть
Ножи, костры, колодцы, петли, яды.
Я не прощу. Но мне недостает
Уверенности.

Я г о

Вижу, вы в волнении.
Душой скорблю, что я тому виной.
Так вы хотите ясности, сказали?

О т е л л о

Хочу? Нет, больше, я ее добьюсь.

Я г о

Но как, скажите? Что такое ясность?
Хотите ли вы подглядеть тайком,
Когда он с нею будет обниматься?

О т е л л о

Смерть и проклятье!

Я г о

Нелегко людей
Застать за этим делом. Пожелаем,

Чтоб, кроме них, ничей досужий взгляд
Не падал никогда на их объятья.
Тогда как быть? Как их поймать? Они
Не пара обезьян, не волк с волчицей.
Таких улик в моем запасе нет,
Но косвенные данные в наличии,
И вы всегда их можете иметь.

О т е л л о

Они должны быть неопровержимы!

Я г о

Невыгодная роль, но я креплюсь.
Я сам зашел из дружбы так далеко.
Так вот. Я как-то с Кассио лежал
На койке. У меня болели зубы.
Я спать не мог. Беспечный ветрогон
Во сне всегда выбалтывает тайны.
Таков и Кассио. И слышу я:
“Поосторожней, ангел Дездемона.
Нам надобно таить свою любовь”.
Он крепко сжал мне руку и со страстью
Стал целовать, как будто с губ моих
Срывал он с корнем эти поцелуи,
И положил мне ногу на бедро.
Потом, вздохнув, пролепетал: “О горе!
Зачем ты в руки мавра отдана!”

О т е л л о

Чудовищно! Чудовищно!

Я г о

Ведь это

Во сне происходило.

О т е л л о

Но в каком!

Как уличает это сновиденье!

Я г о

Особенно в ряду других улик.

О т е л л о

Я разорву злодейку!

Я г о

Хладнокровней.

Еще мы не наткнулись ни на что.

Быть может, наши подозрения ложны.

Вы не видали у нее платка,

Расшитого цветами земляники?

О т е л л о

Я ей его на свадьбу подарил.

Я г о

Ах, вот как? Я не знал. Но дело вот в чем:
Я видел, Кассио платком
Сегодня утирал свой подбородок.

О т е л л о

О, если это тот...

Я г о

Тот иль не тот,
Платок — ее, и это лишний довод
В придачу к тем, которые слабей.

О т е л л о

О, если б раб жил тысячею жизнью!
Для полной мести мало мне одной.
Теперь я вижу, это правда, Яго:
Гляди, я дую на свою ладонь
И след любви с себя, как пух сдуваю.
Развеяна. Готово. Нет ее.
О ненависть и месть, со мною будьте
И грудь раздуйте мне шипеньем змей!

Я г о

Спокойней. Тише.

О т е л л о

Крови, крови, крови!

Я г о

Еще вы передумаете.

О т е л л о

Нет.

Нет, Яго, никогда! Как в Черном море
Холодное течение день и ночь
Несется неуклонно к Геллеспонту,
Так и кровавым промыслам моим
До той поры не будет утоленья,
Пока я в мщенье их не изолью.

(Становится на колени.)

Клянусь тобой, мерцающее небо:
В святом сознанье этих страшных слов,
Даю обет расплаты.

Я г о

Не вставайте.

(Тоже становится на колени.)

Вы все свидетели, огни планет,
Кружащиеся в небесах, что Яго
Себя, свой ум и руки отдает
На службу оскорбленному Отелло.
Я все беспрекословно совершу,
Что скажете, вплоть до пролиться крови.

Оба встают.

Отелло

Союзник мой, я не благодарю,
Но сразу же ловлю тебя на слове:
Чтобы в три дня, не позже, я узнал
О смерти Кассио.

Яго

Мой друг погублен.
Приказ свершен. Но ей оставьте жизнь.

Отелло

О нет, проклятье ей, гулящей твари!
Проклятье ей! Не покидай меня.
Пойдем обсудим, как бы поскорее
Прикончить дьяволицу. Ты теперь
Мне будешь лейтенантом.

Яго

Ваш навеки.

Уходят.

Сцена 4

Перед замком.

Входят Дездемона, Эмилия, шут.

Дездемона. Не скажешь ли, голубчик, где живет лейтенант Кассио?

Ш у т. Не скажу.

Д е з д е м о н а. Что так?

Ш у т. Он человек военный, а это народ бедовый. Поди узнай, как на него потрафить. Это военный секрет.

Д е з д е м о н а. Что же тогда делать?

Ш у т. Не скажу. Это тоже военная тайна.

Д е з д е м о н а. Не возьмешься ли ты разыскать его и передать ему кое-что на словах?

Ш у т. Отчего же! Это в пределах человеческих возможностей.

Д е з д е м о н а. Скажи, чтобы он пришел сюда. Я склонила генерала в его пользу, и есть надежда, что все уладится.

Шут уходит.

Куда, Эмилия, могла девать
Я свой платок?

Э м и л и я

Сударыня, не знаю.

Д е з д е м о н а

Охотней потеряла б кошелек,
Набитый золотыми. Но,

по счастью,

Отелло — умница и не похож
На пошляков-ревнивцев. Чтоб иначе
Подумал он?

Э м и л и я

Отелло не ревнив?

Д е з д е м о н а

Конечно, нет. Тропическое
солнце
Все эти недостатки выжгло в нем.

Э м и л и я

Вот он идет.

Д е з д е м о н а

Не дам ему покоя,
Покамест Кассио он не простит.

Входит О т е л л о.

Ну, как тебе?

О т е л л о

Мне лучше.

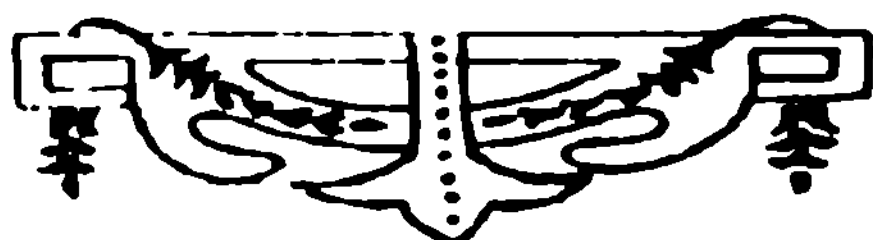
(В сторону.)

Я не в силах

Притворствоваться. — Как поживаешь ты?

Д е з д е м о н а

Спасибо, превосходно.

О т е л л о

Дай мне руку.

Какая влажная!

Д е з д е м о н а

Ее пока

Ни годы, ни заботы не сушили.

О т е л л о

Такая влажность — несомненный знак
Уступчивости и любвеобилья.

Горячая, горячая рука

И — влажная. Такую руку надо

Смирять молитвой, строгостью, постом

И умерщвлением плоти. В ней есть дьявол.

Он бесится и выделяет пот.

Рука, которая готова сыпать

Подарками.

Д е з д е м о н а

Ты вправе так сказать:

Я сердце в ней свое тебе вручила.

О т е л л о

Хорошая и щедрая рука!

Встарь руку отдавали вместе с сердцем,

А в наши дни лишь руки отдают.

Дездемона

Мне трудно продолжать в подобном духе.
Как обещание твое, скажи?

Отелло

Какое обещание, голубка?

Дездемона

Я Кассио велела разыскать
И привести к тебе для примиренья.

Отелло

Меня сегодня насморк одолел.
Дай мне платок.

Дездемона

Пожалуйста.

Отелло

Не этот.

Ты знаешь, тот.

Дездемона

Его со мною нет.

Отелло

Действительно?

Д е з д е м о н а

Действительно.

О т е л л о

Печально.

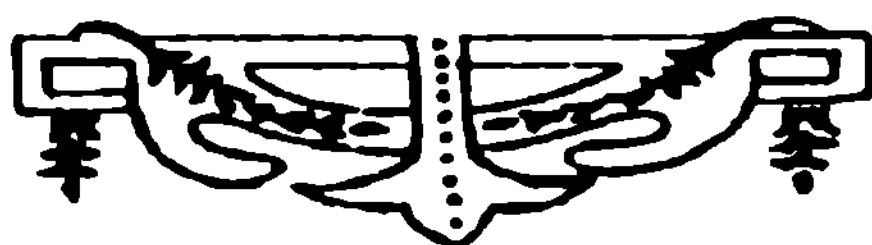
Платок достался матушке моей
В подарок от ворожеи-цыганки.
Та уверяла, что, пока платок
У матери, он к ней отца привяжет
И сохранит ей красоту. Когда ж
Она его отдаст иль потеряет,
Отец к ней должен охладеть
И полюбить другую. Перед смертью
Мать отдала платок мне, завещав
Дать в будущем его своей невесте.
Я так и сделал. Береги платок
Заботливее, чем зеницу ока.
Достанься он другим иль пропади,
Ничто с такой бедою не сравнится.

Д е з д е м о н а

Неужто?

О т е л л о

Правда. Он из волокна
С магическими свойствами. Сивилла,

Прожившая на свете двести лет,
Крутила нить в пророческом безумье.
Волшебная таинственная ткань
Окрашена могильной краской мумий.

Дездемона

Неужто это правда?

Отелло

Говорят.

Дездемона

Так лучше бы его я не видала!

Отелло

Ага! А что так?

Дездемона

Что ты говоришь
Со мною так стремительно и дико?

Отелло

Платок потерян? Где он? Говори.

Дездемона

О боже!

О т е л л о

Говори.

Д е з д е м о н а

Нет, не потерян.

А если потеряла, что тогда?

О т е л л о

Как, что тогда?

Д е з д е м о н а

Платка я не теряла.

О т е л л о

Так принеси его и покажи.

Д е з д е м о н а

Могу, но после. Это отговорки,

Чтобы о Кассио не говорить.

Прими обратно Кассио на службу.

О т е л л о

Так принеси платок. Мне в этом всем
Мерещится недоброе.

Д е з д е м о н а

Послушай,

Ты никого достойней не найдешь.

Отелло

Платок!

Дездемона

Давай о Кассио сначала.

Отелло

Платок!

Дездемона

Он трудности делил с тобой
И на слепой любви к тебе построил
Всю жизнь свою.

Отелло

Платок!

Дездемона

Нет, так нельзя!

Отелло

Прочь с глаз моих!

(Уходит.)

Эмилия

И это не ревнивец?

Дездемона

Таким его я вижу в первый раз.
В платке, наверно, правда что-то скрыто.
Я просто вне себя, что он пропал.

Эмилия

Живешь два года с мужем, не узнаешь.
Мужчина — брюхо, женщина — еда.
Он жрет тебя и жрет, и вдруг отрыжка.
Вот Кассио и Яго.

Входят Кассио и Яго.

Яго

Без нее

Не обойтись. Вот, легки на помине,
Немного понастойчивее с ней.

Дездемона

Что скажете мне, Кассио?

Кассио

Все то же.

Пожалуйста, вступитесь, госпожа.
Мне не житье, пока я не оправдан
Единственным, кто мне дороже всех.
Ужасна неизвестность. Если грех мой

Так тяжек, что его не искупить
Ни прошлою, ни будущею службой,
Пускай мне скажут. Твердо это знать
Мне будет некоторым облегченьем.
Я волей-неволей примирюсь
И счастья поищу в другом призванье.

Д е з д е м о н а

Мой благородный Кассио, увы!
На мавра потеряла я влиянье.
Мой муж с недавних пор не прежний муж.
Он изменился. Это превращенье
Так велико, что только внешний вид
Еще мне говорит, что он — Отелло.
Пусть ангел мой хранитель за меня
Так молится, как мужа я молила
За вас, но он лишь гневался в ответ.
Немного потерпите. Все, что можно,
Я сделаю, и больше чем могу.
Я думаю, что этого довольно.

Я г о

Он сердится?

Э м и л и я

Он только что ушел
В каком-то непонятном раздраженье.

Яго

Он сердится? Я видел, как пред ним
Взлетело несколько солдат на воздух
И в десяти шагах от нас ядро
Ударило в его родного брата.
Но духа он и тут не потерял.
И если он не стал владеть собою,
То, видимо, на то причины есть.
Пойду поговорю с ним.

Дездемона

Сделай это.

Яго уходит.

Быть может, из Венеции письмо
Или на Кипре заговор открылся,
Но неприятности или дела
В нем облаком затмили ясность мысли.
Мы раздражаемся по пустякам,
Когда задеты чем-нибудь серьезным.
Бывает, палец заболит, и боль
Передается остальному телу.
Мужья не боги, требовать от них
Вниманья, как от женихов, нет смысла.
Брани меня, Эмилия, за то,
Что я его напрасно осуждала.
Я ошибалась. Он не виноват.

Э м и л и я

Дай бог, чтоб это были в самом деле
Заботы службы, а не ревность к вам.

Д е з д е м о н а

Я повода ему не подавала.

Э м и л и я

Ревнивым в этом надобности нет.
Ревнуют не затем, что есть причина,
А только для того, чтоб ревновать.
Сама собой сыта и дышит ревность.

Д е з д е м о н а

Да обойдет Отелло этот бич!

Э м и л и я

Помилуй бог!

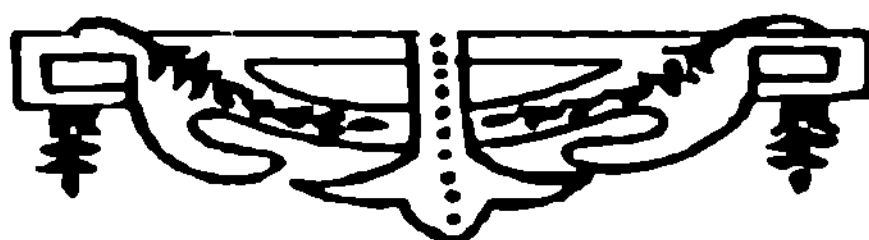
Д е з д е м о н а

Пойду его проведать.
Вы, Кассио, тут будьте под рукой.
Как раз, быть может, подвернется случай,
Я наконец его уговорю.

К а с с и о

Покорнейше вам благодарен.

Дездемона и Эмилия уходят.

Входит Бианка.

Бианка

Здравствуй,
Дружище Кассио!

Кассио

Какими ты
Судьбами, здесь красавица Бианка?
Я собирался только что к тебе.

Бианка

А я к тебе. Но слыханное ль дело?
Исчезнуть на семь дней и семь ночей!
Ушел и как сквозь землю провалился.
А шутка ли — сто шестьдесят часов!

Кассио

Прости меня, Бианка. Я был занят.
Живу не сладко. Чуть освобожусь,
Мы это наверстаем. Вот, Бианка,

(давая ей платок Дездемоны)
Пожалуйста, такой же вышей мне.

Бианка

Откуда это? Новая подруга?
Так вот ты с кем неделю пропадал?
Теперь мне все понятно, все понятно.

К а с с и о

Брось тотчас к черту свой ревнивый бред.
Платок от женщины, уж ты решила?
Нет, Бьянка, нет.

Б и а н к а

Откуда ж он тогда?

К а с с и о

Не знаю сам. Он у меня валялся.
Мне нравится узор. Сними его,
Пока платка обратно не спросили.
Ну, а теперь оставь меня.

Б и а н к а

Зачем?

К а с с и о

Да я тут дожидаясь генерала
И в женском обществе бы не хотел
Ему попасться.

Б и а н к а

Это что за новость?

К а с с и о

Не думай, что тебя я не люблю.

Б и а н к а

Вот именно, как этого не думать?
Пройдись со мною несколько шагов.
Ты вечером ко мне придешь сегодня?

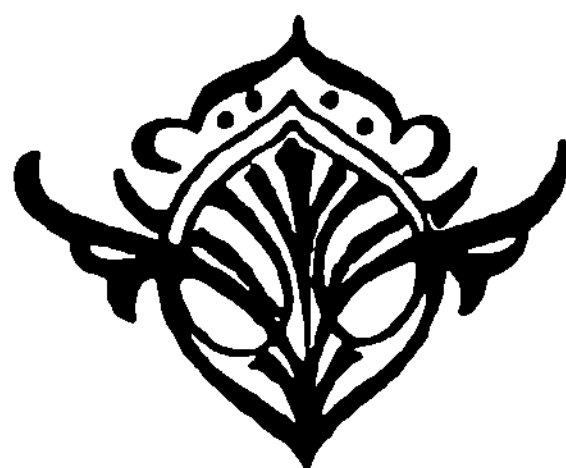
К а с с и о

Далёко проводить я не могу.
Мне встреча здесь назначена по делу.
А вечером приду.

Б и а н к а

Не обмани.
Я скромная, довольствуюсь, чем можно.

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Кипр. Перед замком.

Входят Отелло и Яго.

Яго

Вы так считаете!

Отелло

А как же, Яго?

Яго

Что поцелуй тайком...

Отелло

Обман и грязь.

Яго

И голый с другом полежать в постели
В границах добродетели нельзя?

О т е л л о

В границах добродетели раздевшись!
Зачем так сложно и так тяжело
Хитрить пред чертом и морочить небо!

Я г о

Когда не происходит ничего,
То это все простительная вольность.
Но перейдемте к случаю с платком.

О т е л л о

Да, да.

Я г о

Он мой. Я дал его жене в подарок.

О т е л л о

Ну, ну.

Я г о

Теперь он стал ее. Она вольна
Отдать его кому-нибудь другому.

О т е л л о

Честь — это тоже собственность ее.
Она вольна располагать и этим?

Я г о

Честь — это призрак. Честь — другой вопрос.
Честь — то, чего у многих не бывает.
Из хвастающих ею. Но платок...

Книжная заставка Б. Шоу к "Отелло"

О т е л л о

Хочу забыть, а ты напоминаешь!
Как ворон над жилищем, где чума,
Так это слово в памяти витает.
Ты говоришь, платок мой у него?

Я г о

В том нет беды.

О т е л л о

Но в этом нет и счастья.

Я г о

Зачем значенье придавать тому,
Что без стыда наглец и соблазнитель,
У женщины добившись своего,
Трубит повсюду о своей победе?

О т е л л о

Он вслух о ней болтал?

Я г о

Болтал.

О т е л л о

Что? Что?

Я г о

То, от чего всегда он отречется.

О т е л л о

Но все-таки.

Я г о

Он говорил...

О т е л л о

Итак?

Я г о

Что он лежал...

О т е л л о

С кем? С ней?

Я г о

Да. Нет. Увольте.

О т е л л о. Лежал. Прижимался. Он ее бесславит. И в каких выражениях! Прижимался. Это мерзость. Платок. Заставить сознаться. Платок. Заставить сознаться и повесить. Нет, сначала повесить, а затем заставить сознаться. Я весь дрожу. Не поддаваться этой помрачающей боли без проверенных сведений! Боже, как я подумаю!.. Носы, уши, губы. Тьфу! Я падаю. Заставить сознаться. О, дьявол! *(Падает без чувств.)*

Я г о

Хвалю, мое лекарство. Действуй, действуй!
Так ловят легковверных дураков.
Так женщин незапятнанных порочат. —
Очнитесь, успокойтесь, генерал!

Входит К а с с и о.

Любуйтесь, лейтенант.

К а с с и о

Что с ним случилось?

Я г о

Да видите, падучая опять.
Второй припадок в продолжение суток.

К а с с и о

Виски потрите.

Я г о

Нет, избави бог.
Болезнь должна идти своим порядком,
А то несчастный с пеной на губах
Начнет беситься. Он пошевелился.
Ступайте. Он сейчас придет в себя.
Чуть я освобожусь, мне надо с вами
Потолковать.

Кассио уходит.

Что с вами, генерал?
Вы шишки не набили?

О т е л л о

Ты смеешься?

Я г о

Нет. Я — над вами? Боже упаси!
Переносите по-мужски обиду.

О т е л л о

Рога — отличие чудищ и зверей.

Я г о

Немало же тогда зверей и чудищ
Средь наших населенных городов.

О т е л л о

Так это правда? Он не отрицает?

Я г о

Мужайтесь, генерал. Вы не один.
Любой женатый — в вашем положении.
Милльоны спят на проходных дворах,
Которые зовутся брачным ложем.
Вам легче: вы без розовых очков.
Какое издевательство природы —
С развратницами нас соединять
И заставлять нас верить в их невинность!
Нет, если так, то я желаю знать
Про свой позор и что с женой мне делать.

О т е л л о

Ты умница. Ты совершенно прав.

Я г о

Я вот что придумал. Я вас спрячу,
Но хватит ли у вас на это сил?

Во время вашего припадка — к слову,
Нехорошо так распускать себя —
Явился Кассио. Я догадался
Услать его и объяснил, как мог,
Ваш обморок. Но он сейчас вернется.
Хотите, заведу с ним разговор?
Хотите, незаметно посмотрите
На выражение его лица,
Улыбочки, злорадство и презрение
К той, о которой будет речь? Я вновь
Его заставлю повторять сначала,
Давно ль и сколько раз, где и когда
Бывал он близок с вашею женою.
Увидите ужимки. — Черт возьми,
Нельзя ли поспокойнее, однако!
Ведь если дальше так пойдет,
Я просто уважать вас перестану.

О т е л л о

Я обещаю все перенести,
Зато потом не буду знать пощады.

Я г о

Всему свой срок. Вам прятаться пора.

Отелло прячется.

Под видом рассказней о Дездемоне
Я Кассио про Бьянку расспрошу.

Особа эта шлюха по призванию
И этим зарабатывает хлеб.
Она пылает к Кассио любовью
По роковой судьбе таких девиц.
Всю жизнь она обманывала многих,
Чтоб быть обманутой одним.
О ней без смеха он не может слышать.
Вот он идет.

Входит К а с с и о.

Когда дурак заржет,
Отелло просто на стену полезет,
В ревнивом ослепленье отнеся
Смех и развязность Кассьо к Дездемоне. —
Что слышно, лейтенант?

К а с с и о

Одна печаль.
И я не лейтенант, как вы сказали.

Я г о

Но будете. Просите госпожу.
Вот если б званья возвращала Бьянка,
Ждать не пришлось бы.

К а с с и о

Ждать бы не пришлось.

О т е л л о
(в сторону)

Скажи пожалуйста, уже смеется!

Я г о

Она в вас до безумья влюблена.

К а с с и о

Да, влюблена, мне кажется, безумно.

О т е л л о
(в сторону)

Не отрицает и не может скрыть.

Я г о

Скажите правду, Кассио...

О т е л л о
(в сторону)

Он просит
Порассказать подробней. Хорошо.

Я г о

Вы собираетесь на ней жениться?
Она так уверяет.

К а с с и о

Ха-ха-ха!

О т е л л о
(в сторону)

Смеешься? Торжествуй. Ты пожалеешь.

К а с с и о

Жениться! Вот умора! На такой!
Еще я, слава богу, не рехнулся.
Ха-ха-ха!

О т е л л о (в сторону). Так, так, так. Дорого тебе обойдется этот смех.

Я г о. Ей-богу, ходит слух, что вы на ней женитесь.

К а с с и о. Какое вранье!

Я г о. Зачем мне врать?

О т е л л о (в сторону). Словно меня нет на свете!

К а с с и о. Дура сама это распространяет. Она в это верит на основании своих собственных чувств. Я ей ничего не обещал.

О т е л л о (в сторону). Яго делает мне знаки. Сейчас он перейдет к делу.

К а с с и о. Да вот она была тут недавно. Она меня просто преследует. Как-то разговариваю я на берегу с несколькими венецианцами. Откуда ни возьмись, эта краля, и прыг ко мне на шею. Вот так! Ха-ха-ха! И вот так!

Отелло (в сторону). Наверное, он передразнивает, как она визжит: “О мой Кассио!”

Кассио. И плачет, и обнимает, и тащит с собой. Ха-ха-ха!

Отелло (в сторону). Теперь он показывает, как она увлекает его в мою спальню. О, я хорошо вижу твой нос, но пока еще не вижу нос собаки, которой я брошу его на съеденье!

Кассио. Надо будет поскорее расстаться с нею.

Яго. Глядите, ей-богу, вот она!

Кассио. Хорек ненасытный! И как надушилась!

Входит Бианка.

Долго ли ты будешь бегать за мною?

Бианка. Нет уж, извини. Побегают за тобой черт и его бабушка. Получай назад свой платок, окаянный! Дура я, что взяла его. Вышей ему такой же! Вы слышали что-нибудь подобное? Нашел у себя в комнате и не знает чей. Так я и поверила! Какой-нибудь шлюхи память, а я буду снимать с него узор! Нет уж, пожалуйста!

Кассио. Что ты, ненаглядная Бианка! Что ты, что ты!

Отелло (в сторону). Праведное небо, это мой платок!

Бианка. Если хочешь, приходи сегодня ужинать со мной. А если не сегодня, приходи когда вздумаешь. (Уходит.)

Яго. Бегом, бегом за ней!

Кассио. Пожалуй, правда. Еще поднимет шум на улице.

Яго. Вы действительно пойдете ужинать к ней?

Кассио. Да, я думаю.

Яго. В таком случае, я приду тоже. Надо поговорить.

К а с с и о. Прекрасно! Только наверняка.

Я г о. Посмотрим. Догоните ее.

Кассио уходит.

О т е л л о (*выступает вперед*). Яго, как мне убить его?

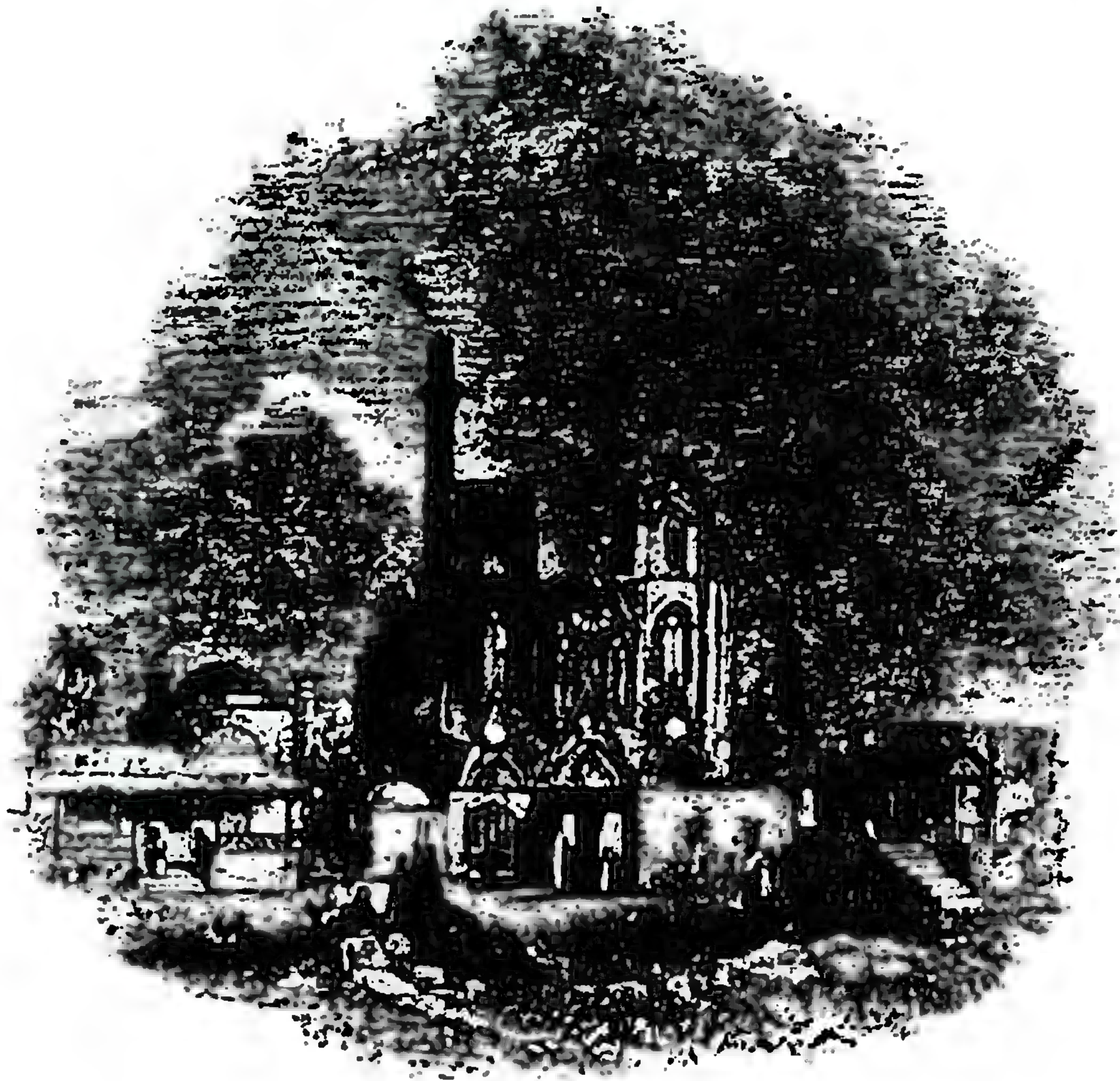
Я г о. Как он гордится своей низостью! Вы заметили?

О т е л л о. О Яго!

Я г о. А вы узнали платок?

О т е л л о. Это действительно мой?

Я г о. Разумеется, ваш. Видите, как мало он ценит эту су-

Вид города Фамагуста на Кипре

масбродку, жену вашу. Она дарит ему платок, а он отдает его своей сударушке.

О т е л л о. Я хотел бы убивать его девять лет подряд. Действительно, сумасбродка. Обольстительная! Божественная!

Я г о. Вам пора забыть об этом.

О т е л л о. Да, Яго. Я хочу, чтобы она сгнила, пропала и была осуждена сегодня же ночью. Я не дам ей прожить дня. Сердце мое обратилось в камень. Ударить — ушибешь об него руку. Все это так. Но не было на свете создания более неотразимого. Ее место рядом с каким-нибудь повелителем мира, чтобы делить с ним жизнь и вдохновлять его.

Я г о. Нет, думать так вам больше не годится.

О т е л л о. Чтоб ее черт побрал! Это верно. Я только вспоминаю. Какова рукодельница! А как понимает музыку! Ее пеньем можно приручить лесного медведя. Женщина неистощимого ума и воображения.

Я г о. Тем, стало быть, хуже.

О т е л л о. О, в тысячу раз! И притом с такой способностью нравиться!

Я г о. Даже слишком большою.

О т е л л о. Справедливо. Но ведь жалко, Яго! О, какая жалость, какая жалость!

Я г о. Ну, если вам так жалко, выдайте ей доверенность на совершение дальнейших низостей. Дело только в вас. Никого это не касается.

О т е л л о. Я изрублю ее на мелкие кусочки. Обманывать меня!

Я г о. Безобразница.

О т е л л о. И с кем! С моим подчиненным!

Я г о. Тем более!

О т е л л о. Какой-нибудь отравы, Яго, сегодня же. Я не буду вступать с ней в объяснения, чтоб не поддаться ее обаянью. Так помни, сегодня же. Достанешь, Яго?

Я г о. Зачем яд? Лучше задушите ее в постели, которую она осквернила.

О т е л л о. Хорошо. Хорошо. Знаешь, это справедливая мысль. Это мне нравится.

Я г о. А расправиться с Кассио предоставьте мне. Ночью кое-что услышите.

О т е л л о. Великолепно!

Труба за сценой.

Что там за труба?

Я г о

Известье из Венеции, наверно.

Вон Лодовико с вашею женой.

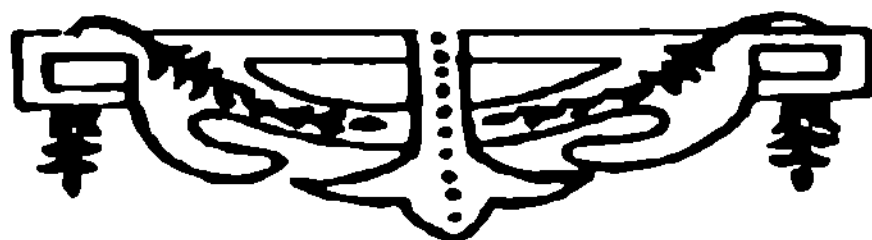
Входит Лодовико, Дездемона и свита.

Л о д о в и к о

Душой рад встрече, генерал.

О т е л л о

И я.

Л о д о в и к о

Привет вам от сенаторов и дожа.

(Подает ему письмо.)

О т е л л о

Почтительно целую их печать.

(Прикладывает к губам письмо, распечатывает и читает.)

Д е з д е м о н а

С какими новостями, Лодовико?

Я г о

Большое удовольствие и честь
На Кипре вас приветствовать.

Л о д о в и к о

Спасибо.

Как лейтенанта Кассио дела?

Я г о

Он жив.

Д е з д е м о н а

У лейтенанта с генералом
Большой разрыв. Надежда вся на вас.
Вы сблизите их.

Отелло
Ты такого мненья?
Дездемона
Не слышу.

Отелло
(читает)
“В исполнение привести
Немедленно”.

Венецианский генерал. Рис. неизвестного художника

Л о д о в и к о

Он к вам не обращался,
А погружен в приказ. Так между ним
И Кассио размолвка?

Д е з д е м о н а

Да, к несчастью.
Я все б дала, чтоб вновь их помирить,
Такую к Кассио любовь питаю.

О т е л л о

Огонь и сера!

Д е з д е м о н а

Что ты говоришь?

О т е л л о

Ты что, в своем уме?

Д е з д е м о н а

Какой сердитый!

Л о д о в и к о

Его расстроило письмо. Сенат
Велит ему в Венецию вернуться
И назначает Кассио на Кипр.

Дездемона

О, как я рада!

Отелло

Рада?

Дездемона

Что, мой милый?

Отелло

Я рад, что ты забыла всякий стыд.

Дездемона

Забыла стыд. Отелло, милый?

Отелло

Дьявол!

(Ударяет ее.)

Дездемона

Ничем не заслужила!

(Плачет.)

Лодовико

Генерал,

В Венеции откажутся поверить!

Уж это слишком! Надо попросить
У ней прощенья. Дездемона плачет.

О т е л л о

О дьявол, дьявол! Если б земля
Давала плод от женских слез, то эти
Плодили б крокодилов. Сгинь, уйди!

Д е з д е м о н а (уходя). Уйду, чтоб не сердить тебя.

Л о д о в и к о

Какая

Послушная! Верните, генерал,
Ее назад.

О т е л л о

Сударыня!

Д е з д е м о н а

Мой милый?

О т е л л о

Ну вот она, распоряжайтесь ею.

Л о д о в и к о

Распоряжаться?

О т е л л о

Да. Ведь вы просили

Вернуть ее назад. Ну вот. Она
Умеет уходить и возвращаться,
И уходить, и снова приходить,
И может плакать, сударь,
может плакать.

Послушная, послушная жена. —
Малеванное, грубое притворство!
Лей слезы, лей. — Я прочитал приказ
О возвращенье. — Скройся. Будет надо,
Я позову. — Я к выезду готов
В любое время. — Говорят, исчезни!

Дездемона уходит.

Дела сдам Кассио. Ну, а теперь
Прошу откусать вас сегодня с нами.
Добро пожаловать, желанный гость,
На остров Кипр. — Козлы и обезьяны!

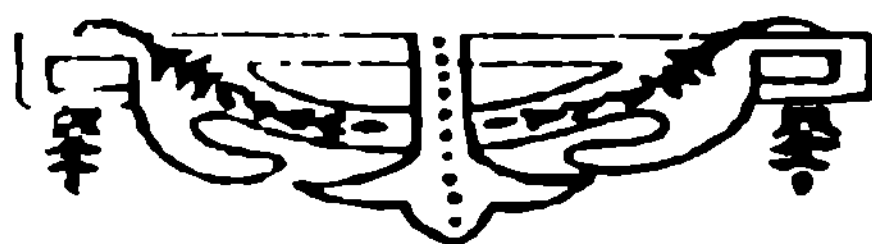
(Уходит.)

Л о д о в и к о

И это мавр, который восхищал
Сенат уравновешенностью духа,
Которого ни бури, ни труды,
Ни страсти, ни опасности не брали?

Я г о

Он очень изменился.

Л о д о в и к о

Он здоров?

Он не в бреду?

Я г о

Судить о нем не смею.

Он то, что есть. А если он не то,
Чем должен быть, пусть бог ему поможет
Стать тем, чем надо.

Л о д о в и к о

Бить свою жену!

Я г о

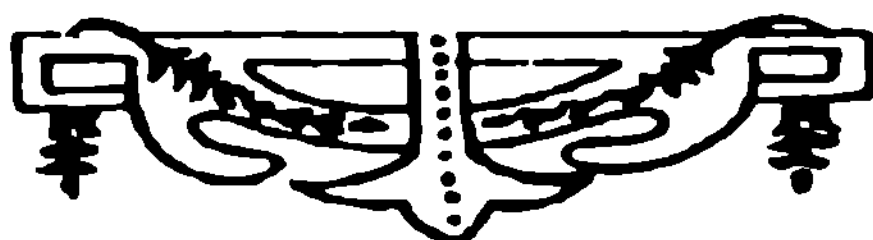
Как это ни противно, я желал бы,
Чтоб это было худшим из всего.

Л о д о в и к о

Что, эта грубость у него в привычке
Или его так взволновал приказ?

Я г о

Не спрашивайте. Мне не подобает
О том распространяться, что видал.
Успеете понаблюдать и сами.
Мне не придется много прибавлять.

Л о д о в и к о

Мне жаль, что в мавре так я ошибался.

Уходят.

Сцена 2

Комната в замке.

Входят Отелло и Эмилия.

О т е л л о

Вам не бросилось ничего в глаза?

Э м и л и я

Дурного ничего не замечала.

О т е л л о

Вы Кассио видали вместе с ней?

Э м и л и я

Что ж тут такого? Все их разговоры
Я слышала до слова.

О т е л л о

И они

Друг с другом не шептались?

Э м и л и я

Не шептались.

Отелло

И вас за дверь не посылали?

Эмилия

Нет.

Отелло

За веером, перчатками и маской?

Эмилия

Ни разу.

Отелло

Удивительная вещь!

Эмилия

За честность Дездемоны, генерал,
Я душу прозакладывать готова.
А вам иначе думать — стыд и грех.
А если эти пакостные мысли
Вам нашептал какой-нибудь подлец,
Пусть ползает, проклятый, в наказание
Навек в пыли, как искуситель-змей.
Уж если Дездемона не образчик
Правдивой, верной, любящей жены,
На свете браков нет, одна подделка.

Отелло

Скажите ей, что я ее зову.

Эмилия уходит.

Святая простота! На то и сводня.
Расспрашивать ее — могила,
гроб.

А не поверят — бухается наземь
И руки к небу. Знаем, знаем вас!

Входит Дездемона с Эмилией.

Дездемона

Ты звал меня?

Отелло

Да. Подойди поближе.

Дездемона

Что ты желаешь?

Отелло

Прямо посмотреть
В глаза тебе.

Дездемона

Что за причуда, право?

О т е л л о
(Эмилии)

Теперь оставьте парочку, кума,
Заприте дверь и караульте выход.
Пройдет кто, кашлем подавайте знак.
Займитесь промыслом своим, хозяйка.

Эмилия уходит.

Д е з д е м о н а

Взываю на коленях, объясни,
Что это значит? До меня доходит
Какой-то ураган в твоих словах,
Но не слова.

О т е л л о
Кто ты?

Д е з д е м о н а

Твоя супруга,
Тебе и долгу верная жена.

О т е л л о
Попробуй подкрепить все это клятвой
И душу в тот же миг свою сгуби.
Решись поклясться, что не изменила.

Д е з д е м о н а
Клянусь, и это знают небеса!

О т е л л о

Они тебя изменницею знают.

Д е з д е м о н а

Кому я изменяла? С кем? Когда?

О т е л л о

Нет, Дездемона. Прочь! Прощай! Развейся!

Д е з д е м о н а

Ужасный день! Ты плачешь? Отчего?
Скажи мне, я ли этих слез причина?
Ты, верно, думаешь, что мой отец
Виновен в том, что ты отозван с Кипра?
Все может быть, но ведь терплю и я.
Он также ведь и от меня отрекся.

О т е л л о

Пускай я чем-то бога прогневил.
Над непокрытой головой моею
Он мог излить несчастье и позор,
По горло утопить меня в лишениях,
Сгноить в бездействии. Среди этих мук,
Мне верится, в углу душевном где-то
Я б силы почерпнул все это снести.
Иное дело быть живой мишенью
Насмешек, чтоб кругом смотрели все

И каждый тыкал пальцем. Но и это
Я вынес бы. И это. Без труда.
Но потерять сокровищницу сердца,
Куда сносил я все, чем был богат...
Но увидеть, что отведен источник
Всего, чем был я жив, пока был жив...
Но знать, что стал он лужею, трясиной
Со скопищем кишмя кишящих жаб...
Терпенье, херувим светлейший рая,
Стань ада грозной фурией теперь!

Д е з д е м о н а

Надеюсь, ты в меня, как прежде, веришь?

О т е л л о

О да, как в мух на бойне в летний день,
Которые кладут яички в мясо!
Чарующая сорная трава,
Благоухающая так, что больно,
Зачем ты есть, зачем ты родилась?!

Д е з д е м о н а

Скажи, в чем грех мой? Что я совершила?

О т е л л о

Ты для того ль бела, как белый лист,
Чтоб вывести чернилами “блудница”?

Сказать, в чем грех твой, уличная тварь,
Сказать, отребье, что ты совершила?
Стыдом я щеки раскалю, как горн,
Когда отвечу. Выговорить тошно.
Нет сил. На небе зажимают нос,
И месяц закрывается, и ветер,
Целующий все вещи на земле,
Так он распутен, прячется от срама,
А ты не знаешь, шлюха без стыда,
Что совершила ты, что совершила?

Д е з д е м о н а

Ты не имеешь права, видит бог,
Так обижать меня!

О т е л л о

Так ты не шлюха?

Д е з д е м о н а

Христом клянусь, что нет! Когда беречь
Себя от посторонних посягательств
Для мужа в непорочной чистоте
Не значит шлюхой быть, то я не шлюха.

О т е л л о

Не шлюха?

Дездемона

Нет, пускай погибну я!

Отелло

Не может быть.

Дездемона

Вступись, святое небо!

Отелло

Ну, виноват. А я предполагал,
Что ты — дитя венецианских улиц
В супружестве с Отелло.

(Громким голосом.)

Ну, кума,
Привратница греха, входите, можно.

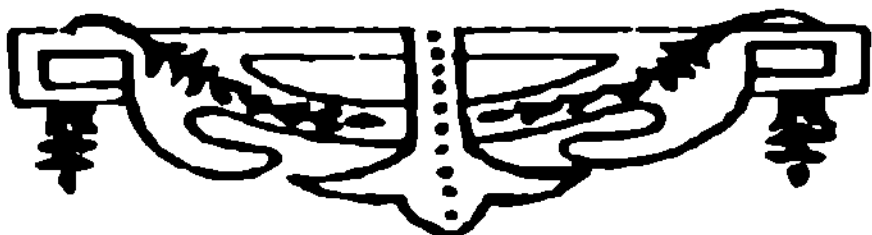
Входит Эмилия.

Вы угадали, речь о вас, о вас.
Довольно. Выпустите нас наружу.
Вот за молчанье вам и за труды.

(Уходит.)

Эмилия

Что он сказал? Сударыня, что с вами?
Что с вами, госпожа?

Дездемона

Я как во сне.

Эмилия

Что с господином?

Дездемона

С кем?

Эмилия

Что с господином?

Дездемона

Кто господин твой?

Эмилия

Тот же, что и ваш.

Дездемона

Нет у меня на свете господина.
Не спрашивай, Эмилия. Нет слов.
Не в силах говорить, не в силах плакать.
Нет слез, и нет ответа, кроме слез.
Застелишь свадебными простынями
Постель сегодня. Яго позови.

Э м и л и я

Какая перемена!

(Уходит.)

Д е з д е м о н а

Заслужила!

Так мне и надо! Но за что, за что?

Что я себе позволила такого,

Чтоб так меня жестоко оскорблять?

Возвращаются Э м и л и я и Я г о.

Я г о

Вы звали, госпожа? Что тут случилось?

Д е з д е м о н а

Сама не знаю. Взрослые с детьми

Должны быть ласковыми и простыми.

Он мог меня помягче пожурить:

В сравненье с ним ведь я еще ребенок.

Я г о

Но суть-то в чем?

Э м и л и я

Ты б сам послушал. Мавр

Ругал ее последними словами.

И все сносить? Ты шлюха, говорит.

Дездемона

Скажи, я заслужила это имя?

Яго

Какое?

Дездемона

То, что ты сейчас слышал
Из уст Эмилии. Я заслужила?

Эмилия

Ты шлюха, говорит. Карманный вор
Сожительницу так честить не станет.

Яго

За что ж он так?

Дездемона

Ума не приложу!
Но что не заслужила, это знаю.

Яго

Не плачьте. Что за новая напасть!

Эмилия

Затем ли бросила она знакомых,
Отца, родимый край и женихов,
Чтоб шлюхой угостили? Как не плакать!

Дездемона

Судьба, как видно.

Яго

Постыдился б он!

Яго

Откуда это?

Дездемона

Небесам известно.

Эмилия

Увидите, что эту клевету
Взвел на нее своей корысти ради
Какой-нибудь отъявленный подлец.
Увидите, что это подтвердится.
Хоть вешайте, на этом я стою.

Яго

Таких людей не водится на свете.
Куда хватила!

Дездемона

Если есть такой,
Прости ему господь.

Э м и л и я

Прости веревка,
И кости у чертей в зубах прости!
Еще жалеть! За что ее звать шлюхой?
Кто ходит к ней? Когда? Каким путем?
Клянусь, какой-то плут морочит мавра,
Какой-то баснословный негодяй!
Я выследила бы его, поймала,
Да всем дала бы в руки по хлысту,
Да погнала б по всей земле каналью
С восхода до заката.

Я г о

Не ори!

Э м и л и я

Хлестать таких! Такой же ведь молодчик
Насчет меня свихнул тебе мозги,
Что будто бы гуляю я с Отелло.

Я г о

Ступай-ка, дура!

Д е з д е м о н а

Яго, научи,
Как мне вернуть расположение мужа.

Поговори с ним. Светом дня клянусь,
Не знаю, как его я потеряла.
Я на коленях... Если хоть на шаг
Я отступила от любви к Отелло
Или заглядывалась на других
И если было, есть и будет время,
Что я смогу Отелло разлюбить,
Хотя б он брак со мной расторг и бросил,
Пусть я лишусь спасенья.

Неприязнь —
Большое зло, но он своей враждою
Мне может жизнь разбить, а не любовь.
Мне тошно выговорить слово “шлюха”,
А быть взаправду женщиной такой
Я б не могла за все богатства мира.

Я г о

Оставьте, успокойтесь. Все пройдет.
Политика, заботы. Он не в духе,
Вот вам и попадает.

Д е з д е м о н а

Дай-то бог!

Я г о

Уж вы поверьте.

Труба за сценой.

Трубные сигналы.

Вам ужинать пора и приглашать
К столу венецианское посольство.
Ступайте к ним. Не плачьте. Все пройдет.

Дездемона и Эмилия уходят. Входит Родриго.

Ну что, Родриго?

Родриго. Не видно, чтобы ты поступал со мной благо-
родно.

Яго. Например?

Родриго. Каждый день ты хитришь со мной и приносишь
мне больше вреда, чем пользы. Довольно! Больше этого не
будет. Кроме того, я еще не решил, прощу ли тебе все, что
вытерпел из-за тебя до сих пор.

Яго. Выслушайте меня.

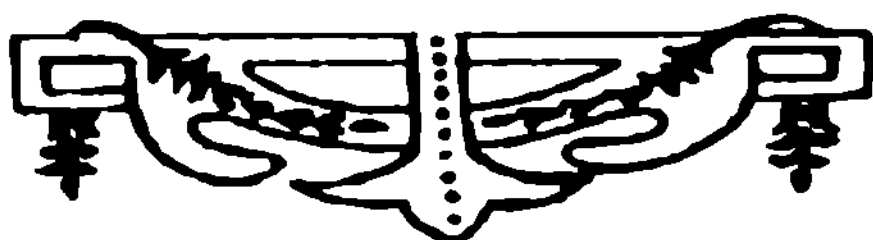
Родриго. Я слишком долго слушал тебя! Твои слова не-
соединимы с делом.

Яго. Неправда, неправда.

Родриго. Правда, и, к сожаленью, слишком горькая. Я
разорился. За половину драгоценностей, которые я передал
тебе для Дездемоны, можно было совратить монахиню. Ты
говорил, что, принимая их, она подавала мне надежды. Но
пока ничего не видно.

Яго. Прекрасно. Дальше.

Родриго. Вот именно, что не дальше и не прекрасно.
Дальше некуда, и это отвратительно. Я прихожу к заключе-
нию, что ты вымогатель.

Я г о. Прекрасно.

Р о д р и г о. Тебе сказано, что совсем это не прекрасно! Я пожалуйу Дездемоне. Если она вернет мне драгоценности, я откажусь от своих притязаний и искуплю их раскаянием. Если нет, я сдеру с тебя полностью их стоимость.

Я г о. Вы кончили?

Р о д р и г о. Да. Все это будет исполнено.

Я г о. Ага! Задело за живое! Вот это я понимаю! Теперь я о тебе буду лучшего мнения. Руку, Родриго! Ты сказал правду. Все правда, до последнего слова. И при всем том никто бы не мог постараться для тебя лучше, чем я.

Р о д р и г о. Что-то не видно.

Я г о. И опять твоя правда. Не видно. И ты прав, что не веришь мне. Но давай говорить прямо, Родриго. Если ты действительно то, чем показался мне сейчас, и у тебя есть сила, отчаянность и удадь, выкажи их сегодня ночью. Если в следующую Дездемона не будет твоя, можешь зарезать меня на улице или прикончить как тебе угодно.

Р о д р и г о. Да, но что ты предлагаешь?

Я г о. Чрезвычайным приказом из Венеции Кассио предложено сменить Отелло.

Р о д р и г о. Это правда? Тогда, значит, Отелло и Дездемона уедут назад в Венецию?

Я г о. Нет. Он едет в Мавританию, и увезет с собою Дездемону, если только не помешает какая-нибудь непредвиденность. Например, можно было бы вывести из употребления Кассио.

Родриго. Что это значит?

Яго. Это значит, что его надо сделать неспособным занять место Отелло, разможив ему голову.

Родриго. И ты это предлагаешь мне?

Яго. Да, если ты себе желаешь добра. Сегодня он ужинает с одной девчонкой, я тоже к ним пойду. Он еще не слышал о своем повышении. Хочешь подстеречь его? Тогда я устрою, что он пойдет домой между двенадцатью и часом, а ты напади. Я буду поблизости и подоспею. С двумя ему не справиться. Что ты разинул рот? На улице я представлю тебе такие доводы в пользу его смерти, что ты сочтешь своим долгом убрать его. Я опаздываю на ужин. Идем.

Родриго. Идем. Послушаю, что ты скажешь.

Яго. И ты согласишься, что я прав.

Уходят.

Сцена 3

Другая комната в замке.

Входят Отелло, Лодовико, Дездемона,
Эмилия и свита.

Лодовико

Пожалуйста, не надо провожать.

Отелло

Позвольте, нет. Мне хорошо размяться.

Л о д о в и к о

Сударыня, спасибо за прием.
Спокойной ночи.

Д е з д е м о н а

Вы наш гость желанный.

О т е л л о

Итак, идем? О, Дездемона!

Д е з д е м о н а

Да?

О т е л л о. Тотчас ложись в постель. Я сейчас приду. Отпусти Эмилию. Слышишь, сделай это.

Д е з д е м о н а. Хорошо, господин мой.

Отелло, Лодовико и свита уходят.

Э м и л и я

Ну, как дела? Он с виду стал добрей.

Д е з д е м о н а

Он говорит, пройдет ко мне с прогулки,
Велел мне лечь и отпустить тебя.

Э м и л и я

И отпустить меня?

Дездемона

Так он желает.
Поэтому достань ночной наряд,
Простись со мной, Эмилия, и выйди.
Перечить нам теперь ему нельзя.

Эмилия

Он лучше б в жизни вам не попадался.

Дездемона

О, что ты! Нет, я так его люблю,
Что даже эти резкости, упрямство, —
Вот тут, пожалуйста, мне отстегни,
Спасибо! — для меня имеют прелесть.

Эмилия

Постель я застелила тем бельем,
Как вы просили.

Дездемона

Если бы случилось,
Что я из нас бы первой умерла,
Ты в эту простыню меня закутай,
Как в саван.

Эмилия

Перестаньте! Это вздор!

Дездемона

У матери моей была служанка
Варвара. Друг ее, гулявший с ней,
Был ветрогоном и Варвару бросил.
Была у ней излюбленная песнь,
Старинная, под стать ее
страданью,
Про иву, с ней она и умерла.
Вот эта ива у меня сегодня
Весь вечер не идет из головы.
Вот словно сяду, подопрусь рукою,
И, как Варвара, затяну. — Скорей.

Эмилия

Достать ночное платье?

Дездемона

Нет, не надо.

**Еще вот тут булавку отколи.
Неплох собою этот Лодовико.**

Эмилия

Красавец!

Дездемона

Интересно говорит.

Э м и л и я. Я знаю одну даму в Венеции, которая босиком спаломничала бы в Палестину за одно прикосновение его нижней губы.

Д е з д е м о н а
(поет)

Несчастливая крошка в слезах под кустом
Сидела одна у обрыва.
Затянемте ивушку, иву споем,
Ох, ива, зеленая ива.
У ног сиротинки плескался ручей.
Ох, ива, зеленая ива.
И камни смягчались от жалости к ней.
Ох, ива, зеленая ива.
Все это убери. И поскорей.
Сейчас придет он.

(Поет.)

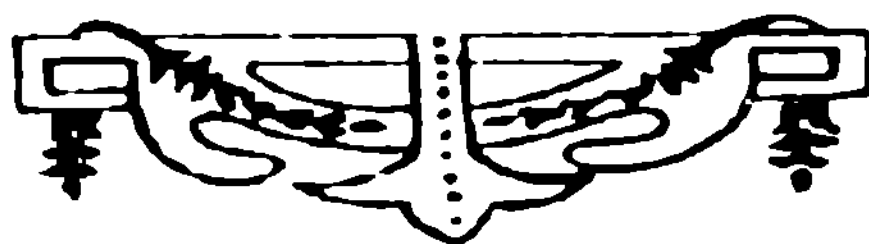
Обидчика я...
Я что-то пропустила. Чу, стучат!

Э м и л и я

Нет, это ветер.

Д е з д е м о н а
(поет)

Обиды его помяну я добром.
Ох, ива, зеленая ива.

Сама виновата, терплю поделом.
Ох, ива, зеленая ива.
Не плачь, говорит он, не порть красоты.
Ох, ива, зеленая ива.
Я к женщинам шляюсь, шатайся и ты.
Ох, ива, зеленая ива.
Ну хорошо, ступай. Спокойной ночи.
Не знаю, что-то чешутся глаза.
К слезам, наверно?

Э м и л и я

Что вы!

Д е з д е м о н а

Есть поверье.

Мужчины, ах, мужчины, чудаки!
Скажи, Эмилия, ты допускаешь,
Что среди замужних женщин могут быть
Обманщицы такие?

Э м и л и я

Допускаю.

Д е з д е м о н а

Могла бы ты в обмен на целый мир
Так поступить?

Э м и л и я

А вы б не поступили?

Д е з д е м о н а

Как перед богом, я бы не могла!

Э м и л и я

Я тоже не могла бы перед богом.

Но где-нибудь в потемках — отчего ж!

Д е з д е м о н а

Ты б изменила?

Э м и л и я

За такую плату?

За целый мир? Нешуточная вещь!

Огромный мир — не малость

За крошечную шалость.

Д е з д е м о н а

Нет, неправда,

Ты б не могла.

Э м и л и я. Ей-богу бы, могла! Сама пала бы, сама поднялась. Конечно, я бы этого не сделала за какое-нибудь жалкое колечко, два-три куска батиста, платье там какое-нибудь, юбку, шляпку и тому подобный вздор. Но за целый мир! Ка-

кая из нас не захотела бы украсить мужа рогами и положить потом целый мир к его ногам! Ради этого я пошла бы в чистилище.

Дездемона

Проклятье мне, когда б могла я пасть
Хотя б за все сокровища вселенной!

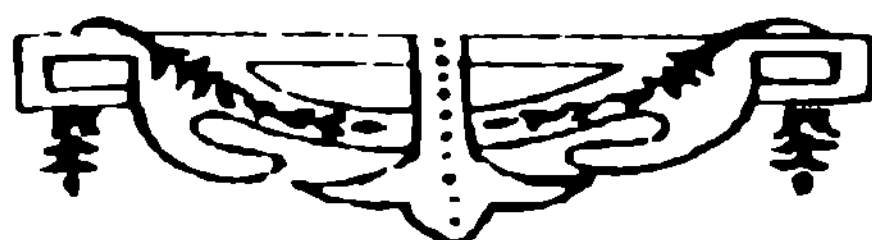
Э м и л и я. Да вы сообразите, этот грех был бы частью вселенной, а вся она была бы вашей. В вашей воле было бы выдать это дело за что угодно другое.

Дездемона

Я думаю, таких изменниц нет.

Э м и л и я. Дюжины, и сколько хотите в придачу. Можете не беспокоиться, этого добра хватит.

Мне кажется, в грехопадение жен
Мужья повинны. Значит, не усердны,
Или расходуются на других,
Или неосновательно ревнуют,
Или стесняют волю, или бьют,
Или распоряжаются приданным.
Мы не овечки, можем отплатить.
Да будет ведомо мужьям, что жены
Такого же устройства, как они,
И точно так же чувствуют и видят.
Что кисло или сладко для мужчин,

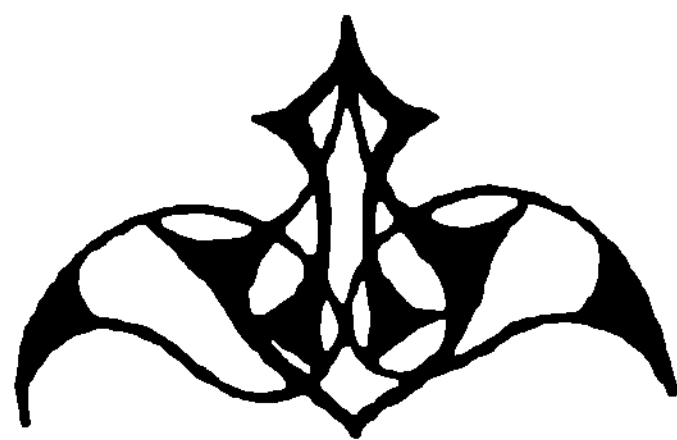

То и для женщин кисло или сладко.
Когда он нас меняет на других,
Что движет им? Погоня за запретным?
По-видимому. Жажда перемен?
Да, это тоже. Или слабоволье?
Конечно, да. А разве нет у нас
Потребности в запретном или новом?
И разве волей мы сильнее их?
Вот пусть и не корят нас нашим злом.
В своих грехах мы с них пример берем.

Д е з д е м о н а

Спокойной ночи. Я другого взгляда.
Пускай корят, я исправляться рада.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Кипр. Улица.

Входят Яго и Родриго.

Яго

Стань за колонну. Он сейчас пройдет.
Вынь меч и действуй разом, без раздумья.
Не унывай. Я буду за углом.
Смелее. Все поставлено на карту.
Мы выиграем или пропадем.

Родриго

Не уходи на случай неудачи.

Яго

Я буду рядом. Стань, где я сказал.

(Отходит в сторону.)

Родриго

Влеченья нет убить его. А надо —

Так Яго убедил меня. Ну что ж,
На свете будет меньше человеком.

(Становится за колонну.)

Я г о

Родриго я, как прыщик, расчесал.
Он распалился. Кто кого заколет?
Он Кассио, иль Кассио его,
Или друг друга оба? Все напользу.
Останется Родриго жив — изволь
Обратно отдавать ему подарки
Для Дездемоны. Этому не быть.
А уцелеет Кассио — любуйся
Век на его счастливую звезду
И на свое уродство. Так не будет.
К тому же мавр расскажет как-нибудь,
Как я оклеветал его. Опасно.
Он должен умереть. Вот он идет.

Входит К а с с и о.

Р о д р и г о

Его походка. Смерть тебе, бездельник!

(Бросается на Кассио.)

К а с с и о

Действительно пришел бы мне конец,

Когда б на мне не этот прочный панцирь.
Каков, посмотрим, твой.

(Ранит Родриго.)

Родриго

О, я убит!

Из засады выбегает Яго, наносит Кассио сзади удар в ногу и скрывается.

Кассио

Я искалечен навсегда. Убийство!
Убийство!

(Падает.)

В глубине показывается Отелло.

Отелло

Это Кассио кричит,
И Яго исполняет обещанье.

Родриго

О, я подлец!

Отелло.

Да, ясно, это он.

Кассио

Огня! Врача! На помощь!

Отелло

Он, конечно!

Поборник чести, неподкупный друг,
Ты мне пример, суровый мститель Яго,
Как тверд в решениях должен быть и я.
Лебедушка, любовник твой заколот.
Пора тебе за ним. Я не смягчусь
От вида твоего и все, тобою
Совершенное, твоею кровью смою.

(Уходит.)

Входят Лодовико и Грациано.

Кассио

Неужто ни живой души кругом?
Ни караульщиков, ни пешеходов?
Сюда! Скорей!

Грациано

Какая-то беда.

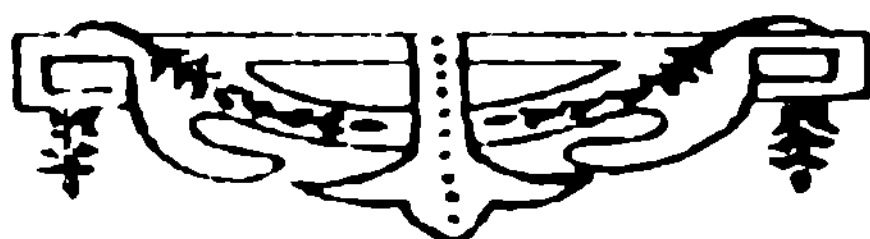
Ужасный крик.

Кассио

На помощь!

Лодовико

Вы слышали?

Родриго

О негодяй!

Лодовико

По звуку голосов,
Здесь двое или трое. Без подмоги
Не подходите. Может быть, кричат,
Чтоб заманить нас в темноте в ловушку.

Родриго

Как, никого? Я кровью истеку!

Лодовико

Слыхали?

Возвращается Яго с факелом.

Грациано

Вот вооруженный кто-то,
С огнем, полураздетый.

Яго

Кто кричал?
Кто призывал на помощь? Где убийство?

Лодовико

Не знаем.

Я г о

Вы не слышали?

К а с с и о

Сюда!

Сюда! Во имя неба! Помогите!

Я г о

В чем дело?

Г р а ц и а н о

Кажется, я узнаю
Поручика Отелло.

Л о д о в и к о

Угадали.
Он молодец. Не струсит.

Я г о

Кто кричал?

Откликнись!

К а с с и о

Яго, это ты? Я гибну.
Ночной разбой какой-то! Помогите!

Я го

О боже! Лейтенант? А где злодеи?
Удрали?

К а с с и о

Кажется, один из них
Лежит, не встанет.

Я го

Что за безобразие!
Где негодяи? Я им покажу!
(*Лодовико и Грациано.*)
А вы кто? Помогите.

Р о д р и г о

Помогите!

К а с с и о

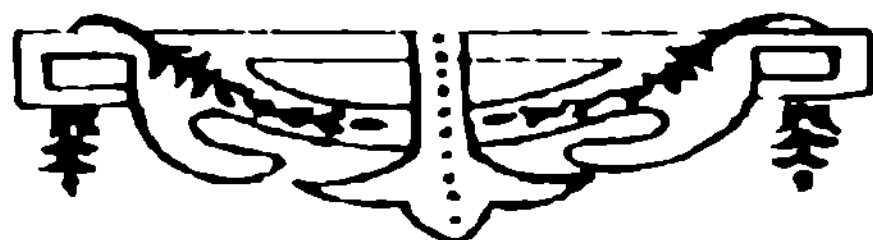
Вот нападавший.

Я го

Подлый душегуб!
(*Наносит Родриго удар кинжалом.*)

Р о д р и г о

Предатель Яго! Лютый пес смердящий!

Я г о

Подкалывать прохожих в темноте!
А где другие? Город словно вымер.
Убили человека! Вы-то кто?
С благими умыслами или злыми?

Л о д о в и к о

Всмотритесь лучше.

Я г о

Лодовико, вы?

Л о д о в и к о

Я.

Я г о

Виноват. На Кассио напали
Грабители.

Г р а ц и а н о

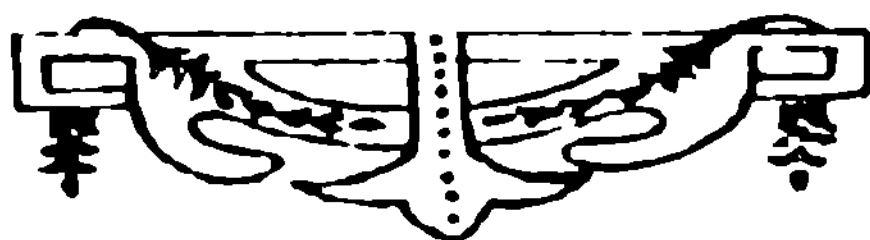
На Кассио?

Я г о

Ну как?

К а с с и о

Мне ногу раздробили.

Я г о

**Боже правый!
Огня! Рубашкою перевяжу.**

Входит Б и а н к а.

Б и а н к а

Кто звал на помощь? Что тут происходит?

Я г о

Вот потерпевший.

Б и а н к а

**Кассио родной!
Мой Кассио! Мой Кассио родимый!**

Я г о

**Заведомая уличная тварь.
У вас ни на кого нет подозрений?**

К а с с и о

Ни на кого.

Г р а ц и а н о

**Мне жалко, лейтенант,
Что застаю вас в этом положении.
Я вас как раз разыскивал.**

Я г о

Никто

Не даст мне лоскутка для перевязки?
Достать носилки б и отнести домой.

Б и а н к а

Он в обмороке! Кассио!

Я г о

Уверен,

Это эта дрянь — сообщница убийц.
Хочу исследовать другое тело.
Огня сюда. Кто это предо мной?
Никак, согражданин мой и приятель
Родриго? Мыслимо ли? Это он!

Г р а ц и а н о

Родриго из Венеции?

Я г о

Он самый.

Вы знаете его?

Г р а ц и а н о

Да.

Я г о

Виноват.

Грацьяно? Как же! Что за близорукость!
В переполохе я вас не узнал.

Г р а ц и а н о

Рад видеть вас.

Я г о

Ну, Кассио, очнулись?
Носилки очень надо бы сюда.

Г р а ц и а н о

Родриго? Неужели?

Я г о

К сожаленью.

А вот носилки.

Вносят носилки.

Милые друзья,
Снесите кто-нибудь поосторожней
Домой его, а я приду с врачом.

(Бианке.)

Сударыня, вам вредно волноваться.
Лежащий тут убитый, господа,
Был другом мне. — Что, Кассио, скажите,
Произошло меж вами?

К а с с и о

Ничего.

Я человека этого не знаю.

Я г о
(Бианке)

Вы побледнели? — Унесите труп.
Вниманье, господа. — Бледнеть не надо. —
Заметьте, как растеряна она.
Наверно, не с добра глаза таращит,
И скоро мы узнаем кое-что.
Виновность отражается во взгляде.
Дурная совесть говорит без слов.

Входит Э м и л и я.

Э м и л и я

Что тут случилось? Что случилось, Яго?

Я г о

На Кассио напали в темноте
Родриго с кем-то. Все они бежали.
Он ранил Кассио, а сам убит.

Э м и л и я

Ах, бедный Кассио! Бедняк Родриго!

Я г о

Смотри, вот плод распутства. Расспроси
У Кассио, где ужинал он нынче.

(Бианке.)

Трепещите?

Б и а н к а

Он ужинал со мной,
Однако я не трепещу нисколько.

Я г о

Он с вами был? Вас надо задержать.

Э м и л и я

Бессовестная шлюха!

Б и а н к а

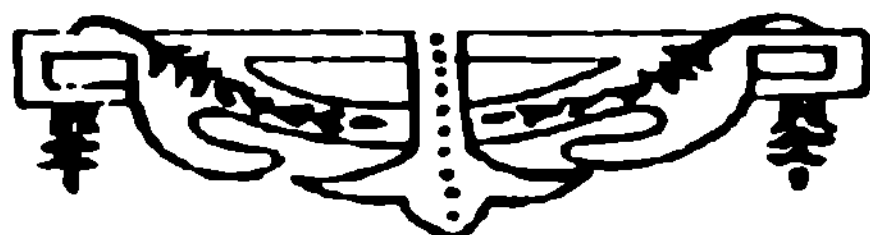
Я не шлюха,
А женщина такая же, как вы.
А вы крикунья.

Э м и л и я

Этакая наглость!

Я г о

Друзья, пойдемте лучше последим
За перевязкой Кассио.

(Бианке.)

Пойдемте,
Потребуется показанья дать.
Эмилия, голубка, сбегай в замок,
Скажи им про ночной переполох.

(В сторону.)

Вперед! Сегодняшняя ночь, быть может,
Меня возвысит или уничтожит.

Уходят.

Сцена 2

Спальня в замке.

Дездемона в постели. Горит свеча. Входит Отелло.

Отелло

Таков мой долг. Таков мой долг. Стыжусь
Назвать пред вами, девственные звезды,
Ее вину. Стереть ее с лица земли.
Я крови проливать не стану
И кожи не коснусь, белей чем снег
И глаже алебастра. И, однако,
Она умрет, чтоб больше не грешить.
Задую свет. Сперва свечу задую,
Потом ее. Когда я погашу
Светильник и об этом пожалею,
Не горе — можно вновь его зажечь,

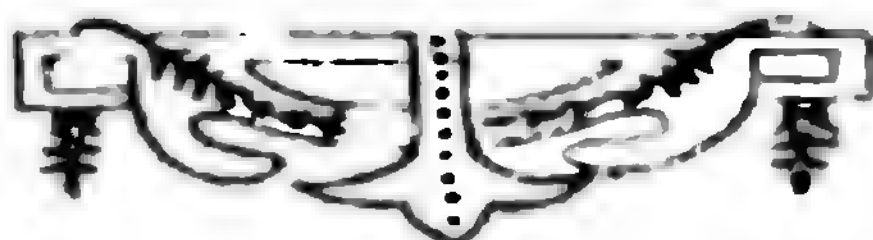
Когда ж я угашу тебя, сиянье
Живого чуда, редкость без цены,
На свете не найдется Прометея,
Чтоб вновь тебя зажечь, как ты была.
Должна увянуть сорванная роза.
Как ты свежа, пока ты на кусте!

(Целует Дездемону.)

О чистота дыханья! Пред тобою
Готово правосудье онеметь.

Дездемона на молитве. Рис. Дж. Джильберта

Еще, еще раз. Будь такой по смерти.
Я задушу тебя — и от любви
Сойду с ума. Последний раз, последний.
Так мы не целовались никогда.
Я плачу и казню, совсем как небо,
Которое карает, возлюбив.
Она проснулась.

Д е з д е м о н а

Это ты, Отелло?

О т е л л о

Да, Дездемона.

Д е з д е м о н а

Ты не ляжешь спать?

О т е л л о

Ты перед сном молилась, Дездемона?

Д е з д е м о н а

Да, дорогой мой.

О т е л л о

Если у тебя
Есть неотмоленное преступленье,
Молись скорей.

Д е з д е м о н а

Что хочешь ты сказать?

О т е л л о

Молись скорее. Я не помешаю.
Я рядом подожду. Избави бог
Убить тебя, души не подготовив.

Д е з д е м о н а

Ты о моем убийстве говоришь?

О т е л л о

Да, об убийстве.

Д е з д е м о н а

Господи помилуй!

О т е л л о

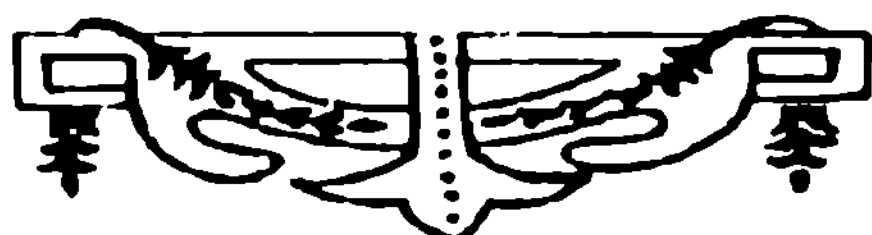
Аминь всем сердцем!

Д е з д е м о н а

После этих слов,
Я верю, ты губить меня не станешь.

О т е л л о

Гм!

Д е з д е м о н а

Но ты меня пугаешь. Ты зловещ,
Когда вращаешь в бешенстве глазами,
И как я ни чиста перед тобой,
Мне страшно.

О т е л л о

О грехах своих подумай.

Д е з д е м о н а

Единственный мой грех — любовь к тебе.

О т е л л о

За это ты умрешь.

Д е з д е м о н а

Бесчеловечно

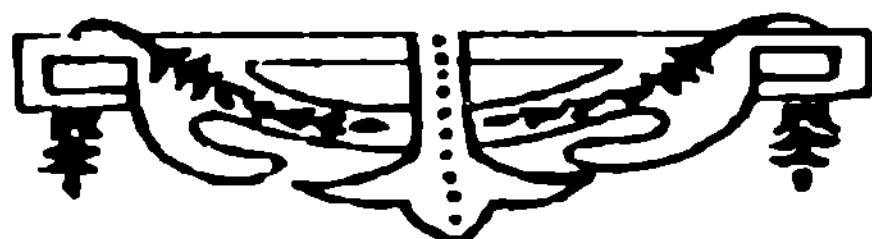
Отплачивать убийством за любовь!
Что ты кусаешь губы в исступленье?
Недобрый знак, но я его отнести
К себе никак, никак не в состоянье.

О т е л л о

Молчи!

Д е з д е м о н а

Молчу. Но что произошло?

О т е л л о

Ты подарила Кассио на память
Подарок мой, платок.

Д е з д е м о н а

Неправда, нет.
Спроси у Кассио. Души спасеньем
Клянусь, что нет!

О т е л л о

Опомнись! Берегись!
Не будь клятвопреступницею. Это
Твой смертный одр.

Д е з д е м о н а

Увы, как всякий одр
Когда-нибудь.

О т е л л о

Нет, ты умрешь сегодня.
Сейчас же исповедай все грехи.
Не отрицай их. Это не поможет.
Я знаю все. Хоть это свыше сил,
Но ты умрешь.

Д е з д е м о н а

Тогда о сжался, небо!

Отелло

Аминь, скажу я.

Дездемона

Пожалей и ты.

Я в жизни пред тобой не провинилась
И к Кассио питала только то,
Что чувствовать нас заповеди учат.

Отелло

Я видел сам платок в его руках.
Меня обман твой превращает в камень,
А эту искупительную смерть —
В закоренелой грешницы убийство.

Дездемона

Тогда он где-нибудь его нашел.
Платка ему я в жизни не давала.
Спроси, он подтвердит.

Отелло

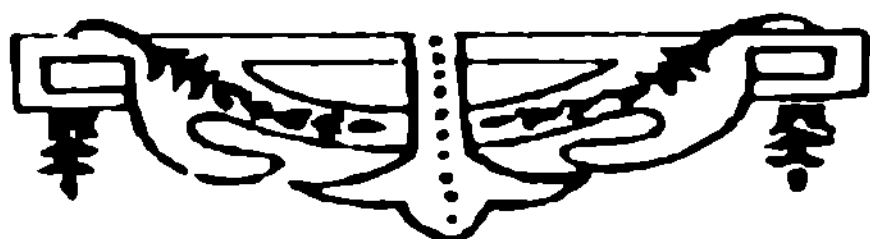
Он подтвердил.

Дездемона

Что он сказал?

Отелло

Что был с тобой в сношение.

Дездемона

Как! В незаконном?

Отелло

Да.

Дездемона

Не может быть!

Он повторить не сможет.

Отелло

Да. Не сможет.

Он смолк навек. Труд этот на себя
Взял честный Яго.

Дездемона

Оправдались страхи!

Я чувствовала! Кассио убит?

Отелло

Ему б не помогло, когда бы жизнью
В нем было больше, чем волос.

Дездемона

Беда!

Он ложно оклеветан, я погибла.

Отелло перед убийством Дездемоны. Худ. Ф.Пилотти

О т е л л о

Распутница, как смеешь ты при мне
Рыдать о нем?

Д е з д е м о н а

Сошли меня в изгнание,
Но жить оставь!

О т е л л о

Обманщица, умри!

Д е з д е м о н а

Дай эту ночь прожить! Отсрочь на сутки!

О т е л л о

Сопротивляться?!

Д е з д е м о н а

Только полчася!

О т е л л о

Нет. Поздно. Решено.

Д е з д е м о н а

Еще минуту!

Дай помолиться!

Отелло

Поздно чересчур.

(Душит ее.)

Эмилия

(за сценой)

Впустите, генерал, меня! Впустите!

Отелло

За дверью шум. Жива! Еще жива?

Я — изувер, но все же милосерден

И долго мучиться тебе не дам.

Так. Так.

(Закалывает ее.)

Эмилия

(за сценой)

Впустите, генерал, меня! Впустите!

Отелло

Кто там?

Эмилия

(за сценой)

Словечко только, генерал!

Отелло

Эмилия! Наверно, с сообщеньем

О смерти Кассио! Сейчас. Сейчас.
Теперь она не вздрогнет больше.
Прошелестело что-то. Тишина.
Теперь она недвижна, как могила.
Впустить ли мне Эмилию иль нет?
Мне кажется, опять пошевелилась.
Нет, показалось. Лучше не впускать.
Едва войдет, как обратится
К моей жене. Жене? Какой жене?
Нет больше у меня жены на свете.
Какой доселе небывалый час!
Как будто в мире страшное затмение,
Луны и солнца нет, земля во тьме
И все колеблется от потрясения.

Э м и л и я
(за сценой)

Пожалуйста, впустите, генерал!
Мне срочно сообщить вам что-то надо.

О т е л л о

Эмилия. О ней я и забыл.
Сию минуту. Я задерну полог.

(Открывает дверь.)

Пожалуйста, войдите.

Входит Э м и л и я.

Э м и л и я

Генерал

На улице убийство.

О т е л л о

Быть не может!

Когда? Сейчас?

Э м и л и я

Недавно, генерал.

О т е л л о

Влияние луны. Она, как видно,
Не в меру близко подошла к земле
И сводит всех с ума.

Э м и л и я

Венецианец

По имени Родриго, умерщвлен
Рукою Кассио.

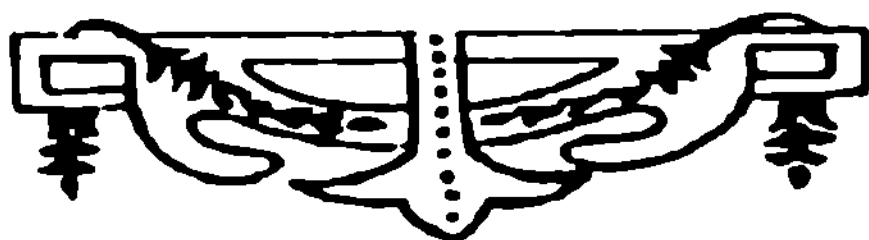
О т е л л о

Убит Родриго

И Кассио?

Э м и л и я

Нет, Кассьо не убит.

О т е л л о

Он жив? Напрасное кровопролитье!

Д е з д е м о н а

Убили неповинно, без вины!

Э м и л и я

Чей это крик?

О т е л л о

Какой? Кричали разве?

Э м и л и я

О ужас! Это голос госпожи!
На помощь! Помогите! Помогите!
Скажите, Дездемона, что-нибудь!

Д е з д е м о н а

Безвинно умираю.

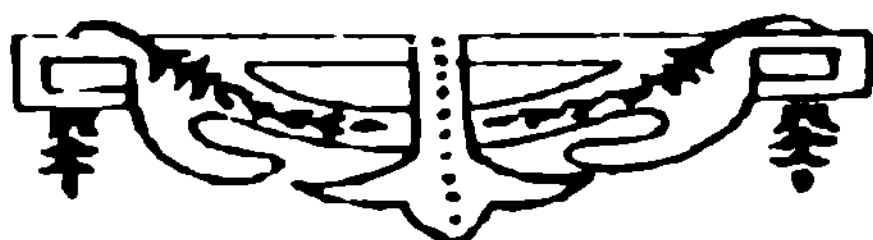
Э м и л и я

Кто убийца?

Д е з д е м о н а

Никто. Сама. Пускай мой муж меня
Не поминает лихом. Будь здорова.

(Умирает.)

Отелло

Кто это сделал?

Эмилия

Это скрыто тьмой.

Отелло

Вы слышали, никто, она сказала.

Эмилия

Да, госпожа сказала, что никто.

Отелло

За эту ложь ее сожгут в геене.
Ее убийца я.

Эмилия

Тогда она
Тем больший ангел, чем ты больший дьявол.

Отелло

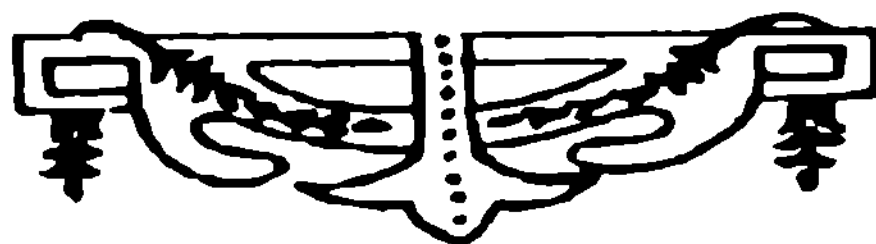
Она развратничала и лгала.

Эмилия

Нет, сам ты лжешь и на нее клеветешь!

Отелло

Она была коварна, как вода.

Э м и л и я

А ты безумен и горяч, как пламя.
Она была до святости верна.

О т е л л о

Ее любовник Кассио. Ты можешь
Спросить у мужа. Разве я б посмел
Расправиться без важных оснований?
За это ада было б мало мне
И глубочайшей бездны бездн. Все это
Установил твой муж.

Э м и л и я

Мой муж?

О т е л л о

Твой муж.

Э м и л и я

Сказал, что Дездемона изменяла?

О т е л л о

Да, с Кассио. Не эта бы беда,
Так я б на целый мир из хризолита
Не променял ее.

Э м и л и я

Мой муж?

О т е л л о

Ну да. .

Он первый мне глаза открыл. Твой Яго
Высокой нравственности человек,
Враг мерзости.

Э м и л и я

Мой муж?

О т е л л о

Какая польза
В несчетном повторенье? Да, твой муж.

Э м и л и я

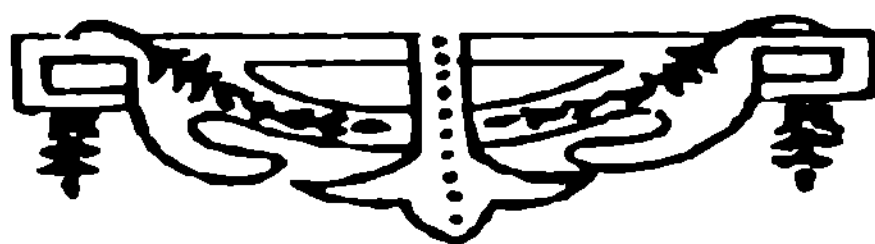
Ах, подлость насмеялась над любовью!
Мой муж приписывал неверность ей?

О т е л л о

Ты этих слов не понимаешь, что ли?
Ее проделки мне разоблачил
Твой муж и друг мой верный, верный Яго.

Э м и л и я

Ну, если сам ты на него не врешь,
Пускай его поганая душонка
Гниет века по полкрупинки в день.

Он страшный лжец! Она ценила слишком
Тебя, свое сокровище.

О т е л л о

Ха-ха-а!

Э м и л и я

Что ж, смейся и язви, любитель правды.
Ты так же мало понимаешь в ней,
Как оценить жены не в состоянье.

О т е л л о

Помалкивайте.

Э м и л и я

Ты мне не грози!
Ты мне не в состоянье сделать больше,
Чем я уже и так переношу.
Глупец, болван! Бесчувственный, как камень!
Что мне твой меч? Хоть двадцать раз убей,
Я обличу тебя. Сюда! На помощь!
На помощь! Мавр убил свою жену!
Убийство! Люди добрые, убийство!

Входят Монтано, Грациано, Яго и другие.

М о н т а н о

В чем дело, генерал?

Э м и л и я

Ты подоспел
Удачно, Яго. Что ж ты позволяешь
Другим валить убийство на тебя?

Г р а ц и а н о

В чем дело?

Э м и л и я

Яго, если ты мужчина,
То опровергни выдумки лжеца.
Он говорит, что ты его уверил
В измене Дездемоны. Это ложь.
Ты на такую подлость не способен.
Изобличи при всех клеветника.

Я г о

Я то сказал, что думал, и не больше,
Чем он потом поверил.

Э м и л и я

Ты сказал,
Что Дездемона изменяет браку?

Я г о

Сказал.

Э м и л и я

Так ты сказал сплошную ложь,
Заведомую ложь, как перед богом!
Она — и Кассио! Ты не шутя
Любовником к ней Кассио припутал?

Я г о

Да, Кассио. Язык свой прикуси!

Э м и л и я

Не прикушу. Мой долг — сказать вам правду.
Не шутка это. Госпожа моя
Лежит убитая в своей постели.

М о н т а н о и Г р а ц и а н о

Помилуй бог!

Э м и л и я

И твой навет виной.

О т е л л о

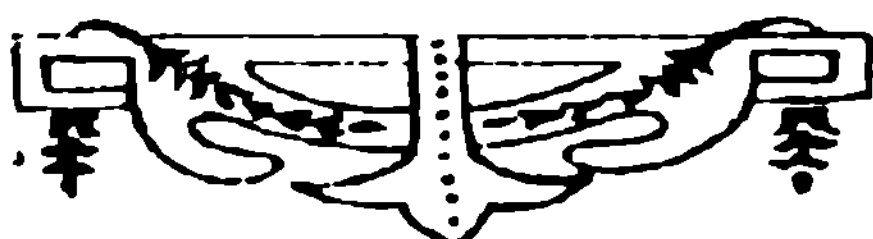
Не стойте в изумленье. Это правда.

Г р а ц и а н о

Чудовищная правда!

М о н т а н о

Страшный сон!

О т е л л о
(поднимаясь)

Она была распутна. —
Вы это, дядя? Я вас не узнал.
Вот мертвая племянница пред вами.
Я задушил ее. Я знаю сам,
Как это страшно и невероятно.

Г р а ц и а н о

Бедняжка Дездемона! Хорошо,
Что умер твой отец. Твой выход замуж
Свел в гроб его. И если б он был жив,
Он перед этим зрелищем от горя
Наговорил таких бы богохульств,
Что умер бы, забытый провиденьем.

О т е л л о

Смертельная тоска! Нельзя глядеть!
Но Яго выяснил. Она без счету
Распутничала с Кассьо. Лейтенант
Признался сам. Я знак ее вниманья
Видал в его руках. Тот самый знак,
Который я ей подарил на свадьбу, —
Платок отца, дар матери моей.

Э м и л и я

О силы неба!

Я г о

Замолчи, ты слышишь?

Э м и л и я

Не замолчу! Скажу все до конца.
Пусть речь моя шумит, как вольный ветер.
Теперь уже ни человек, ни зверь,
Ничто, ничто меня не остановит!

Я г о

Опомнись! Уходи!

Э м и л и я

Я не уйду!

Яго пытается заколоть Эмилию.

Г р а ц и а н о

Позор! С мечом на женщину бросаться!

Э м и л и я

Пустоголовый мавр, я на полу
Нашла платок и показала Яго.
Он все просил меня его украсть,
Вот я и отдала ему находку.

Я г о

Бесстыжая, молчи!

Э м и л и я

А ты решил,
Что у него платок от Дездемоны?
Ошибся. Я нашла его, а Яго взял.

Я г о

Ты лжешь, мерзавка!

Э м и л и я

Нет, не лгу, неправда.
Все это так и было, господа.
Ах, черт слепой! Но что и было делать
С такой женой такому дураку?

О т е л л о

Как терпит небо? Нет громов в запасе?
Какой неописуемый злодей!

Отелло пытается заколоть Яго, но Монтано обезоруживает его.
Яго убивает Эмилию и убегает.

Г р а ц и а н о

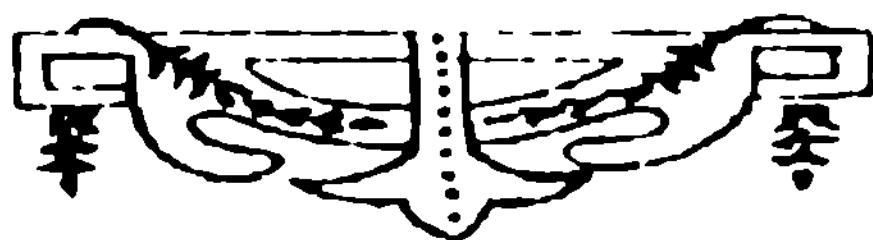
Упала. Он убил свою жену!

Э м и л и я

Кончаюсь... С госпожою положите...

Г р а ц и а н о

Убил и в суматохе убежал.

Монтано

Невиданный подлец! Вооружитесь
Мечом, который я у мавра взял,
И охраняйте выход. Не пускайте
Его за дверь, хотя б пришлось убить,
Я брошусь за разбойником в погоню.

Уходят все, кроме Отелло и Эмилии.

Отелло

Я присмирел. Любой молокосос
Теперь меня обезоружить может.
Но можно ль честь блюсти без правоты?
Не стало правды, пусть и всё уходит.

Эмилия

Вот почему ты пела, госпожа!
Я тоже кончусь с лебединой песнью
Я тоже иву-ивушку спою.
Она была чиста, кровавый мавр.
Она тебя любила, мавр жестокий.
Душой клянусь, я правду говорю
И с этим умираю, умираю.

(Умирает.)

Отелло

Был в комнате другой в запасе меч.

Он закален в ручье, как лед холодном.
Вот он. Пустите, дядя. Я пройду.

Г р а ц и а н о
(за сценой)

И не пытайся. Дорого заплатишь.
Ты без оружия и покорись.

О т е л л о

Тогда войдите, я скажу вам что-то.
А то и безоружный я прорвусь.

Входит Г р а ц и а н о.

Г р а ц и а н о

Ну, что ты скажешь?

О т е л л о

Я не безоружен.

Вы видите, вот меч, из всех мечей.
Бывавших у солдата, наилучший.
Бывало, я прокладывал им путь
Сквозь лес препятствий пострашнее ваших.
Но что же я хваюсь? Теперь не то.
Кто управляет собственной судьбою?
Я не опасен, хоть вооружен.
Все пройдено, я у конечной цели.
Зачем вы в страхе пятитесь назад?

Тростинкой преградите путь Отелло,
И он свернет. Куда ему идти?
О девочка с несчастною звездою!
Ты сделалась белее полотна.
Когда-нибудь, когда нас в день расплаты
Введут на суд, один лишь этот взгляд
Меня низринет с неба в дым и пламя.
Похолодела. Холодна как лед.
Как чистота сама. Убийца низкий!
Плетьми гоните, бесы, прочь меня
От этого небесного виденья!
Купайте в безднах жидкого огня!
О горе! Дездемона! Дездемона!
Мертва! О! О! О! О!

Входят Лодовико и другие.

К а с с и о вносят на носилках, вводят арестованного Я г о.

Л о д о в и к о

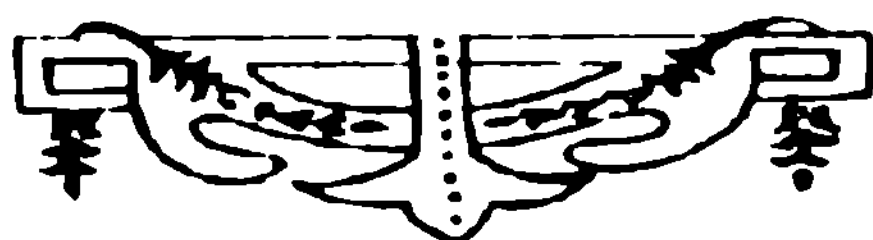
Где этот пылкий бедный человек?

О т е л л о

Который был Отелло? Я пред вами.

Л о д о в и к о

А где ехидна эта? Подвести
Сюда злодея.

О т е л л о

Я копыт не вижу.
Наверно, сказки. Если это черт,
Убить его мечом мне не удастся.

(Ранит Яго.)

Л о д о в и к о

Взять у него оружие.

Я г о

Я в крови,
Но жив еще.

О т е л л о

Об этом не жалею.
Живи в мученьях. Счастье умереть.

Л о д о в и к о

Такой когда-то доблестный Отелло,
Который стал игрушкой подлеца,
Как мне назвать тебя?

О т е л л о

Как вам угодно.
Убийцей честным... Я не в гневе мстил,
А жертву чести приносил, как думал.

Л о д о в и к о

Я знаю. Этот изверг все сказал.
Вы также Кассио убить хотели?

О т е л л о

Да.

К а с с и о

К чему я повода не подавал.

О т е л л о

Простите. Вижу, как я ошибался.
А этому исчадью сатаны
Нельзя ль задать вопрос, с какой он целью
Моей душой и телом овладел?

Я г о

Все сказано. Я отвечать не стану
И не открою рта.

Л о д о в и к о

И для молитв
В последний час?

Г р а ц и а н о

Мы пыткой рот откроем.

О т е л л о

Вот именно.

Л о д о в и к о

Узнайте, генерал,
Подробности. В кармане у Родриго
Нашли письмо от Яго. Совершить
Убийство Кассьо должен был Родриго
По наущенью Яго.

О т е л л о

Негодяй!

К а с с и о

Немыслимый!

Л о д о в и к о

А вот письмо другое.
Его писал Родриго. В нем отказ
От покушенья и других проделок,
Внушенных Яго. Данное письмо
Осталось неотосланным. Мошенник
Уговорил Родриго.

О т е л л о

Демон зла!

Скажите, Кассио, как очутился
У вас в руках платок моей жены?

К а с с и о

Платок нашел я у себя в квартире,
А, как признался Яго, он ко мне
Платок подбросил с тем, чтоб он попался
Потом к вам на глаза.

О т е л л о

О я глупец!

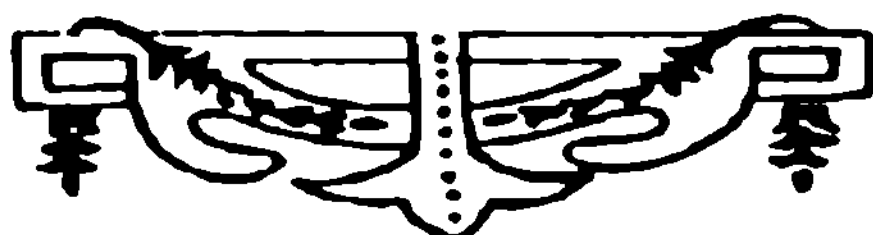
О я глупец!

К а с с и о

В своем письме Родриго
Пеняет Яго, для чего в ту ночь
Он к ссоре подстрекал его со мною, —
За что я и уволен. А сейчас
Лежавший долго замертво Родриго
Очнулся и пред смертью показал,
Что Яго же его и уничтожил.
Навел на грех, а после заколол.

Л о д о в и к о

Оставьте этот дом, Отелло, с нами
Пойдемте. Знайте, вы отрешены
От должности. Правителем на Кипре
Назначен Кассио. Что до раба

До этого, он будет предан казни,
Какую только можно изобрести,
Чтоб долго мучить и убить не скоро.
Вас нам придется взять под караул
На весь тот срок, пока мы не доложим
О вашем преступлении в сенат.
Пойдемте. Выведите заключенных.

О т е л л о

Сперва позвольте слово или два,
Потом пойдем. Я оказал услуги
Венеции. Но это знают все.
Речь не о том, я вот с какою просьбой:
Когда вы будете писать в сенат
Об этих бедах, не изображайте
Меня не тем, что есть. Не надо класть
Густых теней, смягчать не надо красок.
Вы скажите, что этот человек
Любил без меры и благоразумья,
Был не легко ревнив, но в буре чувств
Впал в бешенство. Что был он, как дикарь,
Который поднял собственной рукою
И выбросил жемчужину, ценней,
Чем край его. Что, в жизни слез не ведав,
Он льет их, как целебную смолу
Роняют аравийские деревья.
Прибавьте к сказанному: как-то раз

В Алеппо турок бил венецианца
И поносил сенат. Я подошел,
За горло взял обрезанца-собаку
И заколол. Вот так.

(Закалывается.)

Л о д о в и к о

Всему конец.

Г р а ц и а н о

Я потрясен!

О т е л л о

С прощальным поцелуем
Я отнял жизнь твою и сам умру,
Пав с поцелуем к твоему одру.

(Падает на постель и умирает.)

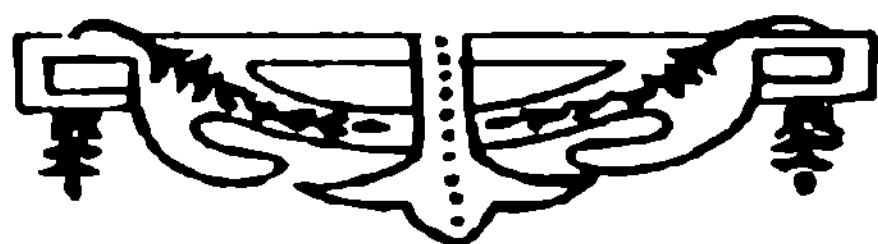
К а с с и о

Я опасался этого, но думал,
Что он разоружен. Он был во всем
Большой души.

Л о д о в и к о

(Яго)

Спартанская собака,
Что буря, мор и голод пред тобой?
Взгляни на страшный груз постели этой.

Твоя работа. Силы нет смотреть!
Укройте их. Займите дом, Грацияно.
Вступите во владенье всем добром,
Оставшимся от мавра. Вы наследник.

(Кассио)

Вам, господин правитель, отдаю
Судить злодея. Выберите кару,
Назначьте день и совершите казнь.
А я про эту горькую утрату
С тяжелым сердцем доложу сенату.

Уходят.

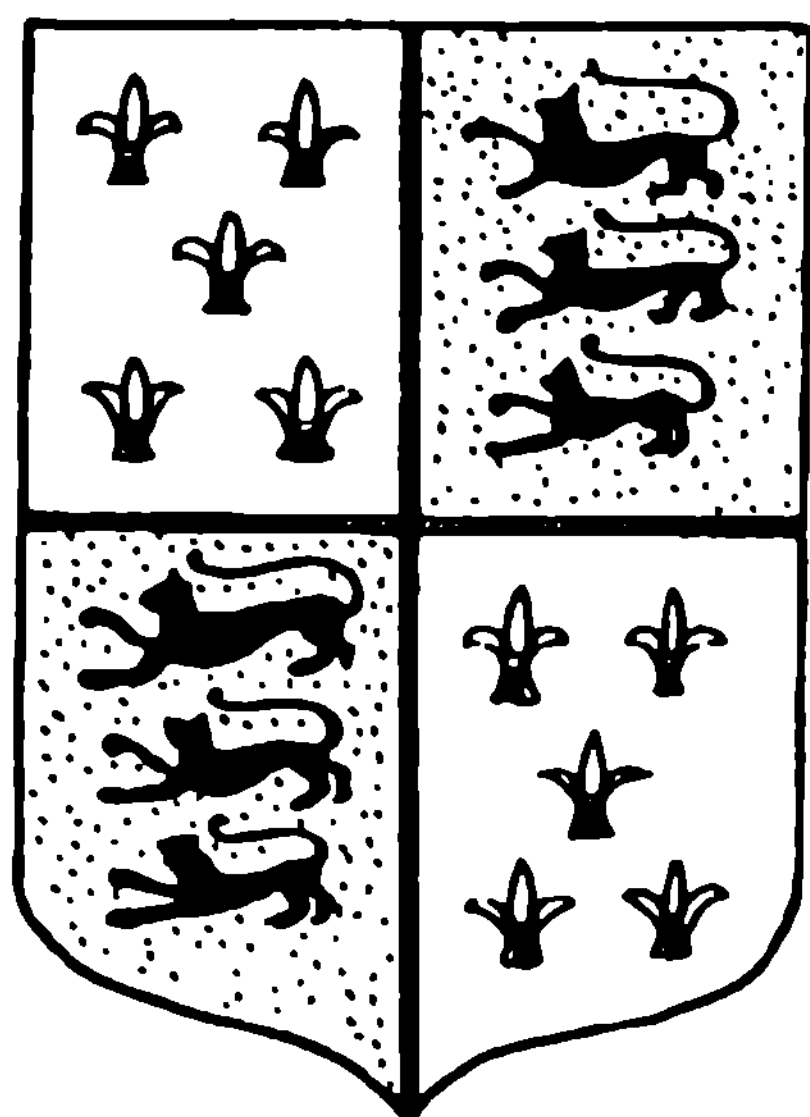
ШЕКСПИР

Макбет

трагедия в V актах

Перевод Б. Пастернака

Действующие лица

Д у н к а н, король шотландский.

М а л ь к о л ь м		его
-------------------	--	-----

Д о н а л ь б а й н		сыновья.
---------------------	--	----------

М а к б е т, родственник короля		шотландские полководцы.
Б а н к о		

М а к д у ф	
-------------	--

Л е н о к с	
-------------	--

Р о с с		владельцы
---------	--	-----------

М е н т е й с		шотландских областей.
---------------	--	-----------------------

А н г у с	
-----------	--

К э т н е с	
-------------	--

Ф л и н с, сын Банко

С и в а р д, граф Нортумберлендский,
английский полководец.

М о л о д о й С и в а р д, его сын.

С е й т о н, оруженосец Макбета.

М а л о л е т н и й с ы н М а к д у ф а.

А н г л и й с к и й в р а ч.

Ш о т л а н д с к и й в р а ч.

С е р ж а н т.

П р и в р а т н и к.

С т а р и к.

Л е д и М а к б е т.

Л е д и М а к д у ф.

П р и д в о р н а я д а м а п р и л е д и М а к б е т.

Г е к а т а.

Т р и в е д ь м ы.

Д у х Б а н к о и д р у г и е п р и з р а к и .

**Л о р д ы , з н а т ь , о ф и ц е р ы , с о л д а т ы ,
у б и й ц ы , с л у г и и г о н ц ы .**

***Действие происходит в Шотландии и Англии
в середине XI века.***

АКТ I

Сцена 1

Пустынное место. Гром и молния.

Входят три ведьмы.

Первая ведьма

Когда средь молний, в дождь и гром
Мы вновь увидимся втроем?

Вторая ведьма

Когда один из воевод
Другого в битве разобьет.

Третья ведьма

Заря решит ее исход.

Первая ведьма

Где нам сойтись?

Вторая ведьма

На пустыре.

Т р е т ь я в е д ь м а

Макбет там будет к той поре.

П е р в а я в е д ь м а

Мурлычет кот, зовет. Иду!

Т р е т ь я в е д ь м а

Зов жабы слышу я в пруду.

В с е в м е с т е

Зло есть добро, добро есть зло.

Летим, вскочив на помело!

Исчезают.

Сцена 2

Лагерь близ Форреса.

Боевые клики за сценой.,

входят Д у н к а н, М а л ь к о л ь м, Д о н а л ь б а й н и Л е н о к с
с о с в и т о й.

Навстречу им попадается р а н е н ы й с е р ж а н т.

Д у н к а н

Кто этот окровавленный солдат?

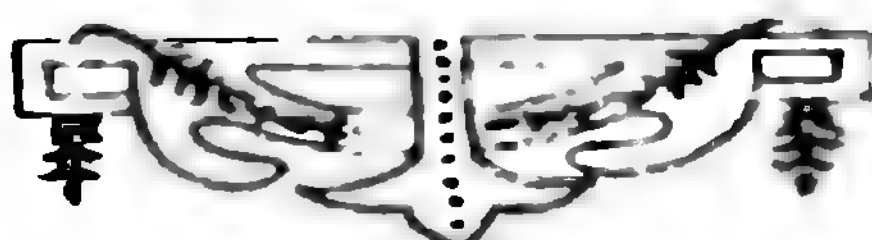
Мне кажется, мы от него узнаем

О ходе мятежа.

Заглавная виньетка художника Рудольфа Зейтца

М а л ь к о л ь м

Он — тот сержант,
Который мне помог избежать плена.
Здорово, друг! Король желает знать,
В каких условиях ты оставил схватку.

С е р ж а н т

Еще не выяснилось, чья возьмет.
Противники — как два пловца, которым
Борьба мешает двигаться в воде.
Безжалостный Макдональд, сочетавший
В себе все низости бунтовщика,
Набрал отряд ирландских копьеносцев
И поднял западные острова.
Судьба старалась поддержать повстанца,
Но ничего поделаться не могла.
Храбрец Макбет (он назван так по праву)
Пробил себе отважно путь мечом,
Дымившимся кровавым воздаяньем,
И, став с изменником лицом к лицу,
Руки не жал, прощальных слов не тратил,
Но голову ему с размаху снес
И водрузил ее на частоколе.

Д у н к а н

Наш храбрый родич! Чести образец!

С е р ж а н т

Но как безоблачность сменяют тучи
И буря топит в море корабли,
Так и источник нашего спасенья
Вдруг превратился в гибели родник.
Внимательней, король шотландский, слушай:
Едва лишь восторжествовал закон,
Оружьем обратив ирландцев в бегство,
Король норвежский, улучивши миг,
На нас повел нетронутые силы.

Д у н к а н

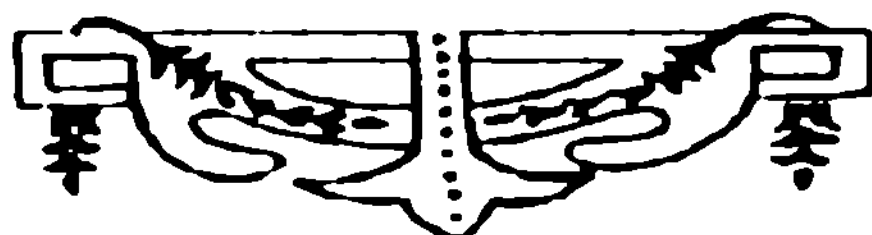
И что ж, скажи, он этим устранил
Командующих Банко и Макбета?

С е р ж а н т

Да, устранил, как воробей — орла
И заяц — льва! Сказать тебе по правде,
Они, как пушки мощности двойной,
Удвоили решительность ударов.
Омыться ль жаждали они в крови,
Увековечить новую ль Голгофу,
Не знаю...
Слабею. Раны жгут.

Д у н к а н

Твои слова

И эти раны говорят о чести.
Доставьте поскорей ему врача.

Сержанта уводят.

Кто там идет?

Входит Р о с с.

М а л ь к о л ь м

Почтенный русский тан.

Л е н о к с

Как у него горят глаза! Наверно,
Он новость необычную принес.

Р о с с

Да здоровствует король!

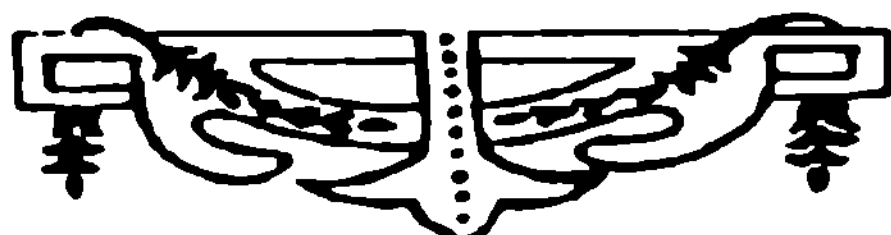
Д у н к а н

Откуда ты,

Достойный тан?

Р о с с

Я, государь, из Файфа,
Где небо оведал норвежский стяг
И наводил на наше войско холод.
Там полчища норвежские слились
С отпавшим от тебя кавдорским таном
И завязали с нами страшный бой.

Но подоспел Макбет, жених Беллоны,
В своей непроницаемой броне,
Сошелся с ними в жаркой рукопашной,
И враг обуздан. Проще говоря —
Мы победили.

Д у н к а н
Какова удача!

Р о с с

Норвежцы мира просят. Мы же им
Не разрешили хоронить убитых,
Пока король их Свен не заплатил
В Сент-Кольме десять тысяч золотыми.

Д у н к а н

Поправший верность нам кавдорский тан
Наказан будет смертью за обман.
А с областями вражьего клеветы
И с титулом его поздравь Макбета.

Р о с с

Исполню все.

Д у н к а н

Чего лишился тот,
Достойнейший Макбет приобретет.

Уходят.

Сцена 3

Степь. В отдалении гром.

Входят три ведьмы.

Первая ведьма

Где ты была, сестрица?

Вторая ведьма

Мор насылала на свиней.

Третья ведьма

А ты, сестра?

Первая ведьма

Со шкипершей сидела.

У той каштанов полон был подол.

Сама знай щелк себе да щелк!

“Дай погрызу”, — я попросила.

А эта тварь как гаркнет: “Вон отсюда,
Проклятая карга!”

Плывет на “Тигре” муж ее в Алеппо,

А я на днище решета

Пущусь, как крыса без хвоста,

За ним, за ним, за ним в погоню.

Вторая ведьма

А я подую в решето.

Первая ведьма

Благодарю тебя за то.

Третья ведьма

Я тоже ветров напущу.

Первая ведьма

А я своими угощу.

Дуновеньем их задеты
Все края и страны света,
Как по компасу штурвал
Направление б ни держал.
Я в дорогу моряку
Дам в подруги грусть-тоску,
Чтоб, скучая, ни на час
Не смыкал он ночью глаз,
Чтоб забыл покой и сон
Девяносто девять дён,
Чтобы таял он и сох,
Торопя последний вздох.
Но ни бурям, ни волнам
Потопить его не дам.

Гляди, что у меня.

Вторая ведьма

Дай я взгляну.

Первая ведьма

Это палец морехода:
Близ земли свалился в воду.

Бой барабана за сценой.

Третья ведьма

Слышишь, слышишь — барабанят!
Скоро нам Макбет предстанет.

Все

Взявшись за руки, бегом
Вкруговую в пляс пойдём.
Замелькает хоровод,
Из-под ног земля уйдёт.
Девять раз кругом, кругом
Обежим и круг замкнём.
Круг заклят, и слово наше крепко!

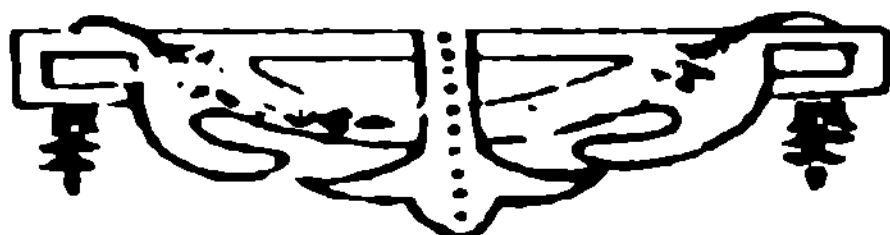
Входят Макбет и Банко.

Макбет

Прекрасней и страшней не помню дня.

Банко

Далеко ли до Форреса? Кто это?
Как жалок вид их и как дик наряд!
Они так отличаются от прочих

Жильцов земли, и все ж они на ней!
Кто вы такие? Вы живые твари?
Вас можно спрашивать? Как будто да.
Вы поняли меня и приложили
Сухие пальцы к высохшим губам.
Вы — женщины, но бороды на лицах
Как будто говорят нам о другом.

Макбет

Кто вы, ответьте, если речь дана вам!

Первая ведьма

Хвала тебе, Макбет, гламисский тан!

Вторая ведьма

Хвала тебе, Макбет, кавдорский тан!

Третья ведьма

Хвала Макбету, королю в грядущем!

Банко

Зачем ты содрогнулся? Их слова
Ласкают слух. А вас прошу, признайтесь:
Вы вправду существуете иль нам
Мерещитесь? Вы предрекли Макбету
Сверх скорого наследства новый сан
И королевский титул. Он в смятенье.
А мне вы не сказали ничего.

Но если, наперед судьбу предвидя,
Вы знаете, что станется, что нет,
Поворожите также человеку,
Который милости от вас не ждет
И ненависти вашей не боится.

Первая ведьма

Хвала!

Вторая ведьма

Хвала!

Третья ведьма

Хвала!

Первая ведьма

Ты менее Макбета, но и больше.

Вторая ведьма

Без счастья, но счастливее его.

Третья ведьма

Ты предок королей, но не король.
Хвала, хвала вам, Банко и Макбет!

Первая ведьма

Хвала вам, Банко и Макбет, хвала вам!

Банко и ведьмы. Рисунок В.Каульбаха

Макбет

Твои потомки станут королями.

Банко

Ты будешь сам при жизни королем.

Макбет

А также и кавдорским таном. Правда?

Банко

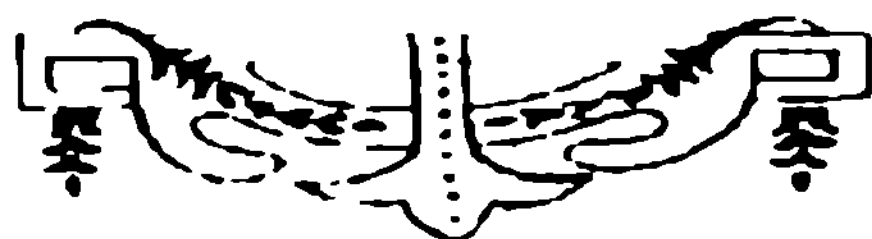
Да, в точности. Кто там идет?

Входят Росс и Ангус.

Росс

Макбет!

Король был рад узнать про твой успех.
Уже и утренней твоей победе
Он расточал в восторге похвалы,
Когда ж к исходу дня ты оказался
В бою с норвежцами, не устрашась
Тобой нагроможденных зрелищ
смерти,
Для прославлений не хватило слов.
Летели градом вести с поля битвы
И прибавляли новые черты
И к твоим заслугам перед королевством.

А н г у с

Король награды с нами не послал,
А благодарность лишь и приглашенье
Пожаловать к нему.

Р о с с

Но он велел
Именовать тебя кавдорским таном
В залог дальнейших благ. Хвала тебе!
По праву заслужил ты новый титул.

Б а н к о

(в сторону)

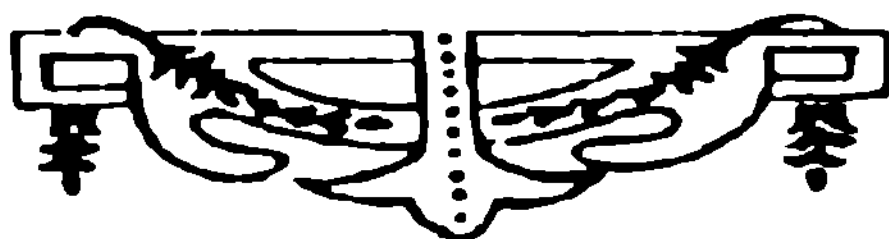
Как! Черт умеет правду говорить?

М а к б е т

Но тан кавдорский жив. Не понимаю,
Зачем рядить меня в чужой наряд?

А н г у с

Кто таном был, еще живет, но жизнью
Заплатит, так он тяжело обвинен.
Норвежский ли союзник или бунта
Негласный соучастник, только он
Виновен в государственной измене,
В ней уличен, сознался и умрет.

Макбет
(в сторону)

Гламисский и кавдорский тан! А дальше
Венец!

(Россу и Ангусу.)
Благодарю вас за труды.

(В сторону, Банко)
Ну, как твои надежды, основатель
Династии! Действительно ведь я —
Кавдорский тан?

Банко
(в сторону, Макбету)

На этом основанье
Ты мог бы о короне возмечтать.
Но духи лжи, готовя нашу гибель,
Сперва подобьем правды манят нас,
Чтоб уничтожить тяжестью последствий.

(Обращается к Россу и Ангусу.)
Послушайте...

(Отходит.)

Макбет
(в сторону)

Две истины сбылись,
Вводящие к предвестью высшей власти,
Начало есть.

(Россу и Ангусу)
Спасибо, господа!

(В сторону.)

Те сверхъестественные поощренья
Не могут быть ни к худу,
ни к добру.

Они не к худу: в этих предсказаниях
Скрывалась правда. Я кавдорский тан.
Они не могут быть к добру: иначе
Я б разве мог внушеньям уступать,
Которых ужас волосы мне дыбит
И заставляет сердце в ребра бить?
Воображаемые страхи хуже
Действительных. Я весь
оледенел

При допущенье этого убийства,
И жизнь передо мной заслонена
Плодом воображенья, небылицей.

Б а н к о
(Россу и Ангусу)

Вы видите, как он ушел в себя.

М а к б е т
(в сторону)

Когда судьба мне хочет дать корону,
Пусть и дает без помощи моей.

Б а н к о

Он должен к новой почести привыкнуть.
Ее, как платье, надо обносить.

М а к б е т
(в сторону)

Ах, будь что будет! Всякий день пройдет,
Какой бы он ни принял оборот.

Б а н к о

Мы дожидаемся, Макбет достойный.

М а к б е т

Простите, господа. Я вспоминал
Упущенное. Ваши одолженья
Я на страницах сердца запишу,
Которые читаю ежедневно.
Пойдемте к королю.

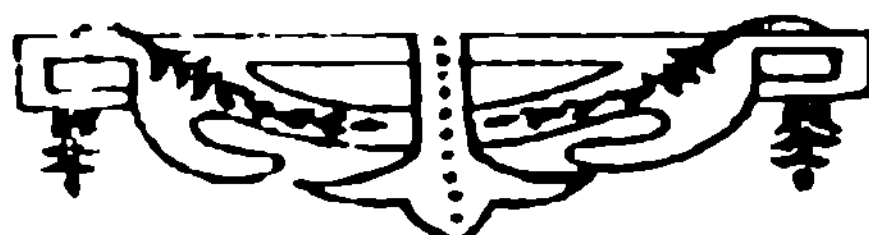
(В сторону, Банко.)

В досужий час

О случае подумай. Будет время,
Поговорим об этом по душам.

Б а н к о
(в сторону, Макбету)

С готовностью!

М а к б е т
(в сторону, Банко)

А до тех пор ни слова!
Идем, друзья.

Уходят.

Сцена 4

Форрес. Комната во дворце. Трубы.

Входят Дункан, Малькольм, Дональбайн,
Ленокс и свита.

Д у н к а н

Казнен Кавдор? Вернулись верховые,
Отвезшие приказ?

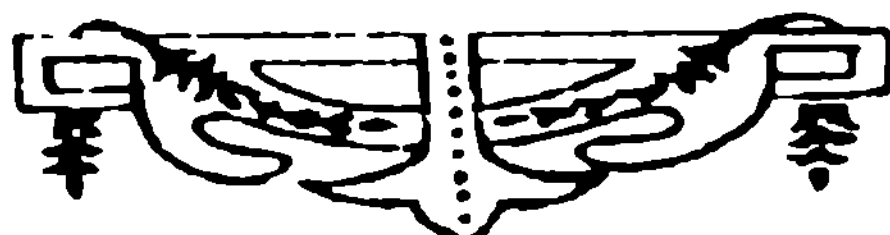
М а л ь к о л ь м

Нет, государь.

Но мне сказал свидетель смерти тана,
Что он во всем покаялся, просил
У вашего величества прощенья
И умер с миром. Жизнь он завершил
Достойнее, чем прожил. Он скончался
В сознанье неизбежности конца
И с жизнью, как с игрушкой, распростился.

Д у н к а н

Вот как обманчив внешний вид людей!

Ведь человеку этому я верил
Неограниченно.

Входят Макбет, Банко, Росс и Ангус.

Любезный брат!

Я б не хотел прослыть неблагодарным,
Но за полетом подвигов твоих
Моей признательности не угнаться.
Несоответственно велик размер
Твоих заслуг, и равной нет награды.
Сам на себя пеняй и не досадуй.

Макбет

Я вашему величеству служу
Из верности престолу, вот и плата.
Быть господином — дело короля,
Долг подданного — быть слугой
и сыном
И вместе с остальными делать все,
Что требуется честью и любовью.

Дункан

Желанный гость! Тебя я возвышал
И буду возвеличивать и дальше. —
Здорово, благородный Банко! Будь
Не меньшим гостем по своим заслугам.
Дай к сердцу крепко я тебя прижму.

Б а н к о

Пущу я корень в нем, плоды все — ваши.

Д у н к а н

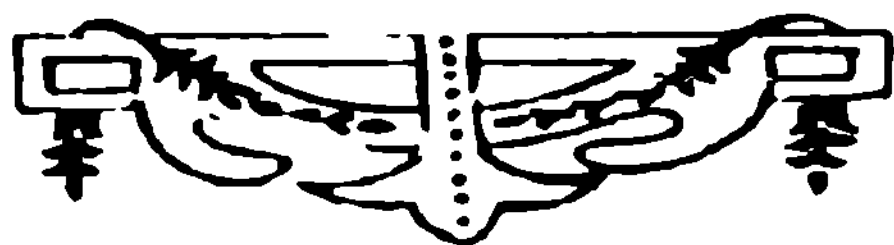
Мне высказаться слезы не дают.
От преизбытка радости я плачу.
Друзья, соратники и сыновья,
Ближайшие из приближенных, знайте:
Мы право на престол передаем
В наследство сыну старшему,
Малькольму,
Который этим самым возведен
В сан принца Комберленда. Я прибавлю:
С ним наряду, подобно блеску звезд,
Осыплет почестями всех достойных.
Макбет, мы едем в Инвернес к тебе
В залог скрепленья нашей тесной дружбы.

М а к б е т

Часы, потраченные не на вас, —
Не отдых, а тяжелая работа.
Чтоб эту радость возвестить жене,
Поеду сам вперед.

Д у н к а н

Мой тан кавдорский!

Макбет
(в сторону)

Принц Комберленд мне преграждает путь.
Я должен пасть или перешагнуть.
О звезды, не глядите в душу мне,
Такие вожделенья там на дне!
Как ни страшило б это, все равно,
Закрыв глаза, свершу, что суждено.

(Уходит.)

Дункан

Ты, Банко, прав. Я им не нахваляюсь.
Храбрец Макбет мой — пир души и праздник.
Поедем вслед. Он ускакал вперед,
Чтоб приготовить встречу порадушней.
Да, это несравненный человек.

Уходят.

Сцена 5

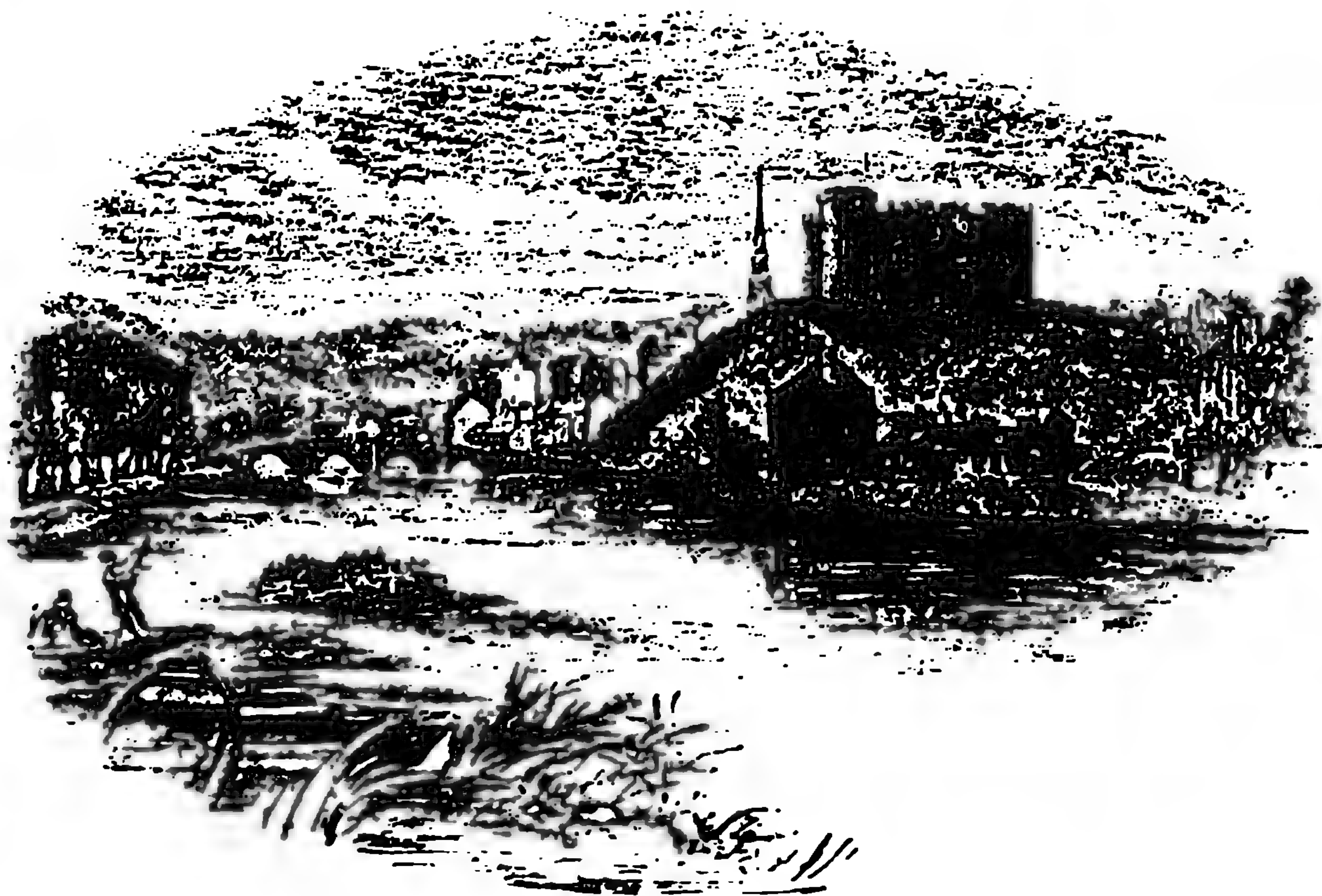
Инвернес. Комната в замке Макбета.

Входит леди Макбет, читая письмо.

Леди Макбет. “Я встретил их в счастливый день и удостоверился, что знание их безмерно. Мне не терпелось расспросить их поподробнее, но они улетучились в воздухе. Пока я стоял, пораженный виденным, явились люди от короля, назвавшие меня кавдорским таном, точь-в-точь как незадолго

перед тем величали меня эти вещие сестры, перенеся в более отдаленное будущее восклицанием: “Хвала тебе, будущий король!” Я счел долгом сообщить тебе это, дорогая участница моего торжества, чтобы по неведению ты не лишилась доли ожидающей тебя радости. Сложи это в сердце своем и прощай”.

Инвернес. Со старинной гравюры

Да, ты гламисский и кавдорский тан
И будешь тем, что рок сулил, но слишком
Пропитан молоком сердечных чувств,
Чтоб действовать. Ты полон честолюбья.
Но ты б хотел, не замаравши рук,
Возвыситься и согрешить безгрешно.

Мошенничать не станешь ты в игре,
Но выигрыш бесчестный ты присвоишь.
И ты колеблешься не потому,
Что ты противник зла, а потому, что
Боишься сделать зло своей рукой.
Спеши домой! Я неотступно в уши
Начну тебе о мужестве трубить
И языком разрушу все преграды
Между тобой и золотым венцом,
Который на тебя возложен свыше
Как бы заранее.

Входит слуга.

Что скажешь ты?

С л у г а

Король к нам едет.

Л е д и М а к б е т

Что за вздор! А разве
Твой господин не с ним? Тогда бы он
Распорядился о приготовлениях.

С л у г а

Макбет сейчас приедет сам. Гонец
Сказал, что обогнал его в дороге.
Вот все, что вымолвить гонец и мог,
Так задыхался.

Л е д и М а к б е т

Будь с ним полюбезней.
Он с важной новостью.

Слуга уходит.

С зубцов стены
О роковом прибытии Дункана
Охрипший ворон громко возвестил.
Сюда, ко мне, злодейские наитья,
В меня вселитесь, бесы, духи тьмы!
Пусть женщина умрет во мне. Пусть буду
Я лютою жестокостью полна.
Сгустите кровь мою и преградите
Путь жалости, чтоб жизни голоса
Не колебали страшного решенья
И твердости его. Сюда, ко мне,
Невидимые гении убийства,
И вместо молока мне желчью грудь
Наполните. Оденься дымом ада,
Глухая ночь, чтоб нож не видел ран,
Которые он нанесет, и небо
Напомнить не могло: "Остановись!"

Входит М а к б е т.

Великий тан гламисский и кавдорский,
Стократ великий тем, что впереди!
Твое письмо меня перенесло

Из нынешнего в будущее время,
И вся я в нем.

Макбет

Любовь моя, Дункан
Приедет вечером.

Леди Макбет

Когда уехать
Он полагает?

Макбет

Завтра поутру.

Леди Макбет

Такого “завтра” никогда не будет.
Мой друг, как в книге, на твоём лице
Легко прочесть диковинные вещи.
Их надо утаить. Чтоб обмануть
Людей, будь сам, как все. Смотри радушной.
Кажись цветком и будь змеей под ним.
Придется позаботиться о госте.
Ты мне самой подумать предоставь,
Как сделать лучше нам ночное дело,
Чтоб остальные ночи все и дни
Царили безраздельно мы одни.

Макбет

Поговорим потом.

Леди Макбет

Но не робей,
Старайся быть как можно веселей
И предоставь все мне.

Уходят.

Сцена 6

Там же. Перед замком Макбета. Трубы и факелы.

Входят Дункан, Малькольм, Дональдбайн, Банко,
Ленокс, Макдуф, Росс, Ангус и свита.

Дункан

В хорошем месте замок. Воздух чист,
И дышится легко.

Банко

Тому порукой
Гнездо стрижа. Нам этот летний гость
Ручается, что небо благосклонно
К убежищу. Нет выступа, столба,
Угла под кровлей, где бы не лепились
Подвешенные люльки этих птиц.
А где они гнездятся, я заметил, —
Здоровый край.

Входит леди Макбет.

Дункан

Вот леди и сама!

Хотя любовь приносит нам заботы,
Однако все мы ею дорожим.
Вот вы и нас тем более цените,
Чем больше мы вам принесли хлопот.

Леди Макбет

Двойных услуг, учетверенных мало
В сравненье с милостями, государь,
Которыми вы прежде нас дарили
И снова осыпаете. За вас
Мы бога молим.

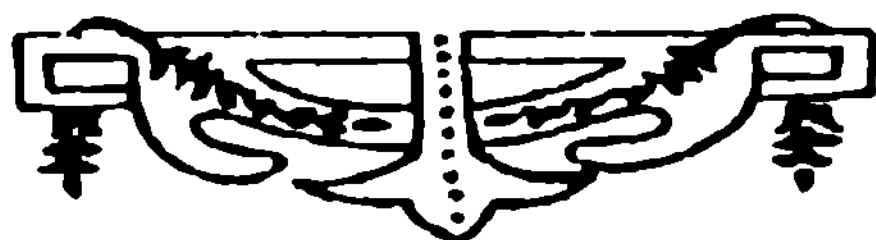
Дункан

Где же тан кавдорский?
Мы мчались вслед за ним, чтоб обогнать
И встретить здесь, но он ездок хороший,
К тому же шпорами ему в пути
Любовь к жене служила. Так сегодня
Мы — ваши гости.

Леди Макбет

Мы себя самих

И дом считаем собственностью вашей,
И мы скорей в нем гости, а не вы.

Д у н к а н

Тогда позвольте предложить вам руку.
Ведите к мужу. Он нас покорил.
Мы будем отличать его все больше.
Идемте, леди.

Уходят.

Сцена 7

Замок Макбета. Трубы и факелы.

Входят и пересекают сцену кравчий и несколько слуг
с кушаньями и посудой. Затем входит М а к б е т.

М а к б е т

Добро б удар, и делу бы конец,
И с плеч долой! Минуты бы не медлил.
Когда б вся трудность заключалась в том,
Чтоб скрыть следы и чтоб достичь удачи,
Я б здесь, на этой отмели времен,
Пожертвовал загробным воздаяньем.
Но нас возмездье ждет и на земле.
Чуть жизни ты подашь пример кровавый,
Она тебе такой же даст урок.
Ты в кубок яду льешь, а справедливость
Подносит этот яд к твоим губам. —
Король ночует под двойной охраной.
Я — родственник и подданный его,

Английский актер XIX в. Дэвид Гаррик в роли Макбета

И это затрудняет покушение.
Затем он — гость. Я должен был бы дверь
В его покой стеречь от нападений,
А не подкрадываться к ней с ножом.
И, наконец, Дункан был как правитель
Так чист и добр, что доблести его,
Как ангелы, затрубят об отмщенье.
И в буре жалости родится вихрь,
И явит облако с нагим младенцем,
И, с этой вестью облетев весь мир,
Затопит морем слез его. Не вижу,
Чем мне разжечь себя. Как шалый конь,
Взовьется на дыбы желанье власти
И валится, споткнувшись, в тот же миг.

Входит леди Макбет.

Ну, как дела?

Л е д и М а к б е т

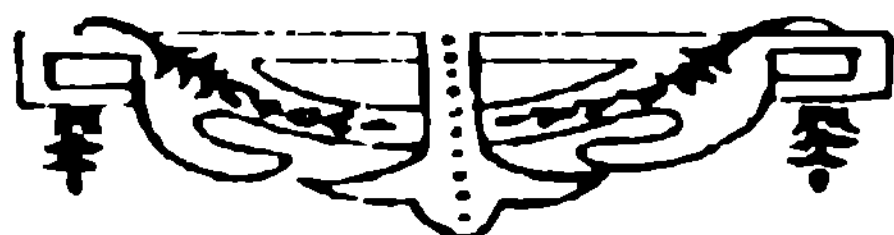
Он ужинать кончает.
Зачем ты вышел, встав из-за стола?

М а к б е т

Он спрашивал меня?

Л е д и М а к б е т

Спросил, конечно.

Макбет

Откажемся от замысла. Я всем
Ему обязан. Я в народном мненье
Стою так высоко, что я б хотел
Пожить немного этой доброй славой.

Леди Макбет

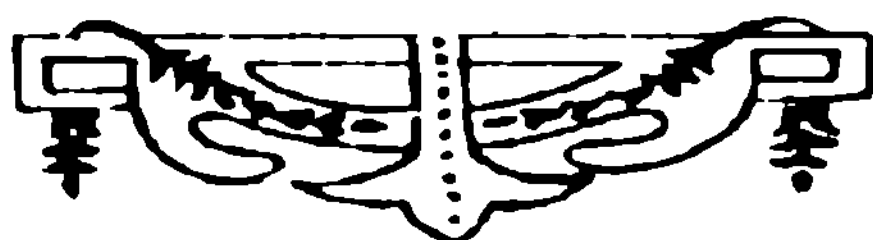
А что ж твоя мечта? Была пьяна,
Не выпалась и видит в черном цвете,
Что до похмелья радовало взор?
Так вот цена твоей любви? В желаньях
Ты смел, а как дошло до дела — слаб.
Но совместимо ль жаждать высшей власти
И собственную трусость сознавать?
“И хочется и колется”, как кошка
В пословице.

Макбет

Прошу тебя, молчи!
Решусь на все, что в силах человека.
Кто смеет больше, тот не человек.

Леди Макбет

Так что за зверь в тот раз тебя заставил
Мне открывать намеренья свои?
Тогда ты мог, и ты был человеком.

Чем раньше вступишь ты на этот путь,
Тем больше будешь им. Хотя ни время,
Ни место не годились, ты в тот раз
Готов был их найти. Искомый случай
Представился, и вот ты отступил!
Кормила я и знаю, что за счастье
Держать в руках сосущее дитя.
Но если б я дала такое слово,
Как ты, — клянусь, я вырвала б сосок
Из мягких десен и нашла бы силы
Я, мать, ребенку череп размозжить!

Макбет

А вдруг мы промахнемся?

Леди Макбет

Промахнемся!

Настройся поотважнее, и мы
Не промахнемся. Целый день проездив,
Дункан устал, и только лишь уснет,
Я напою его оруженосцев
Обоих так, что разведу пары
У них в мозгах, как в перегонных кубах.
Когда они, уснувши мертвым сном,
Растянутся, как две свиные туши,
Чего не сможем сделать мы вдвоем
Над беззащитным? Что нам помешает

Свалить вину на пьяных сонных слуг
И с ними рассчитаться за убийство?

Макбет

Рожай мне только сыновей. Твой дух
Так создан, чтобы жизнь давать мужчинам!
Чтоб выставить убийство делом слуг,
Употребим на это их кинжалы
И выпачкаем кровью их самих.
Поверят ли?

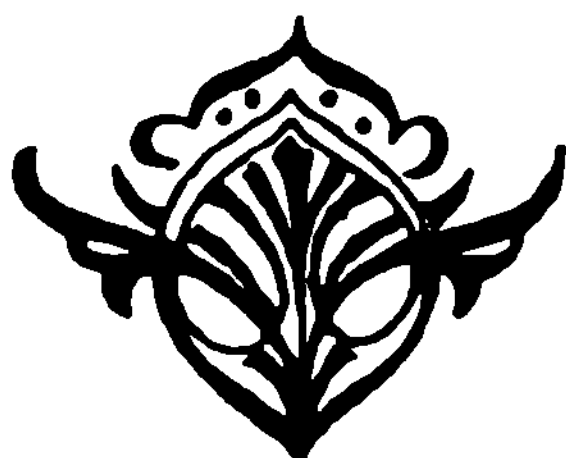
Леди Макбет

Еще бы не поверить,
Когда подыдем мы свой громкий вопль
Об этой смерти!

Макбет

Хорошо, решаюсь.
Готовностью все мышцы налились.
Вернемся в зал и замысел свой черный
Прикроем беззаботностью притворной.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Инвернес. Двор в замке Макбета.

Входит Б а н к о и перед ним Ф л и н с с факелом.

Б а н к о

Который час?

Ф л и н с

Луна зашла. Я боя
Часов совсем не слышал.

Б а н к о

А луна

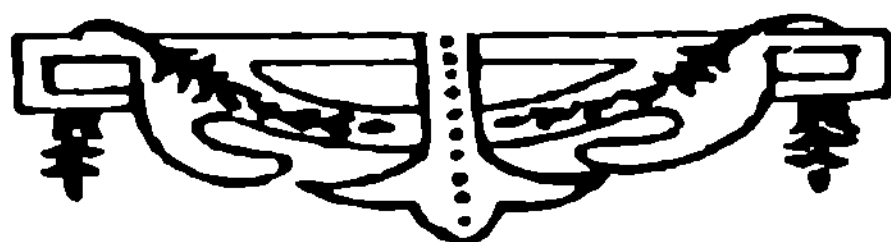
Заходит в полночь.

Ф л и н с

Но сейчас позднее.

Б а н к о

Возьми мой меч. На небе свеч не жгут

И стали их беречь. Ни зги не видно.
Сон, как свинец, мне веки тяжелит,
А лечь я не решусь. Святые силы!
Меня избавьте от проклятых дум,
Нас искушающих в ночное время.

Входят Макбет и слуга с факелом.

Дай мне мой меч. Кто это?

Макбет

Это друг.

Банко

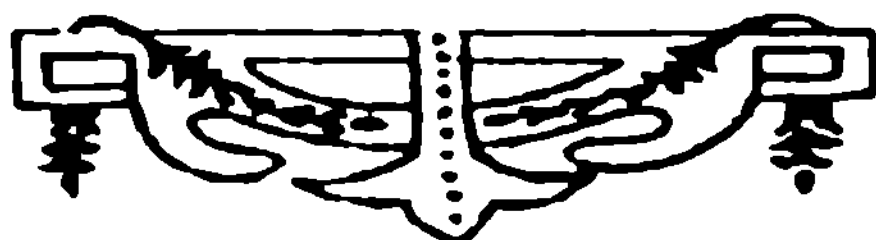
Как, ты еще не спишь? Король был весел,
Когда ложился спать, и одарил
Всех ваших слуг. А этим вот алмазом
Велел пожаловать твою жену,
Как лучшую хозяйку. Он безмерно
Доволен всем.

Макбет

Он нас застал врасплох,
Неподготовленными. Угощали
Чем бог послал.

Банко

Все было хорошо.

А я о сестрах вспомнил. Доля правды
Была в их предсказанье о тебе.

М а к б е т

А я о них забыл. Однако можем
Продолжить разговор о них всегда,
Как вздумаешь.

Б а н к о

Когда ты сам захочешь.

М а к б е т

Советуйся со мной — и в должный срок
Достигнешь чести.

Б а н к о

Если не придется
Добыть потерей чести эту честь,
Рад буду слушаться твоих советов.

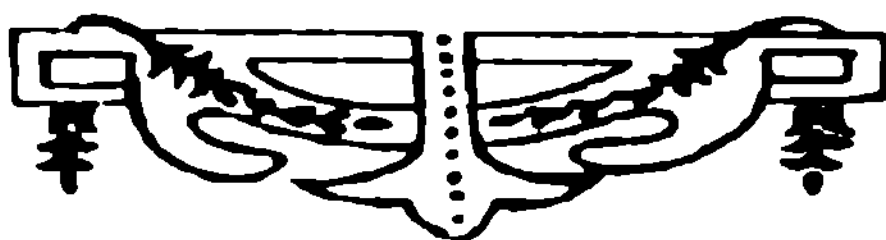
М а к б е т

Спокойной ночи!

Б а н к о

И тебе того же.

Банко и Флинс уходят.

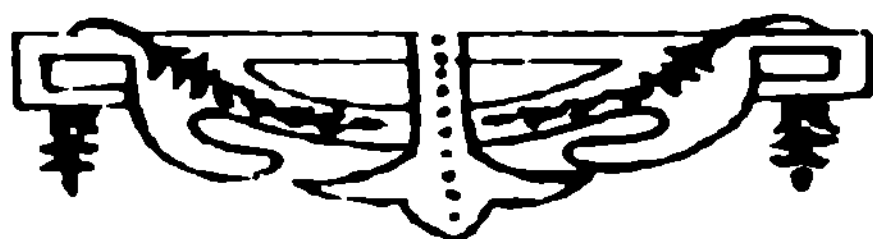

Макбет

Скажи, чтоб позвонила госпожа,
Когда питье мне приготовит на ночь,
И спать ступай.

Слуга уходит.

Откуда ты, кинжал,
Возникший в воздухе передо мною?
Ты рукояткой обращен ко мне,
Чтоб легче было ухватить. Хватаю —
И нет тебя. Рука пуста. И все ж
Глазами не перестаю я видеть
Тебя, хотя не ощутил рукой.
Так, стало быть, ты — бред, кинжал сознания
И воспаленным мозгом порожден?
Но нет, вот ты, ничем не отличимый
От вынутого мною из ножон.
Ты мой дорожный знак, напоминанье,
Куда идти и что мне захватить.
Так близоруко ль я обманут или,
Наоборот, так вижу далеко,
Но ты маячишь снова пред глазами,
В крови, которой не было пред тем,
Обман, которого не существует,
Как бы собой наглядно воплотив
Кровавый шаг, который я задумал. —
Полмира спит, природа замерла,

И сновиденья искушают спящих.
Зашевелились силы колдовства
И прославляют бледную Гекату.
Издалека заслышав волчий вой,
Как вызов собственного часового,
Убийство к цели направляет шаг,
Подкрадываясь к жертве, как Тарквиний.
Надежно утвержденная земля!
Моих шагов не слушай, чтобы камни,
Заговорив, не выдали меня
И гнета тишины не облегчили.
Но я грожу, а обреченный жив,
И речи охлаждают мой порыв.

Звон колокола.

Пора! Сигнал мне колоколом подан.
Дункан, не слушай: по тебе звонят
И в рай препровождают или в ад.

(Уходит.)

Сцена 2

Там же.

Входит леди Макбет.

Леди Макбет

Глоток вина и то, что их свалило,
Меня зажгло. В них все угашено,

А я горю огнем одушевления.
Что это? Крик совы. Совиный крик —
К покойнику. Макбет взялся за дело.
Дверь отперта, и сторожа храпят,
Смеясь над званием собственным.

В напиток

Я подмешала сонного. Их хмель —
И полусмерть и жизнь наполовину.

Макбет
(за сценой)

Кто там? Кто там?

Леди Макбет

Ах, он их разбудил
При самом входе! Мы пропали! Тише!
Он должен был найти кинжалы слуг —
Я рядом на виду их положила.
Когда б так не был схож Дункан во сне
С моим отцом, я сладила сама бы.

Входит Макбет.

Макбет!

Макбет

Готово. Дело свершено.
Ты не слыхала шума?

Л е д и М а к б е т

Крик совиный
Да треск сверчка. А с кем ты говорил?

М а к б е т

Когда?

Л е д и М а к б е т

Сейчас.

М а к б е т

Когда я вниз спускался?

Л е д и М а к б е т

Да.

М а к б е т

Тсс!.. Кто спит в соседней спальне?

Л е д и М а к б е т

Дональбайн.

М а к б е т

(глядя на свои руки)

Смотри, какой печальный вид.

Л е д и М а к б е т

Не вижу,
О чем жалеть.

М а к б е т

Один из них во сне
Захохотал, другой вскричал: “Убийство!”
И вдруг проснулись оба. Притаясь,
Я слушал. Помолившись, оба снова
Уснули.

Л е д и М а к б е т

Там, за стенкой, двое спят.

М а к б е т

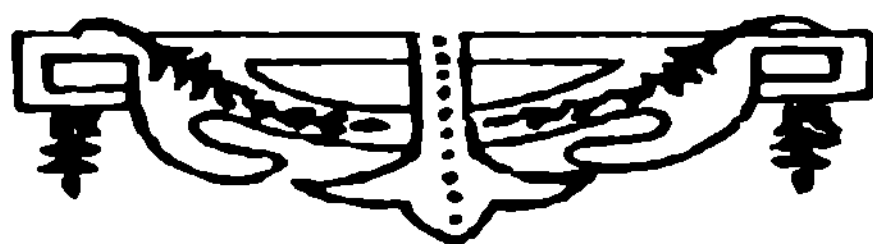
Один воскликнул: “Господи помилуй!”,
Другой: “Аминь!” — как будто увидав,
Как прячусь я во тьме, и оградившись
Молитвой от соседа палача.
А я, услышав: “Господи помилуй”, —
За ними вслед не мог сказать: “Аминь”.

Л е д и М а к б е т

Зачем вдаваться в пустяки такие?

М а к б е т

Что помешало мне сказать “аминь”?

Я жаждал благодати, и, однако,
“Аминь” застряло в горле у меня.

Л е д и М а к б е т

Напрасно в сделанное углубляться.
Сойдешь с ума.

М а к б е т

Почудился мне крик:
“Не надо больше спать! Рукой Макбета
Зарезан сон!” — Невинный сон, тот сон,
Который тихо сматывает нити
С клубка забот, хоронит с миром дни,
Дает усталым труженикам отдых,
Врачующий бальзам больной души,
Сон, это чудо матери-природы,
Вкуснейшее из блюд в земном пиру.

Л е д и М а к б е т

О чем ты это?

М а к б е т

Всюду разносилось:
“Не надо больше спать. Гламисский тан
Зарезал сон, и больше тан кавдорский
Не будет спать, Макбет не будет спать!”

Л е д и М а к б е т

Но кто ж так мог кричать? Не падай духом,
Мой благородный тан. Достань воды
И на руках отмой улики эти.
Зачем кинжалы ты сюда принес?
Их место в спальне. Отнеси обратно
И слуг запачкай кровью.

М а к б е т

Не могу.
На сделанное вновь взглянуть не в силах.

Л е д и М а к б е т

Какой безвольный! Дай я отнесу.
Я не боюсь покойников и спящих,
Как нарисованных на полотне.
Лишь детям страшны черти на картинках.
Я кровью, если он кровоточит,
Так слуг раскрашу, чтоб на них сказали.

(Уходит.)

Слышен стук за сценой.

М а к б е т

Стучат! Кто к нам стучится? Что со мной?
Теперь меня пугает каждый шорох.
А руки, руки! Мне их вид глаза

Из впадин вырывает. Океана
Не хватит их отмыть. Скорей вода
Морских пучин от крови покраснеет.

Возвращается леди Макбет.

Леди Макбет

Ведь и мои в крови. А я не рук,
Я белокровья сердца бы стыдилась!

Стук за сценой.

Я в южные ворота слышу стук.
Уйдем за дверь к себе. Воды немного
Смыть пятна, вот и все. И с плеч

долгой!

Как мы легко вздохнем! Но что с тобою?
Воспрянь!

Стук за сценой.

Опять стучат. Смени наряд,
А то поймут, что мы и не ложились,
Когда на нас наткнутся. И оставь
Свои раздумья.

Макбет

Самому б забыться,
Чтоб происшедшего не вспоминать!

Стук за сценой.

Известный английский актер Генри Ирвинг в роли Макбета

Стучи, стучи! Когда б ты этим стуком
Мог ото сна Дункана разбудить!

Уходят. Стук продолжается.

Сцена 3

Там же.

Стук за сценой. Входит привратник.

П р и в р а т н и к. Ну и стукотня! Если служить в сторожах при воротах ада, это, верно, работа! Только знай отпирай.

Стук за сценой.

Колоти себе, колоти. Кто там, во имя Вельзевула? Уж воображаю! Какой-нибудь земледелец, повесившийся в ожидании большого урожая. Милости просим! Платков с тобой достаточно? Напотеешься в пекле!

Стук за сценой.

Колоти себе, колоти! Кто там, во имя другого дьявола? А, понимаю! Это подкупной свидетель, который надувал в судах обе стороны и нагромоздил подлогов с гору, но не мог по ней взобраться на небо. Милости просим! Входи, подкупной свидетель!

Стук за сценой.

Колоти себе, колоти. Кто там? А, понимаю. Это английский портной, который урезал французские брюки и припрятал остаток. Проходи, портной, в пекле будет тебе где нагреть утюг!

Стук за сценой.

Новый какой-то. Ни минуты покоя! Куда вы? Для пекла тут слишком холодно. Нечего, нечего! Наслужился я в адских привратниках, напустил людей всякого звания, идущих стезей веселья в вечный огонь ада, и — будет.

Стук за сценой.

Сейчас, сейчас. Не обойдите милостью привратника. (*Отворяет ворота.*)

Входят Макдуф и Ленокс.

Макдуф

Ты, видно, поздно лег в постель, приятель,
Что поздно так встаешь?

Привратник. Гуляли, сударь, чтобы не соврать, до вторых петухов, а пьянство, известное дело, всегда до трех вещей доводит.

Макдуф. До каких же это трех вещей?

Привратник. Покраснеет нос, завалятся люди спать и без конца на двор бегают. Ведет вино также к бабничанью, волокитству. Наводит на грех и от греха уводит. Хочется согрешить, ан дело и не выходит. В отношении распутства — вино вещь предательская, лукавая. Само ставит на дыбы, само заставляет падать силами. Само обольщает, само уличает в обмане.

Макдуф. Кажется, и с тобой оно сегодня ночью сыграло такую штуку?

П р и в р а т н и к. Было дело, было дело, сударь, но в отношении водки еще неизвестно, чья взяла. Не поддался я ей и, думается, положил-таки проклятую на лопатки.

М а к д у ф

Что, господин твой встал?

Входит М а к б е т.

Мы разбудили
Его с тобой, стучась. Вот он идет.

Л е н о к с

Сэр, с добрым утром.

М а к б е т

Вас обоих с тем же.

М а к д у ф

Король проснулся?

М а к б е т

Нет.

М а к д у ф

Он мне велел
Зайти к нему чуть свет. Я с опозданием.

Макбет

Я провожу вас.

Макдуф

Знаю, этот труд
Приятен вам, но это труд, однако.

Макбет

Приятный труд — не труд для нас. Вот дверь.

Макдуф

Войти осмелюсь. Так мне приказали.

(Уходит.)

Ленокс

Король сегодня едет?

Макбет

Да, хотел.

Ленокс

Ночь бурная была. С того строенья,
Где ночевали мы, снесло трубу.
Передают, что многие слышали
Предсмертный чей-то вопль и голоса,
Пророчившие смуты и пожары.
Кричали совы, и тряслась земля.

Макбет

Да, ночь была тревожна.

Ленокс

Не припомню

Такой на молодом моем веку.

Макдуф возвращается.

Макдуф

О ужас, ужас! Ни язык, ни сердце
Найти не в силах имени тому!

Макбет и Ленокс

Да что случилось?

Макдуф

Светопреставление!

Кошунство! Святотатство! Взломан храм
Помазанника божья! Жизнь из тела
Похищена!

Макбет

Вы говорите — жизнь?

Ленокс

И — жизнь его величества?

Макдуф

Войдите

В ту дверь, и вас Горгона ослепит.
Не спрашивайте. Сами поглядите
И будете не в силах говорить.

Макбет и Ленокс уходят.

Звоните в колокол! Измена! Встаньте!
Убийство! Банко! Дональбайн! Малькольм!
Стряхните сон с себя, подобье смерти,
Чтоб смерти подлинной взглянуть в лицо!
Малькольм и Банко! Встаньте, встаньте, встаньте,
Как души из могил на Страшный суд!
Вот ужас! Видите? В набат ударьте!

Звон колокола.

Входит леди Макбет

Леди Макбет

Скажите, что за горе тут стряслось,
Что на ноги всех спящих поднимают?

Макдуф

Сударыня, ваш нежный женский слух
Не вынесет ответа. Объяснение
Убьет вас.

Входит Банко.

Банко, Банко, умерщвлен
Наш государь!

Л е д и М а к б е т

О боже! В нашем доме!

Б а н к о

При чем тут дом? Ты говоришь, убит!
Не может быть! Скажи, что я ошибся!

Возвращается М а к б е т и Л е н о к с.

М а к б е т

Когда б за час я умер перед тем,
Я б мог сказать, что прожил век счастливый.
Что ценного осталось? Ничего.
Он все унес. Он был красою жизни.
Ее вино все выпито. На дне
Один осадок горький.

Входят М а л ь к о л ь м и Д о н а л ь б а й н.

Д о н а л ь б а й н

Что случилось?

М а к б е т

Вы существуете, а ключ иссяк,
Источник вашей жизни, рода, крови.

Макдуф

Отец ваш умерщвлен.

Малькольм

О! Кем? Когда?

Ленокс

Двумя своими спальниками, видно.
Кровь на лице у них и на руках,
В крови и неотертые кинжалы.
Они без смысла пялили глаза,
И жизнь доверить было им опасно.

Макбет

Теперь себе простить я не могу,
Что их убил.

Макдуф

Зачем вы их убили?

Макбет

Кто может быть разумен и взбешен,
Горяч и трезв в одно и то же время?
Никто. Слепая преданность моя
Сломила нерешительность рассудка.
Передо мной лежал Дункан в крови,

Позолотившей серебристость кожи.
На ней зияли раны, говоря,
В какие трещины вломилась гибель.
У ног его убийцы спали, сплошь
В следах и знаках своего деянья.
На их кинжалах просыхала кровь.
При зрелище таком кто б удержался
И делом чувств своих не доказал?

Л е д и М а к б е т

Ах, помогите!

М а к д у ф

Помогите леди.

М а л ь к о л ь м

(в сторону, Дональбайну)

Что ж мы молчим, имея больше всех
Причины горевать?

Д о н а л ь б а й н

(в сторону, Малькольму)

А что ты скажешь

Средь этого осинового гнезда,
Где всюду нас подстерегает гибель?
Бежим отсюда. Будет наш черед.
Еще не накипели наши слезы.

М а л ь к о л ь м
(в сторону, Дональбайну)

И вслух не время к действиям взывать.

Б а н к о

На помощь к леди!

Леди Макбет уносят.

Надо бы одеться,
А то мы все от холода дрожим,
А после соберемся и подробно
Расследуем убийство до конца,
Чтоб доискаться нитей. Мы в смятенье
И ужасе, но мне защитой бог,
И с тем бросаю я открытый вызов
Таящемуся злу.

М а к д у ф

И я.

В с е

Мы все.

М а к б е т

Сойдемся в воинском вооруженье
На совещанье в зале.

В с е

Хорошо.

Все, кроме Малькольма и Дональбайна, уходят.

М а л ь к о л ь м

Что предпринять? Нам с ними не ужиться.
Притворна показная скорбь лжецов.
Я в Англию уеду.

Д о н а л ь б а й н

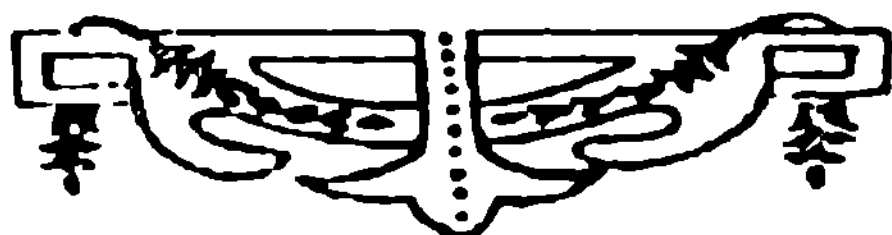
Я отправлюсь
В Ирландию. Нам безопасней врозь.
Здесь скрыт кинжал за каждою улыбкой,
И чем родней по крови человек,
Тем кровожаднее.

М а л ь к о л ь м

Стрела убийцы

Еще летит и не попала в цель.
Благодарнее посторониться.
И потому — немедля на коней,
Без всяких церемоний, не прощаясь.
Ведь тот не вор, кто козням вопреки,
Уносит ноги тайно, воровски.

Уходят.

Сцена 4

Там же. За оградой замка Макбета.

Входят Росс и старик.

Старик

Мне семьдесят годов. За этот срок
Я навидался всякого. Бывали
И страсти всякие, и чудеса,
Но перед этой ночью все бледнеет.

Росс

Да, дед, прогневали мы небеса,
Уж по часам давно дневное время,
А солнца нет как нет. Одно из двух:
Иль одолела ночь, иль день стыдится
Лицо негодным людям показать.

Старик

Да, против естества потемки эти,
И случай этот против естества.
В минувший вторник, веришь ли, я видел,
Как заклевала сокола сова.

Росс

А лошади Дункана, цвет породы,
Красавицы и все как на подбор,

Взбесились, выломали дверь конюшни
И ускакали, все кругом круша.

С т а р и к

Они, слышал, друг друга перегрызли?

Р о с с

Да, дед, представь себе. Я был при том.
А вот Макдуф.

Входит М а к д у ф.

Что делается, сэр,
На белом свете?

М а к д у ф

Разве ты не видишь?

Р о с с

Дознались, кто убийство совершил?

М а к д у ф

Да эти же, кого Макбет прикончил.

Р о с с

Дела, дела! Какой им был расчет?

М а к д у ф

Их подкупили. Сыновья Дункана,

Малькольм и Дональбайн, ушли тайком.
Побег наводит мысль на их виновность.

Р о с с

Опять вразрез с природой. До чего
Дурманит человека властолюбье!
Под самый корень жизнь свою рубить!
На трон, наверно, возведут Макбета?

М а к д у ф

Уже он избран и поехал в Скон
Короноваться.

Р о с с

Где же прах Дункана?

М а к д у ф

Перевезли на остров Колмескиль,
Где королей покоятся останки.

Р о с с

Ты в Скон поедешь?

М а к д у ф

Нет, дружок, я в Файф.

Р о с с

Я в Скон направляюсь.

М а к д у ф

Отправляйся с богом,
Да на дорогу надо пожелать,
Чтобы не жали новые уборы:
Ведь старые нам были больше впору.

Р о с с

Прощай, старик.

С т а р и к

Благослови вас бог
И всех, кто злого случая игру
Направить хочет к миру и добру.

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Форрес. Комната во дворце.

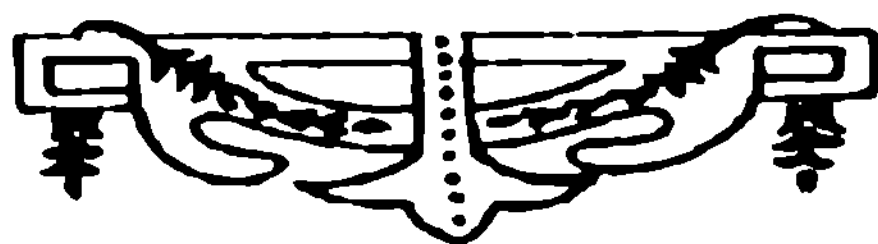
Входит Б а н к о.

Б а н к о

Теперь ты все, что предсказали сестры:
Гламисский и кавдорский тан, король,
И я боюсь, ты сплутовал немного.
Однако ими же возвещено,
Что твой престол не перейдет к потомкам,
А я — начало ветви королей.
Но если все сбылось с тобой, не вижу
Причины не надеяться и мне.
Я верю в то, что мне они сулили.
Но полно, тише!

Трубы.

Входят Макбет и леди Макбет в королевских одеждах,
Ленокс, Росс, лорды, леди и свита.

Макбет

Вот наш главный гость.

Леди Макбет

Наш званый пир не мог бы состояться,
Когда б его забыли пригласить.

Макбет

Мы вечером даем сегодня ужин.
Прошу вас быть.

Банко

Располагайте мной.
Повиновеньем долгу неразрывно
Навек я связан с вами, государь.

Макбет

Вы едете сейчас?

Банко

Да, до обеда.

Макбет

Жаль. Я мечтал услышать голос ваш
В сегодняшнем совете. Но отложим
До завтрашнего дня. Ваш путь далек?

Б а н к о

Поездка в два конца займет все время
До ужина. И если подведет
Мой конь, я час-другой займу у ночи.

М а к б е т

Не опоздайте только.

Б а н к о

Буду в срок.

М а к б е т

Один из братьев-кровопийц, по слухам,
В Ирландии, и в Англии — другой.
Они отцеубийство отрицают
И сеют басни для отвода глаз.
Об этом мы на завтрашнем совете
Подумаем. Счастливого пути.
До скорого свиданья. Торопитесь.
Вы с Флинсом едете?

Б а н к о

Да, государь.

Мы едем, не теряя ни минуты.

М а к б е т

Желаю прыти вашим лошадям.
Скорее доскачите и вернитесь.

Банко уходит.

Освобождаю всех вас до семи.
Чтоб в вашем обществе полней развлекься,
До ужина побуду я один.
Так с богом — и до скорого свиданья.

Уходят все, кроме Макбета и одного слуги.

Эй, ты! Те люди здесь?

С л у г а

Да, государь,
За крепостной оградой.

М а к б е т

Приведи их.

Слуга уходит.

Не стоит царствовать, когда престол
Непрочен под тобой. Мой страх пред Банко
Понятен. Банко создан вызывать
Боязнь в душе. При царственном размахе
И смелости он действует с умом,
Обдумывая до конца поступки.
Из всех людей мне страшен он один.
В его присутствии мой дух мельчает,
Как Марк Антоний Цезаря робел.
Когда кудесницы мне обещали
Власть короля, он тоже попросил

Поворожить ему, и я услышал,
Что Банко будет предком королей,
А мне никто наследовать не будет.
Бесплоден скипетр мой. Из рук моих
Не сыну он достанется — чужому.
Для внуков Банко зло я совершил,
Для них убил я доброго Дункана,
Для них я ненавистен стал себе.
Я дьяволу, врагу людского рода,
Свое спасенье продал для того,
Чтоб после царствовали внуки Банко!
Нет, выходи, поборемся, судьба,
Не на живот, а на смерть! Кто там?

Возвращается слуга с двумя убийцами.

Выйди.

Понадобишься — позову.

Слуга уходит.

Вчера

Я с вами говорил?

Первый убийца

Да, повелитель.

Макбет

Обдумали вы то, что я сказал?
Я доказал вам, что не я виновник

Несчастий ваших, как решили вы.
Не я, а он ввергал вас в разоренье,
Обманивал надеждами, топил,
Топтал ногами и мешал подняться,
Расстраивал вам планы. Я вчера
Так ясно описал вам, кто виновник,
Что и безмозглый должен был понять,
Что это Банко.

П е р в ы й у б и й ц а

Да, вы намекали.

М а к б е т

Тот разговор был только первый шаг.
Сегодня я вас вызвал для второго.
Что ж, вы и дальше будете терпеть?
Или вас заповеди научили
Молиться о спасении того,
Кто медленно вгоняет вас в могилу
И вас с семьей довёл до нищеты?

П е р в ы й у б и й ц а

Что делать, государь, — мы только люди.

М а к б е т

Да, люди вы по росписи пород,
Как гончие, борзые, волкодавы
И прочие считаются у нас

Собаками. Однако есть различья.
Та зла, та ласкова, у той хороший нюх
И выдержка у той, смотря какое
Ей назначенье. Так же и с людьми.
Что вы за люди? На каком вы месте
Средь вам подобных? Если я найду,
Что по отваге вы не из последних,
Я в ваши руки способ передам,
Как вам с врагом заклятым рассчитаться
И этим нашу милость заслужить.
Пока он жив, мне, как и вам, житья нет,
Лишь смерть его в нас может жизнь вдохнуть.

Второй убийца

Я, государь, на целый свет в обиде.
Меня ожесточила так судьба,
Что я пойду на все, чтоб за несчастья
Отмстить другим.

Первый убийца

Я тоже, государь.
Меня вконец сломили неудачи.
Одно из двух: или поправлю жизнь,
Или мгновенно от нее избавлюсь.

Макбет

Итак, вы знаете, что Банко — враг
Обоим вам?

Оба убийцы

Мы знаем, ваша милость.

Макбет

Но он и мой непримиримый враг,
Который всем своим существованием
Мне отравляет жизнь. Мне власть дана
Стереть его с лица земли открыто,
Но так нельзя. Есть общие друзья,
Которых дружбу я тогда утрачу.
Пред ними мне придется сожалеть
О том, кого сгублю я. Вот причина,
Зачем я к вашей помощи прибег,
И вот причина также, по которой
Хочу я это скрыть от глаз толпы.

Второй убийца

Мы, государь, исполним порученье.

Первый убийца

Хоть стоило бы жизни.

Макбет

Мне видна

Решимость ваша. Через час, не больше,
Разведчик вам покажет, где вам стать,
И вам назначат миг для нападения.
Кончайте все поодаль от дворца

Сегодня ночью. Что бы ни случилось,
Я должен оказаться в стороне.
Во избежание пагубных последствий
Флинс, сын его, который едет с ним,
Разделит ту же участь. Я не меньше
Желаю смерти сыну, чем отцу.
Посоветуйтесь и, когда решитесь,
Скажите.

О б а у б и й ц ы
Мы решились, государь.

М а к б е т
Я скоро позову вас. Подождите
За этой дверью.

Убийцы уходят.

Дело решено.
И если, Банко, в рай тебе дорога,
Ты нынче будешь там спустя немного.
(Уходит.)

Сцена 2

Там же. Другая комната.

Входят леди Макбет и слуга.

Л е д и М а к б е т
Уехал Банко?

С л у г а

Как же, госпожа,
И будет к ночи.

Л е д и М а к б е т

Скажешь государю,
Что я прошу его к себе.

С л у г а

Сейчас.

(Уходит.)

Л е д и М а к б е т

Конца нет жертвам, и они не впрок!
Чем больше их, тем более тревог.
Завидней жертвою убийства пасть,
Чем покупать убийством жизнь и власть.

Входит М а к б е т.

Ну что, мой друг? Ты все один, в кругу
Печальных размышлений? Эти мысли
Должны бы умереть со смертью тех,
К кому они относятся. Что пользы
Тужить о том, чего не воротить?
Что сделано, то сделано.

М а к б е т

Мы только

Поранили змею. Она жива
И будет нам по-прежнему угрозой.
Но лучше пусть порвется связь вещей,
Пусть оба мира, тот и этот, рухнут,
Чем будем мы со страхом есть свой хлеб
И спать под гнетом страшных сновидений.
Нет, лучше быть в могиле с тем, кому
Мы дали мир для нашего покоя,
Чем эти истязания души
И этих мыслей медленная пытка.
Теперь Дункан спокойно спит в гробу.
Прошел горячечный припадок жизни.
Пережита измена. Ни кинжал,
Ни яд, ни внутренняя рознь, ни вражье
Нашествие — ничто его теперь
Уж больше не коснется.

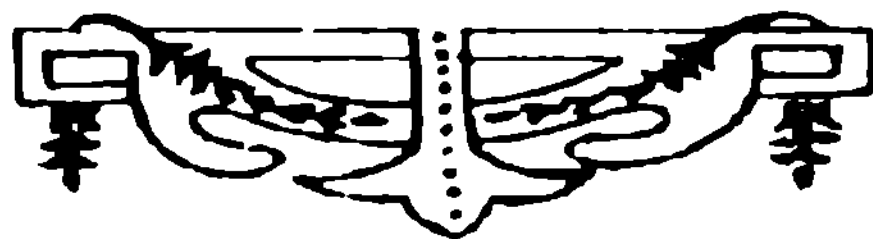
Л е д и М а к б е т

Успокойся.

Смягчи свой взор. Будь весел среди гостей
На нынешнем пиру.

М а к б е т

Я буду весел,
Будь весела и ты и за столом
Побольше уделяй вниманья Банко.
Пока мы не уверены в себе,

Придется долго нам потоки лести
Притворно изливать на всех кругом
И наши лица превращать в личины.

Л е д и М а к б е т

Брось эти мысли.

М а к б е т

Не могу, жена!

Опять мне душу жалят скорпионы.
Ведь Флинс и Банко живы, милый друг.

Л е д и М а к б е т

Но ведь они не вечны.

М а к б е т

В этом счастье.

К ним можно подступиться. Подбодрись:
Чуть замелькает тень летучей мыши
И сонный жук к Гекате полетит,
Свершится то, что всех повергнет в ужас.

Л е д и М а к б е т

Что ты задумал?

М а к б е т

Лучше не скажу,
Будь временно в неведение, голубка,

Когда ж свершится дело, похвали.
Ночь, завяжи глаза платком потуже
Участливому, любящему дню
И разорви кровавою рукою
Мои оковы. Меркнет свет. Летит
К лесной опушке ворон. На покое
Все доброе, зашевелилось злое.
Но ты удивлена? Что мне сказать.
Кто начал злом, для прочности итога
Все снова призывает зло в подмогу.
Пойдем, мой друг.

Уходят.

Сцена 3

Парк около дворца.

Входят трое убийц.

Первый убийца

Тебя кто к нам послал сюда?

Третий убийца

Макбет.

Второй убийца

Ему поверить можно. Он подробно
Нам все, что надо сделать, объяснил.

П е р в ы й у б и й ц а

Тогда стой здесь. На западе бледнеют
Следы зари. На постоялый двор
Коня торопит запоздалый путник,
И близко тот, кого мы стережем.

Т р е т и й у б и й ц а

Чу! Конский топот.

Б а н к о
(за сценой)

Эй, огня подайте!

В т о р о й у б и й ц а

Наверно, это он. Другие все
Уж во дворце.

П е р в ы й у б и й ц а

Их кони повернули.

Т р е т и й у б и й ц а

Их увели. Дорога для езды
Идет обходом с милю. Верно, Банко
Пройдет чрез парк пешком, как ходят все.

Входят Б а н к о и Ф л и н с с факелом.

Второй убийца
Огонь!

Третий убийца
Вот он!

Первый убийца
За дело! Не зевайте!

Банко
А ночью будет дождь.

Первый убийца
Уж он идет!

Втроем бросаются на Банко.

Банко
Предательство! Беги, мой Флинс! Спасайся!
Беги и отомсти! Презренный раб!

(Умирает.)

Флинс убегает.

Третий убийца
Кто факел потушил?

Первый убийца
К чему огонь?

Т р е т и й у б и й ц а
Отец готов. А сын ушел.

В т о р о й у б и й ц а
Полдела
Не сделано.

П е р в ы й у б и й ц а
Пойдемте к самому,
Доложим, что мы в силах были сделать.
Уходят.

Сцена 4

Зал для приемов во дворце. Накрытый стол.
Входят Макбет, леди Макбет, Росс, Ленокс,
лорды и свита.

М а к б е т

Прошу занять места по старшинству.
Мы рады всем, и первым и последним.

Л о р д ы

Благодарим.

М а к б е т

Я сяду посреди,
Чтоб запросто ухаживать за вами.

Хозяйка — во главе стола. Мы просим
Приветом добрым пиршество открыть.

Л е д и М а к б е т

Вы за меня гостям скажите слово.
Добро пожаловать. Я рада всем.

М а к б е т

Они благодарят тебя глазами.
Места разобраны. Я сяду здесь.

П е р в ы й у б и й ц а показывается в дверях.
Дадим веселью волю. Для начала
Мы выпьем круговую.

(Подходит к дверям.)
У тебя

Кровь на лице.

У б и й ц а

Ну да. Кровь Банко это.

М а к б е т

Она милей мне на тебе, чем в нем.
Готово?

У б и й ц а

Насмерть. Перерезал горло.
Я сам. Своей рукой.

М а к б е т

Ты образец
Головореза. Но и тот не хуже,
Кто стукнул Флинса. Если это ты,
Ты несравненен.

У б и й ц а

Флинс бежал и спасся.

М а к б е т
(в сторону)

Тогда я болен вновь. Я полагал,
Что ожил, стал несокрушим, как мрамор,
Тверд, как скала, неудержим, как вихрь,
А я сбит с ног, прижат к земле и отдан
В добычу снам и страхам. Банко мертв?

У б и й ц а

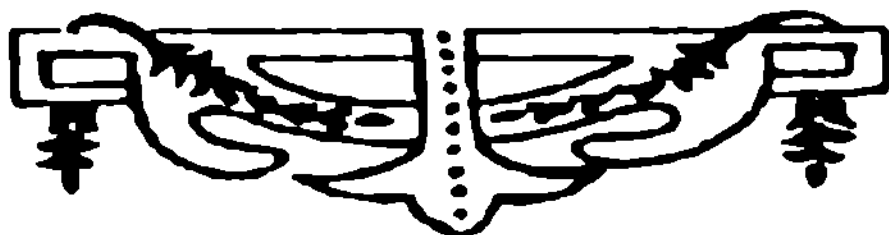
Да, добрый государь! Он в ров свалился.
На голове и теле двадцать ран,
И каждая — смертельная.

М а к б е т

Спасибо!

(В сторону.)

Змея убита, а змееныш жив

И будет мне со временем опасен,
Когда нальется ядом. — Ну, ступай.
Мы снова, будет время, потолкуем.

Убийца уходит.

Л е д и М а к б е т

Мой друг, вы невнимательны к гостям.
За деньги ведь обедать можно дома.
Тем и приятно пировать в гостях,
Что пир приправлен ласкою хозяев.

М а к б е т

Забылся, дорогая. Ты права.
Простите, гости. Ешьте на здоровье.

Л е н о к с

Угодно ль будет сесть вам, государь?

Появляется д у х Б а н к о и садится на место,
предназначенное Макбету.

М а к б е т

Вся знать была б тут в сборе,
если б Банко
Был налицо. Отсутствие его
Я б объяснить хотел изменой слову,
А не бедой в пути.

Р о с с

Он поступил
Нехорошо, нарушив обещанье.
За стол садитесь с нами, государь.

М а к б е т

Места все заняты.

Л е н о к с

Одно свободно.

М а к б е т

Где?

Л е н о к с

Вот оно. Что с вами, государь?

М а к б е т

Кто это сделал?

Л о р д ы

Что, наш повелитель?

М а к б е т

Меня не можешь в смерти ты винить.
Зачем киваешь головой кровавой?

Р о с с

Его величеству не по себе.
Вставайте, господа.

Л е д и М а к б е т

Нет, не тревожьтесь.
С ним это смолоду. Прошу сидеть.
Все это вмиг пройдет. Не обращайтесь
Вниманья, чтоб припадка не продлить.
Садитесь, кушайте.

(Макбету.)

И ты — мужчина?

М а к б е т

Да, и бесстрашный, если я могу
Смотреть на то, что дьявола б смутило.

Л е д и М а к б е т

Опять, наверное, какой-то вздор,
Тебе внушенный глупым малодушьем,
Как тот кинжал, который ты видал
Пред спальнею Дункана. Пот холодный,
И дрожь, и бледность — словом, все черты
Нелепых дамских страхов у камина,
Зимой, за сказками! Какой позор!
Лица нет на тебе. Ты испугался
Пустого кресла, правду говоря.

Макбет

Взгляни туда! Ты видишь? Что ты скажешь?
Чем мне кивать, скажи мне лучше, дух,
Чего ты хочешь? Если своды склепов
Покойников нам шлют назад, пускай
Нам гробом будут коршунов утробы.

Дух исчезает.

Леди Макбет

Нет, видно, ты совсем сошел с ума!

Макбет

Клянусь, его я видел!

Леди Макбет

Постыдился б!

Макбет

Кровь лили встарь, когда еще закон
В защиту людям не возвысил нравов,
И после продолжали совершать
Ужасные убийства. Но бывало,
Когда у жертвы череп разmozжен,
Кончался человек, и все кончалось.
Теперь, имея даже двадцать ран
На голове, они встают из гроба,

Чтобы согнать нас с места за столом,
Что пострашней, чем ужасы убийства.

Л е д и М а к б е т

Без вас скучают гости, государь.

М а к б е т

Задумался. Друзья, не беспокойтесь.
Нисколько не серьезен мой недуг,
И близкие привыкли. За здоровье
Вас всех, друзья! Налейте мне вина.
Полней налейте, и тогда я сяду.
За процветание всего стола
И за недостающего нам друга,
За дорогого Банко! О, как жаль,
Что с нами нет его!

Л о р д ы

Здоровье ваше!

Д у х возвращается.

М а к б е т

Сгинь! Скройся с глаз моих! Пускай земля
Тебя укроет. Кровь твоя застыла,
Без мозга кости и, как у слепых,
Твои глаза.

Л е д и М а к б е т

Не удивляйтесь, гости.
Припадок повторился. Жаль, что он
Расстраивает праздник.

М а к б е т

Я отважусь
На все, что может человек. Явись
Медведем русским, страшным носорогом,
Гирканским тигром, чем-нибудь
другим,
И я не дрогну. Можешь появиться
Опять живым и вызови на бой
И выругай девчонкой, если струшу,
Но в этом облике не приходи!
Ступай отсюда! Скройся, мертвый призрак!

Дух исчезает.

(В сторону.)

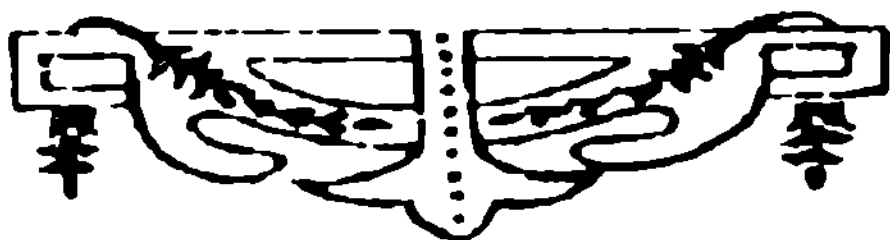
Вот он ушел, и вновь я человек.

(Ко всем.)

Зачем вы встали, господа? Садитесь.

Л е д и М а к б е т

Вы оборвали общий разговор,
И всех пугает ваше поведение.

Макбет

Но это ведь не летом облака,
Чтоб увидеть их и не поразиться!
Наоборот, я удивляюсь вам,
Когда перед лицом таких явлений
Румянец свежий на щеках у вас
Не пропадает! Я же весь белею.

Росс

Каких таких явлений, государь?

Леди Макбет

Не говорите с ним. Ему все хуже.
Расспросы злят его. Прервемте пир.
Спокойной ночи. Расходитесь разом,
Без церемоний.

Ленокс

Надо пожелать
Скорей его величеству здоровья.

Леди Макбет

Благодарю. Прощайте, господа.

Уходят все, кроме Макбета и леди Макбет.

Макбет

Он хочет крови. Кровь смывают кровью.
Преданье есть: сходили камни с мест,

Деревья говорили, и по крику
Сорок, грачей и галок колдуны
Разыскивали скрытого убийцу. —
Который час?

Л е д и М а к б е т

Уже к рассвету дело.

М а к б е т

Как это нравится тебе? Макдуф
Осмелился к нам не явиться!

Л е д и М а к б е т

Разве

Ты посылал за ним?

М а к б е т

Не посылал,
Но знаю о его холодных чувствах.
У всех в домах я содержу средь слуг
Доносчиков. С утра я собираюсь
К трем вещим сестрам, чтобы заглянуть
Поглубже в будущее. Я пред худшим,
Что скажут мне они, не отступлю.
Все средства хороши для человека,
Который погрузился в кровь, как в реку.
Чрез эту кровь назад вернуться вброд

Труднее, чем по ней пройти вперед.
Еще немало неотложных дел,
К которым я бы приступить хотел.

Л е д и М а к б е т

Ты мало спишь, а сон — спасенье жизни.

М а к б е т

Да, ляжем спать. Ведь вся моя тоска —
Неопытность и робость новичка.
Привычки нет к решительным поступкам.

Уходят.

Сцена 5

Степь. Раскаты грома.

Входят три ведьмы и навстречу им Г е к а т а.

П е р в а я в е д ь м а

Геката, здравствуй. Чем ты недовольна?

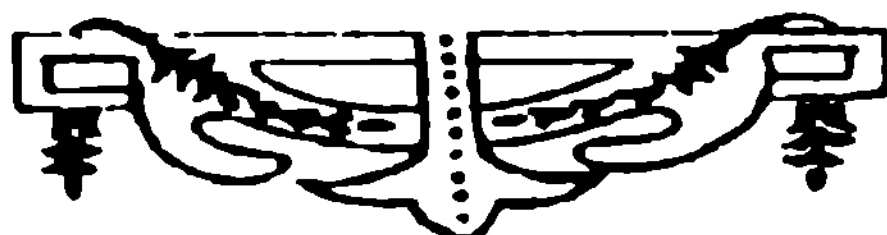
Г е к а т а

На вас сердита — и права.
Без соблюдения старшинства
Вы тайно от меня, вдали,
Дела с Макбетом завели.
А я, царица вам и мать,
Должна все сбоку наблюдать.

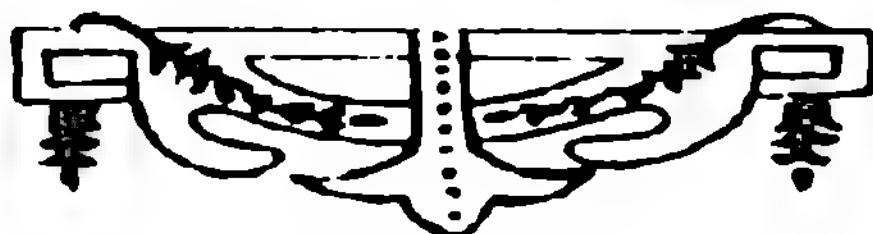
Я, давшая вам знания в дар,
Изобретательница чар!
Но горе в чем? Макбет — злодей
Без ваших колдовских затей.
Не из-за вас он впал в порок,
А сам бездушен и жесток.
Чтоб обеспечить наш успех,
Загладить надо этот грех.
В пещере я вас соберу,
Куда придет он поутру,
Чтоб дальше про свою судьбу
Узнать чрез вашу ворожбу.
Там вы во всеоружье зла
Колдуйте около котла,
А я за эту ночь введу
Макбета в верную беду.
К луне несет меня тропа.
На кончике ее серпа
Слезой повис смертельный сок.
Схвачу, покамест он не стек.
Тот яд Макбета ослепит,
И он, забывши страх и стыд,
Вообразит, что вправду он
От ран и смерти огражден.
Людей погибель — в похвальбе,
В уверенности их в себе.

Музыка и пение за сценой.

Геката и ведьмы. Рисунок Дж.Джилберта

Но я спешу. Нам надо разойтись.
Меня малютки-духи кличут ввысь.

(Исчезает.)

Первая ведьма

Ну, не зевай. Она вернется скоро.

Уходят.

Сцена 6

Форрес. Комната во дворце.

Входят Ленокс и другой лорд.

Ленокс

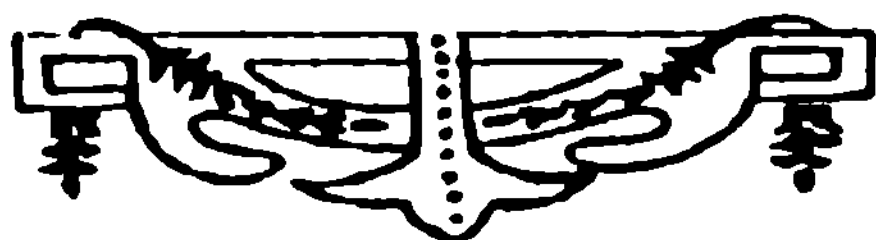
Мои намеки — только ведь ответ
На ваши мысли. Правда, сопоставим:
Как о Дункане горевал Макбет!
И как не плакать — человек ведь умер.
Наш храбрый Банко ехал в поздний час,
Вот и погиб. И вы подумать вправе,
Что Флинс его убил: ведь Флинс бежал.
Итак, не надо ездить слишком поздно.
Найдется ль кто, кого б не потрясло
Злодейство Дональбайна и Малькольма?
Убить такого редкого отца!
Чудовищно! Как этим огорчился
Макбет! Как к месту был священный гнев,
В котором он убил двух негодяев,

Добычу опьянения и сна!
Как благородно! Как умно! Иначе
Мерзавцы стали все бы отрицать,
Бессовестностью всех нас возмущая.
И если бы Малькольм и Дональбайн
Попались, от чего храни их боже,
Он им, а также Флинсу б показал,
Что значит убивать отца! Но тише.
За вольные слова и за отказ
Прийти на пир к тирану, как я слышал,
В немилость впал Макдуф. Где он сейчас?

Л о р д

Дункана сын, которого права
Присвоил этот похититель власти, —
Желанный гость английского двора.
Ему там Эдуард благочестивый
Помог забыть превратности судьбы.
Туда отправился Макдуф с мольбою
О помощи, чтобы святой король
Послал в защиту нам Нортумберленда
И Сиварда и с помощью творца
Мы возвратили то, что потеряли:
Хлеб за обедом и спокойный сон,
Чтоб не грозили нам в гостях кинжалы,
Чтоб искренне любили мы престол
И пользовались полными правами.

Макбет узнал про все. Он вне себя
И, кажется, готовится к походу.

Л е н о к с

А звал ли сам Макбет к себе Макдуфа?

Л о р д

О да. Но тан ответил: “Не явлюсь”.
Гонец нахмурился и удалился,
Ворча: “Поплатишься ты за ответ”.

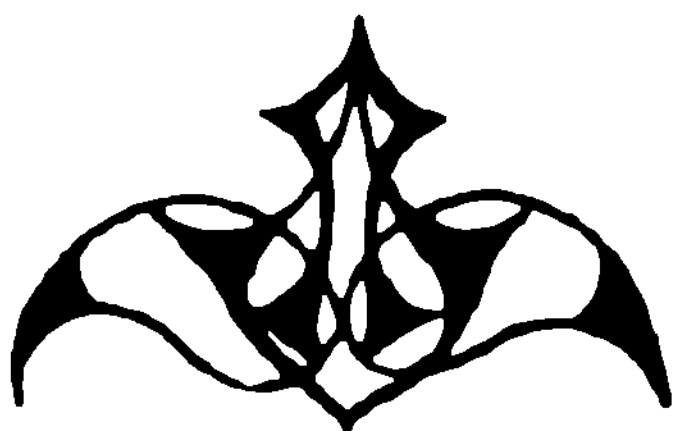
Л е н о к с

Вот это-то его и побудило
К предосторожности, и он бежал,
Чтоб переждать тот гнев на расстоянье.
Пусть добрый ангел будет на пути
К английскому двору его защитой,
Чтобы благословенье низошло
На бедную отчизну под проклятой
Рукою притеснителя.

Л о р д

Аминь!

(Уходит.)

АКТ IV

Сцена 1

Пещера. Посреди нее — кипящий котел. Раскаты грома.

Входят три ведьмы.

Первая ведьма

В третий раз мяукнул кот.

Вторая ведьма

Ежик писк свой издает.

Третья ведьма

Гарпии кричат.

Первая ведьма

Пора

В хоровод вокруг костра.

Хоровод пошел, пошел.

Все, что с вами, — шварк в котел!

Жаба, в трещине камней
Пухнувшая тридцать дней,
Из отрав и нечистот
Первою в котёл пойдет.

В с е

Взвейся ввысь, язык огня!
Закипай, варись, стряпня!

В т о р а я в е д ь м а

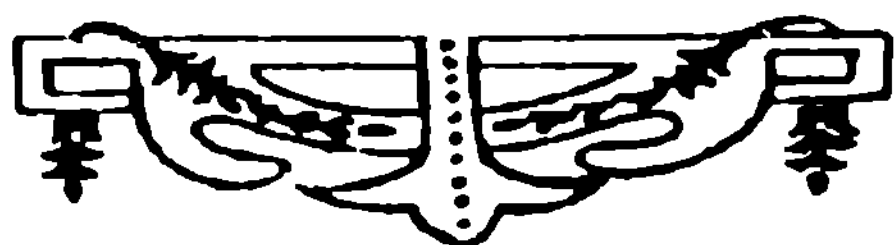
А потом — спина змеи
Без хвоста и чешуи,
Песья мокрая ноздря
С мордою нетопыря,
Лягушиное бедро,
И совиное перо,
Ящериц помет и слизь
В колдовской котел вались!

В с е

Взвейся ввысь, язык огня!
Закипай, варись, стряпня!

Т р е т ь я в е д ь м а

Волчий зуб кидай в горшок
И драконий гребешок.
Брось в него акулы хрящ,

Хворост заповедных чаш,
Запасенный в холода,
Печень нехристя-жида,
Турка нос, татарский лоб,
Матерью в грязи трущоб
При рожденье, миг спустя,
Удушенное дитя,
Погребенное во рву,
Чтобы обмануть молву.
Эй, кипи, кипи, бурда!
А последнею сюда,
Чтоб бурлила наверху,
Бросим тигра требуху!

В с е

Взвейся ввысь, язык огня!
Закипай, варись, стряпня!

В т о р а я в е д ь м а

Чтоб отвар остыл скорей,
Обезьяньей крови влей.

Входит Г е к а т а.

Г е к а т а

Вы все сварили к кутежу.
Я вас за это награжу.
Но надо цель иметь в виду:

Попеть, сплясать и на ходу
Заклясть, заговорить бурду.

Музыка и пение. Геката уходит.

В т о р а я в е д ь м а

Пальцы чешутся. К чему бы?
К посещенью душегуба.
Чей бы ни был стук,
Падай с двери крюк.

Входит М а к б е т.

М а к б е т

Чем заняты, ночные вы чертовки?

В с е

Нельзя назвать.

М а к б е т

Откуда бы ни шли
Познанья ваши, я вас заклинаю
Тем, что творите вы, ответьте мне.
Пусть ваш ответ повалит колокольни,
Утопит в океане корабли,
Прибьет хлеба поднявшеюся бурей,
Деревья с корнем вывернет в лесах,
Обрушит крыши замков на владельцев,

Пускай перемешает семена
Всего, что существует во вселенной,
Ответьте все равно на мой вопрос!

Первая ведьма

Так спрашивай.

Вторая ведьма

Задай вопрос.

Третья ведьма

Ответим.

Первая ведьма

Ты хочешь знать ответ из наших уст
Или от высших духов?

Макбет

Пусть предстанут.

Первая ведьма

Кровь свиньи, три дня назад
Съевшей девять поросят,
И повешенного пот
На огонь костра стечет.

В с е

Мал ли ты или велик,
Призрак, покажи свой лик.

Гром. Подымается первый призрак:
голова в шлеме.

М а к б е т

Скажи, неведомый...

П е р в а я в е д ь м а

Он знает мысль твою.
Лишь слушай и не говори ни слова.

П е р в ы й п р и з р а к

Макбет, Макбет, Макдуфа берегись,
Макдуфа, тана фэйфского. Довольно.

(Уходит в землю.)

М а к б е т

Кто б ни был ты, спасибо, что меня
Предостерег так метко. Но послушай...

П е р в а я в е д ь м а

Он просьб не слушается. Вот другой,
Сильнее первого.

Гром. Подымается второй призрак:
окровавленный младенец.

Второй призрак

Макбет! Макбет! Макбет!

Макбет

Я б слушать мог тебя тремя ушами.

Второй призрак

Лей кровь, играй людьми. Ты защищен
Судьбой от всех, кто женщиной рожден.

(Уходит в землю.)

Макбет

Живи, Макдуф! Что мне тебя бояться!
Но нет, упрочу свой покой
вдвойне.

Судьба судьбою, а тебя не станет.
Тогда меня уж не обманет страх
И гром не помешает спать ночами.

Гром. Подымается третий призрак:
дитя в короне, с ветвью в руке.

А это вышел кто из-под земли?
По-видимому, царственного рода,
С короной на младенческом челе.

Все

Не разговаривай. Молчи и слушай.

Т р е т и й п р и з р а к

Будь смел, как лев. Никем и никаким
Врагом и бунтом ты не победим.
Пока не двинется наперерез
На Дунсинанский холм Бирнамский лес.

М а к б е т

Но этого не может быть! Я рад.
Нельзя нанять деревья, как солдат.
Нельзя стволам скомандовать: вперед.
Пророчество мне духу придает.
Цари, Макбет, покамест не полез
На Дунсинанский холм Бирнамский лес.
Всю жизнь неси уверенно венец
В надежде на естественный конец.
Еще одно, прошу, ответьте мне:
Род Банко будет ли царить в стране?

В с е

Довольно спрашивать.

М а к б е т

Я знать хочу.
Иль будьте прокляты вы все навеки!

Котел проваливается сквозь землю.
Куда пропал котел? И что за шум?

Музыка.

Первая ведьма

Явитесь!

Вторая ведьма

Явитесь!

Третья ведьма

Явитесь!

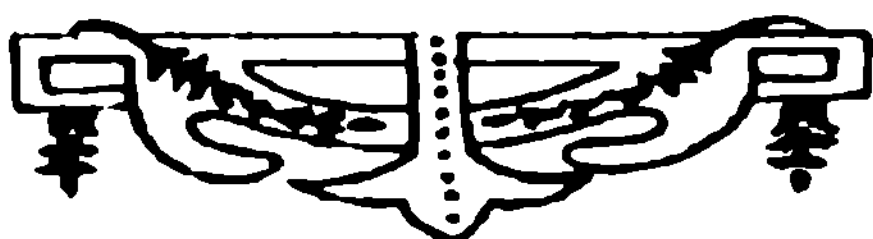
Все

Чуть мелькнете, скройтесь с глаз!
С болью он запомнит вас.

Появляются призраки: восемь королей, из которых последний
с зеркалом в руке. За ними следует дух Банко.

Макбет

Ты чересчур похож на Банко! Сгинь!
Глаза мне колешь ты своей короной.
Второй похож на первого. За ним
Еще один! Все три — одной породы.
Проклятые колдуньи, для чего
Меня вы злите видом их? — Четвертый!
Чтоб я ослеп! До Судного ли дня
Продлится эта ветвь? — Какой-то новый!
Седьмой! Я больше не хочу смотреть!
Но в зеркале я вижу у восьмого

Сплошную вереницу королей
Со скипетром тройным, с двойной державой.
И зрелище — не сказка. С торжеством
Дух Банко мне показывает пальцем
На правнуков своих.

Призраки исчезают.

Так быть должно?

Первая ведьма

Так быть должно, так рок судил.
Но ты, Макбет, что приуныл?
Давайте обществом своим
Его втроем развеселим.
Я песню затяну без вас,
А вы пуститесь обе в пляс,
Чтобы король Макбет потом
Не жаловался на прием.

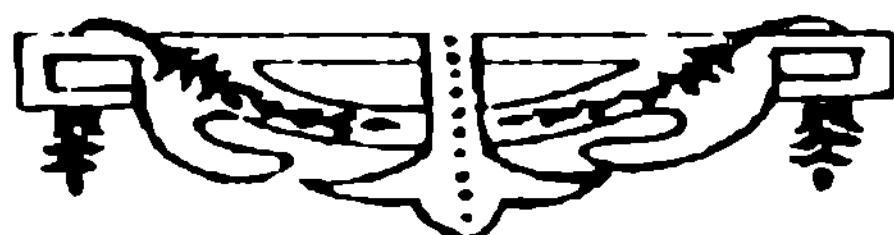
Музыка. Ведьмы танцуют и затем исчезают.

Макбет

Где ведьмы? Скрылись? Пусть же этот час
Останется отмеченным проклятьем
В календаре! — Эй, вы! Кто там? Сюда!

Ленокс

Что вам угодно?

Макбет

Ты старух не видел?

Ленокс

Нет, государь.

Макбет

Они сейчас с тобой
Не разминулись?

Ленокс

Нет, я не заметил.

Макбет

Чума возьми их по пути и всех,
Кто верит в них! Я слышал конский топот.
Кто это?

Ленокс

Это трое верховых
Со срочным донесеньем о Макдуфе.
Он в Англию бежал.

Макбет

Макдуф бежал?

Ленокс

Да, государь.

Макбет
(в сторону)

Ты предварило, время,
Мои деянья страшные. Нельзя
Откладывать решения. Да будут
Созданья чувств, родясь, созданием рук.
Так я и стану поступать отныне.
Я Файф возьму себе и захвачу
Макдуфа замок. Всё, что будет в замке —
Его жену, детей, родню и слуг, —
Я вырежу. Не буду знать покоя,
Пока не кончу этого всего.
И это не пустое хвастовство.
Довольно духов вызывать!

(Леноксу.)

А где же
Гонцы? Пойдём, и покажи мне их.

Уходят.

Сцена 2

Файф. Комната в замке Макдуфа.

Входят леди Макдуф, её сыни и Росс.

Леди Макдуф

Что сделал он такого, чтоб бежать?

Р о с с

Терпение.

Л е д и М а к д у ф

А он имел терпенье?
Его побег — безумье. По делам
Он не предатель, по своим же страхам
Им кажется.

Р о с с

Нам рано говорить,
Что это, — страх или благоразумье.

Л е д и М а к д у ф

Благоразумье! Бросить дом, жену,
Детей и всех в таком опасном месте,
Откуда сам он вынужден бежать!
Он нас не любит, чувств лишён природных.
Малейшая из птичек, королёк,
Своих птенцов отстаивает грудью
От страшных сов. А он? От нелюбви
И страхи лишние. Благоразумье!

Р о с с

Спокойнее, сестрица! Ваш супруг
Умён и добр. Он лучше многих знает,

Что делать в наше время. Ничего
Я не прибавлю. Времена ужасны,
Когда винят в измене и никто
Не знает почему; когда боятся
Ползущих слухов, не имея средств
Опасность уяснить; когда безвестность
Колышется кругом, как океан,
И всех подбрасывает, как скорлупку.
Прощайте. Я вас скоро навещу.
Мы у предела. Хуже быть не может,
И либо должен наступить конец,
Иль наконец настанет облегченье.
Прощай, малыш! Храни тебя господь!

Л е д и М а к д у ф

Отец в живых, а сын осиротел!

Р о с с

Нельзя у вас мне медлить. Я напорчу
Себе и вам. Прощайте. Ухожу.

(Уходит.)

Л е д и М а к д у ф

Отец твой умер. Что ты будешь делать?
Чем жить?

С ы н

Чем птички, мамочка, живут.

Л е д и М а к д у ф

Червями? Мошкарою?

С ы н

Чем придётся.

Как птички.

Л е д и М а к д у ф

Ах ты, бедный воробей!

А ты силков и клеток не боишься?

С ы н

Не ставят их на бедных воробьёв. —
Отец мой жив, чтоб ты ни говорила.

Л е д и М а к д у ф

Нет, умер. Где ты нового возьмёшь?

С ы н

А где ты мужа нового добудешь?

Л е д и М а к д у ф

Куплю на каждом рынке двадцать штук.

С ы н

Чтобы на следующий день продать их.

Л е д и М а к д у ф

Ты судишь в меру сил своих и всё ж
Не по летам умён.

С ы н

Отец — изменник?

Л е д и М а к д у ф. Да.

С ы н. А что такое изменник?

Л е д и М а к д у ф. Тот, кто клянётся и не держит своего слова.

С ы н. И все, кто так делает, изменники?

Л е д и М а к д у ф. Да, всякий, кто так поступает, изменник и должен быть повешен.

С ы н. Все, кто клянётся и не держит своего слова?

Л е д и М а к д у ф. Да, все.

С ы н. А кто их должен вешать?

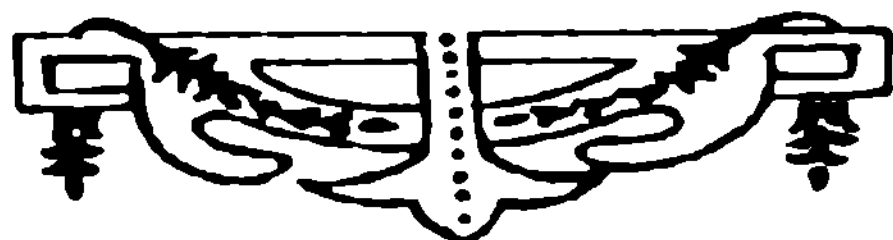
Л е д и М а к д у ф. Честные люди.

С ы н. Так ведь эти изменники попросту дураки! Этих изменников так много, что они сами могли бы напасть на честных и всех их перевешать.

Л е д и М а к д у ф. Спаси тебя господь, бедная мартышка! Где же ты все-таки раздобудешь отца?

С ы н. Если б он умер, ты бы плакала. А если бы не плакала, то тогда это был бы хороший знак, что я скоро заполучу нового отца.

Л е д и М а к д у ф. Только послушать, что ты мелешь, болтунишка!

Входит г о н е ц.

Г о н е ц

Храни нас бог, сударыня. Я вам
Неведом, хоть и полон к вам почтения.
К вам близится опасность. Мой совет,
Хотя я человек простой: спешите
Бежать с детьми. Вам в замке
быть нельзя.

Бесчеловечно вас пугать. Но много
Бесчеловечней не предупреждать.
Беда уже близка. Храни вас небо!
Я должен скрыться.

(Уходит.)

Л е д и М а к д у ф

Но куда бежать?
Я ничего не сделала дурного!
Но я забыла: я ведь на земле,
Где делать нехорошее похвально
И безрассудно совершать добро.
Что ж я хочу по-женски
защититься
Тем, что не причинила людям зла?

Входят у б и й ц ы.

О, что за лица!

Первый убийца

Где ваш муж?

Леди Макдуф.

Надеюсь,

Не в месте воровском каком-нибудь,
Где б мог с тобой столкнуться.

Первый убийца

Он изменник.

Сын

Лжешь, негодяй лохматый!

Первый убийца

Ишь какой!

Изменника последыш!

(Закалывает его.)

Сын

Мама, мама!

Убили, мамочка! Беги, беги!

(Умирает.)

Леди Макдуф убегает с криком: “Убийцы!”

Убийцы преследуют её.

Сцена 3

Англия. Перед дворцом короля.

Входят Малькольм и Макдуф.

М а л ь к о л ь м

Уединимся где-нибудь в тиши
И выплачем всё горе.

М а к д у ф

Лучше вынем
Мечи и встанем за несчастный край,
Откуда каждый день несётся новый
И новый слёзный стон сирот и вдов
И заставляет небо содрагаться
И как бы над Шотландией рыдать.

М а л ь к о л ь м

Я плачу лишь о том, чему я верю,
И верю лишь тому, что знаю сам.
Я выступлю, когда найду опору
И время подойдёт. Из ваших слов
Мне ясно вот что: этот притеснитель,
Чьё имя режет слух, когда-то слыл
Порядочным, и вы его любили.
Он вам ещё ничем не досадил.
Я молод, слаб. Вам ничего не стоит

Разгневанному богу принести
Меня, невинного ягнёнка, в жертву
И тем умилоstitвить божество.

М а к д у ф

Я не предатель.

М а л ь к о л ь м

Но Макбет — предатель.
Повиноваться воле короля
Ваш долг, долг подчинённого. Простите,
Но вашей скрытой сущности никак
Не переделают мои догадки.
Пресветлы ангелы, хотя из них
Пал самый светлый. Оттого что подлость
Глядит невинностью, нельзя хотеть,
Чтобы невинность изменила внешность.

М а к д у ф

Конец моим надеждам!

М а л ь к о л ь м

А ведь с них
И начались мои сомненья. Странно,
Как вы могли уехать, не простясь
С женою и детьми, ценнейшим в жизни?

Не гневайтесь, наверно, я не прав
И только вынужденно осторожен.

М а к д у ф

Мой край несчастный, кровью истекай!
Насилье, зло, царите безраздельно!
На вас не смеет посягнуть добро,
Ваш произвол надёжно узаконен.
Прощайте, принц! Ценою всех земель
Шотландии и всех богатств Востока
Не согласился б быть тем подлецом,
Каким кажусь я вам.

М а л ь к о л ь м

Не обижайтесь.

Тут не одно лишь недоверье к вам.
Страна исходит кровью и слезами
Под тяжким игом. Каждый божий день
Ей прибавляют раны. Знаю это.
Немало, знаю, рук бы поднялось
В мою защиту. Англия готова
Дать много тысяч войска. А меж тем,
Когда бы даже я и сверг тирана
И поднял голову его на меч,
Не потерпела б родина ущерба
И не попала б в худшую беду,
Когда на трон взойдет преемник.

М а к д у ф

Кто он?

М а л ь к о л ь м

Я сам. Моим порокам нет числа.
Когда их выяснят, со мною рядом
Макбет, как он ни чёрен, станет бел,
Как снег, и вам покажется овечкой.

М а к д у ф

О нет! Никто из дьяволов в аду
С чудовищным Макбетом не сравнится.

М а л ь к о л ь м

Согласен: он жесток, распутен, лжив,
Коварен, необуздан и повинен
Во всех семи грехах. Но нет границ
Разгулу моему. Мои желанья
Не знают удержу. Ещё сильнее
Моё корыстолюбье. Из корысти
Переказнил бы я всю знать страны,
Чтоб отобрать её дома и земли.
Чем больше б я сокровищ загребал,
Тем только б становился ненасытней
И заводил бы с лучшими людьми
Суды и тяжбы ради их богатства.

Макдуф

Такая жадность хуже и страшней,
Чем сластолюбье. Эта ненасытность
Сгубила многих королей. И всё ж
Шотландия достаточно богата,
Чтоб вас законно удовлетворить.
Нет, это всё терпимо, если только
Есть чем пороки эти уравнивать.

Малькольм

Но их во мне уравновесить нечем —
Достоинств нет во мне, вот в чём беда.
Что требуется королю? Правдивость,
Разумность, справедливость, доброта,
Бесстрашие, постоянство, благочестье,
А я — собрание всех обратных свойств.
Нет, обладай я королевской властью,
Я б в царстве всё перевернул вверх дном,
Разрушил нравственность, покой, порядок
И молоко согласия вылил в ад.

Макдуф

О бедный край!

Малькольм

Ну как, достоин править,
По-вашему, подобный человек?

М а к д у ф

Достоин ли он править? Жить на свете
Он недостоин! Бедный мой народ!
Как вырваться теперь тебе на волю
И как дождаться лучших дней, когда
Твоя надежда, твой прямой наследник
Сам низложил себя и запятнал
Своё рожденье сделанным признаньем!
Отец твой был святейшем королём,
А мать стояла чаще на коленях,
Чем подымалась с них, молясь всю жизнь.
Твои разоблаченья преграждают
Мне путь назад в Шотландию. Прощай.
Всему конец! О, горькое изгнание!

М а л ь к о л ь м

Макдуф, твой гнев, рождённый прямою,
В моей душе рассеял подозренья.
Ты чист и прав. Я сердцем всем с тобой.
Макбет не раз мне расставлял ловушки
И научил не верить ничему.
Но ты — другое дело, и отныне
Лишь бог судья меж мною и тобой.
Я отдаюсь в твоё распоряжение
И тут же объявляю клеветой
Всё, что возвёл я на себя нарочно,
Чтоб испытать тебя. Я не такой.

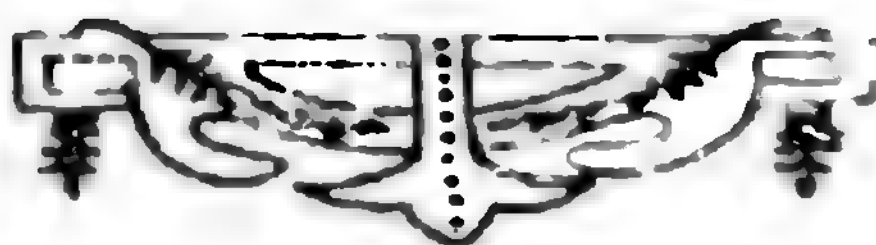

Я девственник ещё, ни разу клятве
Не изменял, не трясся над своим,
Не то чтоб позавидовать чужому.
Я чёрта не предам другим чертям.
Мне правда дорога, как жизнь. Впервые
Я лгал сегодня, оболгав себя.
Всё, что я есть, Макдуф, на самом деле
Принадлежит отчизне и тебе.

Шотландские воины. Рисунок неизвестного художника

Уже готово войско в десять тысяч
Под Сиварда командой, и теперь
Мы выступим. Да будет в правом деле
Удача нам! Что ж ты молчишь?

Макдуф

Нельзя

Перелетать от горя сразу к счастью.

Входит врач.

Малькольм

**Ну хорошо. Поговорим потом. —
Что, выйдет ли король сегодня, доктор?**

Врач

**Да, принц. Там собралась уже толпа
Несчастных в ожиданье исцеленья.
Перед болезнью их бессилён врач.
А он — едва притронется к больному,
И тот здоров. Такая благодать
Дана его руке.**

Малькольм

Спасибо, доктор.

Врач уходит.

Макдуф

Что это за болезнь?

Малькольм

Народ зовет

**Её тут немошью. Угодник божий —
Король с ней производит чудеса.**

Я сам бывал свидетелем нередко,
С тех пор как в Англии. Не знаю, чем
Он вымолил у неба эту силу,
Но золотушных в язвах и прыщах,
Опухших, гнойных и неизлечимых
Он лечит тем, что молится за них
И вешает монетку им на шею.
Я слышал, будто этот чудный дар
Останется в роду его.

Входит Росс.

Макдуф

Не знаешь,
Кто это там?

Малькольм

По платью — наш земляк,
А кто, не знаю.

Макдуф

Друг ты мой, откуда?
Мой свойственник!

Малькольм

Теперь и я узнал.
Все мы — скитальцы, чуждые друг другу.
Верни домой нас, господи!

Р о с с

Аминь!

М а к д у ф

В Шотландии по-прежнему?

Р о с с

К несчастью.

Страна неузнаваема. Она
Уже не мать нам, но могила наша.
Улыбку встретишь только у блажных.
К слезам привыкли, их не замечают.
К мельканью частых ужасов и бурь
Относятся, как к рядовым явлениям.
Весь день звонят по ком-то, но никто
Не любопытствует, кого хоронят.
Здоровяки хиреют на глазах
Скорей, чем вянут их цветы на шляпах,
И умирают, даже не болев.

М а к д у ф

Как верно это всё и как ужасно!

М а л ь к о л ь м

Кто новый пострадавший?

Р о с с

Каждый час

Их прибавляет, новости стареют,
И я освистан буду за рассказ.

Макдуф

Ну, как моя жена?

Росс

Без перемены.

Макдуф

А дети как?

Росс

Всё так же.

Макдуф

Изувер

Их мира не нарушил?

Росс

Не нарушил.

Я в мире их оставил.

Макдуф

Не цеди

Слова так скупю. Расскажи подробней,
Как там дела.

Р о с с

Когда я выезжал

**С такими тягостными новостями,
По слухам, много наших поднялось,
И это подтвердилось по дороге.
Я заставлял передвиженья войск,
Которые Макбет готовит к бою.
Теперь пора. Спешите. Ваш приход
Родит солдат в Шотландии, заставит
Вооружиться женщин, чтобы всем
Стряхнуть с себя поработенья бремя.**

М а л ь к о л ь м

**Утешь их: мы решили выступать.
Нам Англия даёт большое войско
И полководца Сиварда, бойца
На зависть прочим в христианском мире.**

Р о с с

**О, если б мог за радость я воздать
Такой же вам! Но то, что мне известно.
В пустыне мог бы только я провыть,
Чтобы никто не слышал.**

М а к д у ф

**Это горе
Для всех или кого-то одного?**

Р о с с

Для всех, кто только наделён душою,
Но главное касается тебя.

М а к д у ф

Но если так, рассказывай скорее!

Р о с с

Но не возненавидь, не прокляни!
Ты будешь оглушён сейчас. Такого
Ещё не слышал в жизни ты.

М а к д у ф

О, я

Догадываюсь.

Р о с с

Замок твой захвачен,
Зарезаны жена и дети все.
Подробным описанием этой бойни
Я б умертвил тебя в придачу к ним.

М а л ь к о л ь м

Всемилоственный боже!.. Друг мой, шляпу
Не надвигай на брови. Волю дай
Отчаянью. Та скорбь, что не рыдает,
Закравшись в душу, сердце разрывает.

Макдуф

Ты говоришь, и дети?

Росс

Да, жена

И дети, слуги — все, кто им попался,
Зарезаны.

Макдуф

А я был далеко!

Жена убита тоже?

Росс

Ты ведь слышал.

Малькольм

Макдуф, мужайся и найди исход
В достойном мщении.

Макдуф

Но Макбет бездетен! —

Всех бедненьких моих? До одного?
О изверг, изверг! Всех моих хороших?
Всех, ты сказал? И жёнушку мою?
Всех разом?

Малькольм

В горе будь теперь мужчиной.

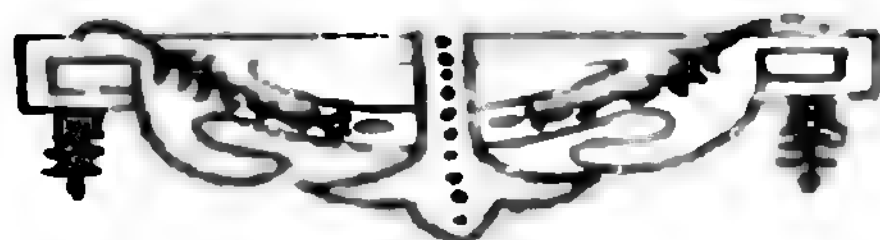

Макдуф

Я буду им. Но я и человек,
И не могу забыть того, что жизни
Давало смысл. И сверху небеса
Видали это и не заступились?
Из-за тебя убили их, Макдуф.

Шотландский тан. Рис. Дж.Джилберта

Не их вина, но ты тому причиной.
Ты, недостойный, ты на них навлёк
Такую гибель, упокой их небо!

М а л ь к о л ь м

Точи свой меч об этот оселок,
Не знай покоя, распаляйся гневом.

М а к д у ф

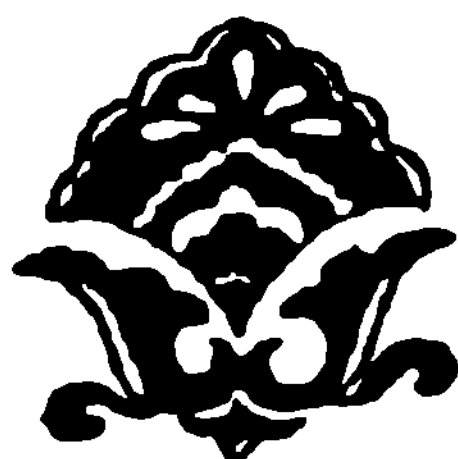
Не надо бесноваться на словах
И слёзы лить, как женщина. О боже,
Скорей сведи меня лицом к лицу
С моим врагом и демоном шотландцев,
И если от меня уйдёт он цел,
Прости и ты ему!

М а л ь к о л ь м

Мужские речи!

Теперь пойдём скорее к королю.
Поход обдуман, надо лишь проститься.
Макбет созрел для гибели, и меч
Небесной кары поднят над злодеем:
Длиннейшей ночи долгая пора
Продлиться может только до утра.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Дунсинан. Комната в замке.

Входят врач и придворная дама.

В р а ч. Я уже две ночи дежурю с вами и не мог проверить ваших показаний. Когда в последний раз бродила спящая?

П р и д в о р н а я д а м а. После отъезда его величества к войску я это видела довольно часто. Она встаёт с постели, накидывает ночное платье, отпирает письменный стол, берёт бумагу, раскладывает, что-то пишет, перечитывает написанное, запечатывает и снова ложится в постель. И всё это не просыпаясь.

В р а ч. Какое раздвоение всей нашей природы! Пользоваться покоем ночного сна и быть охваченной дневной заботой! Скажите, в этом сонном возбуждении, кроме таких прогулок и названных вами движений, вы не слышали, чтобы она что-нибудь говорила?

П р и д в о р н а я д а м а. Этого, сэр, я никому не повторю.

В р а ч. Напрасно. Мне бы вы могли это сказать не колеблясь.

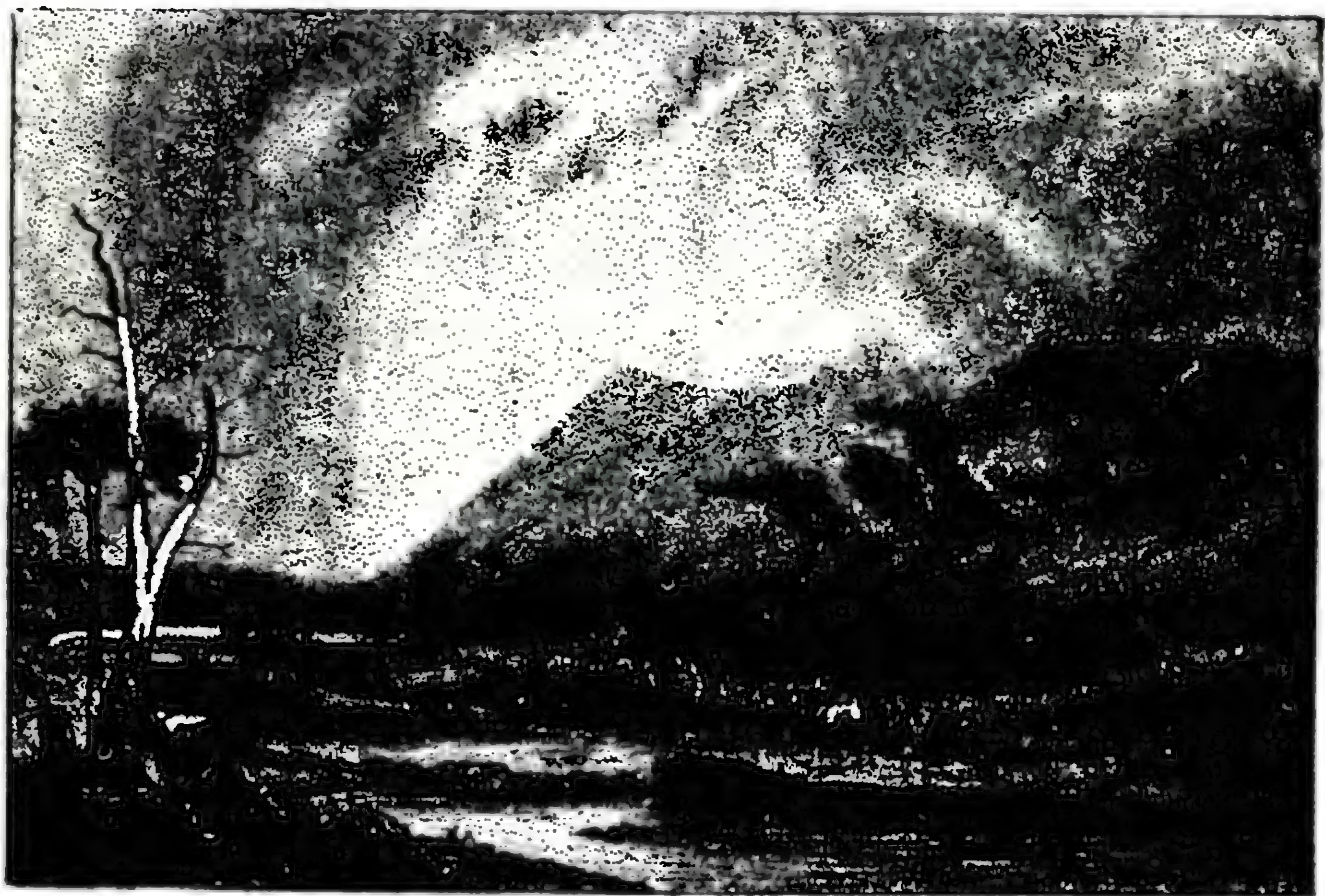
Придворная дама. Не скажу ни вам, ни кому другому, потому что нет свидетеля который подтвердил бы мои слова.

Входит леди Макбет со свечою.

Смотрите, вот она идет! Это ее обычный вид. И, клянусь вам, она крепко спит. Наблюдайте за ней. Станьте ближе.

Врач. Где взяла она свечу?

Придворная дама. Свеча стояла около ее постели. Спальня всегда освещена. Это ее приказание.

Замок Дунсинан. Художник Сарджент

В р а ч. Видите, глаза ее смотрят на нас!

П р и д в о р н а я д а м а. Да, но они ничего не видят.

В р а ч. Что это она делает? Как беспокойно она трет свои руки!

П р и д в о р н а я д а м а. Это ее привычка. Ей кажется, будто она их моет. Иногда это продолжается целые четверть часа.

Л е д и М а к б е т. Вот еще пятно.

В р а ч. Тсс, она говорит! Я запишу все, что она скажет, для памяти.

Л е д и М а к б е т. Ах ты, проклятое пятно! Ну когда же ты сойдешь? Раз, два... Ну что же ты? Пора за работу. Ада испугался? Фу, фу, солдат, а какой трус! Кого бояться? После того как это будет сделано, кто осмелится нас спрашивать? Но кто бы мог думать, что в старике окажется столько крови!

В р а ч. Вы слышали?

Л е д и М а к б е т. У тана файфского была жена. Где она теперь? Что это, неужели больше никогда я не отмою этих рук дочиста? Довольно, довольно, милый мой! Ты все погубишь этим вздрагиваньем.

В р а ч. Дальше, дальше. В жизни ты познала что-то недозволенное.

П р и д в о р н а я д а м а. Она выдала, чего не должна была говорить. Одно небо знает, какие у нее тайны.

Л е д и М а к б е т. И рука все еще пахнет кровью. Никакие ароматы Аравии не отобьют этого запаха у этой маленькой ручки! О, о, о!

Macbeth

В р а ч. Вы слышали этот вздох? Как отягощено ее сердце!
П р и д в о р н а я д а м а. Я бы не согласилась носить его в
груди ни за какие выгоды ее положения.

В р а ч. Еще бы, еще бы!

П р и д в о р н а я д а м а. Помоги ей, господи!

В р а ч. Ее недуг не по моей части. Но я знал лунатиков, ни
в чем не повинных, которые спокойно умирали в своих постелях.

Л е д и М а к б е т. Вымой руки. Надень ночное платье. По-
чему ты такой бледный? Повторяю тебе, Банко похоронили.
Он не может выйти из могилы.

В р а ч. Скажите пожалуйста!

Л е д и М а к б е т. В постель, в постель. Слышишь, стучат
в ворота. Идём, идём, идём. Дай мне руку. Сделанного не
воротишь. В постель, в постель, в постель. (*Уходит.*)

В р а ч. Теперь она ляжет?

П р и д в о р н а я д а м а. Немедленно.

В р а ч

Недобрая молва кругом. Насилья
Всегда ведут к насильственным концам.
Больная совесть лишь глухой подушке
Свои секреты смеет поверять.
Священник больше нужен ей, чем доктор.
Прости нас, грешных, господи! За ней
Смотреть необходимо. Удалите
Все острые предметы. Потрясён
Услышанным сейчас! Спокойной ночи.

Леди Макбет. Рисунок В.Каульбаха

От страшных дум захватывает дух,
Но не осмелюсь высказать их вслух.

П р и д в о р н а я д а м а .

Спокойной ночи, доктор.

(Уходит.)

Сцена 2

Местность близ Дунсинана. Барабаны и знамёна.

Входят Ментейс, Кэтнес, Ангус, Ленокс
и солдаты.

М е н т е й с

Отряды англичан недалеко.

Малькольм, Макдуф, Малькольмов дядя

Сивард

Начальствуют над войском. Все полны

Непримиримости. Их огорченья

Могли бы мёртвого расшевелить.

А н г у с

Наверно, мы их встретим по дороге

В Бирнамский лес. Туда лежит их путь.

К э т н е с

Что Дональбайн сопровождает брата?

Л е н о к с

Я выяснил, что нет. Я видел лист
Со списком близких нам дворян. Меж ними
Сын Сиварда и множество юнцов,
Мечтающих о боевом крещенье!

М е н т е й с

Что делает наш деспот?

К э т н е с

Укрепил

Свой Дунсинан. Одни предполагают,
Что он взбесился. Люди добрей
Находят в этом бешеную храбрость.
Одно лишь ясно: что в своих делах
Не может он свести концов с концами.

А н г у с

Так вот когда убийце отлилась
Кровь жертв его! В бесчисленных восстаньях
Прочёл он приговор своим делам.
Ведь не любовь — одни приказы движут
Оставшимися у него людьми.
Вот наконец когда он убедился,
Что титул короля на нём висит,
Как мантия гиганта на воришке.

Ментейс

Понятно, как клянёт он сам себя
И всё на свете, если поразмыслить,
Чем полон он, что делается в нём!

Кэтнос

Так в путь, друзья! Пойдём, изъявим верность
Тому, кто заслужил её, — врачу

Рисунок Джона Джильберта

Больной страны, и чтоб её очистить,
Прольём за родину всю нашу кровь.

Л е н о к с

По крайней мере, столько, сколько нужно,
Чтоб цвет венчанный не остался сух
И захлебнулся и погиб лопух.
Итак, вперёд, к Бирнаму!

Уходят.

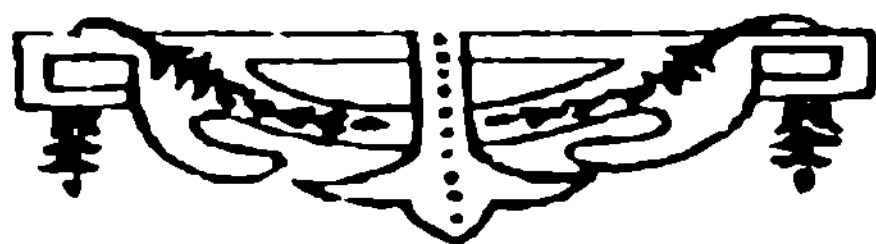
Сцена 3

Дунсинан. Комната в замке.

Входят Макбет, врачи свита.

М а к б е т

Не доносите больше ничего.
Пусть все бегут. Покамест лес Бирнамский
Не двинулся на Дунсинанский холм,
Мне страх неведом. Что в Малькольме этом?
Не женщиною разве он рождён?
Всезнающие духи мне сказали:
“Никто из тех, кто женщиной рождён,
Макбет, тебе не страшен, будь спокоен”.
Бегите ж, таны лживые, толпой
На сторону английских сластолюбцев.
Не дрогнет сердце у меня в груди,
Ничто мне не опасно впереди.

Входит слуга.

Чтоб чёрт тебя обуглил, беломордый!
Ты отчего так бледен? Вот глупец!

С л у г а

Там десять тысяч...

М а к б е т

Видимо, таких же
Глупцов, как ты?

С л у г а

Нет, государь, — солдат.

М а к б е т

Ты бел, как холст. Ступай и нарумянься.
Солдат, ты говоришь? Каких солдат?
Каких солдат, ничтожество?

С л у г а

Английских.

М а к б е т

Пошёл ты к чёрту!

Слуга уходит.

Сейтон! — А в душе
Я сам встревожен. — Сейтон! — Эта битва

Меня погубит или утвердит.
Я пожил на своём веку. Я дожил
До осени, до жёлтого листа.
На то, что скрашивает нашу старость —
На преданность, любовь и круг друзей, —
Не вправе я рассчитывать. Проклятья,
Прикрытые трусливой лестью, — вот
Что мне осталось да дыханье жизни,
Которую б не прочь я прекратить,
Когда бы с нею мог расстаться. — Сейтон!

Входит Сейтон.

Сейтон

Здесь, государь.

Макбет

Что нового?

Сейтон

Увы,

Известья подтвердились.

Макбет

Буду биться,
Пока не снимут мяса мне с костей.
Дай мне мой панцирь.

Сейтон

В нем еще покамест
Нет надобности.

Макбет

Я вооружусь.
Пошли побольше конных. Пусть объедут
Окрестности. На месте вешай всех,
Кто скажет про опасность.
Дай мой панцирь.

Сейтон уходит.

Ну, как больная, доктор?

Врач

Государь,
Она не так больна, как вихрь видений
Расстраивает мир её души.

Макбет

Избавь её от этого. Придумай,
Как удалить из памяти следы
Гнездящейся печали, чтоб

в сознание

Стереть воспоминаний письмена
И средствами, дающими забвенье,

Освободить истерзанную грудь
От засоряющих её придатков.

В р а ч

Тут должен сам больной себе помочь.

М а к б е т

Так выбрось псам свои лекарства!

Возвращается Сейтон с офицером.

Сейтон!

Стяни броню на мне. Подай копьё.
Ты выслал верховых? — А таны, доктор,
Бегут к врагам. Когда б ты распознал
Болезнь страны и на ноги поставил
Её, как встарь, я похвалой тебе
Надолго бы греметь заставил эхо.

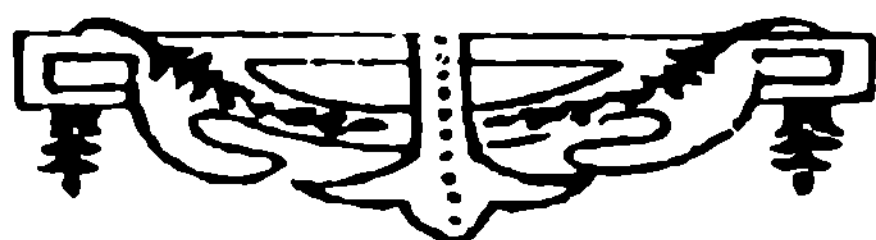
(Пытаясь снять доспехи, Сейтону.)

Сними броню! — Каким же ревенём
Или листом александрийским, доктор,
Очистить край от этих англичан?
О них ты слышал?

В р а ч

Как же, повелитель.

Приготовленья ваши нам дают
Понятье о вторженье.

Макбет
(Сейтону и офицеру)

Понесите
Ненужную броню за мною вслед.
Я смерти не боюсь, пока не сдан
Бирнамской роще замок Дунсинан.

Все, кроме врача, уходят.

Врач

Когда б из замка я убрался цел,
В него я вновь вернуться б не хотел.

(Уходит.)

Сцена 4

Бирнамский лес. Барабаны и знамена.

Входят Малькольм, Сивард-отец и Сивард-сын,
Макдуф, Ментейс, Кэтнес, Ангус, Ленокс,
Росси солдаты.

Малькольм

Друзья, я верю, близок день, когда
Жилища наши станут безопасны.

Ментейс

В том нет сомненья.

М а л ь к о л ь м

Это что за лес?

М е н т е й с

Бирнамский, принц.

М а л ь к о л ь м

Пусть каждый воин срубит
По ветви и несет перед собой.
Скрыв нашу численность, мы тем обманем
Противника.

С о л д а т ы

Сейчас исполним все.

С и в а р д

Как видно, деспот так в себе уверен,
Что укрепляет Дунсинан, решив
Выдерживать осаду.

М а л ь к о л ь м

Это ставка

Последняя. Вне укрепленных стен
Кто может, все, от мала до велика,
Бегут, и только этот гарнизон
Остался с ним, служа по принуждению.

Макдуф

Увидим по исходу. А пока
Доверимся солдатской нашей хватке.

Сивард

По счастью, пора недалеко,
Когда мы выясним наверняка,
Кто истинный союзник, кто наш враг.
Гаданьями тут не помочь никак.
Исход войны решит последний бой,
Которого и жду я всей душой.

Уходят.

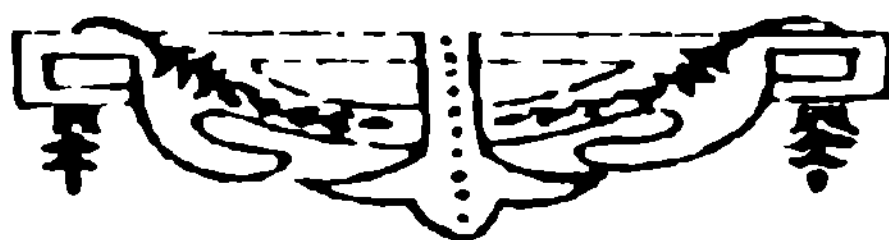
Сцена 5

Дунсинан. Внутри крепости.

Входят с барабанным боем и знаменами **Макбет**, **Сейтон**
и солдаты.

Макбет

Повесь вдоль стен знамена наши. Всюду
По-прежнему я слышу крик: “Идут!”
Смеется над осадой эта крепость.
Пусть окружают нас. Голод и болезнь
Их уничтожат. Если б наши таны
Их не усилили, я, не смутясь,
Одной бы вылазкой отбил их натиск.

Женские крики за сценой.

Что там за шум?

Сейтон

Крик женщин, государь.

(Уходит.)

Макбет

А я совсем утратил чувство страха.
Бывало, не шутя я леденел
От вскрика ночью, а от страшных сказок
Вздыхались волосы на голове.
С тех пор я ужасами сыт по горло,
Чудовищность сродни моей душе.
Что может напугать ее?

Возвращается Сейтон.

Откуда

Кричали?

Сейтон

Королева умерла.

Макбет

Не догадалась умереть попозже,
Когда б я был свободней, чем сейчас!
Мы дни за днями шепчем: "Завтра, завтра".
Так тихими шагами жизнь ползет

К последней недописанной странице.
Оказывается, что все “вчера”
Нам сзади освещали путь к могиле.
Конец, конец, огарок догорел!
Жизнь — только тень, она — актер на сцене.
Сыграл свой час, побегал, пошумел —
И был таков. Жизнь — сказка в пересказе
Глупца. Она полна трескучих слов
И ничего не значит.

Входит г о н е ц.

Ты явился
Работать языком. Руби скорее!

Г о н е ц

Не знаю, государь, как и сказать.

М а к б е т

Скажи скорее.

Г о н е ц

Я был сейчас в дозоре
И вдруг увидел, как Бирнамский лес
Как бы задвигался.

М а к б е т

Обманщик подлый!

Г о н е ц

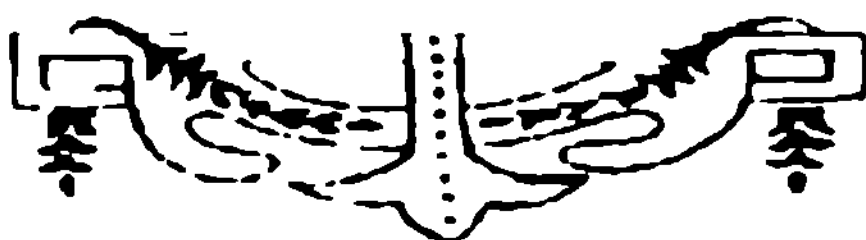
Казните гневом, если я соврал.
Пойдемте покажу. В трех милях виден
Навстречу замку шествующий лес.
Шагающая роща.

М а к б е т

Если это

Обман, повешу тут же на суку,
Чтобы живьем от голода ты высох,
А если правда, сам меня повесь.
Теперь я начинаю сомневаться.
Я веровал в двусмысленность. Меня
Поймал на правде дьявол, обнадежив:
“Спокоен будь, пока Бирнамский лес
Не двинулся на Дунсинан”. И что же?
Какой-то лес идет на Дунсинан.
К оружию, к оружию — и в поле!
Коль скоро то, что он сказал, не ложь,
Ни здесь, ни там спасенья не найдешь.
Я жить устал, я жизнью этой сыт
И зол на то, что свет еще стоит.
Бить сбор! Тревогу! Если гибель мне,
Хочу погибнуть в воинской броне.

Уходят.

Сцена 6

Там же. Равнина перед крепостью.
Барабаны и знамена.

Входят Малькольм, Сивард-отец, Макдуф
и их войско светвями.

М а л ь к о л ь м

Мы перед замком. Бросим ветви прочь
И явимся без лиственных прикрытий.

(Сиварду.)

Вам, дядя, с вашим сыном начинать
В передовом отряде. Мы с Макдуфом
Все прочее закончим, как о том
Условлено.

С и в а р д

Желаю вам удачи.
И если мы его не разобьем,
Туда нам и дорога, поделом.

М а к д у ф

Пускай трубят горнисты во весь дух,
Чтоб оглушить предвестьем
смерти слух.

Уходят.

Сцена 7

Другая часть равнины. Шум битвы.

Входит Макбет.

Макбет

Я как цепной медведь. Бежать
нельзя,
Но буду защищаться от облавы.
Кто женщиною не рожден? Лишь он
Мне страшен.

Входит молодой Сивард.

Молодой Сивард

Назови свое мне имя.

Макбет

Ты задрожешь, узнав его.

Молодой Сивард

О нет,

Будь это имя хуже самых страшных
Имен в аду!

Макбет

Меня зовут Макбет.

Молодой Сивард

Сам дьявол не сумел бы ненавистней
Моим ушам назваться.

Макбет

И страшней.

Молодой Сивард

Неправда, лжешь, презренный притеснитель!
Мечом я докажу, что ты не прав.

Они бьются, молодой Сивард падает мертвый.

Макбет

Ты женщиной рожден. Каким мечом
Ни угрожал бы женщиной рожденный,
Я буду цел без всякой обороны.

(Уходит.)

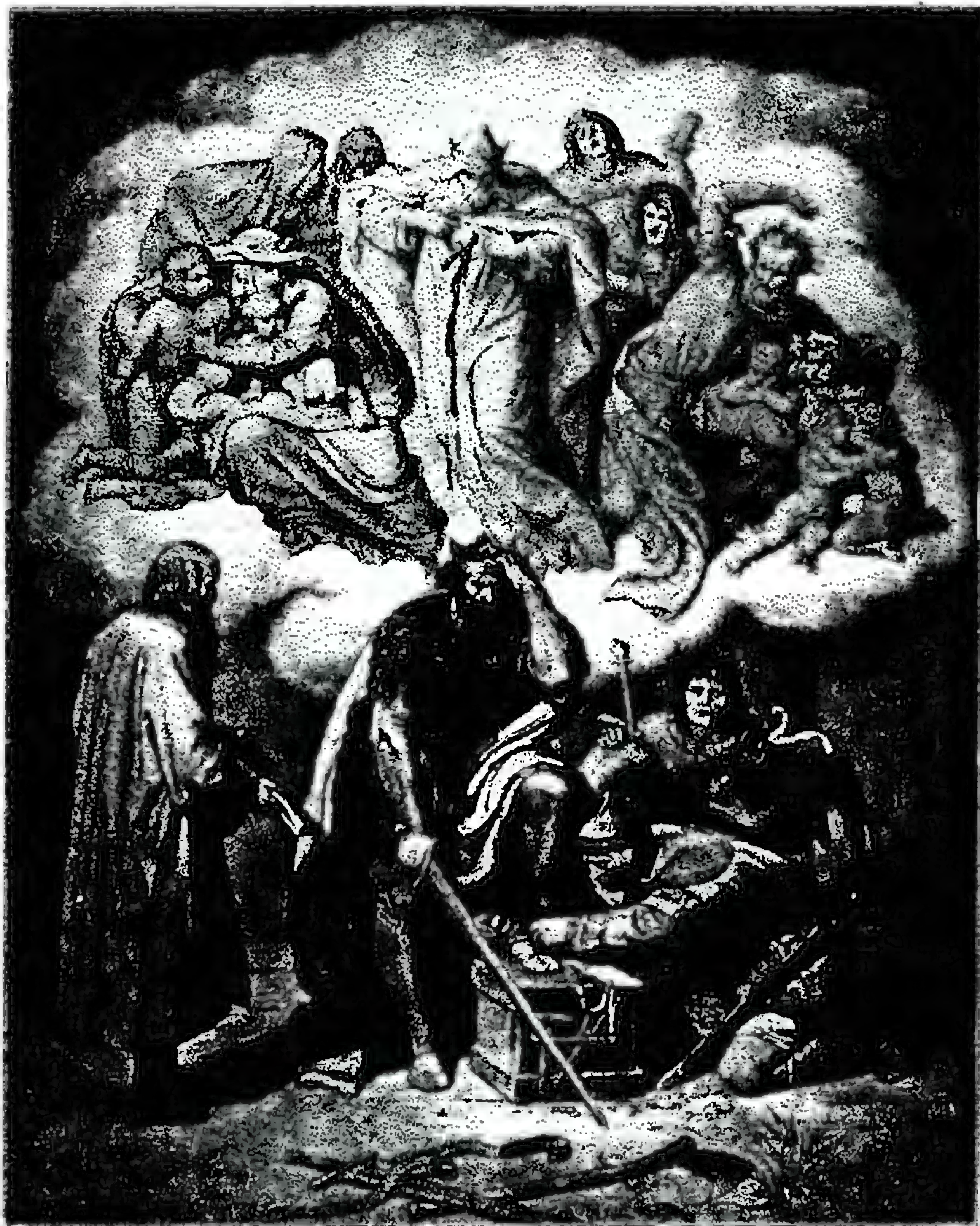
Шум битвы.

Входит Макдуф.

Макдуф

Вот где шумят. Мучитель, покажись
Когда б ты пал не от моих ударов,
Меня бы продолжали посещать
Не отомщенные навеки духи
Моей жены и маленьких детей.

Макбет перед последним боем. Рисунок В.Каульбаха

Я не могу рубить крестьян наемных.
Явись, Макбет, иль я вложу назад
В ножны свой меч, не побывавший
в деле.

Ты где-то там — по выкрикам сужу,
Что там боец испытанный дерется.
Судьба моя, мне Макбета найди,
Другого счастья в жизни мне не надо!

(Уходит.)

Шум битвы.

Входят Малькольм и старый Сивард.

С и в а р д

Сюда, принц. Замок сдался без борьбы.
Их люди рубятся в обоих станах.
Я танов храбростью не нахваляюсь —
Мы выиграли без труда сражение.
Еще немного — и конец.

М а л ь к о л ь м

Наш враг ●

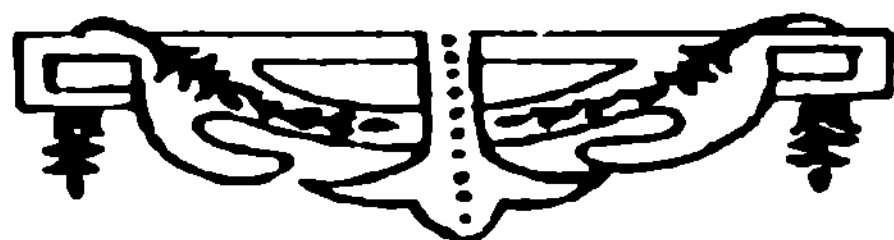
В душе за нас.

С и в а р д

Мой принц, войдемте в замок.

Уходят.

Шум битвы.

Сцена 8

Там же. Другой конец равнины.

Входит М а к б е т.

М а к б е т

Зачем, подобно римскому безумцу,
Кончать с собою, бросившись на меч?
Пока живых я вижу, лучше буду
Их убивать.

Входит М а к д у ф.

М а к д у ф

Сюда, проклятый пес!

М а к б е т

Из всех людей я лишь с одним тобой
Встречаться не хотел. И так уж кровью
Твоих домашних дух мой отягчен.

М а к д у ф

Я слов не нахожу. Тебе их скажет
Мой меч. Ты негодяй, какому нет
Достойного названья.

Они быются.

М а к б е т

Труд пропащий.

Ты легче можешь воздух поразить,
Чем нанести своим мечом мне рану.
Бей им по уязвимым черепам —
Я защищен заклатьем от любого,
Кто женщиной рожден.

М а к д у ф

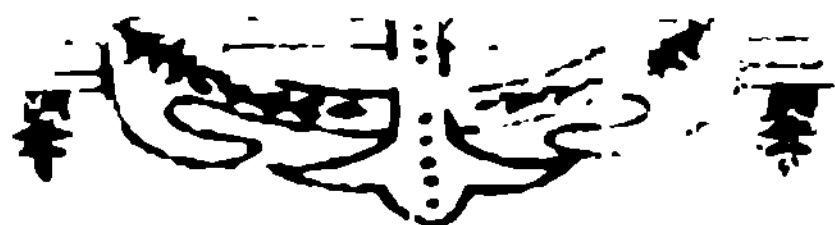
Так потеряй
Надежду на заклатье! Пусть твой демон,
Которому служил ты подтвердит:
До срока из утробы материнской
Был вырезан Макдуф, а не рожден.

М а к б е т

Язык отсохни, это возвестивший!
Он сразу мужество во мне сломил!
Не надо верить прорицаньям ада,
Проклатье им за их двоякий смысл!
Слова их не обманывают слуха,
Чтоб тем полней надежды обмануть.
Я не дерусь с тобой.

М а к д у ф

Так сдайся, трус!
Останься жить диковинкою века.
Твое изображение на шесте
Поставим мы, как выставляют чудищ,

И выведем под вывескою: “Здесь Тирана можно видеть”.

Я не сдамся.

Удаляются, сражаясь.

**Входят с барабанным боем и знаменами Малькольм,
Сивард-отец, Росс, Ленокс, Ангус, Кэтнес,
Ментейс и солдаты.**

**Хотел бы я, чтоб были невредимы
Отсутствующие.**

Нельзя без жертв.

М а л ь к о л ь м

Нет сына вашего и нет Макдуфа.

Р о с с

Ваш сын уж заплатил солдатский долг.
Он юношею жил и умер мужем,
Что он неоспоримо доказал
Бесстрашием в последнюю минуту.

С и в а р д

Так он убит?

Р о с с

И с поля унесен.
Не меряйте его заслуги горем,
А то безмерна будет ваша скорбь.

С и в а р д

Он ранен спереди?

Р о с с

Да, в лоб.

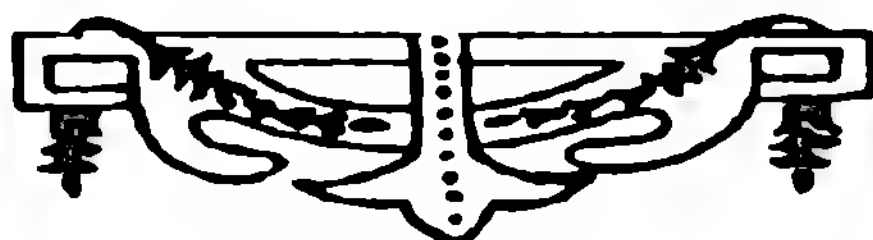
С и в а р д

Он будет
Воителем господним. Сыновьям,
Когда б я больше, чем волос, имел их,

Макдуф с головой убитого им Макбета. Рис. Дж. Джильберта

Я б лучшей смерти не желал. Вот мой
Надгробный звон по нем.

М а л ь к о л ь м

О нет, я память
Его сильнейшей скорбию почту.

С и в а р д

Скорбеть сильней обозначает слабость.
Он пал в бою, он с честью смерть нашел,
Он честно жил и с жизнью счеты свел.
Да будет с ним господь.

Входит М а к д у ф, неся голову Макбета.

Вот утешенье.

М а к д у ф

Живи, Малькольм! Теперь ты наш король.
Вот голова злодея. Край свободен.
Вокруг тебя, как жемчуг на венце,
Цвет королевства. Братья, грянем хором
От всей души: “Да здравствует король
Шотландии!”

В с е

Да здравствует шотландский
Король!

Трубный туш.

М а л ь к о л ь м

Не будем тратить время. Всем
Спасибо за любовь и помощь. Таны
И родственники, я решил ввести
В Шотландии впервые графский титул
И вам его даю. Нам надлежит

Провозглашение королем Малькольма. Рис. неизвестного художника

Вернуть друзей, бежавших от гонений,
К себе на родину. Переловить
Пособников и близких кровопийцы
И дьявола в венце, его жены,
Которая сама, как полагают,
Покончила с собой. Хоть дел не счесть,
Надежда есть, что лишь найдется время,
Мы с божьей помощью займемся всеми.
Друзья, еще раз низкий вам поклон,
Всех просим на коронаванье в Скон.

Трубы.
Уходят.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

“Гамлет, принц датский”

Трагедия “Гамлет” является одной из высочайших вершин творчества Шекспира. Это, пожалуй, наиболее популярное и, по мнению многих критиков, самое глубокое творение великого драматурга. Сила этой трагедии подтверждается не только ее популярностью среди читателей, но в особенности тем, что “Гамлет” — пьеса, занявшая одно из первых мест в репертуаре мирового театра, и она сохраняет его уже три с половиной столетия. Вместе с тем “Гамлет” — наиболее проблемное из всех творений Шекспира.

Если мыслителей волнует задача найти и определить сущность той философии, которая лежит в основе трагедии, то эстетиков увлекает задача установления тех художественных качеств, в силу которых это произведение приобрело актуальность для самых разных эпох общественной жизни и было воспринято как свое различными и даже противоположными течениями социально-философской мысли.

Наконец, “Гамлет” представляет собой проблему также и в специальном литературоведческом аспекте. История сюжета, время создания пьесы и ее текст принадлежат к числу вопросов, к сожалению, не поддающихся простому решению. Некоторые существенные стороны творческой истории “Гамлета” являются своего рода загадками, над распутыванием которых давно уже бьются исследователи.

Обилие проблем, связанных с великой трагедией Шекспира, получило отражение в обширной литературе, посвященной “Гамлету”. Об этой пьесе написано огромное количество исследований, критических работ и этюдов. Специальная библиография, составленная А.Рэйвенон, со-

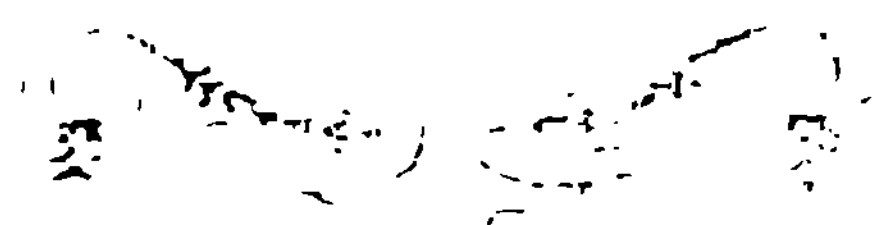
держит перечисление более чем двух тысяч книг и статей о “Гамлете”, опубликованных в период между 1877 и 1935 годами. Хотя еще не учтена полностью литература, посвященная трагедии за последние годы, тем не менее можно с уверенностью сказать, что поток исследований за это время отнюдь не уменьшился.

Как известно, Шекспир обычно не изобретал сюжетов для своих пьес. Он брал уже бытовавшие в литературе сюжеты и придавал им драматическую обработку. Иногда он инсценировал хроники, новеллы или поэмы, но нередко случалось, что он просто переделывал уже готовое драматическое произведение, созданное кем-то из его более или менее отдаленных предшественников. Так было и с “Гамлетом”.

Сюжет этот имел большую давность и неоднократно обрабатывался в литературе уже до Шекспира. Прототипом героя был полулегендарный принц Амлет, имя которого встречается в одной из исландских саг Снорри Стурласона.

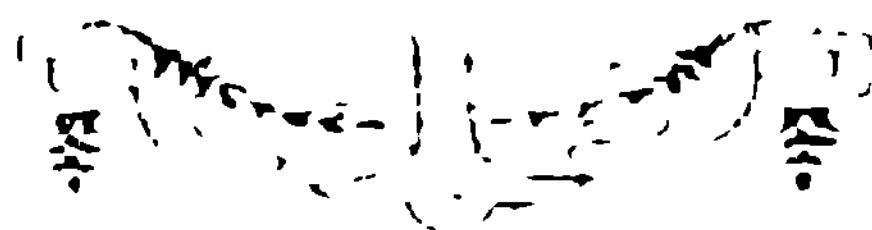
Первый литературный памятник, в котором рассказывается сага о мести Амлета, принадлежит перу средневекового датского летописца Саксона Грамматика (1150-1220). В своей “Истории датчан”, написанной около 1200 года на латинском языке, он сообщает, что история эта произошла еще в языческие времена, то есть до 827 года, когда в Дании было введено христианство.

Древняя сага содержит все основные элементы действия трагедии Шекспира. Различия касаются только второстепенных частных деталей и финала. Однако при всем сходстве сюжета идейный смысл скандинавского предания совсем иной, чем у Шекспира. Сага, изложенная Саксоном Грам-

матиком, вполне в духе разбойничьей морали средневекового феодального рыцарства. Что касается характера древнего Амлета и Гамлета Шекспира, то общего у них лишь то, что оба они люди большого ума. Но склад ума и помыслы у них совершенно различные, как различны и моральные понятия. Стремясь отомстить за отца, Амлет ничуть не колеблется. Вся его жизнь посвящена только одной этой задаче. Она нисколько не тяготит его, ибо естественно вытекает из суровых законов морали раннего средневековья, в духе которой он воспитан.

Следует также упомянуть о пьесе французского писателя Франсуа Бельфоре (1530-1583), вышедшей в 1576 году на французском языке (Бельфоре в основном следовал рассказу датского летописца, но наряду с этим он более выразительно подал некоторые мотивы сюжета), а также о пьесе на тот же сюжет, которая существовала до шекспировского “Гамлета” на английской сцене и, возможно, принадлежала перу Томаса Киды (1557?-1594). Кид относится к плеяде драматургов, которые в конце 1580-х годов произвели реформу английского театра и за короткий срок создали основы английской драмы эпохи Возрождения. Он явился создателем жанра трагедии мести. Ярким образцом этой разновидности драмы была его “Испанская трагедия” (ок. 1587 г.). Эта пьеса установила типичные приемы трагедии мести, которые повторяются в ряде драматических произведений эпохи, включая “Гамлета”. Однако, в своей трактовке сюжета Шекспир намного расширил его рамки. Хотя вопрос о мести играет важную роль и в его трагедии, тем не менее здесь он не является тем сюжетным мотивом, который подавляет остальное. Наоборот, вопросы более широ-

кого философского характера в трагедии Шекспира до известной степени даже приглушили тему мести, выдвинув другие мотивы.

Что касается датировки пьесы, то здесь следует сказать следующее. Как известно, одной из важнейших основ для установления хронологии пьес великого драматурга был список его произведений, опубликованный Ф.Мересом в 1598 году. В этом списке “Гамлет” не упоминается. Отсюда можно сделать вывод, что трагедия была создана Шекспиром после 1598 года. Следующее документальное свидетельство, помогающее установить хронологию, содержится в реестре Палаты книготорговцев, где регистрировались все предполагавшиеся к изданию книги, 26 июля 1602 года издатель Робертс, связанный с труппой Шекспира, зарегистрировал “Книгу, называющуюся Месть Гамлета, принца датского, в том виде, в каком она недавно исполнялась слугами лорда-камергера”. Этот документ показывает, что трагедия была написана Шекспиром и поставлена на сцене до середины 1602 года.

По мнению Э.-К.Чемберса, “Гамлет” был создан и впервые поставлен на сцене в 1600-1601 годах. Эта датировка пьесы является наиболее общепринятой.

При жизни Шекспира трагедия была напечатана трижды: в 1603, 1604, 1611 годах. После смерти Шекспира “Гамлет” был напечатан в первом собрании его сочинений, в фолио 1623 года.

Существуют различные мнения о творческой истории трагедии, и было высказано много предположений относительно различных изменений в деталях, которые Шекспир, возможно, сделал в тексте пьесы в процессе ее сцени-

ческой жизни. Немалый интерес представляет также вопрос о ремарках. В этом отношении полезны все три первопечатных издания. Несмотря на дефективность текста первого кварто, ремарки, содержащиеся в нем, также помогают представить себе некоторые детали сценического воплощения трагедии на театре того времени. Ремарки кварто 1604 г. несколько скупы, зато в фолио есть много дополнительных ремарок, явно отражающих различные детали постановки трагедии в шекспировском театре. Современные издания учитывают все ремарки первопечатных текстов и, сверх того, дополняют их различными указаниями, вытекающими из текста речей персонажей.

Что касается деления на акты и сцены, то оно не принадлежит Шекспиру. Принятое в современных изданиях деление трагедий на пять актов с последующим членением актов на отдельные сцены было установлено редактором сочинений Шекспира Н.Роу в его издании 1709 года.

Когда Шекспир принялся за переработку пьесы своих предшественников, он сохранил старую сюжетную канву, но наполнил ее совершенно новым содержанием. Тема мести, как уже было сказано, осталась в трагедии. Но внимание зрителей было перенесено с перепитий внешней борьбы на духовную драму героя. Это придало трагедии совершенно новый характер. Мстители ранних трагедий мести были людьми энергичными, одержимыми одним стремлением — осуществить стоявшую перед ними задачу. Гамлет Шекспира — герой совсем иного душевного склада. С первого появления Гамлета мы видим, что душа его поражена меланхолией, которая была своеобразной “модой” в конце XVI века.

В первое десятилетие драматургической деятельности Шекспиру было свойственно оптимистическое восприятие. Он верил в возможность близкого осуществления гуманистических идеалов. Хотя ему и случалось изображать события мрачные и печальные, однако меланхолия была ему чужда на протяжении всего последнего десятилетия XVI века. Более того, Шекспир осмеивал меланхолию, и наиболее красноречивым свидетельством этого является образ Жака в комедии «Как вам это понравится».

Настроение, пронизывающее «Гамлета», является совершенно иным. Нетрудно увидеть, что меланхолия, над которой Шекспир раньше иронизировал, теперь предстает не как смешная аффектация, а как выражение глубокой душевной депрессии, охватившей героя.

Чем можно объяснить перемену умонастроения Шекспира, столь явственно отразившуюся в трагической тональности его пьес? Желая понять причины перелома, происшедшего в творчестве Шекспира, мы должны представить себе со всей ясностью то противоречие, которое возникло между гуманистическими идеалами великого драматурга и современной ему действительностью.

Рассматривая предшествующие произведения Шекспира, мы неизменно убеждались в том, что с годами развивался и креп его гуманистический взгляд на жизнь. Идеалы гуманистического учения вдохновляли все творчество Шекспира. Мы видели, в частности, что в драмах, посвященных истории его родной страны, Шекспир постоянно искал тех государственных и общественных предпосылок, которые привели бы к осуществлению всеобщей социальной гармонии. Но чем дальше, тем больше Шекспир замечал проти-

воречия между своим идеалом и реальными условиями современного ему абсолютистского государства.

Исторические факты с непреложностью говорят нам о том, что великая трагедия Шекспира и последовавшие за ней другие трагические произведения возникли в условиях кризиса всей социально-политической системы Англии того времени. Почвой для трагедии были те настроения в обществе, которые возникли, когда люди стали понимать, что надеяться на благополучное решение вопиющих противоречий жизни нельзя.

Театр эпохи Возрождения был чутким барометром общественных настроений. Шекспир отнюдь не был одиноким в своем обращении к жанру трагедии. Начало нового века отмечено расцветом трагедии на английской сцене. Чепмен, Марстон, Деккер, Уэбстер и даже Бен Джонсон, менее других склонный к трагическому, оставили более или менее значительные произведения в этом жанре. Наряду с этим именно в первое десятилетие XVII века исключительно большое развитие получает жанр социально-обличительной комедии.

Однако Шекспир не был драматургом-бытоописателем. Характеры и ситуации он поднимал на высоту больших социально-философских обобщений. Его великая трагедия связана корнями с жизнью того времени. В ней есть ряд деталей злободневного характера, даже носящих отпечаток профессии Шекспира, — например, разговор Гамлета с Розенкранцем и Гильденстерном о соперничестве между труппами взрослых актеров и актеров-мальчиков (II, 2). Однако, если бы “Гамлет” был связан только с теми интересами, которые волновали современников Шекспира, это

К с. 58. ...как Лазарю... — “Лазарями” — именем, заимствованным из евангельской легенды, — в эпоху Шекспира назывались больные проказой.

К с. 63. *Вот меч, — клянитесь.* — Клятва на мече, восходящая к древнейшим временам, считалась особенно священной

К с. 64. *Hic et ubique?* — “здесь и повсюду” (лат.). Согласно поверью, духи могли одновременно появляться во многих местах.

К с. 86. *Не пускайте ее на солнце.* — Возможно, это значит: не пускайте Офелию к королевскому двору. Сравнение монарха с солнцем было широко известно.

К с. 88. *Мы не верхи на колпаке Фортуны* — то есть не баловни судьбы.

К с. 93. *Последние нововведения.* — Темное место, которое осталось нерасшифрованным. Возможно, здесь скрыт намек на то, что той труппе, к которой принадлежал Шекспир, было на время запрещено давать спектакли в Лондоне, и актерам пришлось отправиться в турне по провинции. Такие запрещения были частым явлением.

...целый выводок детворы... — Конкурентами взрослых актеров были в эпоху Шекспира труппы, состоявшие из мальчиков-подростков, славившихся умением петь и танцевать.

К с. 94. *И Геркулеса с его ношей* — то есть труппу театра “Глобус”, к которой принадлежал Шекспир. На вывеске театра “Глобус” был изображен Геркулес, держащий на плечах земной шар.

К с. 95. *Росций* — знаменитый римский актер I века до н.э.

Важность Сенеки, легкость Плавта... — Сенека — римский автор трагедий (умер в 65 году н.э.); Плавт — римский автор комедий (умер в 184 году до н.э.). Сенеке и Плавту подражала английская "школьная драма" XVI века.

О Евфай, судья Израиля... — Согласно библейскому преданию, Евфай принес в жертву свою единственную дочь. Так и Полоний (намекает Гамлет) жертвует Офелией, используя ее в борьбе против Гамлета.

К с. 96. *Вас ли я вижу, барышня моя?* — Гамлет шутливо обращается к мальчику, исполнителю женских ролей. В английском театре эпохи Шекспира женские роли исполнялись мальчиками — подростками и юношами.

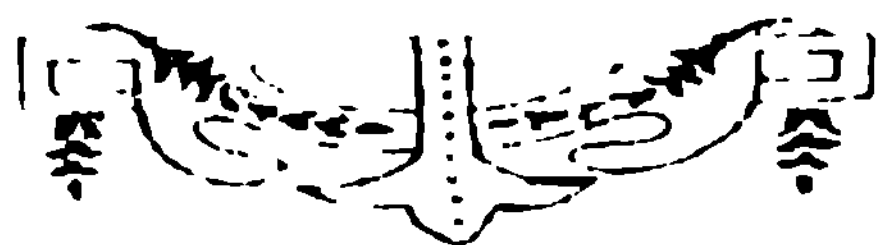
К с. 97. *...Эней рассказывает о себе Дидоне...* — После взятия Трои греками один из троянских героев, Эней, долго странствовал. Во время своих странствий Эней был выброшен бурей на карфагенский берег и нашел приют у царицы Карфагена Дидоны, страстно его полюбившей. В монологе, который читает первый актер, Эней рассказывает Дидоне о гибели Трои.

Пирр — сын греческого героя Ахилла. Пирр мстил троянцам за смерть отца. Эта тема мести отца напоминает Гамлету его собственную судьбу (вероятно, поэтому Гамлет и вспомнил об этом монологе).

...Как зверь Гирканский... — то есть тигр. Гирканией в Англии эпохи Шекспира называли страны, расположенные на восток от Каспийского моря.

К с. 99. *Гекуба* — жена Приама, царя Трои.

К с. 112. *Для сбора недовыплаченной дани.* — В VIII-XI веках н.э. датчане и скандинавы предпринимали опустошительные нападения на Англию. Одно время (XI в.) вся

Англия подчинялась датскому королю и платила ему налоги. (“датские деньги”).

К с. 114. ...*переродить Ирода*. — Царь Ирод был любимым персонажем средневековых религиозных драм (мистерий). Он отличался неистовой свирепостью и произносил “громовые” речи. Гамлет говорит об этом персонаже как о воплощении ходульной декламации.

К с. 118. *По-хамелеонски*. — Согласно поверью той эпохи, хамелеон питается воздухом.

К с. 127. *Вы хорошо заменяете хор, милорд*. — Роль “хора”, читавшего пролог или пояснявшего то, что происходит на сцене, исполнялась в театре времен Шекспира одним лицом.

“Взывает к мести каркающий ворон”. — Это цитата из пьесы неизвестного автора “Истинная трагедия о Ричарде III”, в которой в мрачных красках изображен преступный король на троне (Гамлет намекает на Клавдия).

Геката — одно из мрачных божеств древнегреческой мифологии. Ее изображали с тремя головами: лошадиной, песьей и львиной. В средневековых поверьях Геката была царицей ведьм.

К с. 128. ...*целый лес перьев, да пара провансальских роз на башмаках*... — Пышные перья на голове и большие банты в виде роз на башмаках были частой принадлежностью костюма трагических актеров.

Дамон — герой античной легенды о двух друзьях; в нарицательном смысле — верный друг.

К с. 133. *Души Нерона в грудь мне не вселяй*. — Нерон, римский император I века н.э., прославившийся своими жестокостями, был матереубийцей.

К с. 147. *Ты смотришь в пустоту...* — Согласно поверью, призраки были видимы только тем, кому они являлись.

К с. 157. *...какой-то губки?* — Гамлет сравнивает придворных с губками. В сатирическом сочинении эпохи Шекспира читаем: “Когда короли воспользуются придворными, как губками, впитавшими все соки из бедного люда, им доставляет удовольствие выжимать содержимое этих губок в королевские сосуды”.

К с. 169. *Шлык паломника на нем...* — Образ паломника в поэзии той эпохи — символ влюбленного. Офелия думает то о Гамлете, который, как ей кажется, погиб на чужбине, то о Полонии.

К с. 170. *...сова была раньше дочкой пекаря...* — Согласно средневековой легенде, дочка пекаря, отказавшаяся дать Христу хлеба, была превращена в сову.

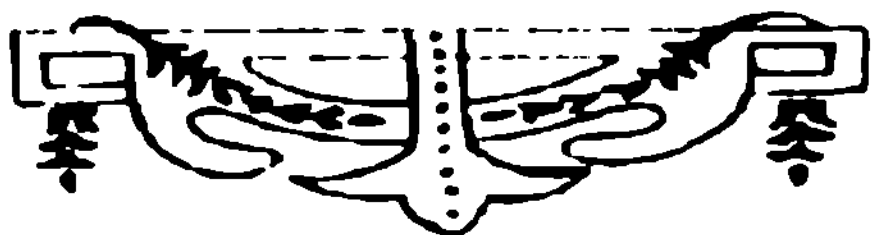
В Валентинов день... — В день святого Валентина (14 февраля) первая девушка, встретившаяся юноше, становится его “Валентиной” (нареченной).

К с. 174. *Швейцарцы где?* — Наемные швейцарцы часто бывали в ту эпоху телохранителями монархов.

К с. 198. *Два могильщика.* — Роль могильщиков исполнялась во времена Шекспира шутами, комиками. Начало разговора могильщиков является пародией на схоластические тонкости и абстрактные определения юриспруденции той эпохи.

К с. 200. *Сбегай, брат, к Иогену...* — так звали хозяина кабачка, находившегося по соседству с театром “Глобус”.

К с. 204. *...когда родился молодой Гамлет...* — Ниже могильщик говорит, что он работает тридцать лет на клад-

бище. Следовательно, Гамлету тридцать лет. Но Гамлет — студент, Лаэрт говорит о любви Гамлета к Офелии как о страсти ранней юности. С такого рода противоречиями мы нередко встречаемся у Шекспира.

К с. 208. *Град камней*. — Тела самоубийц кидали в яму и забрасывали камнями. Это называлось “ослиным погребеньем”. Церковь запрещала молиться о самоубийцах.

К с. 210. ...*которая превысит Пелион и голубой Олимп*. — Пелион и Олимп — названия гор в Греции. Древние греки считали Олимп самой высокой горой в мире; на вершине Олимпа, по верованиям древних греков, восседали боги.

К с. 212. *Осса* — гора в Греции.

К с. 232. *Я ловко сети, Озрик, расставлял...* — Из этого обращения Лаэрта к Озрику ясно, что Озрик был посвящен в тайну отравленного оружия.

“Отелло”

Трагедия “Отелло, или венецианский мавр” была впервые представлена 6 октября 1604 года в честь Иакова I, незадолго перед тем торжественно вступившего в Лондон. Так как пьесы Шекспира долго не залеживались, надо думать, что трагедия была написана в том же году.

Источником ее послужила Шекспиру новелла Джиральди Чинтио “Венецианский Мавр” из его сборника “Necatommithi” или “Сто рассказов” (1566).

XVI век — это эпоха высшего расцвета гуманистических идей. Но вместе с тем это эпоха раскрытия трагического несоответствия между грандиозностью идеалов

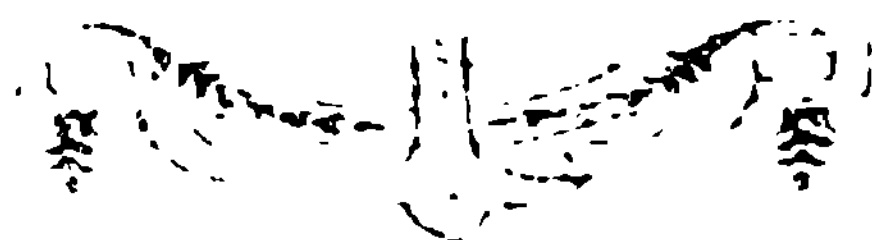

ренессансного гуманизма и возможностью их осуществления в конкретных исторических условиях.

Личность в понимании ренессансного гуманизма есть нечто абсолютно единое и цельное, лишенное сложности и развития, точка приложения действующих в ней и через нее сил, практическое единство образующих ее чувств, мыслей, влечений. Такая личность подобна геометрической точке, твердому атому старой, демокритовской физики. Таково восприятие личности у Боккаччо, Петрарки (несмотря на наличие осознанных им внутренних противоречий), Клемана Маро, Ронсара, Ариосто, Спенсера, Марло в самом начале его пути.

Соответствующим образом строится и представление о человеческом обществе, которое мыслится как свободный союз полноценных, жизнерадостных личностей. Таков, например, кружок рассказчиков “Декамерона” Боккаччо, а также и “Гептамерона” Маргариты Наваррской, такова Телемская обитель у Рабле. В такие ассоциации входят лишь “аристократы духа” — понятие, усиленно развиваемое ренессансным гуманизмом, в противовес феодально-средневековому понятию наследственного, родового аристократизма. Вопрос об охвате всего человечества, о создании государства обычно еще не ставится. В этих кружках нет структуры и нет развития, руководства и управления, ибо в них господствует дух абсолютной свободы и в то же время нет противоречивых интересов. Противоречия, раздоры, зло мыслятся как случайная и преходящая порча, отравы, занесенная со стороны.

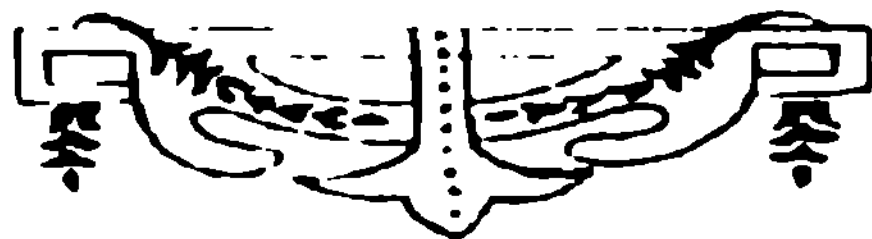
В основе такого мироощущения лежит идея природы, как всегда только доброй силы (Физис Рабле, противо-

поставляемый им Антифизии, т.е. всему ложному и извращенному, злему), вера в доброту человеческой природы. Вспомним рассуждения Рабле о том, что все естественные влечения человека законны и что, если только их не насиловать, они приведут лишь к действиям разумным и моральным. Ренессансные гуманисты, настроенные идиллически, верили, что достаточно красноречивого увещивания или горячего призыва, чтобы побудить людей “отбросить эгоизм и начать помогать друг другу” — и тогда жизнь сразу станет прекрасной и счастливой. Такое утопически реформированное общество мы не раз встречаем в комедиях Шекспира его раннего (но не второго!) периода.

Этому ренессансному гуманизму “истина” представляется как некий вполне достижимый абсолют, для овладения которым требуется лишь добрая воля, энергия и удача (“фортуна”).

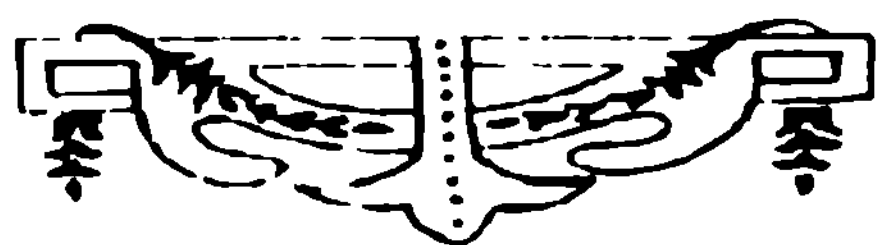
Этот мир “Декамерона” и юношеских поэм-романов Боккаччо, мир Лоренцо Великолепного и Полициано, Ариосто, Клемана Маро и Бонавентуры Деперье (“Веселые забавы”), первых двух книг Рабле, поэм Эдмунда Спенсера, лирических комедий и ранних трагедий (как, например, “Ромео и Джульетта”) Шекспира, — если можно так выразиться, п л а н и м е т р и ч е н. Он не совсем плоский и имеет свои выступы и возвышения, как барельеф, но, по существу, лишен третьего измерения — глубины. В этом мире для достижения истины или счастья надо только долго и энергично плыть в верно выбранном направлении, как доплыли Колумб или Васко де Гама до желанной гавани. Этот мир Ренессанса безбрежен и, следовательно, бесконечен во всех направлениях. Такой безбрежности, однако, бы-

ло достаточно для возникновения чувства неисчерпаемости жизни и бытия, идеи неиссякаемой “фортуны” — идеи, столь характерной для авантюрного периода буржуазного общества. Это чувство питалось великими открытиями эпохи и смелой ликвидацией средневековых догм, производимой рациональным путем, логически, в свете показаний человеческих чувств и разума. Это ренессансно-гуманистическое мироощущение в своей прекрасной наивности было индивидуалистично и эгоцентрично в своем упоении жизнью и ее раскрывающимся для личности беспредельными возможностями.

Однако, провозгласив освобождение человеческой личности, такое мировоззрение оказалось неспособным решить практически вопрос о формах организации общества и государства, где идеал свободы мог быть реализован. При первом столкновении с действительностью его прекрасные иллюзии рухнули. Это должно было привести отнюдь не к капитуляции гуманизма вообще, а лишь к перевооружению его для дальнейшей, более суровой борьбы, к преодолению ренессансного “прекраснодушия”, к выработке более глубокого (чем раннеренессансное) гуманистического мировоззрения, а именно — расширенного и более критического понимания человеческой личности и человеческих отношений. И эти последние и человеческая личность начинают теперь раскрываться в их сложности, противоречивости и развитии.

Важнейшей вехой здесь является учение Монтеня о человеческом “я”, которое едино, но не единообразно, полно противоречий, непрерывно изменяется, приспособляясь к окружающим условиям и приспособляя их к себе,

способно к бесконечному развитию. Стоящее в тесной связи с этим монтеневское *que sais-je?* (что я знаю?) — не капитуляция разума, а признание того, что истина, благо и счастье не окостеневшие формулы, а путь, искание и борьба.

Аналогичное изменение происходит и во взглядах на человеческое общество, иначе говоря, на государство. Последнее понимается теперь как сочетание противоположностей, лежащих в разных плоскостях, как сложная, непрерывно развивающаяся конструкция, как единство разнородных и частью противоречивых сил, в котором общее благо осуществляется посредством гармонической координации частей и подчинения частных интересов потребностям целого.

Так же, наконец, представляется теперь и мир, взятый в целом, этот “макрокосм”, сложный и многоплановый. Сокращенным подобием его является государство (сравнение, нередкое у Шекспира: см., например, речь Улисса в “Троиле и Крессиде”, I, 3), а еще более сокращенным — человеческое “я”, этот “микрокосм” (как говорит Лир, “малый мир, именуемый человеком”, IV, 6, 137). Такой мир, такое государство и такая личность способны не только к росту или изменению, но и к трансформации (см., в отличии от “вырастающих” Джульетты, или Ромео, трансформации, происходящие с Гамлетом, Лиром, Эдгаром, Макбетом, Кориоланом, Клеопатрой). Мир (как общество, так и человек) приобретает глубину, становится *с т е р е о - м е т р и ч н ы м*: это вечно меняющиеся, многопланное, по существу, бездонное целое.

Это новое восприятие мира и человека, преодолевающее ренессансную упрощенность и прекраснодушный дог-

матизм привело к углублению гуманистических идеалов, к возникновению трагического гуманизма. Его лучшие представители в искусстве — Шекспир второго периода и Сервантес, Рембрандт, в известном смысле Микельанджело, Леонардо да Винчи. Новый этап гуманизма — это осознание трагедии человека в частнособственническом и притом рефеодализирующемся обществе, понимание всей тяжести борьбы, которую человек ведет с этим обществом, — борьбы, не всегда сулящей успех и порой почти безнадежной, но все же всегда и во всех случаях необходимой. А вместе с тем — это осознание того, что ренессансное мировоззрение с его идиллическим оптимизмом и упрощенностью недостаточно вооружает для такой борьбы, что для нее нужен более сложный арсенал идей, чем заготовленный гуманизмом XIV-XV веков.

Трагический гуманизм считал, что если даже победа при данных условиях и невозможна, то все же надо бороться хотя бы мыслью, стараясь вникнуть в сущность неразрешенных конфликтов, так как победа мысли есть залог будущей реальной победы над злом. Так, Гамлет у Шекспира борется мыслью и за мысль: поскольку восстановить расшатанный век (I, 5, в конце) — задача неосуществимая, то мысль, понимание становится его действием. Точно так же мысль наряду с действием стала делом всей жизни Монтеня.

Для уяснения всей трудности борьбы, которую человеку надлежит вести с окружающим обществом и с самим собой, Шекспир раскрывает все соблазны и все иллюзии, встающие на пути человека. Рост личности для него — это история непрерывного ее восхождения путем преодоления

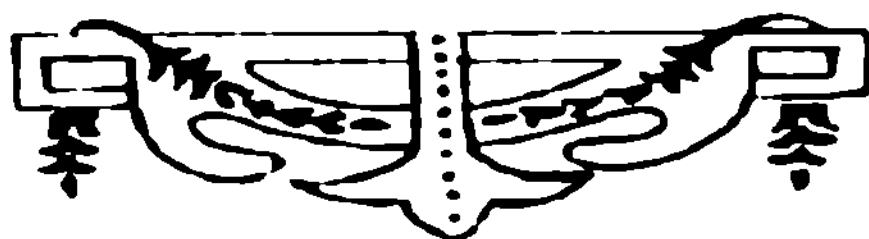
пережитых ею ступеней и форм своей сущности. Поэтому Шекспир второго периода, так же как, например, Сервантес, всегда и во всем заменяет статическое динамическим, структурное — функциональным, формулу — анализом, догму — критикой, всюду внося тонкие различия и момент относительности, устанавливая этапы в развитии личности и человеческих отношений или конфликтов.

Для художественного выражения такого гуманистического (в новом, осложненном смысле слова) миропонимания вышеописанные средства стиля барокко были столь же пригодны и столь же необходимы, как и для выражения миропонимания “классического”, реакционного барокко. Разница, однако, в том, что там это непрерывное внутреннее движение и просветы в бездонное порождали ощущение хаоса и иррациональности бытия, здесь же вся эта сложность пронизана внутренним порядком, подчинена общему, объединяющему закону.

Остановимся на главнейших моментах, где Шекспир, как поэт и как мыслитель, проявил глубокую независимость и своеобразие.

Краткое упоминание новеллы о том, как началась любовь Мавра и Дездемоны, Шекспир превращает в широкую, заполняющую весь I акт картину истории этой любви, которая вместе с тем определяет особый характер их отношений, проливающий свет и на характер последующей ревности Отелло.

Мавр часто бывал в доме отца Дездемоны и подробно рассказывал всю свою жизнь, полную великих лишений, трудов и опасностей. Дездемона жадно слушала его рассказы и через них узнала Отелло, поняла его натуру до конца и

полюбила его. На упрек Брабанцио в том, что он приворожил его дочь колдовством, Отелло отвечает: “Я ей своим бесстрашьем полюбился, она же мне — сочувствием своим” (I, 3).

Но, с другой стороны, когда окружающие удивляются, как могла Дездемона полюбить темнокожего, она отвечает: “Для меня краса Отелло — в подвигах Отелло”.

Их соединила не воля родителей, не какой-либо расчет (основные стимулы аристократических и мещанских браков), даже не стихийный чувственный порыв друг к другу, как, например, Ромео и Джульетту, а глубокое взаимное понимание, полное приятие одного существа другим — самая высокая форма человеческой любви.

С этим тесно связан и характер ревности Отелло: это не уязвленное чувство чести (как, например, в драме Кальдерона “Врач своей чести”), но это и не мещанское чувство мужа-собственника, на права которого посягнули. Это чувство величайшей обиды, нанесенной абсолютной правдивости и доверию, соединившим Отелло и Дездемону. Лживость Дездемоны — вот что приводит Отелло в исступление. Ревность его в моральном отношении того же порядка, что и любовь.

Как и всегда, Шекспир не ограничился переосмыслением побуждений и действий персонажей своей трагедии, взятых у Джиральди Чинтио. Углубляя и разрабатывая характеры, набросанные итальянским новеллистом, он радикальным образом их перестроил, вложив в их смысл и назначение совершенно новое содержание, открывая новый мир. Этот мир основан на трех образах, вступающих между собой в самые удивительные связи и отношения.

Первый из них, естественно, сам Отелло. Это одно из самых замечательных созданий Шекспира. Его Отелло соединяет в себе черты варварства и высшей духовной культуры, первобытную свежесть и пылкость чувств со светлым разумом. “Мавр”, то есть, по понятиям того времени, наполовину дикарь, он с юных лет поступил наемником на службу Венецианской республики и на этом пути достиг высоких чинов, сделался венецианским полководцем и стал вхож в дома венецианских сенаторов. Здесь он познакомился с дочерью Брабанцио, влюбился в нее и рассказом о своих подвигах и испытаниях внушил ей ответную любовь, которая и привела к браку.

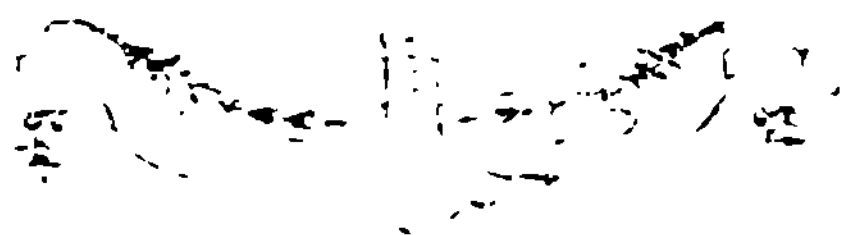
С этой любовью Отелло открылся целый мир — мир красоты и гармонии, пришедший на смену прежнему “хаосу” в его душе, возвращения которого он, начав ревновать, так боится. Его любовь к Дездемоне, основанная на доверии, беспредельна: он любит ее, даже когда перестает ей верить, и ради этой любви готов пойти на унижение. Потеряв Дездемону, он должен вернуться к своему одиночеству, ибо в связи с его суровым ремеслом воина у него было много с о т о в а р и щ е й, но, в отличие от Ромео, Гамлета, Лира (Кент, шут), никогда не было друга. Любовь Отелло к Дездемоне и ненависть к ней сплетаются во взаимной борьбе. Нежность к Дездемоне сохраняется у Отелло до конца: убивая ее, он боится причинить ей боль, он оберегает ее от малейшей царапины, и, когда Дездемона стонет, он убивает ее, чтобы прекратить ее страдания.

Старый вопрос “ревнив ли Отелло?” (подразумевая под “ревностью” болезненную и преувеличенную подозрительность) — можно считать давно поконченным. Нет на-

добности приводить тут мнения как литературных критиков, так и деятелей театра, единодушно дающих на этот счет отрицательный ответ. У нас, в частности, полную ясность внес в этот вопрос Пушкин, сказавший: “Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив”. По собственному признанию Отелло (в конце пьесы, перед тем как он закалывается, то есть в такой момент, когда герои Шекспира в своих признаниях бывают предельно откровенны и правдивы), он “был не ревнив, но в буре чувств впал в бешенство”. Отелло долго сопротивлялся наущениям Яго и сдался лишь перед лицом, как ему могло показаться, совершенно убедительных фактов. Но эти факты говорили ему об утрате Дездемоной не столько чести, сколько честности. Он рассуждает: “Оставлю ей жизнь — других будет обманывать”. “Таков мой долг. Таков мой долг”, — говорит Отелло, приближаясь к ложу спящей Дездемоны, чтобы ее задушить. Ибо его сильнее всего оскорбляет то, что он считает ее “лживостью”. Вместе с доверием к Дездемоне Отелло утратил и веру в человека, в возможность правды на земле. Именно в этом, и ни в чем другом, заключается его трагедия.

Своей нравственной красотой, светом, исходящим от нее, Дездемона так же возвышается над окружающими, как и Отелло. Воплощение женской нежности, она в то же время является примером человеческой доблести, смелости, мужественности. Слушая рассказы Отелло о его подвигах, она сожалеет, что бог не создал ее мужчиной (подобное сожаление высказывала, как передают, и современница Шекспира Мария Стюарт); она бежит из дома отца, одна в гондоле бурной ночью, среди венецианских головорезов, к смугло-

кожему возлюбленному; она отвечает в сенате после назначения Отелло наместником Кипра на вопрос — не предпочтет ли она на время его отсутствия остаться в Венеции: “Я полюбила мавра, чтоб везде быть вместе с ним”, а не для того, чтобы “в разгар его похода остаться мирной мошкой в тылу”, и Отелло встречает ее приезд на Кипр на особом корабле веселым возгласом: “Моя воительница!”

В свои светлые часы Отелло отвечает Яго на его нашептывания: “Меня не сделают ревнивцем признание света, что моя жена красива, остроумна, хлебосольна, умеет общество занять, поет и пляшет...”. И о том же говорит распеваемая ею “песенка об иве”, в ее интерпретации совсем лишенная мрачного оттенка. Наметкой, помогающей понять ее душевное состояние, весь свет, исходящий от нее, может служить тут же вырывающееся у нее восклицание: “Неплох собою этот Людовико”.

Но особенно пленительны и трогательны “три святых обмана” Дездемоны (как их любят называть английские критики). Первый — побег Дездемоны к Отелло из дома отца, второй — уклончивость в вопросе о платке и третий — когда на вопрос Эмилии “Кто убийца?” — она отвечает: “Никто. Сама”.

Антиподом и Отелло и Дездемоны — двух натур, глубоко друг другу родственных, является Яго — воплощение всех самых низменных начал человеческой природы. Конечно, видеть в нем персонификацию духа зла, существо, любящее зло ради зла, как это делала старая романтическая критика (а в более позднее время — А.Блок), сейчас мы уже не можем: слишком уж четко выступает конкретная мотивировка действий Яго и их социально-исторический

смысл; Яго — типичный представитель хищнического индивидуализма, жестокий и циничный, подобно Ричарду III или Эдмонду Глостеру в “Короле Лире”. У него своя философия, с помощью которой он оправдывает совершаемые им злодеяния. Философия эта, в сущности, сводится всего к двум принципам, теоретически слабо друг с другом связанным, но практически довольно хорошо совмещающимся: это абсолютный релятивизм, утверждающий, что всякая вещь существует лишь поскольку мы ее ощущаем и что если мы ее не чувствуем, то, значит, ее и нет; а второй принцип много проще: это “набей потуже кошелек” (I, 3) — припев, с помощью которого он пытается поработить Родриго.

Ясно, насколько такое мировоззрение непримиримо с мироощущением как Отелло, так и Дездемоны. И отсюда понятна ненависть Яго к обоим, что и делает его злобу к ним такой предвзятой и непримиримой. “Я не перевариваю мавра”, — говорит он. Подобно тому как “в жизни Кассио есть некая красота”, делающая его нестерпимым для Яго, так же несносны для него Отелло с Дездемоной: первый оскорбляет Яго своим величием, вторая — своей чистотой. Они претят ему, они терзают его одним лишь тем, что существуют, ибо Яго насквозь и до конца аморален. Отсюда, по выражению английских критиков, “поиски мотивов” у Яго для его ненависти к Отелло: если бы даже последний и не обошел его по службе, сделав своим лейтенантом Кассио, все равно — Яго нашел бы оправдание для смертельной ненависти к мавру (например, вымышленная Яго супружеская неверность Эмилии, в постель к которой якобы “скакал” Отелло).

Яго проповедует свои “принципы” так пылко и настойчиво, что способен заразить ядом своей философии и других, в том числе самого Отелло в момент наибольшего помутнения его разума.

Но Яго свойственна еще другая форма релятивизма, более утонченная и потому еще более мерзкая — это стремление все мерить на свой аршин и потому все унижать и марать. Он говорит про Дездемону: “Я сужу по себе и потому знаю, что она станет”. Это постоянное сопоставление других душ со своей собственной, ничтожной и низменной, придает всем его суждениям ограниченность и будничность, грязное уродство.

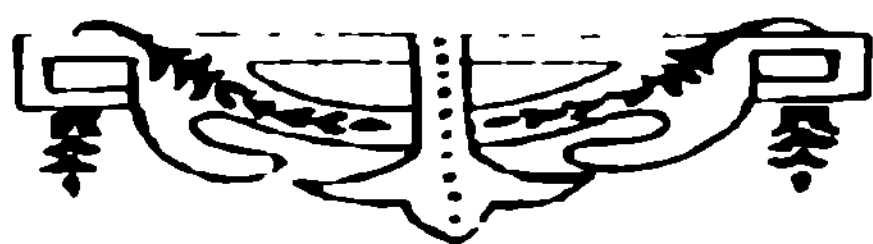
В глухой, незримой борьбе, которую Отелло и Дездемона обречены вести с Яго, они могли бы найти опору и помощь в окружающих, если бы могли в них встретить натуры, однородные и равноценные себе, иначе говоря, столь же чистые и светлые. Но таких натур вокруг них нет. В этой трагедии Шекспира мы нагляднее, чем в большинстве других его пьес можем наблюдать искусство, с каким он орудует тонкими, едва заметными оттенками, создавая образы, в общем, вполне положительные, но все же лишенные законченного морального совершенства, которое могло бы поставить их на одну доску с протагонистами трагедии. Таких образов в данной трагедии, в основном два: Эмилия и Кассио. Анализ их характеров тем более интересен, что все отмечаемые ниже черты их, придающие им такую сложность, добавлены Шекспиром и в его источнике (в новелле Чинтио) полностью отсутствуют.

Критиками уже давно отмечена сложность характера Эмилии, которая в конце пьесы из легкомысленной субрет-

ки превращается в истинную героиню. То, что характеризует Эмилию до последнего акта, должно быть вызвано не моральной неполноценностью, а душевной незрелостью, недоразвитостью. Когда на вопрос Дездемоны, могла ли бы она изменить мужу хотя бы “за целый мир”, Эмилия отвечает: “За целый мир? Нешуточная вещь! Огромный мир — не малость за крошечную шалость” (IV, 3), — мы понимаем, что это лишь шутка, ни о чем, в сущности, не говорящая, хотя она и неприятно звучит в драматически очень тяжелый момент и к тому же в устах отнюдь не комического персонажа. Точно так же, когда Эмилия крадет у Дездемоны платок, она это делает, нисколько не думая о последствиях и лишь из желания угодить мужу (III, 3). Можно поэтому говорить лишь о ее слепоте, не о порочности. Но в последних сценах Эмилия необычайно вырастает. Ее моральный триумф не в том даже, что она умирает за правду, разоблачая Яго, а в том, что она умирает без единой жалобы и с обрывком на устах той самой песни, которую перед смертью пела Дездемона (V, 2).

Менее уяснен критикой характер Кассио, который обычно трактуется как личность морально безупречная, хотя и несколько бледная. Однако моральные изъяны Кассио не менее существенны, чем изъяны Эмилии, хотя они и более завуалированы. Кассио, конечно, от начала до конца душевно чист, и это очень хорошо формулирует Яго, когда говорит о нем: “Есть в жизни Кассио каждодневная красота, которая мешает мне жить” (V, 1, — перевожу дословно). Однако в “красоте” Кассио есть целый ряд “пятнышек”, поданных, правда, так легко и замаскированно, что они остаются почти незамеченными, хотя и оказывают на зрителя

определенное действие, придавая образу Кассио оттенок какой-то бесцветности и неполноты.

Это прежде всего его способность хмелеть от первой рюмки (см. сцену попойки, II, 1). Безусловно, слабая сопротивляемость алкоголю не могла рассматриваться Шекспиром как нечто порочащее человека; однако подчеркивание этого свойства без всякой видимой надобности объективно снижает образ. Но еще важнее то, каков Кассио во хмелю. У него определено не “веселое”, а “хмурое” вино, он легко возбуждается, заводит ссоры, дерется. Не есть ли это, согласно известной пословице, проявление задатков, заложенных в его характере даже и тогда, когда он находится в нормальном состоянии? Яго говорит о нем Родриго: “Он вспыльчив и от слов легко переходит к действиям. Вызовите его на них” (II, 1), и у нас нет причин сомневаться в правильности этой характеристики. Больше того, хмурость и задиристость могут проявляться весьма неодинаково и по очень различным поводам. У Кассио хмурость во хмелю носит не просто злобный, но и оскорбительный характер, способствуя проявлению его надменности, презрительного отношения к ниже стоящим людям. С удивительной бестактностью он напоминает Яго, обойденному чином, о его неудаче, когда заявляет, что “помощник капитана должен спастись раньше поручика” (II, 3), и в следующей за этим ссоре его с Монтано при всей неясности ее причин (ибо она началась за сценой) лейтмотивом звучит все та же надменность Кассио: “Учить меня! Читать мне наставленья! Да я его в бутылку загоню!” (II, 3).

То, что Кассио водится с куртизанкой, не содержало в себе, по понятиям того времени, ничего позорного. Но все

же это бросает какое-то пятно на его облик, сокращая возможность каких-либо более высоких чувств с его стороны, снижая круг его интересов и влечений. Шекспир ни при каких условиях не изобразил бы в аналогичном положении Отелло, Гамлета или, скажем, Эдгара. Добавим еще, что Кассио иногда бывает груб с Бьянкой, что не делает ему чести. Интересно, что после постигшей его катастрофы, когда по его уверению, ему не дают покоя терзающие его стыд и досада, он считает возможным (в сцене, где подслушивает Отелло, IV, 1) весело шутить и смеяться по поводу своих отношений с Бьянкой. Но тут же отметим, что момент этот чрезвычайно смягчен тем, что в этой сцене все внимание зрителя сосредоточено не на Кассио, а на Отелло (и отчасти на Яго) и что весь эпизод служит не характеристике персонажа, а интриге, трагедии в целом.

Наконец, даже самый тот факт, что Кассио хлопочет о своем восстановлении в должности (хотя бы и не по личному почину, а по коварному совету Яго) не прямо, а при посредстве жены своего начальника рисует его в не очень красивом свете. Можно вспомнить здесь «Меру за меру», где одно то, что Клавдио, это воплощение слабости, решает прибегнуть к заступничеству сестры, — уже не говоря о том, что позже, узнав, какой ужасной ценой может быть добыто его спасение, он все же молит сестру пойти на эту жертву, — снижает его моральные качества. Но Кассио обращается к помощи Дездемоны с такой доверчивостью и простодушием, что некоторая неблаговидность его поведения не доходит полностью до сознания зрителя. И в этом — чувство меры Шекспира и его удивительное чувство нюансов.

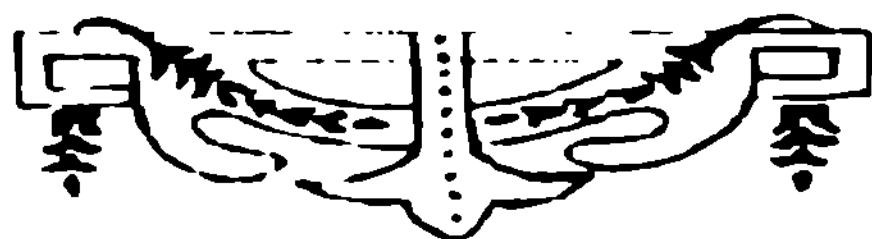
Теневые и светлые черты так же перемешаны в характере Кассио, как и в характере Эмилии, с тем лишь различием — и здесь сказывается богатство художественных ракурсов Шекспира, — что в Эмилии они даны в раздельности и последовательности (от темного к светлому), тогда как в Кассио они одновременны и слитны.

Во всем этом мы имеем выражение не столько порока, сколько слабости, своеобразную смесь “чистого” (fair) и “грязного” (foul). И это в точности соответствует замыслу трагедии. Вокруг Отелло разлита не подлость (как вокруг Гамлета), а лишь слабость, и от Отелло, который, согласно заключительному определению Кассио, “был во всем велик душой” (great of heart; V, 2), его ближайшие спутники отличаются не низостью, а лишь малодушием.

Такое же сплетение оттенков мы находим, кстати сказать, и в других, менее крупных образах трагедии: в Бьянке можно найти черты сердечности, Брабанцио далеко не такой глупец и жалкий шут, каким его часто изображают на сцене, и т.д.

Известная немецкая писательница-эмигрантка Матильда фон Мейзенбург рассказывает в своих мемуарах, что в один из самых печальных дней своего изгнания, в Лондоне, когда утомленная борьбой, она была близка к самоубийству, ей довелось увидеть “Отелло”, и в тяжелом зрелище несчастий она почерпнула мужество для того, чтобы жить. Таково свойство шекспировских трагедий, вливающих веру в достоинство человека и ценности жизни, их всепобеждающий оптимизм.

Все действие трагедии происходит в обстановке боевой тревоги и накаленных страстей: в I акте — в суматохе и

кипучей напряженности венецианской жизни, во всех последующих — на Кипре, перед угрозой нападения турецкого флота, среди кипения портовой жизни, празднеств и ночных драк, всяких опасных случайностей. Такова атмосфера, в которой разыгрывается этот простой случай из человеческой жизни, эта великая человеческая трагедия.

Окидывая трагедию об Отелло одним взглядом, выносишь о ней впечатление как об огромной симфонии, выдержанной в одной определенной тональности и основанной на развитии контрастов и на последовательном развертывании простых и великих человеческих тем, — симфонии, в которой изображено столкновение между миром добра и миром зла, завершающееся моральной победой первого. Эта победа заключается в том, что Отелло прозревает. Он плачет слезами радости, и, хотя он убивает себя, это не дикое отчаяние, а акт высшего правосудия, свидетельствующий о возвращении к нему веры в жизнь и доверия к человеку.

А. Смирнов.

Примечания к тексту “Отелло”

К с. 241. *Мавр* — В эпоху Шекспира слово “мавр” (Moog) употреблялось в широком значении: “чернокожий”, “темнокожий”. Шекспир представляет себе Отелло с толстыми губами (Родриго называет его “толстогубым”) и с темным, а не смуглым лицом.

Я г о. — некоторые комментаторы полагают, что Яго, судя по имени, испанец. В дальнейшем, в одном месте подлинника, Яго ругается на испанском языке.

Р о д р и г о. — В издании 1623 года о Родриго добавлено: “одураченный дворянин”

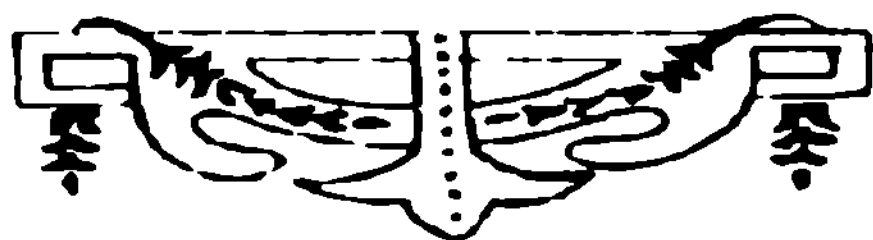
К с. 244. *Родос и Кипр* — острова, были военно-морскими базами Венецианской республики.

К с. 251. ...*без подобающей охраны...* — В эпоху Шекспира не только женщины, но и мужчины редко рисковали выходить из дома ночью. Улицы не освещались и были полны грабителей. То, что Дездемона бежала к Отелло одна, без охраны, говорило зрителям шекспировской эпохи о смелости Дездемоны.

К с. 266. *Что, Марк Лукезе в городе?* — Очевидно, первая мысль дожа — назначить командующим этого Лукезе. Но так как он уехал, остается один выход: назначить темнокожего Отелло, которого, таким образом, дож и сенат назначают волей-неволей, по необходимости.

К с. 294. *Птичий клей*. — Клейкое вещество, при помощи которого ловили птиц. Возможно, что здесь скрыт намек: Яго уже приготовил “птичий клей” для Кассио и Дездемоны.

К с. 308. *Король Стефан был бережлив...* — Яго поет строфу из известной в ту эпоху песенки, прославляющей бережливость. В этой песенке беседуют муж и жена: муж хочет наряжаться в шелк и бархат, а жена уговаривает его быть бережливым. В эпоху Шекспира джентльмены старинного склада, а также пуритане, этот авангард растущей буржуазии, обличали новомодную роскошь и расточительность придворной знати. Король Стефан, царствовавший в

XII веке, не раз упоминается в литературе того времени как образец бережливости. Близкий к пуританам современник Шекспира драматург Роберт Грин в своем памфлете "Шутка для придворного выскочки, или Спор между бархатными и холщовыми штанами" (1592) писал следующее: "Хорошее и благословенное время было в Англии, когда король Стефан платил за штаны всего один золотой и то считал это роскошью". Не указывает ли эта песенка на пуританские черты у Яго?

К с. 321. *Входит Кассио с музыкантами.* — Во времена Шекспира существовал обычай исполнять ранним утром веселую приветственную песенку под окном новобрачных.

...поют в нос... — намек на свойственное неаполитанцам произношение в нос.

К с. 349. *Мандрагора* — Корень мандрагоры считался одним из самых сильнодействующих снотворных средств.

К с. 362. *Какая влажная!* — По распространенному в эту эпоху мнению, горячие и влажные руки были признаком чувственности.

К с. 380. *Вы шишки не набили?* — Здесь Яго, по-видимому, указывает на лоб Отелло, намекая на рога, то есть на возможную измену Дездемоны.

К с. 417. *Зеленая ива.* — В народных песнях и поговорках эпохи Шекспира плакучая ива была эмблемой девушки или женщины, покинутой любимым человеком. Песня Дездемоны является вариацией на тему народной песни-баллады.

К с. 447. *Влияние луны.* — Согласно воззрениям того времени, одной из причин безумия было влияние луны, уклонившейся от своего обычного пути.

К с. 449. *Она была коварна, как вода.* — Это сравнение встречается у многих народов: тихие и глубокие воды таят в себе гибель.

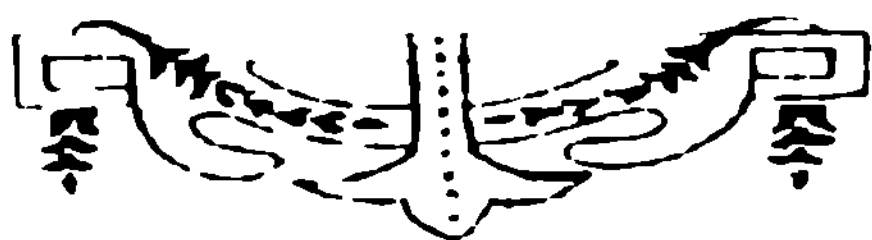
К с. 467. *Спартанская собака* — У Шекспира и современных ему писателей псы древней Спарты часто упоминаются как воплощение кровожадной свирепости.

“Макбет”

Как ни странно это теперь для нас, “Макбет” был написан Шекспиром для того, чтобы его труппа могла угодить королю. Внешние обстоятельства возникновения трагедии таковы.

В 1603 г. умерла королева Елизавета. На престол вступил Иаков I, сын казненной шотландской королевы Марии Стюарт. Проводя политику укрепления абсолютизма, новый монарх, в частности, решил взять под свой непосредственный контроль театры. Он отменил право вельмож оказывать им покровительство. Отныне только члены царствующего дома могли патронировать актерские труппы. Этим последним были выданы новые патенты, разрешавшие публичные и придворные представления, причем труппы были переименованы. Самой высокой чести удостоилось актерское товарищество “слуг лорда-камергера”, к которому принадлежал Шекспир. Отныне оно стало труппой самого короля и актеры получили звание “слуг его королевского величества”.

На рубеже XVI-XVII вв. большое место в театральной жизни Лондона заняли два театра, в которых актерами были мальчишки-хористы певческих капелл. Они составляли

опасную конкуренцию для трупп взрослых актеров, и Шекспир не без горечи отметил это в “Гамлете” (II, 2, разговор Гамлета с Розенкранцем и Гильденстерном).

Одна из групп мальчиков, игравшая в театре Блекфрайерс, поставила в 1605 г. пьесу Джорджа Чепмена, Бена Джонсона и Джона Морстона “Эй, на Восток!” При дворе в ней усмотрели непозволительные насмешки над шотландцами, о чем было доложено королю. Иаков I принял это за косвенный выпад против его персоны, разгневался и приказал посадить авторов в тюрьму. Следующий промах труппы привел к ее роспуску.

“Слуги его королевского величества”, часто выступавшие при дворе, сочли, что при сложившейся ситуации они только выиграют, если поставят пьесу на шотландскую тему. Написание пьесы взял на себя главный драматург театра — Шекспир.

Дело было тонкое, политическое. Надо было учесть многое. Во-первых, показать, что шотландцы отнюдь не только объект для насмешек, во-вторых, польстить королю, в-третьих, подчеркнуть давние исторические корни установленной Иаковом I унии между Англией и Шотландией, в-четвертых, откликнуться на идеологическую политику нового короля, выступившего с “учеными” трактатами о ведьмах и колдовстве.

В пьесе, созданной Шекспиром, все это так или иначе отражено. Сюжет он выбрал из истории Шотландии. В тексте пьесы содержится предсказание о том, что потомки Банко будут королями, а один из них объединит под своей державой два королевства — Англию и Шотландию (IV, 1). Спасение Шотландии от деспотизма Макбета приходит из

Англии, куда бежали Малькольм и Макдуф и откуда они идут, при поддержке англичан, походом на короля-убийцу. А его злодеяния связаны с влиянием на него ведьм, от коих исходит всяческая скверна.

Для нынешнего читателя и зрителя все это не имеет никакого значения, тогда как для современников Шекспира трагедия была произведением, полным аллюзий, из которых здесь перечислены наиболее существенные.

Время создания трагедии — 1606 г. Впервые она была напечатана лишь после смерти Шекспира в фолио 1623 г. Но в апреле 1610 г. ее уже видел на сцене Саймон Форман, оставивший в своем дневнике запись о спектакле.

Сюжет заимствован из “Хроник Англии, Шотландии и Ирландии” Р.Холиншеда, постоянно служившей Шекспиру источником исторических сведений при создании драм из прошлого его страны. В изображении судьбы своего главного героя Шекспир следовал биографии Макбета, изложенной Холиншедом. Но весь эпизод убийства короля Дункана основан на другой части хроники, рассказывающей об умерщвлении короля Дuffа феодалом Дональдом. Полное драматизма повествование летописца легко укладывалось в сюжет пьесы, но Шекспир усилил его выразительность, сконцентрировав события. Это относится, во-первых, к начальным моментам пьесы, где Шекспир объединил в один эпизод три разделенных временем события: восстание Макдональда, вторжение норвежского короля Свено и нападение войск Канута на шотландцев (I, 2). Вообще время развития событий сильно сокращено Шекспиром. Макбет царствовал семнадцать лет, а в трагедии его правление длится гораздо меньше, хотя годы его царствова-

ния точно не обозначены. Из других изменений, произведенных Шекспиром, отметим такие: Макдональд сам покончил с собой, в трагедии его убивает Макбет; у Холиншеда убийство короля совершают подосланные слуги, у Шекспира — сам Макбет. У Холиншеда убийство Банко происходит *после* пира у Макбета, у Шекспира Банко погибает на пути к Макбету. Эти изменения усиливали драматизм событий, давали возможность более яркого выявления характеров, в обрисовке которых Шекспир также не во всем следовал за источником.

В повествовании Холиншеда Макбет представлен мудрым и справедливым правителем. Шекспир сделал Макбета законченным воплощением политического деспотизма.

Более всего самостоятельность Шекспира по отношению к своему источнику проявилась в создании образа леди Макбет. У Холиншеда ей посвящена буквально одна фраза. Рассказывая о честолюбии Макбета, летописец добавил: “Но особенно растравляла его жена, добивавшаяся, чтобы он совершил это, ибо она была весьма честолюбива и в ней пылало неугасимое желание приобрести сан королевы”. Вот и все. Из одной этой фразы творческое воображение Шекспира создало образ леди Макбет. Из истории драматург ничего не мог узнать о последующей судьбе жены Макбета. Ее безумие и смерть “выдуманы” Шекспиром.

Изменил он и характер Банко, придав ему больше благородства. Исторический Банко был соучастником Макбета в убийстве короля Дункана. У Шекспира он освобожден от всех черт, которые делали его не меньшим преступником, чем Макбет.

В хрониках государственные и политические проблемы стояли на первом плане. В трагедиях, сюжеты которых также были историческими, центр тяжести переносится Шекспиром на характеры. Это не значит игнорирования реальных исторических условий, в которых действуют герои. Шекспир и здесь твердо стоит на почве действительности. Но если в хрониках трагическим субъектом является государство, переживающее кризис, то в трагедиях драматизм сконцентрирован на переживаниях героев. Кризисы происходят в их душах.

Однако психологические и этические проблемы трагедий никогда не отрываются Шекспиром от социальной почвы, порождающей их. Страсти героев обусловлены всем складом общественных отношений эпохи. Социальная действительность не является далеким фоном основного действия, она все время перед нами, ибо она составляет почву, на которой живет и действует герой. Мир его личных переживаний связан с миром общественных отношений, а эти последние не ограничены какой-нибудь одной социальной ячейкой, например семьей. Герой стоит на самой вершине социальной пирамиды. И если это зло овладевает его душой, то от совершаемых им преступлений, от его ошибок и грехопадений сотрясается все общественное здание. Более того, не только все государство вовлечено в поток трагических событий. Если творится дурное, то конвульсия сотрясает небеса и землю. Когда зло овладевает душой человека, сама природа корчится от мук.

С особой силой эта космическая масштабность трагического предстает у Шекспира в “Короле Лире” и “Макбете”. Если в трагедии Лира поэтическим образом

возмущения природы является буря, то в “Макбете” это воплощено в образе ведьм.

Что представляют собой зловещие фигуры ведьм? Просто ли это уступка гуманиста Шекспира обскурантизму короля, распространявшего веру в колдовство? Или проявление предрассудков самого Шекспира? Но если это так, почему же мы, люди просвещенного времени, чуждые наивных заблуждений прошлого, не воспринимаем вещей жен как досадную деталь, портящую фасад величественного здания трагедии, а видим в них ее неотделимую часть?

Потому что, каковы бы ни были предрассудки Шекспира и его современников, ведьмы в “Макбете” не бытовые фигуры, а образы символические и поэтические. Наше сознание не нуждается в подтверждении их бытовой реальности, ибо они есть реальность поэтическая. Они реальны и в то же время нереальны. Они не существуют вне сознания Макбета и Банко, которым прорицают их зловещую судьбу, корону и смерть, но только по-разному: Макбету — духовную смерть и непрочную власть, Банко — физическую гибель и прочную власть в потомстве.

Уже самый зачин трагедии вводит нас в ее атмосферу. Страшный хоровод ведьм предвещает чудовищное попрание человечности. Зло, которое они воплощают, коренится в самом низменном, что есть в природе. Их уродство — символ всего безобразного в жизни. У них есть свой страшный юмор, их чудовищные шутки связаны со смертью, и для них высшая радость — хаос бессмысленных убийств и жестоких страданий. Они хихикают от зрелища повешенных и потирают костлявые руки, чуя запах человеческой крови. Речи их полны бессмыслицы, но так и должно быть,

ибо они воплощают ту стихию жизни, где разум бессилен, где царит слепая страсть и человек оказывается игрушкой примитивных темных инстинктов, подстерегающих то роковое мгновение, когда они смогут полностью завладеть его душой.

И, как это постоянно бывает в великих творениях Шекспира, одна деталь, подобно молнии, своей вспышкой освещает все. Зачем ведьмы появляются одновременно перед Макбетом и Банко? Ведь они то мрачное, что дремлет в душе Макбета, но не Банко. Но для того они и возникают перед обоими танами, чтобы мы увидели, как по-разному те воспринимают их. Слова вещих жен пробуждают дурные страсти Макбета, они — его собственные темные мысли, а для Банко их зловещие фигуры — лишь “пузыри, которые рождает земля, как и вода” (I, 3).

Поэтическая символика трагедии подчеркивает с самого начала борьбу добрых и дурных начал. Борьба этих начал происходит и в душе Макбета.

Макбет творит злодейские дела, но он не злодей типа Ричарда III, Яго или Эдмонда. Те были обделены природой или обществом. Они чувствовали себя ущемленными, сознавали свою неполноценность. Макбет ни в чем не ущемлен. Он предстает перед нами вначале как воплощение подлинной ч е л о в е ч е с к о й мощи. У него есть и сила, и мужество, и поприще для применения их. Его доблести вызывают всеобщее восхищение, успех сопутствует ему, и подвиги его награждаются по достоинству.

Но в душе его гнездится червь честолюбия. Чем больше он получает, тем большего хочет. И хотя он поистине

прекрасен таков, как он есть, ему начинает казаться, что его человеческие достоинства по-настоящему не оценены. Ему нет равных в доблестях, украшающих воителя. Он царственный человек. Рядом с ним мелким выглядит даже сам король Дункан, со всем своим добросердечием и уважением к чужим заслугам.

В душе Макбета загорается желание увенчать свою человеческую царственность королевским саном. В этом он прямая противоположность Лиру. Тот захотел утвердить свое человеческое величие, отдав власть и корону. Макбет жаждет утвердить себя как человека, став королем.

Но к трону для Макбета нет прямого и честного пути, каким он всегда шел до сих пор. Дорогу ему преграждает не только сам Дункан, но и названный им наследник — принц Малькольм. В душе Макбета начинается борьба.

Хотя Макбет стал для нас таким же воплощением честолюбия, как Отелло — ревности, в том-то и дело, что честолюбие не составляет существа натуры героя. Подобно тому как Отелло от природы не ревнив, так и не честолюбив по своей природе Макбет. В его натуре главным было свободное проявление своей человеческой мощи. Обстоятельства, однако, привели к тому, что он столкнулся с противоречием — достоинства человека не сочетаются с равноценным общественным положением. В этом отношении Макбет решительно отличается от Ричарда III. Жестокый горбун не имел никаких формальных и человеческих прав на то, чтобы стать выше всех в стране. Он узурпировал эти права, действуя коварно и жестоко. Законных прав Макбет тоже не имеет. Но он считает, что имеет естественное право по своим личным достоинствам.

Трагедия Макбета состоит в том, что гибнет прекрасный, подлинно великий человек.

Честолюбие Макбета порождено не пустым, необоснованным тщеславием. Оно является таким же уродливым извращением понятия о человеческом достоинстве, как у короля Лира. Но Лира мы видим с самого начала уже во власти ложных понятий, от которых он потом, пройдя через страдания, освобождается. Его крестный путь — это трагедия очищения. Трагедия Макбета в том, что он становится на путь преступлений, оскверняющих его душу. Он все глубже вязнет в тине бесчеловечности, доходя до полного оупения чувств.

И все же он остается человеком. Есть одна черта, вернее всего открывающая нам отношение Шекспира к его героям. Это — их поэтичность и музыкальность. Шекспировские злодеи лишены чувства прекрасного. Они умны, смелы, решительны, но дух поэзии задевает их лишь извне. Те же Ричард, Яго, Эдмонд вполне подтверждают это.

Но там, где мы слышим голос поэзии, где музыкой полны речи героя, там перед нами люди, сохранившие человечность. Она может быть замутнена дурными страстями, но мы ощущаем, что основу духовного мира такого героя составляет врожденное знание подлинных человеческих ценностей.

Прямое подтверждение этому в отношении Макбета исходит не от кого иного, как от его собственной жены. Когда она говорит, что он “от природы молочной незлобностью вспоен” (I, 5), то выявляет существо натуры Макбета. Пусть в ее глазах это недостаток, мы понимаем, что именно эта “слабость” не только делает Макбета челове-

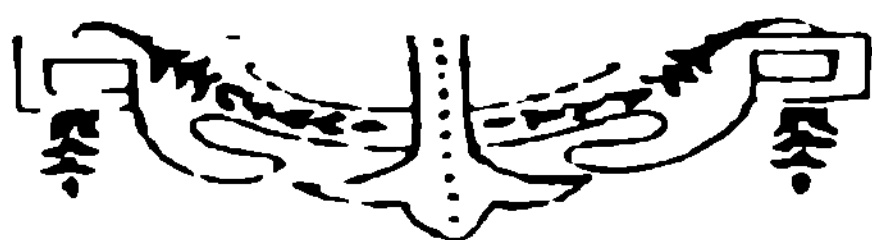

ным, но и составляет причину его трагических душевных мук. Шекспировские злодеи-макиавеллисты человеческих ценностей не признавали. Они не верили ни в любовь, ни в дружбу, ни в долг, ни в честь. Для них это пустые слова. А Макбет знает всему этому цену. Он содрогается уже от одной мысли, что он нарушит нравственные законы.

Но в том-то и дело, что в сознании Макбета произошло смешение истинных и человеческих ценностей. Чем воздействует на него леди Макбет? Соблазнами власти? Нет. Она взывает к его гордой вере в свое человеческое достоинство.

Возвыситься как человек — вот чего хочет Макбет. Но, как мы знаем, путь, избранный им для этого, оказался ложным. Предчувствие этого с самого начала жило в душе Макбета. Он сознает, что должен нарушить долг подданного, обязанности гостеприимства, закон чести и, главное, самый принцип человечности. В нем нет недостатка мужественности. Начало трагедии показывает нам Макбета-воина. Без колебаний, рискуя жизнью, шел он в бой. Ему ничего не стоило вспороть живот врага, отрубить ему голову и водрузить ее на копье над башней. Он делал это, добиваясь победы в честном бою, сражаясь против бесчестного мятежника. Но теперь мятежник он сам, и борется он не в открытую, а с коварством предателя и убивает беззащитного. Такой способ действий противен натуре Макбета. Поэтому он колеблется, перед тем как убить Дункана, и испытывает потрясение, пролив его кровь.

Отныне душа его не будет знать покоя. Он сознает, что навсегда лишил себя его, “зарезал свой сон”. Бесчестно убив другого, Макбет совершил моральное убийство. Но

трагедия не только в этом. Уже в первом большом монологе Макбет говорит о яде, отраве, губящей не тело, а душу: “Возмездье рукой бесстрастной чашу с нашим ядом подносит нам же” (I, 7). Одно убийство влечет за собой и другие. Первое же злодейство Макбета оказывается не единственным: он убивает не только Дункана, но и слуг, охранявших короля. А дальше начинается вакханалия убийств, все более подлых и жестоких, — жертвами Макбета оказываются его друг Банко, жена и сын Макдуфа. Правда, их Макбет приказывает не собственными руками, но от этого его вина не меньше. Кровь жертв пятнает его, и если те, кто выполняет волю Макбета, делают это с жестоким безразличием, то сам он ощущает моральное бремя злодеяний.

К чему же приходит Макбет? К самой страшной для него трагедии. Ее своеобразие определяется тем, что Макбет до конца остается героической личностью. Его последнее прибежище — мужество. Это единственное, что осталось у него. И хотя все против него — земля и небо, природа и люди, — и хотя ему уже не за что бороться, он не сдается. В бой он бросается отнюдь не для того, чтобы найти смерть. Выстоять, победить, несмотря ни на что, — вот чего он хочет, даже тогда, когда сознает, что, собственно, отстаивать ему нечего, кроме своего опустошенного “я”. Но и последнее, что осталось у Макбета, — его мужество — оказывается сломленным, когда он встречается в бою с Макдуфом и тот говорит, что не рожден женщиной. Теперь только ярость отчаяния владеет Макбетом, когда он сражается с Макдуфом и погибает.

Смерть Макбета — это гибель без нравственного очищения, какое озарило страдальческий путь Лира, и без про-

светляющего примирения, осенившего последнее дыхание Отелло. Это гибель полная и беспросветная. В этом смысле “Макбет” — самая мрачная из всех трагедий Шекспира, ибо здесь представлена полная моральная гибель человека.

Леди Макбет во многом подобна своему мужу. Она также не обычная “злодейка”. Среди женщин она выделяется красотой, как Макбет возвышается над всеми своими мужественными достоинствами. Они стоят друг друга по своим внешним совершенствам, и в этом смысле образуют идеальную пару. Так же как Макбет хотел увенчать свои доблести властью, так мечтает она о том, чтобы ее красоту увенчала корона. Мы не поймем ничего в ее характере, если не увидим ее женской красоты. О своей женственности она настойчиво напоминает сама.

Но у этой царственной женщины сердце окаменело. Так же как Макбет, она живет только для себя, для своей красоты. Ее честолюбие равно честолюбию Макбета. Но не превосходит его. Это необходимо подчеркнуть со всей силой, ибо нередко неправильно представляют, будто она одна повинна в том, что Макбет вступил на кровавый путь. Нет, в этом они были едины и равны. Если верить ее словам, то первоначально именно Макбет зажег в ней огонь честолюбия.

Все ее чувства подчинены честолюбию. Даже любовь ее честолюбива. Она любит Макбета за то, что он превосходит всех других людей. Ей важна не та радость, которую любящая женщина получает от ответных чувств мужчины, а его способность возвысить себя и заодно ее. Она хочет быть женой первого человека в государстве. Такая любовь бывает, она по-своему может быть искренней и сильной,

но, конечно, представляет собой извращение истинной любви.

Отличает ее от Макбета решительность. Ее честолюбие — действительно страсть, слепая, нетерпеливая и неукротимая. Она железная женщина, дьявол в прекрасном облике. Если честолюбие Макбета — это страсть, борющаяся с его нравственным сознанием, то в ней — это мания, уничтожившая все остальные чувства. Моральных понятий она начисто лишена. Все кажется ей простым. Макбет сознает преступность своих поступков, для нее же никаких моральных препонов не существует: вода смывает с рук пятно преступно пролитой крови (II, 2). Нужно только сделать так, чтобы не оставалось видимых следов злодеяния, и тогда его как не было.

Но если леди Макбет ни сердцем, ни умом не в состоянии понять, что она преступила грань человечности, то сама природа в ней возмущается. Она нарушила ее законы и расплачивается за это безумием.

Леди Макбет безумна иначе, чем Офелия или король Лир. Ее сознание не пробуждается. Она бродит как сомнамбула. Раньше ее одержимость была такова, что леди Макбет не боялась пролить кровь, в безумии ее преследует одна мысль — стереть невидимые кровавые пятна с рук, но не только вода не в состоянии смыть их, их не смоют все ароматы Аравии. Она была убеждена, что можно уничтожить все следы преступления. Оказалось же, что они нестербимы. След остается в самом человеке, и от этого ему никуда не уйти. Душевная опустошенность наступила у нее задолго до того, как это произошло у Макбета. Все в леди Макбет бездушно — ее красота, женственность, любовь, че-

столюбие и ее безумие. Вот почему она ни на миг не вызывает симпатий.

В этом отношении ее любопытно сравнить с Клеопатрой. У египетской царицы не было добродетели, честности, смелости, и красота и любовь ее были окрашены порочно-стью. Но при всех своих пороках она женщина и человек. У леди Макбет нет пороков, но нет и человечности. Она вся — порок.

Природа человека не в состоянии вынести этого. Вот почему леди Макбет сходит с ума и умирает.

Леди Макбет — самое сконцентрированное у Шекспира выражение зла, овладевшего человеческим существом. От Ричарда III, Таморы и мавра Арона (“Тит Андроник”) тянется нить к шотландской королеве. Не было у Шекспира ни одного злодея и злодейки, так предельно воплощающих зло в человеческой натуре. И нет у Шекспира образа, вызывающего равное возмущение своей бесчеловечностью. Даже Ричард III в какие-то моменты по-человечески интересен; в Яго тоже остается что-то, делающее возможным хотя бы понять его. Но леди Макбет вызывает холодную отчужденность. Она воспринимается как существо иной породы, чем человек. И это тем более так, ибо она женщина. Самое прекрасное, что мы связываем с женственностью, — любовь и материнство — преданы ею во имя призрака власти и иллюзорного величия. Ее любовь направлена лишь на то, чтобы побудить Макбета к преступлению, и она сама признается, что разбила б голову собственному младенцу, лишь бы не нарушать преступной клятвы убить короля (I, 7).

Женщина, способная убить собственное дитя, — страшнее этого бесчеловечности не может быть. В трагедии

это только слова, образ, вложенный в уста леди Макбет. Но она в самом деле способна убить самое дорогое: она отравляет душу Макбета и в миг, когда могла бы спасти его, подталкивает к бездне, в которую падает вместе с ним.

Макбет и его жена показывают, как ужасно зло, овладевающее человеческими душами. Но зло не всесильно. Если в одном отношении “Макбет” самая мрачная из великих трагедий Шекспира, то в другом — более обнадеживающая, чем “Гамлет”, “Отелло” или “Король Лир”. Ни в одной из них злу не противостоит так много людей, как в “Макбете”, и нигде они не активны в такой мере, как здесь.

Против Макбета и его жены, поправших человечность, восстает все общество. С ними вступают в борьбу не одиночки, а вся страна. Враги Макбета сознают, что они ведут борьбу не столько за династические интересы против короля-узурпатора, сколько за человечность вообще.

Драматический конфликт в “Макбете” особенно наглядно обнаруживает отличие Шекспира от последующей драмы, в которой ставились психологические и моральные проблемы. Там борьба замыкалась в кругу душевных и нравственных переживаний. У Шекспира эта борьба захватывает все общество.

Яснее всего мы видим это в эпизоде встречи Малькольма и Макдуфа (IV, 3). Некоторые критики пытались преуменьшить значение данной сцены, ссылаясь на то, что диалог Малькольма и Макдуфа почти дословно заимствован из хроники Холиншеда. Это действительно так. Но довольно плоское морализаторство летописца обретает у Шекспира глубокое значение, ибо собственно здесь раскры-

вается социальный смысл моральной проблемы, стоявшей перед Макбетом.

Мы ощущаем здесь воинственность гуманизма Шекспира. Борьба, которую ведут против Макбета его враги, — это священная война за человечность. И у Малькольма, и у Макдуфа есть личные причины ненавидеть Макбета: у первого он убил отца и отнял трон, у второго убил жену, сына и отнял владения. Но они сражаются не из чувства мести, а движимые стремлением к справедливости.

Что значат страдания Макбета по сравнению со страданиями его жертв? Шекспир не хочет, чтобы за трагедией Макбета мы забывали о трагедии общества и народа. Макбет вдвойне виновен — и в том, что погубил себя, и в том, что несет гибель всем другим.

Трагедия проникнута пафосом борьбы за человечность в личных и общественных отношениях. Как было сказано, внешним поводом для написания ее послужило намерение труппы угодить королю. А Шекспир написал драму, проникнутую обличением кровавой узурпации и монархического произвола!

Ни в одной из великих трагедий Шекспира победа справедливости над злом не является столь полной и реальной, как в “Макбете”. Нет нужды доказывать, насколько неоправданным был оптимистический финал трагедии для шекспировского времени. Может быть, это тоже было уступкой автора преходящим обстоятельствам. Для нас в этом иной смысл — и он не оставался скрытым уже от современников Шекспира, — а именно, что нет и не может быть никакого оправдания стремлению человека возвыситься над другими посредством кровавых злодейств; ника-

кое мнимое величие не в состоянии перекрыть того, что, действуя так, человек противопоставляет себя всему человечеству и приходит к полной нравственной гибели.

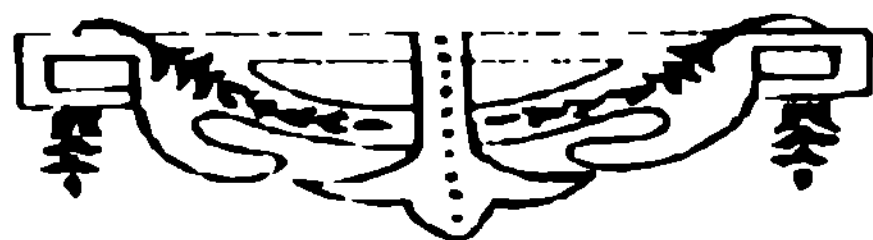
А.Аникст

Примечания к тексту “Макбета”

К с. 471. *Макбет*. — Шотландский король Макбет царствовал в XI веке (1040-1057). Имя Макбет произносится с ударением на втором слоге.

Три ведьмы. — В то время, когда Шекспир писал “Макбета” (1605), по всей Англии пылали костры, на которых сжигали женщин, обвиненных в ведовстве. Холинshed, у которого Шекспир заимствовал общие контуры сюжета трагедии, полагал, что Макбету явились не обычные ведьмы. “То были, — пишет Холинshed, — три вещие сестры, то есть богини судьбы, или другие волшебные существа”. В тексте шекспировской трагедии о ведьмах также говорят как о “вещих сестрах” (впрочем, это говорят Макбет и Банко, которые жаждут исполнения пророчества: Макбет — для себя, Банко — для своего потомства). В древнескандинавской религии “вещими сестрами” назывались властвовавшие над судьбами людей три норны, соответствующие трем паркам древнегреческой религии.

К с. 474. *Мурлычит кот... зов жабы...* — Согласно поверьям той эпохи, черный кот и жаба были неизменными спутниками ведьм: под обликом этих животных якобы скрывались бесы.

К с. 477. ...*как пушки мощности двойной...* — В XI веке, конечно, не было пушек (порох был изобретен лишь в XIV веке). С такого рода анахронизмами мы часто встречаемся у Шекспира.

К с. 478. *Тан* — старинный шотландский титул крупного феодала.

К с. 479. *Беллона* — богиня войны в древнеримской мифологии.

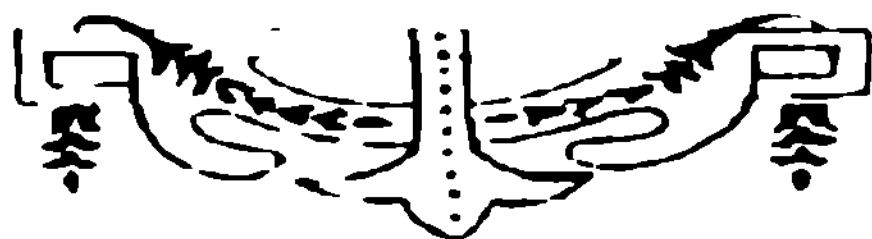
К с. 480. ...*как крыса без хвоста...* — Согласно поверью той эпохи, ведьма могла превратиться в крысу, но только бесхвостую.

К с. 494. *В сан принца Комберленда*. — В старинной Шотландии это был титул наследника престола.

К с. 505. ...*как кошка в пословице*. — Леди Макбет имеет ввиду старинную английскую поговорку: “Кошка любит рыбу, но боится лапки замочить”.

К с. 512. ...*как Тарквиний*. — Макбет вспоминает легендарного древнеримского царя Тарквиния, обесчестившего Лукрецию. Преступный Тарквиний описан Шекспиром в его ранней поэме “Лукреция”.

К с. 520. *Какой-нибудь земледелец, повесившийся в ожидании большого урожая*. — Когда Шекспир писал “Макбета”, неурожайные годы усугубили тяжелое положение народа. Из уст в уста передавали рассказ о фермере, который набрал денег в долг и купил зерна в расчете на недород и на то, что цены на зерно повысятся. Увидав, что урожай в том году будет лучше, чем он предполагал, он повесился с отчаяния. В рассказе подчеркивалось, что алчный фермер был наказан за свое намерение нажиться на народном бедствии.

Это английский портной, который урезал французские брюки... — Комментаторы объясняют, что французские штаны, которые в то время были модными в Англии, были очень широкими, а потому портным, шившим их, было легко красть материал.

К с. 525. *...вас Горгона ослепит.* — Горгоны — женоподобные чудовища в древнегреческой мифологии. У Горгоны вместо волос на голове вились змеи. Один взгляд Горгоны превращал человека в камень.

К с. 533. *...поехал в Скон короноваться.* — Скон — старинный шотландский замок, где происходило коронавание шотландских королей.

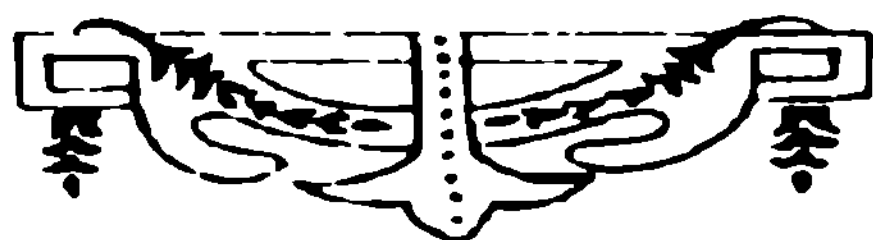
К с. 565. *Ему там Эдуард благочестивый...* — то есть английский король Эдуард (1042-1066), прозванный “Исповедником”.

Нортумберленда и Сиварда — то есть старого Сиварда, графа Нортумберлендского, и его сына, молодого Сиварда.

К с. 575. *Восемь королей.* — Имеются в виду восемь шотландских королей (не считая королевы Марии) из дома Стюартов, правивших с конца XIV по начало XVII века. Банко был легендарным предком династии Стюартов.

К с. 576. *Со скипетром тройным, с двойной державой.* — После смерти Елизаветы (1603) на английский престол взошел шотландский король Яков Стюарт, ставший королем Англии и Шотландии (“двойная держава”), а также королем Ирландии (“тройной скипетр”).

К с. 611. *Входит Сейтон.* — Сейтоны были наследственными оруженосцами шотландских королей. Можно предположить, что Сейтон не потому остается верным Мак-

бету, что сочувствует ему, но потому, что боится запятнать честь своего рода.

К с. 625....*подобно римскому безумцу*. — Макбет вспоминает Марка Антония, который покончил собой, бросившись на меч (см. трагедию “Антоний и Клеопатра”).

СОДЕРЖАНИЕ

Гамлет, принц датский. <i>Перевод Б.Пастернака</i>	5
Отелло. <i>Перевод Б.Пастернака</i>	239
Макбет. <i>Перевод Б.Пастернака</i>	469
Примечания и комментарии	633

Вильям Шекспир

Полное собрание сочинений
в 14 томах

Т о м 8

Редактор *К. Поповский*
Технический редактор *А. Дудецкий*
Художественный редактор *И. Сайко*
Корректор *И. Левтонова*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.

Подписано в печать 25.10.93. Формат 70х108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,1. Усл. кр.-отт. 52,4. Уч.-изд. л. 24,6. Тираж 20 000 экз. Заказ 1010

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 143200, Можайск, ул. Мира, 93

